

БЕРНАРЪ ШОУ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».

МОСКВА.—1911.

БЕРНАРЪ ШОУ.

О Ч Е Р К И.

Переводъ М. Г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ».

МОСКВА.—1911.

Того же автора:

- Т. I. 1) СПРАВОЧНИКЪ РАЗРУШИТЕЛЯ.
2) ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА.
- Т. II. ЧЕЛОВѢКЪ И СВЕРХЧЕЛОВѢКЪ.
- Т. III. 1) ВРАГЪ НА РАСПУТЬѢ.
2) СИЛА ЖЕНЩИНЫ.
- Т. IV. НЕРАЗУМНЫЙ БРАКЪ.

ОСКАРЪ УАЙЛЬДЪ

Существуютъ три столицы Европы, которыя въ своемъ развитіи еще не вышли за предѣлы первой четверти девятнадцатаго столѣтія. Изъ этихъ трехъ городовъ Парижъ самый отсталый городъ, затѣмъ слѣдуетъ Вѣна; наиболѣе современнымъ городомъ является Дублинъ, въ которомъ родились я и Оскаръ Уайльдъ. Въ Вѣнѣ меня не будутъ понимать, по крайней мѣрѣ, еще въ теченіе ста лѣтъ, такъ какъ я принадлежу двадцатому столѣтію; но вѣнцамъ я очень близокъ благодаря моему *стилю*, стилю восемнадцатаго столѣтія, который былъ моднымъ въ Дублинѣ, когда я былъ еще мальчикомъ.

Съ манерой же Оскаръ Уайльда Вѣна сможетъ гораздо легче освоиться, такъ какъ Оскару Уайльду присуща не только культура восемнадцатаго столѣтія, но также и большая мірская любовь къ богатству и эле-

гантности. Онъ придавалъ большое значеніе своему положенію джентельмена и своимъ противникамъ (въ особенности Уистлеру) всегда ставилъ на видъ ихъ плебейство, и хотя онъ даже въ «*De profundis*» утверждалъ, что онъ «*enfant de son siècle*», онъ былъ все-таки во всѣхъ вопросахъ *искусства* запоздалымъ романтикомъ школы Бодлэра и Теофиля Готье и былъ вполне этимъ удовлетворенъ, предполагая что придерживается самыхъ передовыхъ взглядовъ. Отношеніе Оскара Уайльда къ женщинамъ было вполне рыцарскимъ и нѣжнымъ; почти невозможно повѣрить, чтобы авторъ «Идеальнаго мужа» былъ современникомъ Ибсена, Стриндберга, Вагнера, Толстого или же моимъ современникомъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ—исключая его понятій о нравственности—отсталымъ ирландскимъ джентельменомъ, отсталымъ въ своей приверженности къ школѣ Теофиля Готье, въ своемъ рыцарствѣ, въ своемъ романтизмѣ, въ своемъ патриотизмѣ, въ своей изысканной одеждѣ и въ своей привычкѣ жить выше своихъ средствъ. Такъ какъ Вѣна, послѣ Парижа, является самымъ отсталымъ городомъ Европы и притомъ все-таки считаетъ себя «*enfant de son siècle par excellence*», то она должна была бы гораздо лучше умѣть цѣнить Оскара Уайльда, чѣмъ это когда-либо смогутъ Германія и Англія.

Мнѣ не приходится говорить объ Уайльдѣ, какъ о человѣкѣ съ силой воображенія и какъ о прирожденномъ мастерѣ сцены. Всякій одаренный ирландскій писатель обладаетъ этими качествами. Но такой мастерской комедіи какъ «*De profundis*» не написалъ еще ни одинъ ирландецъ. Несмотря на ужасныя условія, при которыхъ было написано это произведеніе, оно восхитило и заставило меня смѣяться болѣе, чѣмъ какое-либо другое произведеніе Уайльда. Уайльдъ остался такимъ совершенно ненадломленнымъ, нетронутымъ всѣмъ несчастіемъ: голодомъ, наказаніемъ и стыдомъ; такимъ совершенно искреннимъ въ великолѣпной позѣ горестнаго превосходства надъ тѣмъ обществомъ, которое показало себя такимъ слабымъ, такимъ ограниченнымъ, такимъ пошлымъ по отношенію къ великому человѣку, что сочувствіе и сентиментальность были бы здѣсь просто духовной слабостью и плохимъ вкусомъ; и по поводу всего этого приходится лишь восторгаться его непобѣдимымъ гениемъ. Уайльдъ принимаетъ на себя весь позоръ и всю муку, которымъ подвергла его Англія; онъ отклоняетъ отъ себя всякое оправданіе, которое старается найти для него Англія. Онъ придаетъ Англіи ничего не выражающій и глупый обликъ, а себѣ самому—возвышенный, трагическій и благородный. Его продержали въ теченіе полчаса,

на виду у всѣхъ, въ его отвратительномъ арестантскомъ платьѣ, въ самое оживленное время дня въ самой людной части Лондона, на платформѣ городской желѣзной дороги! Въмѣсто того, чтобы скрыть свой позоръ, онъ переноситъ его на своихъ мучителей, описывая эту сцену болѣе трогательно, чѣмъ описано выставленіе Христа въ Преторіумѣ на поруганіе. Въ тюрьмѣ Уайльда посѣтилъ его другъ, который увѣрялъ, что въ глубинѣ души считаетъ его невиновнымъ въ преступленіи, которое ему приписываютъ; но Уайльдъ отвергъ это сочувствіе. «Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ,—въ моей жизни я очень много придавался извращеннымъ радостямъ. Возведенныя противъ меня обвиненія, въ главныхъ чертахъ, вполне справедливы; я не такъ невиненъ, какъ вы думаете и я даже не исправился». Этими словами онъ заставилъ своего чувствительнаго друга извиниться и пожать ему руку.

Все это иногда пріобрѣтаетъ непреодолимый привкусъ комедіи. Какъ ни велика способность Уайльда къ страданію и наслаженію, его талантъ быть несчастнымъ такъ незначителенъ, что онъ, несмотря на свое намѣреніе выразить въ своемъ произведеніи порицаніе обществу (вслѣдствіе его низкаго отвращенія къ нему и жестокаго страха передъ нимъ), въ большей части своей книги забываетъ о своей цѣли и, оставляя ее въ

сторонѣ, превращаетъ свое произведеніе въ очеркъ о Христѣ въ духѣ Т. Готье, который является настоящимъ образчикомъ «belles lettres». Внезапно это становится ему очевиднымъ, и такъ какъ онъ вполне сознаетъ весь юморъ положенія, то въ одномъ мѣстѣ онъ и добавляетъ въ видѣ объясненія, предназначеннаго для избранныхъ изъ его читателей: «Мнѣ дали только что вполне достаточно поѣсть». При чтеніи этой фразы я громко засмѣялся. Англичанинъ же проронилъ бы въ этомъ мѣстѣ слезу и произнесъ бы: «Бѣдный человѣкъ!» Уайльдъ даже изъ гроба насмѣхается надъ врагами своей страны и своего своеобразнаго таланта.

Мое личное отношеніе къ Оскару Уайльду описать трудно. Мы оба такъ много увеселяли англичанъ, что они никакъ не хотѣли повѣрить въ нашу серьезность. Англичане считаютъ серьезность за главное качество выдающихся людей. Но я зналъ отлично, что Оскаръ Уайльдъ человѣкъ геніальный, а онъ зналъ, что я геніальный человѣкъ. Тѣ нѣсколько разъ, что мнѣ пришлось съ нимъ столкнуться, я постарался показать ему какъ высоко я его цѣню и выразить ему мою горячую дружбу. И онъ по отношенію ко мнѣ держалъ себя совершенно такъ же. Слѣдствіемъ этого было то, что мы совершенно вскружили другъ другу головы. Такимъ комиче-

скимъ образомъ мы вывели другъ друга изъ терпѣнія, оба сознавали это и чувствовали весь комизмъ положенія. По этой причинѣ мы, за исключеніемъ случайныхъ встрѣчъ, очень рѣдко бывали вмѣстѣ. Единственное сохранившееся изреченіе Уайльда обо мнѣ слѣдующее: «Шоу не имѣетъ враговъ, а изъ его друзей никто его терпѣть не можетъ». Это одинъ изъ тѣхъ скрытыхъ комплиментовъ, которые большинствомъ людей считаются за больные уколы. Только незначительный человѣкъ можетъ имѣть друзей, которые его безусловно любятъ; изреченіе Уайльда могло исходить только отъ человѣка, на самомъ себѣ испытавшаго угрызенія совѣсти, которыя испытываютъ всѣ талантливые люди по поводу непріятностей, иногда причиняемыхъ этимъ талантомъ именно ихъ друзьямъ.

Кромѣ этого, вкусы мои и Уайльда были совершенно различны. Онъ любилъ роскошь, и салонъ и ателье были его домомъ; я же, напротивъ, человѣкъ улицы, агитаторъ, вегетарианецъ, трезвенникъ и совершенно не въ состояніи переносить салонную жизнь и салонную болтовню. Далѣе Уайльдъ предпочиталъ мужчинъ, я же—женщинъ; и въ то время, какъ онъ очень любилъ развлеченія, для меня развлеченія, исключая рѣдкіе и неожиданные случаи, являются самыми скучными, безцѣльными занятіями. Итакъ я пи-

шу о немъ безъ всякаго авторитета, который другіе могли пріобрѣсти, вслѣдствіе продолжительной личной интимности.

Его оригинальность заключалась въ его превосходствѣ надъ заблужденіемъ нашей морали; это давало ему ту высокую степень самоуваженія, гордости, ту кажущуюся бессмысленной самоувѣренность, отъ которой зависилъ его большой талантъ къ эпиграммамъ. Къ несчастью, только всякій геній заключенъ въ обыкновенное тѣло и въ обыкновенный мозгъ, которые дискредитируютъ его глупостью и недостойными поступками. Геній Уайльда былъ заключенъ въ тѣло гиганта (съ патологической точки зрѣнія это тоже является болѣзнью); и этотъ гигантъ имѣлъ извращенные вкусы, склонность къ тому, что самъ Оскаръ Уайльдъ въ своей геройской защитительной статьѣ, гдѣ онъ извиняется за то, что призываетъ законъ въ защиту, называетъ бессмысленной и чувственной жизнью. Его надломленность и смерть послѣ тюремнаго заключенія, которое физически, вѣроятно, принесло ему пользу, были триумфомъ случайнаго человѣка надъ геніемъ, хотя даже сама эта надломленность таитъ въ себѣ кое-что комическое; согласно объясненію Уайльда, страданье, измѣнивъ его характеръ, углубило его. Онъ самъ могъ допустить, что онъ лѣнивъ, самонадѣянъ и болтливъ, хотя онъ слишкомъ много рабо-

талъ; чтобы кто-нибудь имѣлъ право приписывать ему такія качества. Онъ не продумалъ, какъ Ницше, вполне основательно своего положенія, чтобы понимать себя самого. Безъ вполне установленной программы жизни совершенно невозможно отбросить отъ себя всѣ понятія морали; но все-таки это не безцѣльно. Наша современная мораль—это отвратительное и, какъ сказалъ бы Уайльдъ, «пошлое» заблужденіе. Эта мораль даже не нравственна. И притязанія Уайльда на величіе покоятся на томъ фактѣ, что наша нравственность не могла его обмануть, а наши моралисты не могли сломить его духовную силу и оскорбить его душу.

Онъ до конца своей жизни сохранилъ свою позу, потому что это была искренняя поза. И поэтому то она была такъ невыразимо противна англійской нравственности, которая, въ свою очередь, тоже поза, только не оправдываемая никакой искренностью.

ГЕНРИ ИРВИНГЪ*).

Внезапно умеръ сэръ Генри Ирвингъ послѣ такъ исключительно проведеннаго вечера, который могъ для него сдѣлаться равноцѣннымъ всей жизни: актеръ умеръ на сценѣ. Онъ дожилъ до 68 лѣтъ и былъ въ продолженіе 30 лѣтъ первымъ актеромъ Лондона. Его смерть, какъ и его жизнь и его искусство, это событіе, возбуждающее чисто личный интересъ. Это былъ чрезвычайно интересный актеръ, обожаемый съ одной стороны, а съ другой—возбуждавшій яростное негодованіе, но никогда не остававшійся незамѣченнымъ или незначительнымъ, и всегда бывшій въ состояніи заставить міръ признать себя; онъ былъ окруженъ большимъ почетомъ со стороны общества, и слава его была совершенно исключительной. Пожалованіе ему дворянскаго достоинства было событіемъ, увѣнчавшимъ его жизнь. Онъ былъ первымъ англійскимъ актеромъ, общественное положеніе котораго

---

*) Этотъ очеркъ является некрологомъ сэра Генри Ирвинга, написаннымъ Бернардомъ Шоу для «Neue Freie Presse» въ Вѣнѣ; объ этомъ некрологѣ очень много говорили, и онъ возбудилъ въ газетахъ оживленные дебаты.

было такимъ образомъ утверждено закономъ; и что еще болѣе замѣчательно, это то, что онъ фактически заставилъ дворъ признать за собой это достоинство, требуя чтобы съ нимъ, какъ съ главой лондонской сцены, обращались официально такъ же, какъ съ президентомъ королевской академіи искусства, котораго въ Англіи всегда возводятъ въ дворянское достоинство и которому Ирвингъ считалъ себя равнымъ. Это желаніе было высказано во время одного доклада, который Ирвингъ сдѣлалъ въ королевскомъ институтѣ. По программѣ Ирвингъ долженъ былъ говорить на какую то драматическую тему, на самомъ же дѣлѣ онъ говорилъ о своихъ притязаніяхъ на официальное признаніе, котораго онъ добивался во имя своего призванія и для себя лично. Всякій другой актеръ на его мѣстѣ былъ бы осмѣянъ; Ирвингъ же добился своего, получивъ предварительно извиненіе за промедленіе; и ему всегда были благодарны за снисходительность, съ которой онъ принялъ титулъ, который впоследствии никогда не удаивалъ печатать на театральной афишѣ.

Больше о немъ нечего сказать. Когда послѣ его смерти меня попросили сказать что-нибудь въ память о немъ, я написалъ слѣдующее: «Для современной драмы онъ не сдѣлалъ ничего, а выходящія изъ моды произведенія Шекспира онъ искажилъ; но

изъ своей продолжавшейся всю жизнь борьбы за мѣсто для актера, на ряду со всѣми другими служителями искусства, онъ вышелъ побѣдителемъ — для одного человека этого достаточно. «*Reguiescat in pace*». Совершенная правда, что Ирвингъ не испытывалъ интереса ни къ чему, кромѣ себя самого и то только тогда, когда онъ представлялъ собой воображаемое лицо въ воображаемой средѣ. Онъ жилъ, какъ во снѣ, и бывалъ очень недоволенъ, когда нарушали этотъ сонъ; однажды, когда одинъ актеръ разсказалъ ему о томъ, какъ его обокрали, онъ съ досадой попросилъ его никогда не разсказывать ему ничего подобнаго. Его ученость и его пониманіе искусства и литературы покоились въ одинаковой мѣрѣ на воображеніи. Онъ любилъ быть окруженнымъ свитой писателей, во главѣ которыхъ стоялъ лордъ Теннисонъ, *poeta laureatus*, и любилъ, чтобы въ его хвостѣ были журналисты, которые помогали ему сочинять его лекціи и рѣчи. Но онъ ничего не понималъ въ литературѣ и стоялъ внѣ духовной жизни своего времени. Онъ былъ невѣждой даже въ вопросахъ, касающихся театральнаго искусства, такъ какъ въ теченіе тридцати лѣтъ, которые онъ провелъ замкнуто отъ всего міра, какъ глава своего собственнаго театра, онъ не посѣтилъ ни одного театральнаго представленія. Своими сокращеніями онъ

искажилъ ужаснымъ образомъ шекспировскаго «Лира»; онъ сдѣлалъ совершенно непонятнымъ это произведеніе и почти совершенно погубилъ его, играя заглавную роль, которая ему не удавалась. Онъ позволилъ одному изъ своихъ почитателей передѣлать Гётевскаго Фауста въ ничтожную мелодраматическую пьесу, которая ставилась въ его театрѣ каждый вечеръ въ продолженіе цѣлаго года. Онъ игралъ Макера, Ришелье, Клода Мельнота и весь старый репертуаръ Чарльза Кина, при чемъ ему въ голову совершенно не приходила мысль, что весь этотъ репертуаръ могъ уже состариться. Когда онъ ставилъ Макера, у него была возможность воспользоваться новымъ мастерскимъ переводомъ этой пьесы Роберта Луи Стевенсона; онъ же воспользовался первоначальнымъ старымъ переводомъ, который ставился въ балаганахъ и сараяхъ. Многіе возмущались предъявляемыми имъ притязаніями слыть за мыслителя, ученаго и знатока; но несомнѣнно, что эти притязанія предъявлялись не имъ самимъ, а другими лицами за него. Правда, что свѣтъ самъ предъявлялъ къ нему всевозможныя требованія, считаясь съ его полной достоинства манерой держать себя. Видя его въ роли Бекета, никто не могъ усомниться въ томъ, что это государственный человѣкъ и клирикъ; когда онъ игралъ роль Уэкфильскаго

викарія, въ каждомъ волосѣ его сѣдого парика былъ видѣнъ ученый и богословъ; видя же его въ роли Карла I, никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что покровитель Ванъ-Дейка прекрасно понимаетъ въ живописи.

Этотъ артистъ умѣлъ со сцены, благодаря мощи и особенности своей личности, создать вокругъ себя какую угодно иллюзію; но именно эти же качества мѣшали ему расширить ея кругъ. Фактически въ своей жизни онъ игралъ только одну роль и это была роль Генри Ирвинга. Его Гамлетъ не былъ Гамлетомъ Шекспира и его Лиръ не былъ шекспировскимъ Лиромъ: оба они были проявленіемъ самоувѣреннаго Ирвинга, который вполне обнаружился въ этихъ роляхъ. Тѣмъ колоссальнымъ и продолжительнымъ успѣхомъ, которымъ онъ пользовался въ роли Шейлока, онъ обязанъ своему рѣшительному нежеланію изображать Шейлока какъ побѣжденнаго злодѣя драмы. «Венеціанскій купецъ» сдѣлался для Ирвинга мученичествомъ, и это — надо сказать — удалось ему гораздо лучше, чѣмъ изображеніе коварства Шейлока. Его Яхимо, роль очень ему удавшаяся, былъ лучше шекспировскаго Яхимо и не имѣлъ съ послѣднимъ ни малѣйшаго сходства. Съ другой же стороны, исполняя Лира, онъ такъ своеобразно и бессмысленно толковалъ это великое произведеніе, что вполне заслужилъ свой провалъ. Его изо-

браженіе Ромео было полной безсмыслицей, несмотря на очень удачную сцену, когда Ромео переноситъ тѣло Париса внизъ по ужасной лѣстницѣ въ гробъ Капулетти; въ лицѣ Ирвинга совершенно невозможно было представить себѣ Ромео. У него отсутствовала способность воспринимать воззрѣнія автора; онъ черпалъ всѣ свои изображенія изъ себя самого; и все это были сплошь Ирвинги.

Технику своего дѣла Ирвингъ изучилъ прекрасно. Онъ слишкомъ интересовался самимъ собой, чтобы не усовершенствовать себя до послѣдней степени; онъ былъ изобрѣтателенъ и неутомимъ въ измышленіи и выполненіи различныхъ сценическихъ эффектовъ и прекрасно зналъ то, что на англійской сценѣ носить названіе «business». Его Вандердекенъ былъ сцениченъ отъ начала до конца, привлекая къ себѣ всеобщее вниманіе. Его Матіасъ изъ «The Bells» и его Карль I были разработаны до мельчайшихъ подробностей. Это были законченные сценическіе образы, которые сдѣлали изъ совершенно незначительной мелодрамы и изъ плохого историческаго произведенія прекрасныя драматическія пьесы. Какъ Паганини, благодаря своему умѣнію и одаренности, могъ восхищать свѣтъ даже скверной музыкой, такъ и Ирвингъ восхищалъ Лондонъ скверными пьесами. Но онъ обладалъ

все-таки нѣкоторыми значительными физическими недостатками и особенностями; и хотя ему удавалось придать этимъ особенностямъ интересныя и характерныя черты, все-таки онѣ до послѣдняго момента ограничивали его опредѣленными рамками! Его голосъ былъ настолько слабъ, что если бы не большой пещерообразный носъ, то онъ, вообще, не могъ бы добиться никакого успѣха. Направляя звукъ своего голоса черезъ носъ, онъ сообщалъ ему значительный резонансъ; и хотя при этомъ получался носовой звукъ, все же онъ иногда производилъ удивительно пріятное впечатлѣніе. Но возможно это было только при очень медленномъ произношеніи словъ. Когда же нужно было говорить быстро, горячо и энергично, при его носовой методѣ получались такіе истерическіе звуки, которые дѣлали его смѣшнымъ. И много лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ началъ играть трагическія роли, онъ служилъ мишенью всякой театральной остроты и былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ публики, которая замѣчала его очевидные физическіе недостатки, но не умѣла цѣнить его артистическихъ достоинствъ. И насмѣшки прекратились только тогда, когда онъ отказался выступать въ подобныхъ роляхъ. Такимъ образомъ онъ былъ принужденъ вести свою роль чрезвычайно медленно; и чѣмъ лучше была разработана

его роль, тѣмъ хуже выходили представленія въ его театрѣ; такъ какъ, хотя Ирвингъ и не оставался бездѣятельнымъ на сценѣ, все же его партнеры должны были такъ долго ожидать его репликъ, что потомъ имъ приходилось дѣлать тщетныя усилія, чтобы наверстать потраченное имъ время (если бы всѣ они говорили такъ же медленно, какъ и онъ, пьеса никогда бы не кончилась) и, подъ конецъ, они оставляли эти попытки и просто только подавали ему реплики. При нашей англійской системѣ директоровъ-свѣтилъ имъ приходилось терпѣть это. Они были его служащими и вполнѣ въ его власти. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что Ирвингъ жертвовалъ ими и сокращалъ ихъ роли изъ злости или зависти: онъ просто не имѣлъ возможности поступать иначе.

При оцѣнкѣ Ирвинга нельзя упускать изъ виду, что онъ долженъ былъ принять на себя тяжесть весьма высокаго положенія, не получивъ подготовки и образованія, которыя даются большимъ національнымъ театромъ съ культурной публикой и прочно установившимися традиціями искусства. Въ Англии же нѣтъ ничего подобнаго. Представьте себѣ молодого человѣка, голова котораго наполнена исключительно романами и котораго случай втолкнулъ въ коммерческую контору, который затѣмъ оставляетъ эту контору, чтобы поступить на сцену въ

качествѣ члена постоянной труппы провинціального города, гдѣ театръ презирается и считается дорогой въ преисподнюю, и гдѣ музыка по воскреснымъ днямъ, по мнѣнію наиболѣе уважаемыхъ гражданъ, есть непростительное преступленіе. Представьте себѣ далѣе, что Ирвингъ, приобрѣтя вышеописаннымъ путемъ техническія познанія въ своемъ дѣлѣ и затѣмъ пространствовавъ нѣсколько лѣтъ, купилъ, наконецъ, вѣнскій Гофбургъ театръ и сдѣлался его единственнымъ директоромъ и неограниченнымъ обладателемъ при помощи сказочныхъ милліонершъ, которыя предоставили въ его распоряженіе большія суммы для дорого стоящихъ сценическихъ постановокъ,—и вы получите приблизительную картину положенія Ирвинга въ Лондонѣ. Мнѣ пришлось бы очень распространяться, если бы я затронулъ вопросъ о жалкомъ — съ духовной и артистической точекъ зрѣнія — положеніи англійскаго театра во времена Ирвинга. Я долженъ ограничиться тѣмъ, что скажу, что возможность развитія и тѣ традиціи, которыми располагаетъ артистъ въ Вѣнѣ, въ Англіи недостижимы и что Ирвингу приходилось дѣлать все отъ него зависящее, чтобы обходиться исключительно силой своего воображенія, безъ большой подготовки и безъ какаго-либо артистическаго образованія. При такихъ ужасныхъ условіяхъ его

успѣхъ былъ выдающимся, но подъ конецъ онъ былъ все-таки принужденъ покинуть свой театръ и уйти въ провинцію, довольствуясь своей прежней славой. Театръ безъ современной драмы не можетъ существовать продолжительное время; и когда Ирвингъ исчерпалъ всѣ старыя пьесы, въ которыхъ впечатлѣніе производила его личность, онъ не могъ ужъ, говоря откровенно, сдѣлать удачнаго выбора изъ новыхъ пьесъ, такъ какъ для этого онъ былъ слишкомъ невѣжественнымъ и отсталымъ человѣкомъ. Наибольшимъ его социальнымъ подвигомъ было достигнутое имъ общественное положеніе и признаніе за его искусствомъ права гражданства. Онъ принудилъ свою націю признать его однимъ изъ своихъ самыхъ выдающихся людей и оказать ему официальное признаніе этихъ заслугъ пожалованіемъ дворянскаго достоинства.

ЭЛЛЕНЪ ТЕРРИ.

Кромѣ того, что Элленъ Терри по призванію вполнѣ законченная актриса, она такая замѣчательная женщина, что мнѣ весьма трудно описать ее вѣнской публикѣ, не рѣшившись заранѣе описывать, вмѣсто исторіи ея официальной дѣятельности, исторію ея жизни. Роль, которую она играла въ жизни своего времени, сможетъ быть оцѣнена только тогда, — можетъ быть спустя пятьдесятъ лѣтъ, — когда будутъ собраны всѣ ея письма, и когда они появятся въ свѣтъ въ двадцати-тридцати томахъ. Тогда, кажется мнѣ, намъ придется удостовѣриться въ томъ, что не было ни одного знаменитаго человѣка послѣдней четверти девятнадцатаго столѣтія, который—предположивъ заранѣе, что онъ былъ посѣтителемъ театра — не былъ бы влюбленъ въ Элленъ Терри и въ томъ, что многіе изъ нихъ нашли въ дружбѣ этой артистки наилучшее удовлетвореніе своего чувства, такое удовлетвореніе, которое вообще можно получить отъ умной, одаренной и красивой женщины, любовь которой отдана другому, и которая сумѣла устоять противъ тысячи

представлявшихся ей искушеній. Для меня, бывшего также ея несчастнымъ поклонникомъ, искусство Элленъ Терри, какъ актрисы,—наименѣе интересное въ ней. Въ противоположность Ирвингу, для котораго искусство было всѣмъ, а жизнь не представляла никакого интереса, Элленъ Терри находила жизнь интереснѣе искусства. И когда она соединилась съ нимъ въ его продолжительномъ и полномъ славой управленіи «Lyceum Theatre'омъ», она — самая современная изъ всѣхъ современныхъ женщинъ, самая дѣятельная изъ всѣхъ своихъ современниковъ—придавала гораздо болѣе значенія тому, чтобы дѣйствовать въ духѣ экономной и умной хозяйки, нежели, какъ увлекающаяся собой женщина, направлять всѣ свои стремленія на то, чтобы играть всѣ главныя роли въ старомодныхъ пьесахъ, въ которыхъ блисталъ Ирвингъ.

Къ счастью къ этимъ пьесамъ принадлежатъ еще комедіи и трагедіи Шекспира, которыя все еще царятъ на англійской сценѣ, служа приманкой для честолюбивыхъ актеровъ. Поэтому намъ пришлось видѣть Элленъ Терри въ роляхъ Порціи, Беатриче, Юліи, Имогены, Офеліи, но никогда въ роли Розалинды изъ «Что вамъ угодно», которую она безусловно могла бы сыграть, если бы придавала такое же большое значеніе своей славѣ актрисы, какъ и желанію

помогать Ирвингу. Мнѣ кажется, что еще не было двухъ такихъ выдающихся представителей одного и того же сословія, которые были бы такъ не сходны между собой, какъ Элленъ Терри и Генри Ирвингъ. У обоихъ были удивительно красивыя и интересныя лица, но такія лица, какъ у Ирвинга, намъ въ теченіе столѣтій приходилось видѣть на портретахъ духовныхъ лицъ, государственныхъ дѣятелей, принцевъ и святыхъ; такого же лица, какъ у Элленъ не приходилось никому видѣть. Она фактически создала свою собственную красоту; ея дѣвическіе портреты не обнаруживаютъ почти ни одной черты той прекрасной женщины, которая въ 1875 году, послѣ семилѣтняго перерыва, снова появилась на лондонскомъ горизонтѣ и завоевала всѣ его симпатіи. Весьма избитое слово «единственная» можетъ быть въ буквальномъ его смыслѣ примѣнено къ Элленъ. Если бы Шекспиръ встрѣтилъ Ирвинга на улицѣ, онъ сейчасъ же узналъ бы въ немъ представителя благороднаго типа сословія артистовъ. Если же бы ему встрѣтилась Элленъ Терри, онъ остановился бы передъ ней, какъ передъ совершенно новымъ и неотразимо прекраснымъ женскимъ типомъ. Ея портретъ въ роли леди Макбетъ, написанный Сэрджентомъ, выдѣлится среди портретовъ всѣхъ знаменитыхъ женщинъ, какъ портретъ жен-

щины, не имѣющей ни съ кѣмъ ни малѣйшаго сходства.

Ирвингъ былъ безхитростенъ, замкнутъ и разсудителенъ; а Эллень Терри очень оживленная, безпокойная и умная женщина, умѣющая съ самымъ застѣнчивымъ постороннимъ ей человѣкомъ обойтись просто и непринужденно. Ирвингъ не любилъ писать. Умершій Л. Ф. Аустинъ и одинъ или два журналиста изъ свиты артиста вели его корреспонденцію. Очарованіе тѣхъ немногихъ писемъ, которыя были написаны имъ лично, заключалось въ простомъ и нетронутомъ литературными претензіями тонѣ. Почеркъ его ничѣмъ не замѣчателенъ. Эллень Терри же является, напротивъ, самой дѣятельной корреспонденткой, которая когда-либо существовала. Она обладаетъ способностью переносить свои мысли на бумагу съ быстротой молніи, при чемъ почеркъ ея такъ же характеренъ и неизгладимъ въ памяти, какъ и впечатлѣніе отъ ея лица. Когда въ утренней почтѣ находишь ея письмо, видишь эту женщину передъ собой такъ же ясно, какъ и ея почеркъ, открываешь ея письмо раньше другихъ и чувствуешь, что для тебя начался счастливый день. Ея многія опубликованныя произведенія не даютъ никакого представленія о ея дѣйствительныхъ литературныхъ способностяхъ. Всѣ ея письма слишкомъ интимны, своеобразны,

и носятъ черезъ чуръ личный характеръ, чтобы ихъ могъ вполне понимать кто-нибудь, кому они не адресованы. Здѣсь мы сталкиваемся еще съ однимъ пунктомъ, въ которомъ она отличается отъ Ирвинга. Ирвингъ былъ сентименталенъ и чувствителенъ и, какъ большинство сентиментальныхъ и чувствительныхъ людей, онъ заботился о своихъ собственныхъ интересахъ. Онъ никогда не понималъ другихъ и, въ дѣйствительности, никогда не понималъ себя самого. Эленъ Терри не сентиментальна и не чувствительна, но она живо интересуется каждымъ и всѣмъ, что достойно вниманія и привлекательно. Она интеллигентна, она понимаетъ, она принимаетъ участіе, потому что понимаетъ и потому что отъ природы она доброжелательна, но она чаще бывала заинтересована, чѣмъ глубоко затронута и чаще сожалѣла и помогала, чѣмъ любила. И хотя всегда она была готова пожертвовать своимъ сценическимъ талантомъ и своимъ искусствомъ сначала для своихъ домашнихъ обязанностей, а затѣмъ, по возвращеніи на сцену, предпріятію Лицеума, она все-таки никогда не пренебрегала своимъ внутреннимъ я. Жертвуя своимъ искусствомъ, она этимъ жертвовала только частью своего существа. У Ирвинга же искусство было его я, и это было причиной, почему онъ себя—

какъ и всѣхъ другихъ и все другое — приносилъ въ жертву этому искусству.

Это интересная психологія артиста, которая превратно понимается глупцами и филистерами. Но объ артистическомъ гении не пишутъ для людей, которые не могутъ понять его сущности. Я никогда ни открыто, ни въ частной жизни не скрывалъ моего мнѣнія относительно предпріятія Лицеума, которое, хотя и прославилось съ драматической стороны сценическаго искусства, все же послужило къ весьма обидному уничтоженію двухъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ талантовъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ я описалъ какъ Ирвингъ пользовался произведеніями Шекспира, какъ рамкой для образовъ, бывшихъ плодами его собственной фантазіи, какъ его Шейлокъ былъ не шекспировскимъ Шейлокомъ, а его Лиръ—не Лиромъ Шекспира. Я долженъ теперь еще добавить, что Ирвингъ вмѣсто того, чтобы служить англійскому театру очевиднымъ препятствіемъ въ его развитіи (что и было на самомъ дѣлѣ), могъ бы поставить его на одну высоту съ театромъ скандинавскимъ и нѣмецкимъ, если бы обстоятельства заставили его выступать въ современныхъ произведеніяхъ, и если бы онъ отъ своихъ раннихъ успѣховъ въ роли Дигби въ «Двухъ розахъ» Альбери перешелъ бы

къ исполненію Ибсеновскихъ «Строителя Сольнеса» и «Джона Габріэля Боркмана», и если бы онъ исполнялъ роль Епископа Николая вмѣсто того, чтобы выступать въ шекспировскомъ Уольсей, Бекетъ Теннисона и Данте Сарду. И совершенно такъ же, какъ онъ губилъ свой талантъ исполненіемъ устарѣвшихъ и реакціонныхъ или шекспировскихъ драмъ, такъ и губилъ онъ совершенно безсознательно талантъ Элленъ Терри: если бы кто-нибудь указалъ ему на это, онъ сослался бы на «The Lady of Lyons» «The Amber Heart», на произведенія Уильса «Faust» и «Olivia» (обработка «Vicar of Wakefield» Гольдсмитса), на шекспировскія пьесы и, наконецъ, на «Madame Sans Gêne», рискованную уступку ультрамодернистскому духу, сдѣланную исключительно ради Элленъ Терри. Онъ спросилъ бы, можетъ ли какой-либо человѣкъ, за исключеніемъ глупца, утверждать, что талантъ, пожинавшій лавры въ названныхъ мастерскихъ произведеніяхъ, былъ погубленъ! Какая бы актриса могла пожелать бѣльшаго! Развѣ Шекспиръ не величайшій драматическій писатель прошедшаго, настоящаго и будущаго? Развѣ произведенія Гёте, хотя и иностранца, не заслуживали быть «обработанными» Уильсомъ? Развѣ лордъ Теннисонъ не былъ poeta laureatus? Развѣ театръ Лицеума долженъ ставить произведенія темныхъ эксцентричныхъ

и безнравственныхъ норвежцевъ и нѣмцевъ, Ибсена, Гауптмана и ихъ англійскихъ подражателей только потому, что о нихъ говорить литературная клика и потому, что Дюзэ и Режанъ выступаютъ въ этихъ произведеніяхъ и потому, что англійскія актрисы, къ сожалѣнію, позволяютъ себѣ выступать въ частныхъ предпріятіяхъ какъ «*Independant Theatre*» и «*Stage Society*» въ новыхъ роляхъ сомнительныхъ героинь, какъ Нора Гельмеръ, Гедда Габлеръ и т. п.?

Все это казалось и кажется до сихъ поръ вполне справедливымъ для громаднаго большинства нашихъ англійскихъ театраловъ и для критиковъ, исполняющихъ роль барановъ, ведущихъ стадо. Для Германіи и для Австріи положеніе Элленъ Терри въ театрѣ Лицеума будетъ гораздо понятнѣе. Оно основывалось, главнымъ образомъ, на томъ, что эта артистка стояла внѣ современной драмы съ ея въ высшей степени интересными героинями; а ея исполненіе ролей въ устарѣвшихъ пьесахъ было гораздо менѣе цѣнно, чѣмъ исполненіе Ирвинга, такъ какъ она понимала Шекспира и умѣла воплощать образы Беатриче, Юліи, Порціи, Имогены и т. д. очень умно, очаровательно и совершенно такъ, какъ этого желалъ Шекспиръ. Ирвингъ же, напротивъ, воплощалъ всегда въ Бенедиктѣ, Ромео или Шейлоктѣ свой собственный фантастическій образъ, без-

связность котораго дѣлала его еще болѣе загадочнымъ и притягивающимъ и придавала ему еще большій ирвингскій стиль. Совершенно неизбѣжно было, что Эллень Терри, наконецъ, покинула театръ Лицеума и основала свое собственное предпріятіе. Однако вопросъ все-таки остается открытымъ: почему Эллень Терри такъ долго оставалась въ театрѣ Ирвинга? Отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ томъ фактѣ, что Лицеумъ-театръ, давая гибнуть ея драматическому таланту, оставлялъ ей широкое поле дѣйствія въ примѣненіи ея пониманія искусства живописи. Художники всегда поклонялись Эллень Терри. Почти что дѣвочкой она была помолвлена съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ своего времени.

Если театръ Лицеума и не придерживался современныхъ воззрѣній на искусство, ему все же нельзя отказать въ умѣннн создавать прекрасные сценическіе портреты. Если Эллень не пришлось поработать вмѣстѣ съ Ибсеномъ надъ объясненіемъ причинъ возмущенія Норы Гельмеръ, то зато ей удалось поработать съ Бёрнъ Джонсомъ и Альмой Тадема надъ тѣмъ, чтобы превратить Жиневру и Имогену въ живые образы. Я уже давно позабылъ фабулу первой пьесы Теннисона, которую ставили въ театрѣ Лицеума; но я никогда не забуду Эллень Терри въ образѣ Гаммы. Въ мою память врѣзался

каждый отдѣльный образъ, созданный Элленъ и Ирвингомъ съ недостижимымъ для артистовъ ихъ времени совершенствомъ. Ея несравненная красота и его несравненное благородство создавали очарованіе Лицеума. И единственно это очарованіе дѣлало всѣхъ слѣпыми по отношенію къ тому факту, что новое направленіе, созданное непоколебимымъ норвежскимъ старцемъ, требуетъ своего признанія и что, какъ только очарованіе юности не сможетъ болѣе соответствовать очарованію красоты, Лицеумъ долженъ будетъ обрушиться, какъ Іерихонскія стѣны.

Я самъ избѣжалъ этой иллюзіи только потому, что я самъ драматургъ и потому, что Элленъ Терри выступала въ моихъ пьесахъ. Когда ея сынъ, Гордонъ Крэгъ, сдѣлался отцомъ, она заявила, что для бабушки уже никто не станетъ писать пьесъ. Чтобы доказать ей противное, я сейчасъ же написалъ мою пьесу «Captain Brassbound's Conversion». Я уже однажды и раньше сдѣлалъ попытку завоевать Элленъ Терри, давъ въ моей комедіи «The Man of Destiny» характеристику героини, которая является характеристикой самой Элленъ Терри; при чемъ характеристика эта вышла не совсѣмъ удачной, такъ какъ можно ли охарактеризовать то, что не поддается характеристикѣ! При этомъ случаѣ Ирвингъ изумилъ меня, выразивъ желаніе поставить эту пьесу, и я не имѣлъ воз-

возможности отказаться отъ подобной любезности, хотя, само собой понятно, что изъ этого не могло ничего выйти. Въ случаѣ же съ «*Captain Brassbouds Conversion*» Ирвингъ не могъ себѣ даже и на мгновеніе представить, что онъ въ состояніи поставить эту пьесу. Однако было совершенно ясно, что въ будущемъ Эллень Терри должна будетъ выступать въ подобныхъ новѣйшихъ пьесахъ, гдѣ есть роли для такихъ интересныхъ и выдающихся женщинъ. Своего мнѣнія по этому поводу Эллень Терри не высказывала. Но ее нельзя было заставить не рассказывать всѣмъ, что родилась она въ 1848 году, что ея кажущаяся молодость только иллюзія, коротко говоря,—что время для «*Lady of Lyons*», Гретхенъ и Джульеты для нея миновало. Расторженіе ея союза съ сэромъ Генри Ирвингомъ было, въ концѣ концовъ, неизбежно, хотя она откладывала его еще долго послѣ того, какъ оно сдѣлалось необходимо, если не въ интересахъ Ирвинга, то въ ея собственныхъ интересахъ. И даже когда она вышла изъ этого союза, первые ея шаги обнаружили полное ее равнодушіе къ личной карьерѣ. Она поставила «Сѣверныхъ богатырей» Ибсена исключительно съ цѣлью дать Гордону Крэгу возможность произвести дорого стоящій экспериментъ примѣненія на практикѣ его своеобразныхъ методовъ режиссерскаго искусства. Это было совершен-

но ненужнымъ преувеличеніемъ материнской заботливости, такъ какъ Гордонъ Крэгъ имѣлъ достаточно возможности показать въ Лондонѣ эту новую фазу въ развитіи театральнаго искусства. Его постановка той сцены, когда викинги сходятъ съ морскихъ утесовъ, была несомнѣнно такъ же остроумно использована въ декоративныхъ цѣляхъ, какъ и копья на картинѣ Веласкеза «Капитуляція у Бредо». Такія постановки, какъ и картины Паоло Учелло, привлекали къ себѣ вниманіе и были очень поучительны въ смыслѣ возможности устраненія постоянного плоскаго пола и освѣщенія рампы, которые разрушаютъ сценическія иллюзіи; но все-таки онѣ не могли заставить Элленъ Терри сдѣлать насиліе надъ своей природой убѣдительнымъ изображеніемъ злобой Хьёрдисъ Ибсена. Публика желала видѣть Элленъ Терри въ подходящихъ ей роляхъ и была черезчуръ мѣщанской, чтобы придавать значеніе новому искусству Гордона Крэга. Тогда Гордонъ Крэгъ отрянулъ лондонскій прахъ отъ своихъ ногъ и уѣхалъ въ Германію, а Элленъ Терри сдѣлала то, что должна была сдѣлать много раньше; она выступила въ современномъ драматическомъ произведеніи, написанномъ для нея современнымъ драматическимъ писателемъ. Она имѣла рѣшительный успѣхъ въ пьесѣ Ж. М. Бари «Alice sit by the Fire»

и будетъ выступатьъ въ этой роли еще до марта слѣдующаго года. Затѣмъ она выступить, наконецъ, въ роли Лэди Цициліи въ «Captain Brassbouds Conversion», въ роли, которая написана для нея уже семь лѣтъ тому назадъ. Пока я долженъ на этомъ закончить, такъ какъ исторія Элленъ Терри еще не кончилась.

САППА БЕРНАРЪ И ДУЗЭ.

Вильямъ Арчеръ взялъ однажды подъ свою защиту театральныхъ критиковъ, которыхъ упрекали въ равнодушіи по отношенію къ сценическому искусству; и, какъ мнѣ кажется, довольно несчастливо; такъ какъ онъ приводилъ, какъ извинительную причину, тотъ фактъ, что критики прежней эпохи были въ состояніи сравнивать честолюбивыхъ актеровъ въ ихъ знаменитыхъ роляхъ, тогда какъ современный драматическій критикъ проводитъ свою жизнь въ созерцаніи искусственныхъ пьесъ, въ которыхъ не встрѣчаются настоящіе люди. Арчеръ могъ бы привести и еще одно обстоятельство, отъ котораго страдаютъ всѣ современные драмы: а именно дѣйствіе нашихъ издательскихъ законовъ, предоставляющихъ опредѣленнымъ актерамъ и актрисамъ исключительное право постановокъ

извѣстныхъ пьесъ. Однако, мы имѣемъ не меньше возможности, чѣмъ наши предки, расширить область нашего рецензентскаго искусства, такъ какъ мы имѣли случай видѣть Дузэ и Сарру Бернаръ въ «Дамѣ съ камеліями» и въ Магдѣ Зудермана и теперь можемъ взвѣшивать и сравнивать. Теперь или никогда представился случай опровергнуть обвиненія, возведенныя англійскимъ актеромъ на англійскую прессу. Теперь или никогда можно ему доказать, что и англійскій критикъ достаточно понимаетъ въ сценическомъ искусствѣ, чтобы хорошо замѣтить разницу между ролью, производящей впечатлѣніе и хорошо сыгранной ролью, или между искусственными приѣмами, которыми можетъ пользоваться всякій артистъ, имѣвшій большую практику, и умѣніемъ мыслить и понимать что отличаетъ актера творца отъ простаго импровизатора.

Сарра Бернаръ снова возвратилась къ своему старому призванію и предстала передъ нами въ роли серьезной артистки. Она создала образъ Магды въ «Родинѣ» Зудермана, но почти сейчасъ была въ этой роли побѣждена Дузэ. Различіе между этими двумя артистками такъ велико, какъ только можетъ быть велико различіе между двумя художественными натурами, прошедшими двадцатилѣтнюю школу на поприщѣ одного призванія и при одинаковыхъ условіяхъ. Сар-

ра Бернаръ обладаетъ очарованіемъ еще свѣжей, но нѣсколько избалованной и капризной зрѣлости, но замѣнь этого у нея всегда наготовѣ, какъ только она встрѣчаетъ достаточно вниманія, проникающая сквозь облака солнечная улыбка. Если ея костюмы и бриліанты не ослѣпительны, то во всякомъ случаѣ они великолѣпны; ея фигура, прежде нѣсколько худая, теперь округлилась, а цвѣтъ ея лица показываетъ, что она не напрасно изучала современное искусство. Того очаровательнаго впечатлѣнія, которое французскіе художники достигаютъ, окрашивая тѣло въ красивую краску земляники со сливками и придавая тѣнямъ свѣтлые и темнокрасные оттѣнки, Сарра Бернаръ достигаетъ умѣлой гримировкой своего лица. Она сильно краситъ свои уши и заставляетъ ихъ очаровательно выглядывать между двумя прядями своихъ каштановыхъ волосъ. Всякой ямочкѣ соотвѣтствуетъ розовое пятнышко, а кончики пальцевъ Сарры свѣтятся такой нѣжной розовой краской, что ихъ можно было бы считать такими же прозрачными, какъ и ея уши, и думать, что свѣтъ проникаетъ черезъ ея нѣжныя жилки. Ея губы походятъ на свѣже выкрашенный почтовый ящикъ, ея щеки подобны персику; она красива въ смыслѣ пониманія красоты ея школы и невозможна въ смыслѣ простыхъ человѣческихъ представленій. Но все

это ей простительно, потому что,—несмотря на все безсмысліе, которому никто не вѣритъ, а меньше всѣхъ сама артистка, — эта искусственность такъ талантливо и умно примѣняется къ дѣлу и такъ легко выставляется на показъ, что невозможно относиться къ этому недоброжелательно. Когда артистка даетъ со сцены ослѣпительную иллюзію красоты, чувствуется какъ она, вмѣсто того, чтобы обмануть насъ, только еще болѣе повышаетъ свою собственную пикантность, смотря намъ прямо въ лицо и спрашивая:

«Ну кто бы могъ подумать, что я бабушка?» Это дѣйствуетъ, конечно, неотразимо, и когда Сарра серьезно принимается за работу и показываетъ, что она въ состояніи сдѣлать, тогда не раскаиваешься въ томъ, что лесть заставила тебя нѣсколько измѣнить свои понятія о достоинствѣ искусства. Ея лесть хорошо подходитъ къ ея дѣтски своевольному виду дарованія, которое заключается не въ искусствѣ научить зрителя глубже мыслить и чувствовать, а въ искусствѣ заставить его удивляться ей и жалѣть ее, за нее бороться и съ ней вмѣстѣ плакать, смѣяться надъ ея остротами, затаивъ дыханіе слѣдить за ея судьбой и послѣ паденія занавѣса бурно ей аплодировать. Это искусство понять наши слабости и на ихъ фундаментѣ возводитъ свое зданіе—льститъ

намъ, мучить насъ и волновать, короче говоря, распоряжаться нами по своему собственному усмотрѣнiю. Такого дѣйствiя всегда достигаетъ Сарра Бернаръ. Костюмъ, пьеса, порядокъ словъ могутъ быть различны—женщина всегда остается одна и та же. Она не проникаетъ въ характеръ изображаемаго лица, а ставитъ себя на его мѣсто.

Именно этого и не дѣлаетъ Дузэ, создавая для каждой роли новый образъ. Появляясь на сценѣ, она предоставляетъ зрителю сосчитать въ бинокль всѣ морщины, которыя время и заботы наложили на ея лицо. Это документы, удостовѣряющiе ея чело-вѣчность, и она настолько умна, что не прикрываетъ этихъ знаковъ слоемъ краски. На ея лицѣ вы увидите тѣни, а губы ея иногда даже не розовыя, а сѣрыя; она не знаетъ ни розовыхъ пятенъ, ни ямочекъ; ея очарованiю никогда не могла бы подражать какая-нибудь кельнерша, которая, обладая средствами, вдругъ появилась бы у рампы, вмѣсто того, чтобы стоять за стойкой въ пивной. Результатъ не былъ бы такимъ безнадѣжнымъ, какъ бы это могъ предположить ея хозяинъ. Уилксъ, отчаянно косившiй, хвастался тѣмъ, что ему достаточно четверть часа пробыть на сценѣ, чтобы сдѣлаться очаровательнѣе самого прекраснаго мушины въ Европѣ: Дузэ достаточно было пробытъ на сценѣ всего въ теченiе пяти

минуть, чтобы уйти отъ самой прекрасной женщины міра на цѣлую четверть столѣтія впередъ. Я допускаю, что тщательно выработанная Саррой улыбка Монны Лизы, ея опущенныя рѣсницы и ослѣпительно бѣлый рядъ зубовъ, просвѣчивающій сквозь полуоткрытыя, яркочерныя губы, могутъ по своему дѣйствовать и будить нашу чувствительность. И очарованіе длится цѣлую минуту, а иногда и дольше. Но Дузэ проникаетъ въ душу однимъ дрожаніемъ своихъ губъ, которое скорѣе чувствуешь, чѣмъ видишь, и которое длится всего полмгновенія. И нѣтъ ни одной линіи въ ея лицѣ, ни одного холоднаго тона ея сѣрыхъ тѣней, которые не повышали бы этого впечатлѣнія. Юность и старость: кто могъ бы соединить чистоту и нѣжность душевныхъ движеній и простоту выраженія съ пошлымъ житейскимъ опытомъ, который антипатиченъ намъ въ старости, или же страшный задоръ и эгоистическое самомнѣніе съ искренностью и благородствомъ, которыя привлекательны намъ въ юности? Кто могъ бы себѣ представить жену Пентефрія молодой, а святую Елизавету Венгерскую — старой женщиной? Соединенія такихъ качествъ слишкомъ несправедливы по отношенію къ старости, а юноша не заслуживаетъ ихъ. Они по праву должны относиться къ различіямъ характеровъ, а не возрастамъ, но они всецѣло вла-

дѣютъ нашимъ воображеніемъ, и великій художникъ пользуется ими, чтобы казаться вѣчно юнымъ. Но, во всякомъ случаѣ, было бы критическимъ промахомъ и глупостью, если бы я желалъ этимъ сказать, что Дузэ, какъ Сарра Бернаръ, упускаетъ какую-либо возможность, могущую повысить дѣйствіе ея игры, когда ей приходится изображать молодую и красивую женщину. Нужно даже сказать, что въ искусствѣ быть красивой Сарра Бернаръ ребенокъ передъ Дузэ. Запасъ движеній и выраженій лица французской актрисы можетъ быть такъ же легко перечисленъ, какъ и ея запасъ драматическихъ вдохновеній: для этого перечисленія врядъ ли не хватило бы пальцевъ на обѣихъ рукахъ. Дузэ создаетъ иллюзію разнообразной неисчерпаемости прекрасныхъ позъ и движеній. Всякую идею, каждую тѣнь мысли и настроенія она умѣетъ выразить тонко и живо. Несмотря на то, что Дузэ располагаетъ, повидимому, милліономъ модуляцій, совершенно невозможно замѣтить хотя бы одну линію тупого угла или хотя бы малѣйшее напряженіе, которое нарушало бы гармонію участія cadaго ея члена въ ея переживаніяхъ. (Это происходитъ у нея совершенно естественно, какъ бы по закону). Она ловка и гибка какъ гимнастъ, или какъ пантера; только многочисленныя мысли, которыя физически воплощаются въ ея движеніяхъ,

такого рода, который отличаетъ людей отъ звѣрей и; я боюсь сказать, что также и отъ большинства гимнастовъ.

Если принять во вниманіе то, что большинство трагическихъ актрисъ выдѣляется изображеніемъ порывовъ тѣхъ страстей, которыя общи человѣку и животнымъ, то будетъ нетрудно понять то невыразимое преимущество игры Дузэ, гдѣ въ каждой изображенной ею чертѣ скрыта человѣческая мысль. Всего лучше это сказывается въ ея стремленіи охранять тотъ высокій человѣческій инстинктъ, который пытается вызвать глубочайшее сочувствіе, не причиняя страданія. Такъ, на примѣръ, въ «Дамѣ съ камеліями» какая-нибудь артистка съ большимъ темпераментомъ измучаетъ васъ приступами своей болѣзни и оставитъ въ васъ впечатлѣніе пятигрошевой сенсаціи, которая по существу не очень отличается отъ сенсаціи, производимой публичной казнью, въ которой мы постоянно находимъ жестокое наслажденіе. Методъ артистки, которая показываетъ намъ, какъ человѣческое страданіе можетъ выражаться только въ возбужденіи сочувствія, стараясь при этомъ защитить другихъ отъ заразы своей мукой, такъ далеко отъ описаннаго способа игры, какъ день отъ ночи. И въ этомъ заключается то очарованіе, которое придаетъ Дузэ сценическому образу Маргариты Готье. Онъ про-

изводить невыразимо трогательное впечатлѣніе, потому что безконечно внимателенъ къ чувствамъ другихъ, т. е. необыкновенно симпатиченъ. Никакое физическое очарованіе не можетъ восприниматься какъ что то благородное и красивое, если оно не является выраженіемъ этического очарованія; и именно потому, что Дузэ въ состояніи, если можно такъ выразиться, воспроизводить эти высокіе этическіе мотивы, объемъ возможнаго для нея, заключающій въ себѣ, съ одной стороны, такіе просто разбойничьи образы, какъ жена Клавдія, а съ другой стороны, идеальный образъ Маргариты Готье и отважный образъ Магды, низводитъ тѣ несчастныя полторы октавы, на которыхъ разыгрываетъ Сарра Бернаръ свои красивыя пѣсенки и возбуждающіе марши, на такую незначительную степень.

Какъ ни очевидно было для многихъ изъ насъ различіе между этими обѣими знаменитыми артистками (когда мы впервые увидѣли Дузэ), я все-таки сомнѣваюсь, чтобы нашелся хотя бы одинъ, который, послѣ талантливаго воспроизведенія Саррой Бернаръ роли Магды, могъ бы подумать, что она въ теченіе сорока восьми часовъ можетъ быть уничтожена такимъ сравнительно спокойнымъ талантомъ, какъ талантъ Дузэ. И все-таки уничтоженіе это единственное подходящее слово для пораженія французской

актрисы. Сарра была очень хороша, пока свѣтило солнце, угрюма, когда облака затмили солнце и зла, когда у нея захотѣли отнять ея ребенка; и она не утруждала насъ никакой болтовней на главную тему пьесы Зудермана: возмущеніе современной женщины противъ того идеала родины, который требуетъ принесенія въ жертву всей ея жизни этой родинѣ, не въ качествѣ акта почтенія съ ея стороны по отношенію къ единственной опорѣ и пристанищу женщины, а въ качествѣ обязательной службы женщины рабыни. Дѣйствительно, нѣтъ никакого основанія предполагать, что Сарра Бернаръ открыла подобную тему въ пьесѣ,—тогда какъ Дузэ, пробывъ едва ли пять минутъ на сценѣ, однимъ своимъ взглядомъ на Шварца, предметъ предстоящей драматической борьбы, выдвинула эту тему на первый планъ. Черезъ нѣсколько мгновеній въ игрѣ ея промелькнула черта, которая, по всей вѣроятности, никогда не забудется тѣми, кто ее видѣлъ, и сейчасъ же стало понятнымъ, почему искусство украшать свою внѣшность, помогавшее Саррѣ Бернаръ, могло бы только мѣшать Дузэ, какъ поставленная передъ нею ширма.

Нужно признать, что Сарра весело и искусно проводитъ большую сцену третьяго акта «Родины», когда докладываютъ о приходѣ одного изъ интимнѣйшихъ друзей ея семьи,

отца ея ребенка; она чисто по-товарищески успокаиваетъ смущеннаго джентельмена и даетъ ему понять, что она не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія, послѣ всего что произошло, изображать передъ нимъ страданія Гретхенъ и дать ему почувствовать, что хотя она и не можетъ его особенно уважать, все же ему она обязана пережитымъ ею неопредѣленнымъ чувствомъ материнства. Самообладаніе ея въ этомъ случаѣ было удивительнымъ: персиковый налетъ на ея щекахъ остался нетронутымъ этой внутренней борьбой. Не такъ у Дузэ. Въ тотъ моментъ, когда дѣвушка передаетъ ей визитную карточку этого человѣка, видно, что значить для Магды пережить встрѣчу съ нимъ. Было интересно наблюдать ея внутреннюю борьбу при входѣ этого человѣка и то, съ какимъ достоинствомъ сумѣла она держать себя. Онъ проговорилъ свои привѣтствія и передалъ цвѣты; они сѣли, и Магда почувствовала, что она счастливо преодолѣла первое препятствіе и что теперь можно спокойно поразмыслить и посмотреть насколько онъ измѣнился за это время. Тутъ съ Магдой случилось нѣчто ужасное. Она начала краснѣть; и въ слѣдующій же моментъ она почувствовала это. Краска медленно распространялась по всему ея лицу, пока Магда, наконецъ, послѣ тщетныхъ попытокъ отвернуть свое лицо и не дать ему этого

замѣтить, сдалась и спрятала въ руки свое лицо. Послѣ такой сцены мнѣ не нужно было никакого объясненія для того, чтобы понять почему Дузэ не накладываетъ толстаго слоя румянъ. Я не могъ въ этомъ усмотрѣть никакого трюка: это показалось мнѣ вполне естественнымъ слѣдствіемъ ея сценической фантазіи.

Въ третьемъ актѣ «Дамы съ камеліями», когда Дузэ производитъ захватывающее впечатлѣніе, падая на землю и затѣмъ поднимаясь съ измѣнившимся и покраснѣвшимъ отъ слезъ лицомъ, покраснѣніе объясняется ея согнутымъ положеніемъ, независимо отъ ея силы воображенія. Но въ роли Магды она не располагаетъ подобнымъ средствомъ, и я долженъ сознаться, что испытываю сильное профессиональное желаніе разрѣшить вопросъ, появляется ли всегда такъ произвольно краска на лицѣ Дузэ.

Я не буду дѣлать попытки описать конецъ этого незабвеннаго акта «Родины». Когда заявляютъ, что весь театръ бѣшено аплодировалъ Дузэ, мнѣ это не говоритъ много, потому что такъ же бѣшено аплодировали Жисмондѣ Сарры Бернаръ и Федорѣ Патрикѣ Камбель. Здѣсь же восторги относились къ драмѣ и къ артисткѣ, которая понимаетъ автора, но, какъ художникъ, стоитъ выше его. Этотъ вечеръ укрѣпилъ меня въ моей часто колеблющейся вѣрѣ,

что театральный критикъ является фактически служителемъ высокаго искусства, а не только глашатаемъ сомнительныхъ удовольствій.

ЦЕРКОВЬ И СЦЕНА.

Однажды по поводу одной церковной сцены въ драмѣ «Михаилъ и его падшій ангелъ», шедшей на сценѣ театра Лицеума, была поднята маленькая буря. Лица, живущія рецензіями о театрѣ, утверждаютъ, что церковныя церемоніи и все что относится къ церкви не должно воспроизводиться на сценѣ, и что такія представленія оскорбляютъ хорошій вкусъ и являются проступкомъ противъ общественныхъ устоевъ. Попытаемся точно изслѣдовать, что должно означать все это.

Изъ всѣхъ самыхъ постыдныхъ учрежденій на землѣ, которыя не противозаконны, самымъ постыднымъ является тюрьма для преступниковъ. Самое постыдное, что есть въ этой тюрьмѣ, это висѣлица, и самое постыдное, что тамъ происходитъ, это осужденіе. И несмотря на это, всякая тюрьма имѣетъ свое духовное лицо, и его молитвы являются необходимой составной частью отвратительнаго акта повѣшенія. Самымъ языческимъ и пагубнымъ, чтобы не сказать

самымъ животнымъ, буржуазнымъ празднествомъ является City-dinner (обѣдь въ Сити). Люди идутъ туда съ намѣреніемъ побольше попить и поѣсть; и многіе заходятъ даже за предѣлы своего намѣренія. Но это обжорство всегда начинается ритуаломъ, который называется «застольной молитвой». Что же касается звѣрства, насилія, ужаса и возмутительной жестокости, то въ этомъ отношеніи ничего не можетъ сравниться съ войной, въ особенности, когда жертвами являются люди, завлеченные въ это дѣло шиллингомъ ежедневной заработной платы, и когда это дѣлается для возвеличенія кровожадныхъ дураковъ и трусовъ, спокойно и удобно сидящихъ дома и просматривающихъ сенсационныя спеціальныя корреспонденціи. И все-таки ни одна побѣда не завершалась безъ «Тедеума», въ которомъ христіанскіе воины называютъ Бога соучастникомъ своихъ преступленій и прославляютъ Его за это. Но существуетъ еще одно закономъ разрѣшенное учрежденіе, которое хуже, чѣмъ висѣлица и поле битвы, и существуетъ терпимое занятіе, которое пошлѣе, чѣмъ пьянство и болѣе достойно проклятія, чѣмъ массовое убійство. И этимъ учрежденіемъ является театръ; и этимъ занятіемъ—посѣщеніе театра. Мы можемъ топить символы нашей религіи въ кровавыхъ моряхъ и опустошеніяхъ, осквернять ихъ

обжорствомъ и грабежами, лишь бы только они были охранены отъ послѣдняго позора, отъ воспроизведенія на сценѣ. Если это имѣетъ какой-либо смыслъ, если актеры безчестные люди, которые отдаютъ себя на удовлетвореніе страстей толпы, раболѣпствующей передъ отвратительными пороками, то что же тогда я, критикъ, готовый за деньги знакомить широкую публику съ этимъ ужасомъ, соблазнительно описывать и восхвалять тѣ пьесы, которыя мнѣ особенно нравятся? И кто же тогда мои еще болѣе падшіе коллеги, которыхъ наши театральные директора привлекаютъ къ себѣ лестью? Мы, очевидно, настолько болѣе погрязли въ пошлости, чѣмъ Мольеръ, которому во Франціи отказали въ христіанскомъ погребеніи, или чѣмъ тотъ балетный танцовщикъ, которому Лондонскій епископъ отказалъ въ причастіи (хотя это произошло, конечно, раньше, чѣмъ сэръ Генри Ирвингъ былъ возведенъ въ дворянство), насколько сводникъ болѣе пошлъ, чѣмъ тотъ, кто даетъ ему порученія.

Разсмотримъ этотъ фактъ еще и съ другой точки зрѣнія. Говорятъ, что нѣкоторыя вещи слишкомъ священны для того, чтобы ихъ изображать на сценѣ. Слова «нѣкоторыя вещи» очень характерны; они напоминаютъ мнѣ того одареннаго члена парламента, который обосновывалъ свою попытку

исключить покойнаго Чарльза Бредлафа изъ нижней палаты, положеніемъ, что «человѣкъ долженъ вѣрить въ то или иное». Но такъ какъ тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ выражаться легкомысленно неясно, когда говоришь о священныхъ вещахъ, то мы замѣнимъ выраженіе «нѣкоторыя вещи» выраженіемъ таинства религіи, что соотвѣтствовало бы мнѣнію противниковъ, если-бы они относились къ этому предмету достаточно серьезно, чтобы, вообще, имѣть какое-либо мнѣніе. Пожалуйста, скажите намъ, въ чемъ заключаются эти таинства религіи? Заключаются ли они въ вѣрѣ, надеждѣ, любви, храбрости, жизни, творчествѣ; или же они заключаются въ церковныхъ стульяхъ и каѳедрахъ, молитвенникахъ, воскресныхъ шляпахъ и праздничныхъ платьяхъ? Даже то громадное большинство населенія этого острова, религія котораго представляетъ собой чистое идолопоклонство вещественнымъ символамъ, не будетъ отрицать, что первые являются сущностью религіи. И я спрашиваю тѣхъ господъ, которые думаютъ, что церковные стулья и молитвенники слишкомъ священны, чтобы показывать ихъ со сцены, почему они никогда не протестовали противъ того, что въ нашихъ драмахъ разбираются вопросы вѣры, надежды, любви и всѣ остальные главные вопросы религіи? Съ устъ нашихъ сценическихъ героевъ и ге-

роинь очень часто срываются самыя святыя имена, и на сценѣ они изображаютъ переживаніе самыхъ святыхъ чувствъ. Въ одной мелодрамѣ, недавно ставившейся въ Адельфи - театрѣ, героиня произноситъ на сценѣ заупокойную молитву въ то время, какъ ея отецъ бѣгаетъ вокругъ нея, какъ помѣшанный, борясь съ рѣшеніемъ застрѣлить ее, прежде чѣмъ индѣйцы возьмутъ ихъ въ плѣнъ. Критики, протестовавшіе противъ четвертаго акта «Михаила», противъ этого не протестовали. Конечно возможно, что они не поняли въ чемъ тутъ дѣло, потому что на артисткѣ въ этой сценѣ не было никакой особой одежды; но я очень легко могъ бы найти примѣръ, для котораго не было бы даже и такой невѣроятной извинительной причины. Главной причиной противъ драмы Джонса было то отношеніе къ религіи, которое отводитъ ей такое же мѣсто, какъ и самой жизни: что обличаетъ чисто католическое воззрѣніе. Но тому, для котораго религія является лишь непроницаемымъ для дождя зданіемъ, годнымъ для общественнаго контроля по воскресеньямъ, такое воззрѣніе будетъ не только неудобнымъ, но оно рѣшительно устраситъ его; мнѣ его жалко, но я долженъ его завѣрить, что британская драма всегда покидаетъ ту территорію, на которой она себя непріятно чувствуетъ. И кто захотѣлъ бы сдѣлать по-

пытку помѣшать этому, самъ не избѣгъ бы неприятностей. Если я захочу показать силу критики, я смогу попытаться свести съ рельсъ курьерскій поѣздъ, но никто не сможетъ упрекнуть меня въ томъ, что я стараюсь задержать незамѣтное медленное движеніе глетчера.

Я изберу еще одну точку зрѣнія. Утверждаютъ, что театральное представленіе—это только ослѣпленіе и обманъ, нѣчто имѣющее свою цѣлью при помощи освѣщенія, грима и мимики изобразить то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Допустимъ; но какъ нужно въ такомъ случаѣ относиться къ картинамъ «Національной Галлерей», на которыхъ при помощи полотна и разныхъ красокъ изображены не только церкви и священнослужители, но и Троицкое Божество? Развѣ распятіе есть оскорбленіе той святости, которую оно изображаетъ? Развѣ должны преслѣдоваться религіозныя сочиненія, какими, съ одной стороны, являются «Barabbas» и «The Sorrows of Satan», а съ другой стороны,—«Фаустъ» Гете. Пуритане Кромвеля отвѣтили бы утвердительно на всѣ эти вопросы. Среди нихъ были такіе, которые, какъ реверендъ (пасторъ) Михаилъ, думали, что жизнь и религія имѣютъ одинаковое значеніе, и стояли не только за уничтоженіе театра, но также и за уничтоженіе всѣхъ портретовъ, всѣхъ картинъ, статуй, символовъ

и представленій всякаго рода. Тѣ же, которые придерживались болѣе удобной теоріи о «непроницаемомъ для дождя зданіи» и дѣлили жизнь на священную и мірскую, покровительствовали мірскому искусству, наслаждались имъ, но ни подъ какимъ условіемъ не хотѣли ничего знать о священномъ искусствѣ. Они хотѣли имѣть портреты лицъ своей семьи, но не желали имѣть изображенія святыхъ и Божіей Матери; они были музыкальны, но не желали имѣть никакой музыки въ церкви. Они охотно опустили бы «Національную Галерею» и сожгли бы на Трафалгаръ-скверѣ ея самыя цѣнныя сокровища; и въ дѣйствительности они ворвались въ соборы и уничтожили тамъ все, что было подобно статуямъ, разрушили органъ и разорвали въ клочки ноты; короче говоря, они слишкомъ любили искусство, чтобы желать его истребить, но все же наложили на него опалу. Расположены ли наши критики «непроницаемаго для дождя зданія» принять тоже самое направленіе? Готовы ли они совершенно проклясть искусство, или же это проклятiе должно коснуться исключительно театра, а соборы, картинныя галереи и библіотеки должны остаться въ сторонѣ? Если такъ, то нельзя будетъ избѣжать того слѣдствія, что театръ сдѣлается мѣстомъ позора и стыда; и мнѣ придется вторично утверждать, что

на самихъ критиковъ нельзя будетъ смотрѣть иначе, чѣмъ на безчестныя, презрѣнныя созданія, добровольно сдѣлавшія посѣщеніе театра своей профессіей. А какъ таковыя, они недостойны опережать общественное сужденіе о какомъ-нибудь предметѣ. А такъ какъ я не придерживаюсь такого нелестнаго мнѣнія о театральныхъ критикахъ, то я постарался бы ихъ уговорить оставить ихъ профессію, чѣмъ видѣть, какъ они будутъ истекать кровью въ борьбѣ съ обѣими альтернативами этой безчеловѣческой дилеммы. Имъ не остается ничего другого, какъ послѣдовать примѣру Шеридана Кноульса, оставить свою профессію и посвятить остатокъ своихъ дней на то, чтобы предостерегать другихъ отъ своего прежняго занятія.

Публика, къ которой принадлежать и лица не посѣщающія театръ, вовсе не обязана, какъ критикъ, или оставаться преданной театру, или отказаться отъ него. Но публика, посѣщающая театръ и покровительствующая искусству, должна разъ навсегда рѣшить—должно ли искусство служить религіи или нѣтъ. Совершенные прежде промахи могутъ служить урокомъ въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, музыка издавна играла большую роль въ народной фантазіи. Воображали, что жители небесъ занимаются только этимъ искусствомъ. Пророки, появлявшіеся на землѣ,

могли писать сочиненія, и передаютъ, что святой Лука нарисовалъ портретъ Дѣвы Маріи; но кто бы могъ предположить, что на небѣ существуютъ рисовальные станки, чернильницы или пишущія машины? Но чѣмъ было бы небо безъ ея арфъ, трубъ и хора ангеловъ? Благодаря соединенію такихъ представленій Генделю не встрѣтилось никакихъ препятствій при популяризаціи его ораторіи. Въ концертномъ залѣ воспроизводили его Самсона и Далилу, Маноя и другихъ лицъ изъ библейской исторіи, и никто не возмущался по этому поводу. Но 130 лѣтъ спустя Сальвини узналъ о томъ, что Самсонъ не подходитъ для воспроизведенія на сценѣ. Театральной публикѣ очень хотѣлось и было очень любопытно увидѣть, какъ онъ спокойно уходитъ съ воротами города Газы на спинѣ, какъ онъ одной рукой перекидываетъ черезъ плечо собственного отца и, наконецъ, какъ онъ гибнетъ между колоннами среди толпы нѣмыхъ филистимлянъ. Но среди публики, не посѣщающей театръ, это могло вызвать неудовольствіе; и поэтому Сальвини могъ выступать въ роли Самсона только въ гораздо болѣе пуританской странѣ,—въ Америкѣ. И даже музыка должна была дѣлать нелѣпыя уступки этому ханжеству. По поводу сочиненной Бетховеномъ ораторіи «Der Ölberg» возникъ вопросъ о томъ, распространяется

ли привилегія Генделя и на новое сочиненіе. Послѣ, приблизительно, тридцатилѣтняго раздумья пришли къ удивительному рѣшенію, измѣнить «Den Ölberg» въ «Engedi» и сдѣлать Давида главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Тридцать лѣтъ спустя эта самая ораторія воспроизводилась, не возбуждая ни малѣйшаго протеста, на празднествахъ въ Лидсѣ; и тогда только стало ясно, какой безсмыслицей было это превращеніе «Ölberg'a» въ «Engedi». По тѣмъ же самымъ причинамъ отъ насъ долгое время скрывали одно изъ величайшихъ людскихъ достояній «Mattiäus-passion» Баха. О, если бы дѣло касалось только добычи нѣсколькихъ несчастныхъ брилліантовъ, мы не пожалѣли бы на это нашихъ силъ! И пусть никому не придетъ въ голову, что наше теперешнее освобожденіе отъ такихъ пошлыхъ ограниченій является слѣдствіемъ какого-нибудь возвышенія или перемѣны общественнаго мнѣнія! Не было никакого возвышенія и никакой перемѣны подобнаго рода. И, напротивъ, сортъ тѣхъ людей, которые были противъ «Ölberg'a», когда онъ впервые былъ исполненъ въ 1814 году постомъ въ Друри-Ленъ-театрѣ, еще болѣе увеличился съ тѣхъ поръ. И они, такъ же какъ и тогда, могутъ стоять въ сторонѣ отъ тѣхъ представленій, которыя имъ не нравятся. Подобныя ограниченія всегда были плодомъ старанія той полдюжины важни-

чающихъ господъ, побуждаемыхъ меньше трусостью, чѣмъ своимъ желаніемъ выставить напоказъ свое ужасное качество, которое они называютъ «хорошимъ вкусомъ».

Такъ какъ вкусъ Гёте былъ еще хуже того вкуса, который обнаружилъ Генри Артуръ Джонсъ въ четвертомъ актѣ своего «Михаила», то онъ избралъ мѣстомъ дѣйствія своего пролога къ «Фаусту» не церковь въ Кливигеддонѣ, а небеса и заставилъ Всемогушаго такъ же пріятно болтать съ сатаной, какъ въ книгѣ Іова. Нѣкоторые наши критики (въ особенности же тѣ, на которыхъ не можетъ пасть подозрѣніе въ томъ, что они читали Гете) будутъ возмущены этимъ и будутъ торжествовать по поводу того, что никогда не была сдѣлана и не могла быть сдѣлана попытка поставить прологъ на англійской сценѣ, хотя случай для этого представлялся при постановкѣ Фауста въ театрѣ Лицеума. Но я, старый музыкальный критикъ, могу увѣрить моихъ коллегъ, что я многократно видѣлъ этотъ прологъ ни болѣе ни менѣе, какъ на англійской сценѣ Ковенъ - Гарденъ - театра, который находился подъ управленіемъ такого директора, какъ сэръ Августъ Гаррисъ. И ничто не соответствовало болѣе англійскому духу, чѣмъ постановка этой сцены. На переднемъ планѣ помѣщалось полотно съ нарисованными на немъ облаками. Въ са-

момъ верхнемъ углу справа (смотря отъ зрителя) находилось большое, освѣщенное бѣлымъ свѣтомъ отверстіе, а въ лѣвомъ углу задняго плана находилось такое же отверстіе, горящее краснымъ пламенемъ. Въ этой красной дырѣ появлялся живой сатана и пѣлъ свою партію. Изъ верхняго отверстія въ облакахъ пробивался бѣлый свѣтъ и хоръ пѣлъ свои слова совершенно такъ же, какъ поется въ ораторіи Мендельсона: «Саулъ, за что преслѣдуешь меня?» Это пѣлось столько разъ, сколько ставился на сценѣ «Мефистофель» Бойто, и до сихъ поръ мнѣ не приходилось слышать, чтобы это производило какія-либо серьезныя соціальныя послѣдствія, и чтобы кто-нибудь былъ обиженъ, оскорбленъ или задѣтъ и деморализованъ, а напротивъ,—всѣ были въ восхищеніи и въ восторгѣ, развѣ только за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда хоръ пѣлъ на тонъ ниже, что онъ, къ сожалѣнію, обыкновенно дѣлаетъ, когда поетъ за сценой.

Если въ Англіи желаютъ воспроизвести что-нибудь художественное, это надо дѣлать безъ лишнихъ словъ, какъ что-то само собой разумѣющееся. Больше ничего не надо. Если же возбудить вопросъ о томъ, допустимо ли это, то сейчасъ же подыметъ крикъ, что это невозможно и неприлично, и въ особенности въ томъ слу-

чаѣ, если вопросъ касается того, что уже постоянно дѣлалось въ теченіе столѣтій. Если бы собственники французской галлерей спросили англійскую [прессу и англійскую публику о позволеніи выставить картину Уде, на которой Христосъ изображенъ сидящимъ въ одной комнатѣ и бесѣдующимъ съ людьми въ цилиндрахъ и пальто, то тѣ же лица, которыя отдали бы многое, чтобы хотя украдкой посмотрѣть на эту картину, выразили бы категорическое запрещеніе. И обладатели французской галлерей были достаточно умны, чтобы не спрашивать позволенія. Они просто-напросто выставили эту картину и истинно религіозные посѣтители были глубоко тронуты и обрадованы. Если бы какой-нибудь скульпторъ спросилъ бы общественнаго разрѣшенія выставить голую статую мужчины или женщины въ Берлингтонѣ, то ему бы этого безусловно не разрѣшили. Но подобныя вещи происходятъ ежегодно безъ разрѣшенія и никому отъ этого не дѣлается хуже. Человѣкъ, который старается разъяснить публикѣ мораль какого-нибудь произведенія искусства, является глупцомъ. Нужно показать только самое произведеніе искусства и пусть затѣмъ ужъ публика судить. Если оно ей не понравится, то она не упуститъ ни малѣйшей возможности обнаружить это. Если бы драма «Михаиль» понравилась критикамъ,

которые вообразили, что четвертый актъ ея возбуждаетъ сомнѣніе, то г-ну Джонсу также удалось бы показать на сценѣ не только благословеніе, но и крещеніе, конфирмацію, свадьбу и причастіе, какъ спокойно производили въ театрѣ Адельфи молитву за упокой души.

Относительно всего этого я не хочу устанавливать никакихъ законовъ, согласныхъ съ кодексомъ хорошаго вкуса или съ теоріей допустимаго. Я принимаю вещи такими, каковы онѣ есть. Мнѣ пришлось видѣть не только «Михаила и его падшаго ангела», но также и «Парсифаля» въ Байрейтѣ и изображеніе «Страстей Господнихъ» въ Обераммергау. Они очень понравились мнѣ, и я былъ бы радъ включить ихъ въ репертуаръ англійскаго театра. Я видѣлъ также и «Gentleman Joe» и не сомнѣваюсь въ томъ, что многіе изъ моихъ коллегъ, въ которыхъ господинъ Джонсъ возбудилъ сомнѣніе, были бы очень рады, если бы эта пьеса была включена въ репертуаръ баварскаго театра. Я пока закончу мой очеркъ предостереженіемъ, что невозможно запрещать однѣ пьесы, которыя не нравятся одному, не запрещая въ то же время другихъ пьесъ, нравящихся другимъ лицамъ и что гораздо удобнѣе терпѣть безпартійныхъ религіозныхъ людей, которые, принимая участіе въ разрѣшеніи театральныхъ вопросовъ,

воображаютъ, что тѣмъ самымъ они отдають дань духовнымъ запросамъ, нежели дать оружіе въ руки религіозныхъ людей—сектантовъ, которые, если бы только могли, совершенно уничтожили бы театръ.

ХУДОЖНИКЪ И ДРАМАТУРГЪ.

Какъ мнѣ кажется, еще никѣмъ не было замѣчено, что картинныя галлерей въ Лондонѣ чрезвычайно интересны для любителей театра, которые правильно понимаютъ выраженіе, что «существуетъ только единое искусство». Въ «Grafton Gallery» находится величайшее произведеніе одного изъ наиболѣе драматическихъ художниковъ, Фордъ Мэдоксъ Брауна, который придерживался реалистическаго направленія; въ «New Gallery» находится произведеніе Ж. Ф. Уаттса, художника идеалиста; и въ «Academy» произведеніе Лейтона, бывшаго только замѣчательнымъ рисовальщикомъ.

Я называю Мэдоксъ Брауна реалистомъ, потому что онъ обладалъ достаточной жизненной силой, чтобы находить глубокую радость и нескончаемый интересъ въ окружающемъ мірѣ въ его дѣйствительномъ видѣ, а не въ прикрашенномъ, идеализированномъ и всячески принаряженномъ для художественныхъ цѣлей. Такая любовь къ

жизни и пониманіе ея значенія представляет собой явленіе довольно рѣдкое; она высоко превосходитъ обыкновенный спросъ на красоту, современность, облагораживаніе, эlegantность стиля, тонкость чувства, очарованіе характера, симпатичную философію (философію счастливаго исхода) и показныя правила морали, которыя противопоставляютъ страдающей добродѣтели бурные пороки и указываютъ на «любовь», какъ на общее средство умиротворенія и избавленія. Она стоитъ даже выше того явленія, которое поклоняется всему этому, какъ красотѣ и добродѣтели и ставитъ ихъ на мѣсто жизни, суживая и ограничивая ее, вмѣсто того, чтобы расширять ее и наполнять ее. Въ смыслѣ такого изнѣживанія большинство художниковъ является настоящими сводниками, такъ какъ чувство красоты, которое необходимо, чтобы сдѣлать человѣка художникомъ, такъ велико, что чувство жизни въ немъ должно быть по необходимости прямо изумительнымъ, чтобы побѣдить первое чувство. Для обыкновеннаго любителя, восхищающагося красотой и обходящаго жизнь, навсегда останется тайной, какимъ образомъ реалистъ въ искусствѣ, изображая неприкрашенную, немилосердную повседневную дѣйствительность такъ красиво, приятно, трогательно и благородно, можетъ все-таки занять мѣсто среди избранныхъ, не-

смотря на то, что сначала ему приходится испытывать насмѣшки, презрѣніе, протестъ и рѣшительное отвращеніе къ себѣ почти со всѣхъ сторонъ. Среди художниковъ лучшими примѣрами могутъ служить Мэдоксъ Браунъ и Рембрандъ. Но Мэдоксъ Браунъ болѣе реалистъ, чѣмъ Рембрандъ, такъ какъ Рембрандъ идеализировалъ свои краски: онъ *рисовалъ* жизнь совершенно точно съ дѣйствительностью, но *окрашивалъ* ее всегда въ золотистую дымку,—какъ будто ему больше нравилось отраженіе солнечнаго свѣта въ сиропномъ горшкѣ, чѣмъ прямой солнечный свѣтъ,—и безъ угрызенія совѣсти жертвовалъ дѣйствительной краской для сценическаго блеска. Совершенно не то Мэдоксъ Браунъ. Мы всѣ можемъ вдыхать его свѣжій воздухъ, грѣться въ лучахъ его солнца и обонять на его портретѣ Дальтона «зеленую тину на стоячемъ болотѣ».

Рембрандъ же рѣшился бы скорѣе умереть, чѣмъ окрасить кочанъ капусты въ определенно зеленый цвѣтъ или же чѣмъ употребить тѣ рѣзкіе оттѣнки анилиновыхъ красокъ, которыя современная изобрѣтательность добыла изъ разныхъ сырыхъ матеріаловъ. Мэдоксъ Браунъ отдавался съ такой же любовью изображенію шотландскихъ шалей и настоящихъ капустныхъ головъ въ лавкѣ зеленщика, съ какою Вагнеръ изображалъ «диссонансы» въ гармоніи. Но

стоитъ, только перелистовать собраніе Рембрандовскихъ набросковъ и, въ особенности, тѣ безчисленные маленькіе рисунки, которые свободны отъ излюбленнаго приѣма этого художника—свѣтотѣни, и можно сейчасъ же узнать, что имѣешь дѣло съ непоколебимымъ реалистомъ. Можно испробовать его въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ обыкновеннаго художника мужского пола: въ его женскихъ портретахъ. Женщинъ можно выносить въ обществѣ, начиная съ тридцати лѣтъ, съ этого времени онѣ начинаютъ усовершенствоваться; и это усовершенствованіе доходить до такой степени, которая соотвѣтствуетъ ихъ способностямъ. Но хорошѣтъ онѣ начинаютъ много, много раньше тридцати лѣтъ, и въ этомъ отношеніи иногда, дѣйствительно, достигаютъ совершенства гораздо раньше, чѣмъ ихъ болтовню—оставляя въ сторонѣ рѣдкія исключенія—можно предпочесть въ серьезные моменты нѣмому сочувствію умнаго и смирнаго домашняго животнаго. Посмотрите, на примѣръ, на молодую особу на картинѣ Ингреса «La Source» и представьте себѣ, что вы принуждены нѣсколько часовъ подрядъ разговаривать съ ней. Ингресъ не былъ не только равнодушенъ къ этому, а рѣшилъ даже дать намъ понять, что онъ цѣнитъ въ этой дѣвушкѣ исключительно только ея прелестную внѣшность, и что онъ слишкомъ классикъ

для того, чтобы поддаваться влиянію какихъ-нибудь разсужденій. Напротивъ, между портретами Рембранда можно найти множество женщинъ всякаго рода и прямо таки удивляешься и поражаешься обширностью его интересовъ и его терпимости. Онъ не стѣсняется ни моральными, ни классическими соображеніями по отношенію къ своимъ героинямъ. Венера можетъ быть семидесяти лѣтъ, а Хлоя быть въ самомъ невыгодномъ положеніи; для него это безразлично: онъ рисуетъ ее ради нея самой съ громаднымъ интересомъ, не какъ шутку или нравственное ученіе, не какъ образецъ прелести, а просто потому, что онъ считаетъ ее такою, какъ она есть, достойной быть нарисованной. То же самое мы видимъ и у Мэдокса Брауна. Сама природа не болѣе безпристрастна по отношенію къ красивой и некрасивой, молодой и старой женщинѣ, чѣмъ онъ. Сравните съ прекрасной женой Джона офъ-Гаунтъ на картинѣ Виклифа супругу Фоскари;—она не обладаетъ прекраснымъ лицомъ, которое могло бы хоть нѣсколько скрасить ея ужасныя движенія; она поддерживаетъ локоть истерзаннаго пыткой юноши, потому что его изуродованныя руки не могутъ обнять ее безъ посторонней помощи. Пріятный красивый тонъ картины былъ бы въ данномъ случаѣ насмѣшкой надъ челоуѣчностью. А на картинѣ, изображающей жену Джона

офъ-Гаунтъ, красивое лицо женщины, которая нагибается и хватается за плащъ Джона,—который въ качествѣ возбужденнаго политикой англичанина публично разыгрываетъ изъ себя дурака,—придаетъ послѣдній нюансъ юмору и правдивости положенія. Нигдѣ въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ нельзя упрекнуть Мэдоксъ Брауна въ фальшивомъ пафосѣ и въ художественной позѣ. Припомните всѣ тѣ положенія, въ которыхъ вы видѣли Франческу да-Римини и ея возлюбленнаго, и затѣмъ посмотрите на находящуюся въ Крафтонъ Галлерей картину, изображающую жалкую смѣшную парочку: въ смертельномъ страхѣ, пораженная неожиданностью и въ жалкомъ смущеніи лежитъ она на землѣ, сраженная ударомъ суроваго супруга. Спрашивается, куда дѣвались гордый возлюбленный, прекрасная женщина и каиноподобный мститель? Негодуешь по поводу неумѣлости человѣка, который могъ все это выбросить и сумѣлъ только возбудить въ насъ сознаніе того, что все это дѣйствительно произошло, и что вы сами все это видѣли; негодуешь противъ человѣка, который изображаетъ намъ не наше представленіе о красотѣ и поэзіи этого случая, а только его жизнь и смерть. Я вспоминаю, какъ однажды, когда я, еще будучи «художественнымъ критикомъ» и будучи знакомъ съ произведеніями Мэдоксъ Брау-

на только по нѣсколькимъ рисункамъ, угощаль господина Фредерика Шильдса критической оцѣнкой недостатковъ Мэдокса Брауна, указывая въ особенности на одинъ рисунокъ, гдѣ локти были недостаточно красивы и болѣе напоминали о корытѣ, нежели о «туалетѣ Венеры». Господину Шильдсу удалось, не нарушая правилъ приличія, дать мнѣ ясно понять, что онъ считаетъ Мэдокса Брауна за великаго художника, а меня за порядочнаго идиота. Тогда я уважалъ оба эти убѣжденія, а теперь я ихъ раздѣляю. Въ видѣ смягчающей причины моей глупости, я могу только сказать, что я такъ привыкъ заранѣе считать, что всякій англійскій художникъ стремится къ сексуальному прикрашиванію и къ нравственному идеализированію жизни, стараясь изобразить все совершенно непохожимъ на жизнь, что мнѣ сначала даже и не пришло въ голову, что художникъ можетъ рисовать некрасивую женщину по какой-либо другой причинѣ, какъ только потому, что онъ не въ состояніи нарисовать красивую.

Обратимся теперь къ Уаттсу и мы очутимся сразу въ мірѣ видѣній, гдѣ настоящая жизнь расплывается, а наши представленія о благородствѣ и красотѣ, которыми мы украшаемъ жизнь, принимаютъ образъ и становятся видимыми. Вся эта галлерей картинъ—одно большое откровеніе: жизнь, смерть, лю-

бовь и челоѳчество теряють свой первоначальный обликъ; они приобрѣтають болѣ изящества, благородства, красоты, и даже драпировки представляютъ собой или скрещивающіяся озера гармоніи красокъ или же прекрасныя знамена, въ родѣ развивающейся мантии на картинѣ Тиціана Бахусъ, находящейся въ «Национальной Галлерей». Если бы допустить, что таковъ міръ, то надо было бы допустить, что мы живемъ небесной жизнью. Это значитъ потерять все и найти свою собственную душу. Пока мы не дойдемъ до того, чтобы понять насколько это плохая сдѣлка, мы не можемъ сомнѣваться въ искусствѣ Уаттса, конечно, предполагая заранѣе, что наше зрѣніе достаточно изошрено, чтобы понимать линіи и языкъ красокъ.

Кто желаетъ подражать моему идиотскому геройству въ области критики,—при случаѣ, описанномъ мною въ связи съ господиномъ Шильдсомъ,—тотъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ критиковать каждаго художника заранѣе предполагая, что искусство другого является настоящимъ искусствомъ. Это приведетъ кратчайшимъ путемъ къ тому заключенію, что или большая картина Уаттса, изображающая кучера съ лошадьми, является единственно крупнымъ произведеніемъ, какое онъ когда-либо создалъ, или же, что въ картинахъ Мэдокса Брауна нѣтъ

ничего вѣчнаго, кромѣ различныхъ украшеній, мебели, нѣсколькихъ удачныхъ эффектовъ освѣщеннаго воздуха и техническихъ фокусовъ и его комбинаціи портретнаго стиля Гольбейна, Антоніо Мороса и Рембранда въ фантастическомъ портретѣ Шекспира. Въ данномъ случаѣ я желаю моимъ читателямъ дать понять, что такое заключеніе не является доказательствомъ ничтожности Уаттса или Мэдокса Брауна, а есть лишь *reductio ab absurdum* собственнаго критическаго метода.

Но я слышу вопросъ: какое отношеніе все это имѣетъ къ драмѣ, о которой вы желали говорить? Милый читатель, если бы все это не имѣло даже никакого отношенія къ драмѣ, этотъ вопросъ былъ бы ничтожной наградой за тотъ трудъ, что я трачу на облагораживаніе твоего духа. Но оставимъ это! Тебѣ никогда не бросалось въ глаза то сходство между знакомыми намъ приступами вражды къ Ибсену и тѣми] насмѣшками, презрѣніемъ, ужаснымъ отвращеніемъ и непобѣдимымъ ложнымъ толкованіемъ, которыя вызвалъ Мэдоксъ Браунъ? Не думаешь ли ты, что то же самое дѣйствіе и та же самая причина заставили Ибсена избрать темой для своихъ произведеній не юность, красоту, нравственность, благородный образъ жизни и приличія такими, какъ они понимаются господиномъ Смитомъ изъ Брик-

стона и Безвотера, а настоящую жизнь, такъ же мало принимая во вниманіе мечты и кичливость бѣднаго Смита, какъ мало обращаетъ вниманія на его блестящій цилиндръ погода, когда онъ выходитъ изъ дома безъ дождевого зонта? Развѣ ты забылъ, что Ибсенъ былъ раньше также идеалистомъ, какъ Уаттсъ, и что ты можешь спокойно читать въ Новой Галлерей его «Борьбу за престолъ» или «Бранда», или «Царя и галилеянина» такъ же, какъ ты можешь повѣсить въ Галлерей Королевской Академіи картины Мэдокса Брауна «Паризина» или «Смерть Гарольда»? Или же не слыхалъ ты, какъ идеалисты, презирающіе реалистическія драмы Ибсена, заявляютъ, что его идеалистическія произведенія прекрасны, и что человѣкъ, создавшій образъ прекрасной Сольвейгъ, никогда не могъ бы спуститься до Гедды Габлеръ, если бы онъ сохранилъ свои духовныя силы?

Я имѣлъ намѣреніе гораздо шире разработать этотъ вопросъ, но отчасти меня стѣсняетъ недостатокъ мѣста, а отчасти я просто не рѣшаюсь перейти къ Лейтону и рассмотреть его произведенія въ связи съ театромъ. Мэдоксъ Браунъ былъ человѣкомъ; Уаттсъ былъ, по крайней мѣрѣ, художникомъ и писателемъ; Лейтонъ же былъ только джентельменомъ. Я сомнѣваюсь, стоило-ли когда-либо быть «джентельменомъ», даже

раньше, чѣмъ это сдѣлалось излюбленной модой нижнихъ слоевъ средняго класса, но теперь, къ счастью, эта мода нетерпима болѣе среди достойныхъ людей, исключая только нѣсколькихъ старыхъ приверженцевъ Пальмерстона, которые тоже не принимаютъ ее въ серьезъ. И все-таки нельзя отъ этого излѣчить болѣе молодыхъ актеровъ и директоровъ. Сэръ Генри Ирвингъ, какъ художникъ и идеалистъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ Уаттсомъ, отдѣленный отъ Ибсена и дѣйствительности жалкими ограниченіями своего положенія; но, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ снобомъ; и только по официальнымъ причинамъ, согласно своему собственному опредѣленному желанію, которое ни одинъ обыкновенный джентельменъ не отважился бы высказать, чтобы не обидить дворъ и не поставить себя самого въ смѣшное положеніе, онъ сдѣлался «сэромъ». Но другіе, претендующіе на дворянское достоинство! Но я не желаю быть слишкомъ высокомернымъ по отношенію къ нимъ! Если они приверженцы Лейтона, они могли бы быть чѣмъ-нибудь и похуже. Нѣтъ болѣе прекрасныхъ вещей въ мірѣ, чѣмъ собраніе картинъ въ «Академіи» съ ихъ мужчинами, которые всѣ сплошь джентельмены, и съ ихъ избранными дамами, шелковыя платья которыхъ мягко и нѣжно обрисовываютъ красивыя закругленныя формы, и благород-

нымъ рѣшеніемъ этихъ господъ признавать только нѣжное, а не грубое только Mayfair, а не Нохтѳн, только Melbury Road, а не Saffron Hill. Все это очень красиво, всѣ эти дамы и господа, но слишкомъ отрицательно, чтобы стать принципомъ драматическаго искусства. Подавлять вмѣсто того, чтобы выражать, избѣгать вмѣсто того, чтобы побѣждать, игнорировать вмѣсто того, чтобы излѣчивать: все это на сценѣ кончается тѣмъ, что мужчина превращается въ палку, лишь бы только не испортить искусное произведеніе своего портного, а женщина въ куклу съ парикмахерской выставки изъ боязни выглядѣть слишкомъ комедійно, для того, чтобы быть приглашенной на какой-нибудь элегантный праздникъ.

ВЪ ПОГОНЪ ЗА УДОВОЛЬСТВИЕМЪ.

До извѣстной степени я никогда не страшился мученическихъ пытокъ. Самое тяжелое требованіе, которое когда-либо предъявляло ко мнѣ общественное благо, заключалось въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я въ его угоду долженъ былъ жертвовать моими ночами для хожденія по театрамъ и моими днями для писанія о нихъ. Если бы я могъ предполагать, какъ ужасно мучителенъ будетъ мой опытъ, я бы еще нѣкоторое время оставилъ общественное благо безъ покровителя, раньше чѣмъ принести ему такую величайшую жертву. Но я предыдущіе годы бывалъ такъ рѣдко въ театрѣ, что не могъ себѣ вполне ясно представить весь этотъ ужасъ. Я вполне серьезно и твердо вѣрю, что тѣ наказанія за грѣхи, которыя тогда начались для меня, значительно повредили моему духовному благосостоянію. Во всякомъ случаѣ за послѣднія недѣли моей критической дѣятельности дѣло дошло до кризиса. Я чувствовалъ, что мнѣ необходимо какое-либо переживаніе при условіяхъ, которыя какъ можно меньше напоминали бы мѣста заключенія, въ

особенности поскольку это касается свѣжаго воздуха. Послѣ нѣкотораго размышленія мнѣ пришло въ голову, что если выйти за городъ, выбрать тамъ какой-нибудь опасный холмъ и какъ-нибудь, въ самый темный ночной часъ съѣхать съ него полнымъ ходомъ на велосипедѣ, то это можетъ создать совершенно своеобразный и реалистическій эпизодъ.

Сказано—сдѣлано!

Мнѣ кажется, никогда еще ни одинъ человекъ не понималъ такъ плохо другого, какъ плохо понималъ меня врачъ, когда онъ извинялся за ощущение, вызванное во мнѣ кончикомъ его иглы, которой онъ исправлялъ чрезмѣрные отверстія на моемъ лицѣ послѣ моей ночной авантюры. Кто испытывалъ почти въ теченіе трехъ лѣтъ уколы актеровъ, для того уколы хирургической иглы являются желаннымъ облегченіемъ. Я не смѣлъ просить его сдѣлать для моего удовольствія еще нѣсколько уколовъ, такъ какъ я и такъ изъ чистой потребности наслажденія въ такой степени нарушилъ его воскресный отдыхъ, что мнѣ было совѣстно за его доброту ко мнѣ; но я сомнѣваюсь, придется ли мнѣ когда-либо смотреть какую-нибудь пьесу, не стремясь душой къ сравнительному спокойствію той тихой загородной операціонной комнаты. Тишина вокругъ меня нарушалась только

отдаленнымъ пѣніемъ и барабаннымъ боемъ какой-то арміи спасенія, а игла нѣжно касалась моихъ чувствительныхъ нервовъ, уколъ за уколомъ, съ абсолютнымъ чисто-сердечіемъ дѣйствуя въ рукахъ артиста, который дѣйствительно изучилъ свое дѣло и умѣетъ примѣнять его на практикѣ.

Чтобы дополнить сравненіе нужно было бы обратиться къ экономическимъ обстоятельствамъ этого случая и сравнить гонораръ врача съ платой за мѣсто заключенія въ Вестендъ-театрѣ. Но тутъ я сталкиваюсь съ препятствіемъ въ видѣ того факта, что высшее искусство возмущается противъ сравненія его безконечной цѣнности съ какой-то жалкой кучкой денегъ. Случайно мой ирландскій голосъ возбудилъ во врачѣ симпатію ко мнѣ, обстоятельство, которое, принимая во вниманіе тотъ фактъ, что онъ самъ былъ ирландцемъ, по своей невѣроятности кажется прямо таки удивительнымъ, но все-таки это было такъ. Онъ справедливо почувствовалъ, что симпатія выше всякаго вознагражденія и отказался пользоваться ею какъ объектомъ какой-то сдѣлки. Этимъ онъ лишилъ меня возможности вспоминать о немъ иначе, какъ съ черной неблагодарностью, такъ какъ я не знаю болѣе легкаго способа погубить въ этой странѣ человѣка, чѣмъ сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ его благожелательное отношеніе—какъ

бы мало оно ни было—къ постороннимъ страдающимъ лицамъ. На это директоръ Вестендъ-театра возразилъ бы укоризненно: «Ну, позволялъ ли я когда-либо, чтобы вы платили за ваше мѣсто въ театрѣ?» На это я долженъ отвѣтить: «Это тоже слѣдуетъ приписать той симпатіи, которую въ васъ возбуждаетъ мой голосъ, который вамъ приходится слышать каждую субботу». Я не лъщу себѣ, признавая, что не бываю неблагодарнымъ по отношенію къ тѣмъ, кто оказываетъ мнѣ честь, приглашая меня къ себѣ, но нельзя же отъ меня требовать, чтобы я испытывалъ то же самое чувство къ директору, который подвергаетъ пыткамъ мои нервы, ослабляетъ мою духовную силу и портитъ характеръ, какое я испытываю къ врачу, который исцѣлилъ мое тѣло, освѣжилъ мою душу и польстилъ моему разработанному голосу, тогда какъ я для него былъ лишь постороннимъ лицомъ съ подбитымъ глазомъ, явившимся къ нему въ самый неудобный моментъ. Это значило бы низвергать справедливость и отрицать вѣчное блаженство. Кромѣ того докторъ еще сказалъ, что это счастье, что мнѣ удалось сохранить жизнь. Ну, развѣ театральнй директоръ могъ бы когда-нибудь высказать подобное мнѣніе?

Но самымъ замѣчательнымъ въ этой дѣлѣ было, можетъ быть, то, что ея чув-

ство относительной цѣнности вещей могло быть такъ легко опредѣлено, потому что въ ея стѣнахъ не существовало никакихъ сплетенъ и этотъ докторъ, дѣйствительно, не зналъ, кто я такой. Съ цинизмомъ, за который впоследствии меня заставляла краснѣть его доброта, я старался его успокоить относительно матеріальнаго достатка его обрызганнаго грязью, ободраннаго и измазаннаго кровью, пациента, сказавъ ему: «Мое имя Г. Б. Ш.», какъ если бы кто-нибудь сказалъ: «Мое имя Сесиль Родсъ, или Генри Ирвингъ, или Вильгельмъ Германскій». Не сморгнувъ глазомъ, онъ любезно выслушалъ мою эгоистическую болтовню и съ легчимъ сердцемъ отвѣтилъ мнѣ: «Мое имя Ф., а кто вы такой?» Когда я почувствовалъ себя въ атмосферѣ, въ которой до такой степени было безразлично кто и что такое Г. Б. Ш., что никому объ этомъ не было ничего извѣстно, я началъ всхлипывать отъ облегченія; а докторъ въ это время вдѣвалъ въ иглу прекрасный бѣлый конскій волосъ и дѣлалъ тактично видъ, будто слушаетъ мое уклончивое объясненіе, что я «что-то въ родѣ писателя»; это объясненіе должно было заставить его подумать, что я честно зарабатываю свой хлѣбъ расписываніемъ золотыми буквами именъ на вывѣскахъ надъ оконными витринами и на проволочныхъ жалюзи. Запятнать сознаніе

его благожелательной и благоразумной жизни моей небольшой литературной известностью было бы дѣянiемъ, достойнымъ змѣи.

Принимая все это во вниманiе, результатъ моего опыта не оставлялъ желать ничего лучшаго, и я вполне могу рекомендовать его для подражанiя. Мои нервы снова укрѣпились, а мой характеръ вполне возстановилъ свою естественную кротость. Съ тѣхъ поръ я до такой степени спокоенъ, кротокъ и нѣженъ, что привожу этимъ моихъ друзей въ полное недоумѣнiе. Конечно, моя внѣшность оставляетъ желать лучшаго; но я надѣюсь, что, когда мой глазъ снова появится на свѣтъ Божiй, кротость его выраженiя съ избыткомъ возмѣститъ за всѣ опустошенiя вокругъ него.

Но человекъ все-таки нѣчто большее чѣмъ омлетъ; и самое тяжкое увѣчье не можетъ заставить меня подчиниться той софистикѣ, при помощи которой Бербомъ Три пытался свалить вину подъ названiемъ «*Katherine and Petruchio*» съ себя и Гаррика на Шекспира. Я всегда стремился относиться къ нашему безсмертному Шекспиру съ возможной справедливостью, если принять во вниманiе, насколько его колоссальныя нелѣпости превосходятъ мои скромныя способности къ порицанiю; но Вильямъ претендуетъ на честную игру. Три утверждаетъ, что такъ какъ тѣ сцены, которыя Гаррикъ лишилъ всякой

логической связи, все-таки написаны Шекспиромъ, то онѣ и являются настоящими шекспировскими драмами; къ этому дерзкому утверждёнiю онѣ прибавляетъ еще и дальнѣйшее: такъ какъ пьеса была поставлена для Христофора Слея, паяльщика котловъ, то тѣмъ лучше, чѣмъ меньше она напоминаетъ оригиналъ. Такое доказательство до такой степени головокружительно, что я едва могу спросить, что подразумѣваетъ Три подѣ дѣйствительно краснорѣчивыми и почувствованными словами, которыя вложены въ уста Слея: «Это прекрасная задача: я бы хотѣлъ, чтобы она была исполнена!» Эта черта, относящаяся ко всей интермедии Слея, только какъ рукоятка къ кинжалу, обнаруживаетъ желанiе Три поставить вкусъ публики Королевскаго театра на одинъ уровень со вкусомъ пьянаго паяльщика котловъ, при чемъ этотъ уровень лежитъ безусловно ниже, чѣмъ настоящее состоянiе моего лѣваго глаза. Второй аргументъ гораздо серьезнѣе и можетъ обмануть даже настоящаго лондонскаго театралла. Испытаемъ его принципъ, варьируя его примѣненiе. Нѣкоторые здѣшнiе и американскiе антихристiанскiе пропагандисты выбрали изъ Библии всѣ тѣ мѣста, которыя не предназначены для чтенiя въ семейномъ кругу, и затѣмъ предлагали публикѣ цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, какъ типичные отрывки изъ Святого Писа-

нія. Нѣкоторые изъ нашихъ строговѣрующихъ писателей, несмотря на то, что они были обезоружены подобной военной хитростью, нисколько не стѣснялись дѣлать, по существу, тоже самое съ Кораномъ. Расчитывалъ ли бы Три услышать по поводу подобныхъ собраній восхищеніе, признаніе и ихъ оцѣнку со стороны тѣхъ авторовъ, изъ произведеній которыхъ были выбраны подобные отрывки? Если же нѣтъ, то въ чемъ заключается тогда разница между поступкомъ Гаррика и подобнымъ поступкомъ? Гаррикъ выбралъ изъ драмы Шекспира всѣ тѣ мѣста, которыя могли служить его низкимъ цѣлямъ, а остальное выпустилъ. Если бы онъ, искренно думая, что почитаніе Шекспира является достойной порицанія ошибкой, задался цѣлью его дискредитировать, мы могли бы все-таки, не смотря на сожалѣніе объ испорченномъ произведеніи, уважать «Katherine and Petruchio». Но онъ вовсе не придерживался подобнаго убѣжденія: онъ былъ даже общепризнаннымъ почитателемъ Шекспира и безъ сомнѣнія вполне искреннимъ, поскольку ему позволяло его жалкое отсутствіе сужденія. Онъ искажилъ «Укрощеніе строптивой» единственно и исключительно потому, что онъ надѣялся составить себѣ капиталъ, поощряя пошлость вкусовъ своихъ современниковъ. Подобный поступокъ можетъ защищаться

съ коммерческой точки зрѣнія; защищать же его съ какой-нибудь другой точки зрѣнія будетъ или искусственнымъ уклоненіемъ отъ истины, или же филистерствомъ. Если бы Три храбро заявилъ, что онъ признаетъ «Katherine and Petruchio» лучшимъ произведеніемъ, чѣмъ «Укрощеніе строптивой», и что Гаррикъ, какъ актеръ и директоръ, понимаетъ лучше, чѣмъ простой писатель, то онъ не зашелъ бы за предѣлы своего права. Ему не пришлось бы даже слишкомъ много рассчитывать на нашу довѣрчивость, такъ какъ длинная династія театральныхъ директоровъ, начиная съ Сиббэра до сэра Ирвинга, была несомнѣнно искренна, когда она предпочитала свои собственныя обработки для сцены искаженнымъ мастерскимъ произведеніямъ того генія, котораго она только на словахъ окружила глубокимъ почитаніемъ. Но Три не претендуетъ на такое преимущество; напротивъ, онъ безъ всякаго стѣсненія называетъ обработку Гаррика духовной пищей для паяльщика и считаетъ за это отвѣтственнымъ Шекспира, потому что матеріаль былъ украденъ все-таки у него.

Я не желаю смущать Три академическими вопросами. Я преслѣдую практическую цѣль: я хочу его настолько запугать, чтобы онъ впредь не отваживался довѣрять своему сужденію, поскольку это касается Шекспира. Онъ намѣревается поставить одно изъ

величайшихъ произведеній Шекспира «Юлія Цезаря», и очень возможно, что онъ растерзаетъ на части также и это произведеніе. Человѣкъ, способный въ настоящее время воскрешать «Katherine and Petruchio», всегда готовъ совершить что-нибудь, направленное противъ Шекспира. За это я его не порицаю: это естественное слѣдствіе того факта, что онъ, какъ и всѣ актеры и руководители театра, Шекспира не любитъ и не знаетъ, несмотря на то, что онъ безъ сознательной искренности подчиняется общему мнѣнію о величій «Лебедя». Я далекъ отъ того, чтобы ставить мою любовь и расположеніе къ Шекспиру, ведущихъ свое начало со временъ моего дѣтства, выше, чѣмъ зрѣлое отвращеніе или равнодушіе Три. Но разсуждая здраво, я долженъ предположить—хотя я и допускаю, что это предположеніе необычно и не имѣетъ прецедентовъ — что пьесы Шекспира ставятся для удовлетворенія тѣхъ людей, которые любятъ Шекспира, а не для того, чтобы прославлять автора и актера. Поэтому я надѣюсь, что когда Три будетъ урѣзывать «Юлія Цезаря», онъ, принимая во вниманіе то время, въ которое будетъ ставиться эта пьеса, старательно сохранить всѣ тѣ мѣста, которыя ему не понравятся и вычеркнетъ только тѣ, которыя ему покажутся достаточно популярными, чтобы удовлетворить возрѣніямъ Христо-

фора Слея. Ни въ какомъ случаѣ ему не удастся произвести такую хорошую сценическую обработку, какою была обработка «Гамлета» Форбеса Робертсона, потому что Гамлетъ г-на Ф. Р., очевидно, понравился; и его обработка не будетъ также настолько хороша, какъ обработка Жоржа Александра «Что вамъ угодно», потому что, очевидно, г-нъ Александръ считаетъ Шекспира такимъ же хорошимъ цѣнителемъ произведенія, какъ и себя самого; но въ такомъ случаѣ мы, по крайней мѣрѣ, избѣжимъ ярко выраженнаго антишекспировскаго «Юлія Цезаря». Если бы Три пришлось столько же испытать, сколько и мнѣ, при видѣ того, какъ искажаютъ Шекспира въ угоду лондонскому мѣщанину, онъ могъ бы сочувствовать и моему раздраженію по поводу этого вопроса.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО РЕЦЕН-
ЗЕНТА*).

Въ то время какъ я нахожусь въ такомъ беспомощномъ состояніи и такъ неспособенъ къ борьбѣ, напоминая собой, въ лучшемъ случаѣ, привязаннаго за одну ногу къ землѣ и приговореннаго къ смерти страсбургскаго гуся, во мнѣ пробуждается чувство испытанной несправедливости. Почти что четыре года я былъ рабомъ театра. Это такъ же связало меня со скверной, смрадной атмосферой, центромъ которой является «Стрэндъ», какъ бываетъ связана коза съ небольшимъ клочкомъ земли, на которомъ вся трава выѣдена и стоптана, и который безобразитъ весь лугъ. Театръ претендуетъ на то, чтобы каждую недѣлю его прославляли перомъ на бумагѣ. Такимъ образомъ я представляю собой человѣка, борюшагося съ вѣтряной мельницей; у меня едва хватаетъ времени, чтобы шатаясь подняться отъ потрясающаго удара одного крыла, какъ другое уже снова валитъ меня на

---

*) Когда Бернаръ Шоу оставилъ должность театральнаго критика, то посредствомъ этой маленькой замѣтки онъ простился съ англійской публикой.

землю. Теперь я спрашиваю: можетъ ли какой-либо здравомыслящій человѣкъ ожидать, чтобы я такимъ образомъ губилъ свою жизнь? Надо хоть нѣсколько поразмыслить надъ моимъ положеніемъ. Признаются ли добровольно тѣ чудеса ловкости и прилежанія, которыя я расточаю такому недостойному учрежденію и для такой вздорной публики? Ничуть! Половину моего времени я употребляю на то, чтобы объяснять людямъ какой я разумный человѣкъ. Только разумно дѣйствовать,—въ Англіи это не цѣнится. Англичане только тогда узнаютъ, что они должны о комъ-нибудь думать, когда имъ постоянно годами съ большимъ трудомъ вбиваютъ въ голову правильное и подобающее мнѣніе. Въ продолженіе десяти лѣтъ я вбиваю въ голову публики съ безпримѣрнымъ постоянствомъ и настойчивостью, что я необыкновенно остроумный, одаренный и разумный человѣкъ. Въ настоящее время это сдѣлалось достояніемъ общественнаго мнѣнія Англіи; и никогда никакая земная или небесная сила не поколеблеть его. Я могу ошибаться и говорить глупости; я могу писать наспѣхъ и слабо; я могу сдѣлаться предметомъ остротъ и насмѣшекъ для всѣхъ блестящихъ и оригинальныхъ умовъ подрастающаго поколѣнія: мое доброе имя не пострадаетъ; оно стоитъ прочно и солидно, какъ имя Шекспира, на непоколе-

бимомъ фундаментъ догматическихъ повторовеній.

Къ моему несчастью, этотъ процессъ былъ для меня чрезвычайно мучителенъ, такъ какъ отъ природы я очень скромный человѣкъ. Моя гордость и мое самосознаніе вылились въ форму застѣнчивости. Развѣ не унижительно, когда, послѣ ослѣпительнаго доказательства своей профессиональной пригодности, еще приходится говорить людямъ, какъ вы разумны во всемъ. Въ концѣ-концовъ, люди въ такой мѣрѣ пресыщаются всѣмъ этимъ, что не оспаривая даже во снѣ этого блеска, они начинаютъ его ненавидить. Я получаю иногда совершенно безумныя письма отъ людей, которые чувствуютъ, что не могутъ меня болѣе выносить.

Ну, теперь на очереди стоятъ директора театровъ. Можетъ быть, они испытываютъ по отношенію ко мнѣ благодарность? Нѣтъ: они только терпѣливы. вмѣсто того, чтобы смотрѣть на меня, какъ на ихъ руководителя, философа и друга, они видѣли во мнѣ только человѣка, который еженедѣльно поноситъ ихъ положеніе и ихъ частную жизнь. Но почитатели Шекспира еще хуже, чѣмъ директора. Когда я началъ писать, Вильямъ былъ божествомъ и притомъ страшно скучнымъ. Теперь онъ сталъ такимъ же человѣкомъ, какъ и мы, а его произведенія достигли безпримѣрной степени популярности.

И все-таки его почитатели не перестают ругать меня и покрывать мое имя позоромъ.

Объ этомъ совершенно не слѣдуетъ думать. И раньше я не имѣлъ времени объ этомъ думать; но теперь мнѣ не остается ничего другого. Когда заболѣваетъ чело-вѣкъ съ нормальными привычками, каждый спѣшитъ его увѣрить, что онъ скоро выздоровѣетъ. Когда же заболѣваетъ вегетаріанецъ (что, къ счастью, случается очень рѣдко), каждый увѣряетъ, что онъ скоро умретъ, что его объ этомъ предупреждали, и что это по отношенію къ нему вполне справедливо. Его умоляютъ принять хотя бы немножко мясного сока, чтобы дать себѣ возможность пережить ночь. Ему рассказываютъ ужасныя исторіи о случаяхъ, совершенно подобныхъ его собственному, когда неописуемая мученія кончались смертью. И если онъ дрожа отъ страха, справляется, не ѣли ли жертвы этихъ случаевъ тайкомъ мяса, ему отвѣчаютъ, что онъ долженъ молчать, если не хочетъ повредить себѣ. По десяти разъ на день приходится мнѣ вспоминать съ напряженностью утопающаго о моей протекшей жизни и о грозящей мнѣ трехнедѣльной предсмертной мукѣ, которая стоитъ передъ моими глазами, какъ возможная для меня будущность. Я никогда не смогу оправдаться передъ самимъ собой за потраченные мною четыре года рецензентской дѣятель-

ности. Я поклялся никогда больше не взводить на себя такой вины. Никогда болѣе не переступлю я театральнаго порога. Предметъ исчерпанъ и я тоже.

Но не слѣдуетъ омрачать радостнаго сознанія народовъ. Тѣхъ прекрасныхъ дамъ, которыя подъ наблюденіемъ двухъ галантныхъ полицейскихъ, ждутъ своей очереди, чтобы приблизиться къ моему ложу больного, необходимо успокоить, если онѣ увѣряютъ (а онѣ дѣлаютъ это навѣрное), что для нихъ погаснетъ свѣтъ, какъ только я перестану опубликовывать мои театральныя рецензіи. Я предложу каждой изъ нихъ тѣ цвѣты, которые оставитъ мнѣ ея предшественница, и утѣшу ее увѣреніемъ, что въ мірѣ все останется попрежнему.

ПРОМЫСЕЛЪ ГОСПОЖИ УОРРЕНЪ.

Въ 1905 году Арнольдъ Дэли поставилъ въ Нью-Йоркѣ «Промыселъ госпожи Уорренъ». Мѣстные газеты сейчасъ же подняли по этому поводу крикъ; они утверждали, что созданіе, подобное госпожѣ Уорренъ, такая «дрянь», о которой въ присутствіи порядочныхъ людей не слѣдуетъ говорить. Такое отвратительное грубое насиліе надъ челоуѣчествомъ и соціальной совѣстью въ такой мѣрѣ овладѣло нью-іоркскими журналистами, что тѣ немногіе, которые въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи сохранили свой здравый смыслъ, ничего не могли сдѣлать для того, чтобы пріостановить эпидемію, которая выразилась въ низкой болтовнѣ, грубыхъ намекахъ и въ совершенно безмѣрномъ безстыдствѣ словъ и мыслей. Всѣ писатели, увѣренные въ томъ, что они заступаются за добродѣтель, тогда какъ они ее оскорбляли, оставили въ сторонѣ свое самообладаніе. Они до такой степени заразили другъ друга своей истеріей, что уже никакому разумному разсужденію не придавалось никакого значенія. Въ концѣ концовъ, они заставили полицію аресто-

вать господина Дэли и его труппу и подали правительству поводъ выразить свое неудовольствіе по поводу возложенной на него обязанности, заставившей его прочесть такое ужасное произведеніе. Это сильное возбужденіе, понятно, улеглось само собой. Магистрату было, конечно, нѣсколько неприятно, когда онъ узналъ, что та драма, которую ему нужно было прочесть, является произведеніемъ съ несомнѣнно этической подкладкой и составляетъ часть той книги, которая уже въ продолженіе восьми лѣтъ безпрепятственно находилась въ обращеніи и безъ всякихъ возраженій была принята лондонской и нью-іоркской прессой. Онъ выразилъ пристойнымъ образомъ журналистамъ свое мнѣніе относительно ихъ моральнаго вкуса *in puncto* театральной пьесы. Онъ направилъ единодушно это дѣло въ высшую инстанцію, которая разъяснила, что эта пьеса не является антморальнымъ произведеніемъ, освободила господина Дэли и положила конецъ попыткамъ воспользоваться закономъ для того, чтобы имѣть возможность называть женщинъ «дрянью» и обходить молчаніемъ тотъ фактъ, что нельзя понижать рыночную цѣну женщинъ для промышленныхъ цѣлей; не понижая одновременно ихъ цѣны и для всѣхъ другихъ цѣлей. Я надѣюсь, что «Промыселъ госпожи Уорренъ» будетъ ставиться вездѣ и до

тѣхъ поръ, пока госпожа Уорренъ не внѣдрить этотъ фактъ въ общественную совѣсть и не пристыдить тѣ газеты, которыя поддерживаютъ тарифъ, охраняющій цѣну на каждый товаръ, за исключеніемъ цѣнъ на мужчинъ и женщинъ.

Къ несчастью господину Дэли пришлось уже испытать обычную участь тѣхъ, которые направляютъ общественное вниманіе на доходы сутенеровъ и на удовольствія развратниковъ. И онъ вмѣстѣ со мной былъ преданъ суду Линча. Прошли мѣсяцы, раньше чѣмъ приговоръ суда освободилъ его; и даже тогда, когда слѣдствіемъ этого явилось осужденіе прессы, которая къ этому времени сократилась и устыдилась своей оргіи, все-таки торжество Дэли получило нѣсколько непріятную и нежелательную извѣстность. За это время онъ не имѣлъ возможности приблизиться къ какому-нибудь американскому городу,—и даже къ тѣмъ городамъ, которые прославляли его, какъ защитника семьи и домашняго очага, когда онъ игралъ «Candida»,—безъ того, чтобы не столкнуться лицомъ къ лицу съ вопросомъ, можно ли матерямъ позволить своимъ дочкамъ присутствовать на представленіи такихъ пьесъ, какъ, напримѣръ, «*You never can tell*», принадлежащихъ перу автора «Промысла госпожи Уорренъ» и представляемыхъ такимъ чудовищемъ, который ставилъ

названную пьесу. Все это сдѣлалось еще болѣе невыносимымъ, когда журналисты, виновники всего несчастья, не принимая во вниманіе достовѣрность того факта, что моральное недовѣріе къ театру всегда имѣеть своимъ слѣдствіемъ матеріальный неуспѣхъ, усердно льстили этому пороку! и льстили въ предположеніи, что это очень доходное и популярное занятіе, что мы, т.-е. господинъ Дэли и я, какъ эксплуататоры порока, должны были составить колоссальное состояніе изъ тѣхъ упрековъ, которыми мы были завалены, и что мы именно для этой опредѣленной цѣли просто сами вызвали эти упреки и съ радостью ихъ привѣтствовали. Незнаніе дѣйствительной жизни врядъ ли можетъ идти еще дальше.

Господинъ Дэли, устоявшій противъ бури, можетъ быть, сможетъ совершенно снять съ своей души камень, предвкушая новые успѣхи въ пьесахъ болѣе молодыхъ авторовъ. Но въ моей душѣ есть мѣста слишкомъ чувствительныя. Я не могу переносить слова «дрянь». Если его примѣняютъ по отношенію къ моему произведенію, я могу себѣ позволить улыбнуться этому, такъ какъ свѣтъ улыбнется вмѣстѣ со мной; но примѣнить его по отношенію къ женщинѣ съ улицы, душа которой такой же конструкціи, какъ и наша душа, и тѣло которой не менѣе свято, чѣмъ наше тѣло, и затѣмъ по-

смотря въ лицо нашимъ женамъ и послѣ этого не пойти и не повѣситься: это не принадлежитъ къ числу прощительныхъ грѣховъ.

Сейчасъ же послѣ того, какъ я написалъ это, пришло изъ Америки извѣстiе о томъ, что одна изъ руководящихъ нью-іоркскихъ газетъ—одна изъ тѣхъ, которая, грубо издѣваясь, требовала запрещенія «Промысла госпожи Уорренъ»—строго наказана за то, что источникомъ части ея доходовъ являлись публикаціи уорреновскихъ домовъ.

Многіе были изумлены тѣмъ фактомъ, что сценическія развлеченія, которыя не скрываютъ своего намѣренія дѣйствовать на зрителя эротически, вездѣ терпимы, въ то время, какъ на пьесы, производящія совершенно противоположное дѣйствіе, ужасно нападаютъ такія лица и газеты, которыя по отношенію ко всѣмъ другимъ вопросамъ морали совершенно равнодушны. Это можно объяснить совершенно просто. Доходы отъ промысла госпожи Уорренъ поступаютъ не только въ ея карманъ и въ карманъ сэра Джоржа Крофтса, а ими пользуются также и владѣльцы домовъ, въ которыхъ обитаютъ эти люди, тѣ газеты, въ которыхъ они помѣщаютъ свои объявленія, рестораны, въ которыхъ они ѣдятъ, короче говоря,—всѣ тѣ промыслы, въ которыхъ они являются потребителями, не говоря уже о чи-

новникахъ и власть имущихъ, которыхъ они заставляютъ молчать вовлеченіемъ въ соучастіе и взятками. Если причислить еще къ нимъ тѣхъ работодателей, которые используютъ дешевый женскій трудъ и тѣхъ акціонеровъ, дивиденды которыхъ зависятъ отъ этого (такихъ людей можно найти вездѣ, даже на судейскомъ креслѣ и на самыхъ высшихъ должностяхъ государства и церкви), то образуется большой и значительный классъ людей, сильно заинтересованныхъ въ томъ, чтобы защищать промыселъ госпожи Уорренъ и также сильно заинтересованныхъ въ томъ, чтобы скрывать дѣйствительные источники ея доходовъ, какъ отъ собственной совѣсти, такъ и отъ людей. И именно эти же люди заявляютъ, что женщинъ гонить на улицу не бѣдность, а женская порочность, какъ будто порочныя женщины съ обеспеченнымъ доходомъ когда-либо шли на улицу. Эти лица держатъ себя по отношенію къ эротическимъ пьесамъ снисходительно или равнодушно, но поднимаютъ страшный крикъ о морали, протестуютъ по поводу постановки «Промысла госпожи Уорренъ» и тащатъ артистокъ въ судъ, гдѣ ихъ оскорбляютъ, запугиваютъ и гдѣ имъ угрожаютъ за то, что онѣ исполняютъ свои обязанности. Такъ какъ, надо себѣ замѣтить, что благопріятное для пьесы судебное рѣшеніе не положило конецъ этому сканда-

лу въ Нью-Йоркѣ. Въ Канзасъ-Сити, напри-
мѣръ, муниципалитетъ, чтобы предотвратить
постановку этой пьесы, основывался на мѣ-
стныхъ законахъ противъ непристойности,
обходя такимъ образомъ законы Соеди-
ненныхъ Штатовъ. Артистку, игравшую роль
госпожи Уорренъ, пригласили въ судъ и
предложили ей и ея коллегамъ на выборъ,—
или оставить городъ, или же быть привле-
ченными къ отвѣтственности въ силу этихъ
мѣстныхъ правилъ.

Поэтому вполне возможно, что члены
муниципалитета, внезапно обнаружившіе
такой интересъ по отношенію къ театраль-
ной морали, являются домохозяевами ка-
кой-нибудь госпожи Уорренъ или хозяева-
ми, нищенски оплачивающими женскій
трудъ, или владѣльцами ресторановъ, или
издателями газетъ, или вообще лицами такъ
или иначе заинтересованными въ промыслѣ
госпожи Уорренъ. Также, безъ сомнѣнія,
возможно, что это просто-напросто были
глупые люди, которые думали, что непри-
стойность заключается не въ томъ злѣ, ко-
торое она приноситъ, а въ упоминаніи о
ней. Впрочемъ я самъ былъ членомъ муни-
ципальнаго совѣта и не нахожу, чтобы во-
обще его члены были такъ просты и не-
опытны; поэтому я не желалъ бы допустить
этого смягчающаго обстоятельства по отно-
шенію къ членамъ канзасскаго муниципали-

тета и гораздо болѣе совѣтую широкой публикѣ, которая, въ концѣ-концовъ, будетъ рѣшать этотъ вопросъ, обратить особое вниманіе на тѣхъ господъ, которые допускаютъ въ театрѣ все, только не постановку «Промысла госпожи Уорренъ», и которые въ одинъ голосъ увѣряютъ, что эта пьеса слишкомъ отвратительна, чтобы ее могла терпѣть цивилизованная публика, и что, если не будетъ запрещена ея постановка, весь городъ будетъ стремиться увидѣть ее. Можетъ быть такіе люди только экзальтированы и вздорны, но я долженъ предостеречь публику: это могутъ быть также и сознательные негодяи.

Во всякомъ случаѣ, запрещать пьесу это значитъ покровительствовать тому злу, которое она отмѣчаетъ и, принимая во вниманіе этотъ фактъ, я не вижу никакого основанія предполагать, что сторонники запрещенія постановки этой пьесы являются безкорыстными моралистами, а что авторъ, театральнй директоръ и артисты, средства къ существованію которыхъ зависятъ отъ ихъ личныхъ достоинствъ, а не отъ сдаванія въ немъ домовъ, отъ публикацій или дивидендовъ, по существу уступаютъ имъ въ нравственныхъ качествахъ или въ сознаніи общественной отвѣтственности.

Конечно, въ «Промыслѣ госпожи Уорренъ» злодѣемъ пьесы является общество,

а не какой-нибудь отдѣльный индивидуумъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что тѣ лица, которыя чувствуютъ себя обиженными этой постановкой, являются защитниками общества. Ихъ документы требуютъ всегда самой тщательной провѣрки.

РЕЛИГІЯ РОЯЛИ

Однажды кто-то пришелъ къ Рубинштейну и спросилъ его: «Рояль—это музыкальный инструментъ»? Этотъ вопросъ является типичнымъ для современныхъ людей. Говорятъ съ принцемъ Уэльскимъ и спрашиваютъ его: «Англія—это республика?» или же у бургомистра спрашиваютъ: «Лондонъ—это міровой городъ»? Или же спрашиваютъ госпожу Кальвэ, какъ освѣдомленное лицо, опера ли «Cavalleria Rusticana»? Смотря на это, какъ на неразрѣшенные вопросы, люди создаютъ парадоксы; и если бы даже самъ принцъ Уэльскій сохранилъ присутствіе духа и просто отвѣтилъ бы: нѣтъ, а бургомистръ и госпожа Кальвэ отвѣтили бы: да, и затѣмъ сейчасъ же указали бы спрашивающему на дверь, то все-таки можно было бы заполнить оглавленіе одного изъ нашихъ еженедѣльно выходящихъ журналовъ фразами «Республика ли Англія?» и «Что говорить объ этомъ принцъ Уэльскій», и такимъ

образомъ задать загадку людямъ, которые не могутъ додуматься до мысли, что простое объясненіе загадки заключается въ томъ, что спрашивающій—дуракъ.

И несмотря на это, отвѣтить простымъ да на вопросъ «музыкальный ли инструментъ рояль»?—недостаточно. Это было бы недостаточнымъ разрѣшеніемъ чрезвычайно необыкновеннаго случая. Рояль это наиболѣе значительный музыкальный инструментъ: изобрѣтеніе его имѣетъ для музыки такое же значеніе, какъ книгопечатаніе для поэзіи. Остановимся на этой аналогіи всего одинъ моментъ. Почему Шекспиръ живетъ среди насъ? Принадлежитъ эта заслуга сценѣ или великимъ актерамъ, или новымъ постановкамъ съ новой музыкой и новой инсценировкой, и одинаково ложнымъ отчетамъ всѣхъ газетъ послѣ первой постановки? Ничуть не бывало. Тѣ, кто вообще знаютъ Шекспира, знаютъ его раньше, чѣмъ имъ исполнится двадцать пять лѣтъ: послѣ у нихъ для этого не хватаетъ времени—нужно жить, а не читать. Сколько изъ шекспировскихъ пьесъ приходится видѣть англичанину, раньше чѣмъ ему исполнится двадцать пять лѣтъ, даже въ томъ случаѣ, когда онъ живетъ въ городѣ, а не въ лишенной театра мѣстности или въ такой семьѣ, которая считаетъ театръ преддверіемъ ада. Я самъ, происходя изъ свѣтскаго рода и посѣщая уже въ теченіе чет-

верти столбтія театрѣ, еще не видѣлъ полной половины шекспировскихъ драмъ, и если бы впечатлѣнія, которыя произвелъ на меня его гений основывались бы исключительно на этихъ представленіяхъ, то я не имѣлъ бы о немъ полнаго понятія. Такъ какъ что пришлось мнѣ видѣть на этихъ представленіяхъ? Посмотримъ на одну изъ драмъ Шекспира, которую ставятъ въ періодъ одного поколѣнія болѣе двухъ разъ. Хорошо! Я видѣлъ Гамлета Барри Суливана, Гамлета Даніэля Бандманна, Гамлета Марріо, Гамлета Ирвинга, Гамлета Сальвини, Гамлета Уильсона Баррета, Гамлета Бензона, Гамлета Бербомъ Три и можетъ быть еще и другихъ, о которыхъ я позабылъ. Но ни одному изъ этихъ артистовъ я не обязанъ моимъ знакомствомъ съ Гамлетомъ Шекспира. Въ доказательство этого я долженъ сказать, что если бы мнѣ пришлось сегодня умереть, то я предсталъ бы передъ страшнымъ судомъ, не выдавъ, кромѣ какъ моими духовными очами, ни Фортиnbrаса *), ни соотвѣтствующаго моему представленію призрачнаго шествія тѣхъ солдатъ, которые «ложатся въ гробъ, какъ въ постель», только для того, чтобы завоевать территорію, въ которой «нѣтъ достаточно

---

*) Съ тѣхъ поръ Фербесъ Робертсонъ возвратилъ лондонской сценѣ Фортиnbrаса. И даже, можно сказать, что онъ возвратилъ ей Гамлета.

мѣста, чтобы схоронить убитыхъ». Когда мнѣ пришлось въ первый разъ видѣть Гамлета, я, въ своей невинности, ожидалъ, что Фортинбрасъ вторгнется подобно тому, какъ это изображено на картинѣ сэръ Джона Жильбера, какъ средневѣковый Карлъ XII, со щитомъ и въ шлемѣ, и силой своего меча и воли завладѣетъ трономъ, который былъ потерянъ человѣкомъ, носившимъ рапиру и во всемъ сомнѣвавшимся, благодаря чему въ высшей степени характерная англійская мораль пьесы была бы выдвинута на первый планъ. Но развѣ можно сравнивать моего перваго «Гамлета» съ первымъ представленіемъ «Ромео и Джульеты», на которомъ я присутствовалъ. На этомъ представленіи Ромео, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же послѣ принятія яда умереть, поднимается, подводитъ Джульету къ рампѣ, и она жалуется на сильный холодъ; затѣмъ между нею и Ромео происходитъ любовная сцена, которая должна ее согрѣть и во время которой Ромео, совершенно забывшему объ ядѣ, дѣлается дурно и онъ умираетъ? Или же съ моимъ первымъ «Ричардомъ III», дикой смѣсью всѣхъ историческихъ пьесъ съ намѣреннымъ искаженіемъ наилучшей музыки словъ въ стихахъ и оригинальной сценой, въ которой Ричардъ, нѣсколько напугавъ свою жену, замѣчаетъ: «Если это не изведетъ ее, то она безсмертна». По моему

юношескому мнѣнію «Ричардъ III» Сиббэра только въ одномъ отношеніи стоялъ выше драмы Шекспира, и именно въ томъ, что въ его пьесѣ было выпущено сценическое примѣчаніе «удаляются сражаясь», благодаря чему Ричмондъ и тиранъ могли довести до печальнаго конца происшедшее между ними недоразумѣніе. Нужно ли еще добавлять, что мнѣ удалось познакомиться съ Шекспиромъ не благодаря подобнаго рода представленіямъ, въ которыхъ пять изъ шести ролей исполнялись и произносились прескверно? Позднѣе, когда мнѣ пришлось видѣть Гамлета не въ исполненіи Бланка, а Джульету не въ исполненіи Дэшъ, а когда мнѣ пришлось видѣть эти пьесы при возобновленіи ихъ въ театрѣ Лицеума, все-таки сцена не namного приблизила меня къ этимъ пьесамъ. Тѣ ужасныя сокращенія, которыя дѣлаются благодаря непродолжительности современнаго театральнаго вечера, заранѣе извѣстная тщетность попытокъ превратить пьесу, написанную первоначально въ видѣ длинной, рассказанной на сценѣ исторіи со многими случайными приключеніями и неограниченными сценическими превращеніями, на современный манеръ въ трехактную пьесу, коммерческія отношенія, заставляющія артистовъ, получающихъ жалованье, приносить самыя пошлыя жертвы профессиональному сознанію, для того, чтобы

постановка соотвѣтствовала «представленію» театральнаго директора, а не ихъ собственному представленію или представленію Шекспира,—всѣ эти и многія другія анти-художественныя обстоятельства современнаго театральнаго предпріятія все еще стоятъ неумолимо между сценой и Шекспиромъ.

Шекспировскій случай, конечно, не все еще, что можно сказать противъ театра; и, въ дѣйствительности, это самое слабое обвиненіе, такъ какъ сцена дѣлаетъ для Шекспира безусловно больше, чѣмъ для любого другого драматическаго писателя. Англійская драма отъ Марлоу до Браунинга дѣйствительно не существовала бы, если бы не была напечатана. Чтобы распространить это положеніе въ общемъ и на литературу, нужно себѣ только представить, что нація зависить, въ отношеніи своего знанія поэзіи и эпическаго искусства, отъ искусства декламаторовъ, или отъ докладовъ, которыми нѣкоторые секты замѣняютъ «чтеніе библейскихъ текстовъ». Такое представленіе погибаетъ уже благодаря своей собственной бессмыслицѣ. Очевидно, что тѣ литературныя произведенія, которыя частное лицо не можетъ купить или взять изъ библіотеки, чтобы отнести къ себѣ домой и тамъ самому прочесть, могутъ, въ лучшемъ случаѣ, разсматриваться, какъ произведенія, находящіяся въ стадіи прерванной жизнедѣятельности.

Но какое отношеніе имѣютъ всѣ эти соображенія къ рояли? Но что же можетъ быть болѣе очевиднымъ? Я отказываюсь оскорблять интеллигентную публику моимъ объясненіемъ.

Я хочу однако оказать непрощенную услугу тысячамъ моихъ братьевъ, которые собираются вокругъ камина и пытаются убить время тѣми впечатлѣніями, которыя предоставляетъ имъ чтеніе романовъ, не подозревая, что гораздо болѣе вѣрное средство стоитъ, молча прислонившись къ стѣнѣ, о которомъ люди не думаютъ иначе, какъ о дорогой бесполезной роскоши, безъ которой не закончено убранство ни одной гостиной. Для иллюстраціи обратимся къ одному случаю.

Предположимъ, милый читатель, что ты юноша, жадно поглощающій «Трехъ мушкетеровъ» или какой-нибудь изъ романовъ Вальтеръ Скотта. Ну, во имя всего того, что существуетъ, какое удовлетвореніе получаешь ты отъ простаго описанія единоборствъ и побѣговъ, вызововъ и порывовъ страсти? Ты думаешь, что очень большое (потому что ты еще молодъ); но что бы ты сказалъ, если бы тебѣ удалось найти такую книгу, которая давала бы тебѣ не только простое описаніе этихъ приводящихъ въ трепетъ ощущеній, а самыя ощущенія—кипѣніе крови, напряженіе всѣхъ мускуловъ,

возвышенную неустрашимую отвагу, которая придаетъ всю прелесть роману и осуществляетъ тотъ идеаль, который Жильберъ удачно охарактеризовалъ «безстрашной геройской отвагой»? Ты обладаешь такой книгой! Брось твоихъ «Трехъ мушкетеровъ» въ корзинку для бумаги и купи себѣ партитуру «Гугенотъ» Мейербера. Затѣмъ садись за рояль и начинай! Въ музыкѣ ты найдешь ядро и осуществленіе того чувства, которое романистъ тебѣ могъ только описать; и твоимъ сознаниемъ овладѣть что то, что познакомить тебя дѣйствительно съ честностью и храбростью героя, съ прелестью и замѣшательствомъ героини и съ сильнымъ чувствомъ ихъ любви. А что касается единоборствъ, то что представляетъ изъ себя несчастное печатное перечисленіе ударовъ квартъ и терцъ, которые производятся Д'Артаньяномъ или Бюсси д'Амбуазомъ по сравненію съ дуэлью въ темнотѣ Донъ-Жуана съ командоромъ, или уничтоженіемъ Тибальда — Ромео (не шекспировскимъ Ромео, а Ромео Гуно), или мужественнымъ порывомъ Рауля какъ разъ передъ сраженіемъ на студенческомъ лугу. И замѣйте себѣ хорошенько!—только на рояли дѣйствительно происходитъ эта война на студенческомъ лугу; изъ темноты появляется Мореверъ со своими наемными убійцами для того, чтобы поддержать С. Бри и громовымъ голосомъ

возвѣщаетъ Марселю, находящемуся въ послѣдней крайности, свой гугенотскій гимнъ. Если пойти ради этой сцены въ театръ, то увидишь, что все, что происходитъ, не имѣетъ никакого смысла: партія Моревера вычеркнута; партія Марселя вычеркнута; все что заставляетъ въ этой сценѣ наростать впечатлѣніе и все, что оживляетъ ее—вычеркнуто, потому что опера такъ длинна, что совершенно невозможно, даже выпуская четвертый актъ, представить ее неискаженной, не сокращая безбожно антрактовъ. Впрочемъ весьма удивительно, почему оперные режиссеры никогда не читаютъ оперъ; можетъ быть, это происходитъ оттого, что указанія композитора завели бы ихъ на ложную дорогу, такъ какъ они совершенно не могутъ себѣ представить, чтобы причина и дѣйствіе протекали естественнымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ Мейербера на сценѣ въ такомъ же невыгодномъ изображеніи, какъ и Шекспира.

Я могу себѣ вообразить, какъ юноша, мечтающій о «Мушкетерахъ», нѣсколько нетерпѣливо перебиваетъ меня, чтобы объяснить, что онъ не умѣетъ играть на рояли. Безъ сомнѣнія, онъ не умѣетъ играть; но что жъ такого? Берліозъ не умѣлъ играть на рояли; Вагнеръ не умѣлъ играть на рояли; и даже я самъ, музыкальный критикъ съ европейской извѣстностью, не умѣю

играть на рояли. Но развѣ кто-нибудь откажется прочесть «Отелло» только потому, что онъ не умѣетъ представлять или декламировать? Вовсе не нужно умѣть сыграть «Гугеноты»: умѣть читать ноты и кое-какъ разбирать ихъ, уже достаточно. Это утверждение заставляетъ нашего юношу точнѣе опредѣлить свое затрудненіе: онъ не умѣетъ даже читать нотъ. Конечно, нѣтъ; но почему же? потому что ему никогда не приходило въ голову, что слѣдуетъ учиться читать ноты. Игра на рояли представлялась ему искусствомъ, имѣющимъ своей цѣлью доставлять удовольствіе другимъ; цѣль, которая, какъ онъ могъ убѣдиться на примѣрѣ своихъ сестеръ, не достигалась. Поэтому ему кажется, что я ему предлагаю изъ безкорыстной и, вѣроятно, бесплодной любви къ ближнему въ продолженіе цѣлаго года посвящать ежедневно столько и столько то часовъ на этюды Черни или на упражненія для пальцевъ Крамера, чтобы сумѣть сыграть медленно и неискусно, но совершенно правильно, по нотамъ «*Sonate pathétique*» Бетховена и вызвать такимъ образомъ открытое возмущеніе и безпокойство всѣхъ находящихся вблизи людей. Но нашему юношѣ нѣтъ ровно никакого дѣла до «*Sonate pathétique*», и онъ не желаетъ вовсе затрачивать и двѣнадцати часовъ на упражненія Черни, не говоря уже о двѣнадцати

мѣсяцахъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ этимъ спасъ отъ гибели всѣ произведенія Бетховена, а не только для того, чтобы сдѣлать этимъ удовольствіе мнѣ. Поэтому онъ, выучившись курить, кататься на конькахъ, играть на билиардѣ, ѣздить верхомъ, стрѣлять и еще полдюжинѣ болѣе трудныхъ вещей, чѣмъ чтеніе нотъ, все-таки не станетъ учиться ихъ читать, какъ морякъ не станетъ учиться земледѣлію. И зачѣмъ ему это, если онъ не видитъ въ этомъ никакого для себя удовольствія? Что же касается словъ «доставлять другимъ удовольствіе», то даже и не имѣющіе сестеръ юноши знаютъ, что, во-первыхъ, едва ли найдется десять человѣкъ во всей Европѣ среди самыхъ одаренныхъ и старательно упражнявшихся профессиональныхъ артистовъ, игра которыхъ доставляетъ удовольствіе достаточному количеству людей, чтобы наполнить залу св. Джемса; и во-вторыхъ то, что дѣйствіе обыкновенной любительской игры заключается въ томъ, что отъ нея люди сходятъ съ ума. Я выучился читать ноты приблизительно въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ; и съ тѣхъ поръ я причинялъ моимъ сосѣдямъ неописуемое страданіе, никогда не доставивъ ни одному существу, кромѣ самого себя, ни малѣйшаго наслажденія. Теперь меня спросятъ, почему же я все-таки занимался этимъ. Причину слѣдуетъ искать въ моемъ ран-

немъ знакомствѣ съ музыкой. Всю мою жизнь я привыкъ слышать сравнительно довольно много музыки; и тѣ мелодіи, которыя мнѣ приходилось слышать, я могъ, по крайней мѣрѣ, пѣть, не обладая никакими спеціальными знаніями и не желая ими обладать. Но въ одинъ прекрасный день случилось такъ, что условія моей жизни измѣнились и мнѣ не приходилось болѣе слышать никакой музыки. Теперь пѣніе было совершенно напраснымъ: мой голосъ — который какъ разъ тогда ужасно измѣнился — не могъ болѣе удовлетворять моего горячаго стремленія къ гармоніи, которая является чувственной субстанціей въ музыкѣ и къ сопровождающимъ ее ритмическимъ фигурамъ, которыя являются ея дѣйствующей силой и ея движеніемъ. Я обладалъ однимъ испорченнымъ голосомъ, а нуженъ мнѣ былъ цѣлый оркестръ. Эти страданія музыкальнаго голода заставили меня пренебречь правами моихъ сожителей и сѣсть за рояль. Я выучился азбукѣ музыкальной системы обозначенія по элементарному учебнику, а съ клавиатурой познакомился по діаграммѣ. Затѣмъ, не утруждая ни Черни, ни Плэди, я открылъ «Дона Джіовани» и началъ. Пока я установилъ мои пальцы на D-мольномъ аккордѣ, которымъ начинается увертюра, прошло десять минутъ; но когда, наконецъ, аккордъ прозвучалъ правильно, онъ возна-

градиль меня за всѣ усилія, которыя я на него потратилъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ я приобрѣлъ нѣкоторую технику.

Вмѣсто того, чтобы передвигать руку подкладываніемъ большого пальца и перемѣщать пальцы слѣдующимъ образомъ:

С D E F G A H C

1 2 3 1 2 3 4 5,

я перекладывалъ четвертый палецъ черезъ пятый и игралъ такъ:

С D E F G A H C

1 2 3 4 5 4 5 4.

Этотъ методъ имѣлъ то преимущество, что его можно было примѣнять на всѣхъ скалахъ,—на діотонической или на хроматической; и до сегодняшняго дня я часто возвращаюсь къ этому методу. Листъ и Шопенъ также примѣняли этотъ методъ, но не въ такомъ широкомъ размѣрѣ, какъ я. Я достигъ скоро такой ловкости, что могъ уже разбирать фортепьянныя партіи и партитуры для пѣнія; награда за это для меня заключалась въ томъ, что я основательно познакомился съ Викторомъ Гюго и Шиллеромъ по Доницетти Верди и Бетховену, съ Библіей по Генделю, съ Гете по Шуману, съ Бомарше и Мольеромъ по Моцарту и съ Меримэ по Бизэ, при чемъ въ Берлиозѣ я открылъ безсознательнаго толкователя Эдгара Аллана Поэ. Когда я бывалъ въ настроеніи школьника, жаждущаго приключеній,

я могъ переходить отъ Винцента Веллеса до Мейербера; а когда я бывалъ въ набожномъ и сентиментальномъ настроеніи, я, который совершенно не могъ переносить картинъ Эри Шеффера и благовоспитанное пригородное чувство Теннисона и Лонгфелли, совершенно разстраивался надъ Мендельсономъ и Гуно. Итакъ, какъ я во всякой музыкѣ, которая случайно попадала мнѣ въ руки, искалъ поэтическаго или драматическаго содержанія и постоянно повторялъ тѣ мѣста, гдѣ я находилъ драму или поэзію, и напротивъ никогда не возвращался къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ музыка имѣла только сама по себѣ значеніе и не имѣла никакого дѣйствительнаго содержанія, то когда мнѣ пришлось столкнуться съ дѣйствительно совершенными произведеніями искусства въ музыкальныхъ драмахъ Вагнера я не подвергся опасности понять ихъ такъ же ложно, какъ понимали ихъ музыканты—академики. Я скоро увѣрился въ томъ, что они такъ же ложно понимали и Моцарта и Бетховена, хотя, полюбивъ ихъ мелодіи и гармоніи и понявъ ихъ чисто техническую работу, они стали прославлять то, что они считали заслугой этихъ мастеровъ съ такимъ полнымъ отсутствіемъ пониманія, которое гораздо болѣе опасно для ихъ несчастныхъ учениковъ, чѣмъ градъ изъ мелкихъ камней, которымъ они привѣтствовали Вагнера

(на который послѣдній, конечно, отвѣтилъ мѣтко направленнымъ градомъ большихъ камней).

Въ чемъ же мы видимъ въ этомъ автобіографическомъ отрывкѣ единственное необходимое внѣшнее условіе при моемъ музыкальномъ образованіи? Очевидно въ рояли. Безъ нея нѣтъ никакой гармоніи, никакого сліянія ритмовъ и мотивовъ, никакого музыкальнаго настроенія и слѣдовательно никакой оперы и никакой музыкальной драмы. Но съ другой стороны для того, чтобы почувствовать въ чарующей близости осуществленіе романтизма и поэзіи, кромѣ рояли, необходимо былой печатной партитуры и предвѣдѣнія власти музыки. Нужно только дать человѣку вкусить отъ плода, который приноситъ это знаніе, и никакой недостатокъ въ техническомъ образованіи не заставитъ его отказаться дѣлать то же, что дѣлалъ я, если онъ только имѣетъ возможность пользоваться роялемъ и приобрести за десять шиллинговъ дешевыя изданія оперъ и ораторій. У меня, правда, не было ключа отъ инструмента, но я открылъ замокъ, переложивъ четвертый палецъ черезъ пятый, такъ какъ страсть къ добычѣ, которую я чувствовалъ внутри инструмента, побуждала меня къ этому разбойничьему вторженію. Это было легче, чѣмъ выучиться читать по-французски; а сколько изъ насъ

учатся читать по-французски съ исключительной цѣлью удовлетворить своей потребности познакомиться съ романами менѣе скромными, чѣмъ тѣ, которые существуютъ на англійскомъ языкѣ! Уже ради Мейербера, Гуно и Верди, даже ради Оффенбаха и какой угодно итальянской оперы стоитъ послѣдовать моему примѣру; такъ какъ не слѣдуетъ запугивать людей со средними способностями обѣщаніемъ общенія съ величайшими людьми, которыхъ они, вѣроятно, найдутъ слишкомъ сухими. Съ другой же стороны, я не желаю тѣ болѣе зрѣлыя и одаренныя души, которымъ героическій тонъ Верди, серафическая рѣзвость Гуно и псевдо-историческая погоня Мейербера за эффектами кажутся дѣтской забавой, заставить думать, что для ихъ уровня нѣтъ никакой музыки. Музыка не всегда служитъ для серенадъ Джесикѣ и Лоренцо; у нея есть болѣе высокая задача. Совершенно такъ же, какъ относится одна изъ тѣхъ кичливыхъ бронзовыхъ фигурокъ изъ лавки антикварія—два рыцаря, которые съ противоположныхъ концовъ камина, направляютъ другъ на друга свои мечи—къ статуѣ Праксителя, такъ относится опера Мейербера къ оперѣ Моцарта. Какъ бы вы ни презирали фантастическіе романы, какъ бы вы ни были углублены въ будущность величайшаго въ человѣчествѣ—такъ что Данте и Гёте, Шо-

пенгауеръ и Кантъ, Рескинъ и Ибсенъ являются для васъ только легкой литературой,— вы все-таки останетесь невѣждой, если вы никогда не слыхали «Волшебной флейты» и никогда не возносились въ небеса при заключительномъ пѣніи хора въ девятой симфоніи и если «Кольцо Нибелунговъ» не значитъ для васъ болѣе, чѣмъ всякое другое названіе, которое вы читаете въ газетѣ. Какъ бы старательно вы ни разбирались въ вашей темной библіотекѣ въ печатныхъ заглавіяхъ тѣхъ чудесъ, которыя только путемъ измѣненія матеріала чистаго чувства могутъ быть переведены въ музыкальный тонъ, вы все-таки найдете, что величайшіе изъ великихъ сочинителей, начиная съ Эсхила и до Вагнера, были поэтами-музыкантами! Какъ же можетъ человѣкъ презирать музыку или утверждать, что онъ закончилъ свое образованіе не зная музыки? Для всей области вымышленной литературы, начиная съ балладъ и до «Освобожденнаго Прометея», существуетъ параллельная область музыки, начиная съ судебного разбирательства и до «Тристана и Изольды», область, которая непосредственно сообщаетъ чувствамъ то, что первая область могла только возбудить въ фантазіи. И только рояль необходимѣе для изученія этой высшей области, чѣмъ для ознакомленія съ болѣе низкой. Это миссія рояли, и выполненіе этой миссіи яв-

ляется отвѣтомъ на вопросъ: «музыкальный ли инструментъ рояль?», и этотъ отвѣтъ поставить спрашивающаго въ глупое положеніе.

Теперь рассмотримъ обратную сторону образованія при помощи рояли въ противоположность образованію путемъ обыкновеннаго чтенія. Прежде всего читаютъ про себя, слѣдовательно шесть человѣкъ могутъ сидѣть въ одной комнатѣ и при свѣтѣ одной лампы наслаждаться шестью различными книгами. Представьте себѣ, что эти люди сядутъ за шесть роялей и одновременно начнутъ играть изъ «Микадо», «Диноры», «Фауста», «Аиды», «Фиделію» и изъ «Сумерковъ боговъ»! Представьте себѣ даже, что они это дѣлаютъ не въ одной комнатѣ, а только въ одномъ домѣ или же на одной площади, лѣтомъ при открытыхъ окнахъ! Въ нѣмецкихъ городахъ послѣ опредѣленнаго вечерняго часа никому не позволяютъ играть. Когда Листъ давалъ въ Веймарѣ уроки музыки, игра на рояли при открытыхъ окнахъ считалась нарушеніемъ общественной тишины и наказывалась денежнымъ штрафомъ. Я считаю чудомъ, что вообще терпятъ рояль, кромѣ какъ на маякахъ и въ другихъ обособленныхъ жилищахъ. Въ настоящее время немусикальные люди привыкаютъ къ шуму рояли совершенно такъ же, какъ они привыкаютъ къ шуму проѣзжающихъ дрожекъ; но, въ концѣ

концовъ, рояль сдѣлаеть большинство людей музыкальными и тогда прекратится настоящая незаконная терпимость. Такъ какъ, какъ охотно мы сами бренчимъ на рояли, такъ же оскорбляетъ и беспокоитъ насъ бречаніе другого. Такъ же, какъ смотря въ зеркало человѣкъ видитъ не то лицо, которое видитъ его сосѣдъ, также и играя на рояли, мы слышимъ не ту музыку, которую слышитъ нашъ сосѣдъ. Въ настоящій моментъ я не вижу никакого выхода изъ этого затрудненія. Мы не можемъ возвратиться къ клавибордамъ, если мы не будемъ слушать ихъ звуки черезъ микрофонъ; потому что, хотя на клавибордахъ и можно играть фуги Баха, но все-таки на нихъ нельзя играть—по крайней мѣрѣ въ свое удовольствіе—*Suoni la tromba*, или «*Di quella raga*», или «Маршъ Ракоцци», или «Полетъ валькирій». Даже хорошая игра и хорошая рояль не могутъ существовать вѣчно. Такъ какъ законы природы дѣлають хорошую игру невозможной при нашей клавиатурѣ, которая не слушается человѣческой руки и позволяетъ бѣгло пользоваться двѣнадцатью клавишами только при томъ условіи, чтобы онѣ были замѣтно разстроены. И тѣ же законы природы до сихъ поръ, повидимому, предписываютъ, что струна рояли, имѣющая самый красивый тонъ и механизмъ рояли, дающій наилучшій ударъ, не вѣчны; такъ

что если вы за цѣну въ нѣсколько сотъ фунтовъ купите себѣ идеальную рояль, вы все-таки каждые пять лѣтъ должны будете покупать себѣ новую. Но, какъ показываетъ статистика подоходнаго налога, гораздо болѣе вѣроятно, что большинство удовлетворяется роялью цѣною въ двадцать пять фунтовъ, которую онъ покупаетъ въ трехлѣтнюю рассрочку платежа; и хотя (если быть скромнымъ) за эту цѣну можно приобрести прекрасное французское пианино, все-таки обычно англійскій семьянинъ предпочитаетъ громадную рояль изъ орѣховаго дерева, которая вполне оправдываетъ примѣненіе динамита. Такимъ образомъ мы, повидимому, стоимъ передъ нелестной альтернативой, или же отказаться отъ лучшей части образованія, или же сдѣлать ее проклятіемъ для людей, которые живутъ съ нами, надъ нами или рядомъ съ нами. Врядъ ли мы имѣемъ право хоть сколько-нибудь сомнѣваться въ рѣшеніи этого вопроса; такъ какъ теперь, когда отвергнута этическая основа игры на рояли, какъ средства доставлять удовольствіе другимъ, и когда доказано, что игра на рояли приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, повидимому, простой долгъ заключается въ томъ, чтобы вообще запретить любительскую музыку и настоять на томъ, чтобы проза и поэзія были ограничены ихъ нѣмымъ, несо-

вершеннымъ, чисто литературнымъ выраженіемъ.

Но я позволю себѣ думать, что мы не должны этого дѣлать. Безъ музыки мы безусловно погибнемъ отъ пьянства, морфинизма и отъ другихъ всевозможныхъ искусственныхъ раздраженій, вызываемыхъ болѣе грубыми чувственными удовольствіями. Аскетизмъ не спасетъ насъ и именно по той причинѣ, что мы не аскеты. Параллельно своему развитію человѣкъ всегда стремится къ болѣе высокимъ наслажденіямъ, Онъ или стремится къ тому, чтобы усилить удовлетвореніе славой, ѣдой, питьемъ, возбужденіемъ, любовью, превращая все это въ лѣность, обжорство, періодическое пьянство, ужасную жестокость и смѣшные пороки; или же онъ развиваетъ свои ощущенія до поэтическаго воспріятія, которое засталяетъ его съ удовольствіемъ думать о благородныхъ предметахъ.

Здѣсь я прошу обратить вниманіе на послѣдовательный рядъ развитія; онъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, что я и покажу, не смущаясь тѣмъ, что ради этого мнѣ придется сдѣлать отступленіе. Чувство побуждаетъ человѣка къ мысли, а не мысль возбуждаетъ въ немъ чувство. Секретъ, почему нашимъ университетамъ и академическимъ учрежденіямъ, въ общемъ, не удается оказывать на студентовъ вліянія, лежитъ въ

ихъ методѣ, неизмѣнно стремящемся заставлятъ учениковъ чувствовать путемъ мышленія. Напримѣръ, ожидаютъ, чтобы ученикъ изучающій музыку, постепенно постигъ поэзію девятой симфоніи пріобрѣтеніемъ знанія дня рожденія Бетховена, объема контрафорта и количества діезовъ въ D-Dur'номъ тонѣ и т. п.; и совершенно тотъ же методъ примѣняется для того, чтобы заставить оцѣнить живопись, греческую поэзію и другія искусства. Слѣдствіе: мальчикъ со средними способностями къ искусству превращается въ человѣка со средними способностями, и направленіе его вкусовъ не отличается замѣтно отъ направленія вкусовъ молодого человѣка, который предпочиталъ проводить время въ канцеляріи присяжнаго повѣреннаго въ Оксфордѣ или Кэмбриджѣ. Всякое воспитаніе, въ отличіе отъ технического преподаванія, должно быть воспитаніемъ чувства; и такое воспитаніе должно заключаться въ воззваніи дѣйствительнаго опыта къ чувству; иначе литературная оцѣнка, говорящая нашей фантазіи, не можетъ быть правильно истолкована. Бракъ, напримѣръ, является неизбѣжнымъ факторомъ въ воспитаніи совершеннаго мужчины и женщины. Но въ воспитательныхъ учрежденіяхъ такое воззваніе къ чувству можетъ выливаться въ формѣ возсозданія произведеній искусства, и настоящая задача нашихъ университетовъ

заключается въ полнѣйшемъ усовершенствованіи такихъ представленій. Такое утвержденіе поразило бы только какого-нибудь университетскаго человѣка. Но къ счастью не существуетъ абсолютно чистаго экземпляра подобнаго рода. Если бы было возможно какого-нибудь мальчика совершенно отстранить отъ вліянія родительскаго дома и предоставить его совершенно общественнымъ школамъ и университетской жизни, то продуктомъ такого «воспитанія» явился бы такой грубый малый или же такой несносный высококомѣрный франтъ, какого можно себѣ только вообразить, если внимательно наблюдать сходные съ нимъ типы, случайно попадающіеся въ настоящее время. Но такая полнѣйшая спеціализація невозможна. Хотя моего имени нельзя найти ни въ одномъ спискѣ оксфордскаго колледжа, все-таки я подвергся настоящему университетскому воспитанію, проходя черезъ университетское зданіе и осматривая его старые прекрасные четырехугольные школьные дворики. Мнѣ извѣстны довольно образованные ученики оксфордскаго университета, которые, несомнѣнно, не посѣщаютъ университета и обманываютъ своихъ профессоровъ, но которые прекрасно знакомы съ лондонскими театрами и галереями и въ комнатахъ которыхъ можно найти картины, рояли и прекрасные предметы того или иного рода, а въ шка-

фахъ книги, которыя никогда не служатъ учебниками. Я вспоминаю, какъ однажды мнѣ пришлось разговаривать съ бывшимъ «Master of Balliol», очень любезнымъ (по всей вѣроятности удивительно невѣжественнымъ) господиномъ, который обладалъ извѣстной кокетливой вѣтренностью старой дѣвы, которая выражала или должна была выражать все очарованіе снисходительности ученаго. Въ Оксфордѣ его считали первокласснымъ воспитателемъ. Я осмѣлюсь спросить, какое право могъ имѣть онъ на такое названіе въ странѣ, гдѣ Галле создалъ Манчестерскую капеллу и дирижировалъ ею; гдѣ Августъ Мансъ и сэръ Джоржъ Гровъ основали оркестръ Хрустальнаго Дворца, и гдѣ Рихтеръ училъ насъ тому, чему научилъ его Вагнеръ? Старшина Национальной Галлерей, директоръ Королевской Итальянской оперы всегда стоили и стоятъ съ воспитательной точки зрѣнія сорока тысячъ «Masters of Balliol». Я спрашиваю, кто будетъ лучшимъ воспитателемъ — твой домашній учитель, который зубрить вмѣстѣ съ тобой для полученія ирландской стипендіи, или же миссъ Жаннета Эчерчъ, которая играетъ передъ тобой «Нору»? Ты не можешь присутствовать на представленіи «Норы», не «чувствуя» и — какъ неизбежное слѣдствіе этого — не думая; но очевидно, что ирландская стипендія приведетъ васъ къ окончанію Оксфорда,

тогда какъ чувствомъ и мышленіемъ въ этого не достигнете. Я могъ бы привести тысячу иллюстрирующихъ примѣровъ, если-бы только мѣсто позволило мнѣ это, или-же если бы критическая оцѣнка университетской системы была бы моей главной темой, а не уклоненіемъ отъ нея.

Если мы такимъ образомъ предположимъ, что жизнь постольку является для насъ проклятіемъ, поскольку она не выражается въ пріятной для насъ работѣ, и что жизнь, дѣлаясь интенсивнѣе съ повышеніемъ развитія расы, требуетъ въ такой степени наслажденія, которая не можетъ быть достигнута безъ губительныхъ извращеній, склонностей къ гуманству, разбою, любви; и если далѣе мы увидимъ, что альтернатива «глубокаго мышленія» невозможна, если она не возбуждена «глубокимъ ощущеніемъ», котораго мы можемъ добиться только путемъ обработки нашихъ чувствъ,—если мы допустимъ все это, должны ли мы будемъ тогда умышленно отвергнуть наши пуританскія традиціи и стремиться къ тому, чтобы стать націей вышколенныхъ сластолюбцевъ? Конечно; необходимо только нѣкоторое размышленіе, чтобы признать, что глубокое чувство вызываетъ глубокое мышленіе; но безъ всякаго размышленія намъ извѣстно, что слѣдствіемъ глубокаго мышленія является то, что мы называемъ повседневной

жизнью. Въ истекшемъ столѣтіи природа создала двухъ людей — Шелли и Вагнера, постояннымъ состояніемъ сознанія которыхъ было интенсивное поэтическое чувство, и которыхъ никакое религіозное или умственное соображеніе, никакое соображеніе условностей не могло отклонить отъ полной жизни. Будучи чужды обжорству, пьянству, жестокости или распутству, они были апостолами вегетаріанства, употребленія воды вмѣсто вина, питали сильное отвращеніе къ насилію и «спорту», были выдающимися защитниками независимости женщинъ, однимъ словомъ, открыто возмущались противъ тѣхъ соціальныхъ несовершенствъ, которыя признаются чрезвычайно удобнымъ челоуѣкомъ среднеодареннымъ. Шелли и Вагнеръ обладали этими свойствами въ такой степени, что практическое ученіе этихъ обоихъ архисластолюбцевъ считалось обычными людьми за святой аскетизмъ.

Если мы теперь, освобожденные отъ всякихъ страховъ относительно соціальной безопасности, — которая даетъ возможность міру стать счастливымъ, — найдемъ время для разрѣшенія вопроса, какое изъ искусствъ наиболѣе важно для достиженія этой цѣли, то мы должны будемъ первое мѣсто предоставить музыкѣ, такъ какъ для наслажденія ею необходимъ художественный актъ со стороны воспринимающаго ее, актъ, кото-

рый въ своей высшей законченности является актомъ «возсозданія», что и нашель Вагнеръ въ исполненіи Листомъ сонатъ Бетховена. Вслѣдствіе этого не слѣдуетъ музыканта ставить выше художника, строителя или скульптора. Есть такія области, въ которыхъ всякое соперничество между искусствами пропадаетъ. Когда разсматриваешь акварели Тэрнера въ Національной Галлерей, то подъемъ поэтическаго чувства, который эти акварели такъ очаровательно и закончено возбуждаютъ, совершенно поднимаетъ за тотъ уровень, стоя на которомъ чистые поклонники героизма ведутъ безконечные споры о сравнительной человѣческой цѣнности художника и композитора. И несмотря на это въ Національной Галлерей чувство выражается художникомъ, а не зрителемъ, хотя чувство послѣдняго иногда мучительно стремится выразиться. Обыкновенно стоятъ молча, или же, въ лучшемъ случаѣ, обращаются къ своему сосѣду и говорятъ: «Не правда, ли красиво?» И художественная критика въ большинствѣ случаевъ есть только выраженіе этого замѣчанія.

Представьте себѣ, что ваше чувство вызвано не картиной, а пѣсней! Вы свободны: вы можете пѣть эту пѣсню и такимъ образомъ удовлетворять одну изъ самыхъ глубокихъ человѣческихъ потребностей; какъ бы это ни казалось страннымъ тѣмъ лю-

дямъ, которые поютъ единственно и исключительно для того, чтобы вызвать одобрение другихъ. Далѣе путемъ упражненія вы приобрѣтаете способность выражать ваше чувство, а вмѣстѣ съ этой способностью—и храбрость для этого; тогда какъ въ настоящее время, при отсутствіи этой способности и храбрости, мы всѣ чувствуемъ себя несчастными, уходимъ въ свою скорлупу, притворяемся, не понимаемъ другихъ и остаемся сами непонятыми, говоря о погодѣ съ людьми, со стороны которыхъ мы могли бы встрѣтить истинное благотворное сочувствіе или цѣлительное противорѣчіе, если бы только обоюднo хорошо понимали выраженіе нашихъ собственныхъ я. Такимъ образомъ музыка является самымъ плодотворнымъ искусствомъ, потому что только она одна обладаетъ властью заставлять подчиненныхъ ей людей выражаться способомъ, являющимся наиболѣе легкимъ и общимъ изъ всѣхъ методовъ искусства, потому что онъ выливается въ форму, понятную для каждой человѣческой расы.

На эту мудрость музыки опредѣленно указывали міру Платонъ, Гёте, Шопенгауэръ, Вагнеръ и я. Когда я въ угоду реализму связываю мои ученія съ именемъ какой-нибудь личности, которая имѣетъ возможность осуществить мои идеи, то мнѣ обыкновенно грозятъ судебнымъ процессомъ, потому что

я смѣю говорить объ этомъ совершенно серьезно. И въ дѣйствительности, здравый человѣческой разсудокъ страны при современныхъ условіяхъ считаетъ воззрѣніе, согласно которому музыку слѣдуетъ принимать такъ же серьезно, какъ и религію, нравственность или политику, за ясное доказательство злбнаго безумія, если только дѣло не идетъ о музыкѣ какой-нибудь ораторіи. Причины такой духовной слѣпоты чисто экономическія. Наше несчастье состоитъ въ томъ, что широкая народная масса не имѣетъ возможности посѣщать хорошіе концерты или оперу. Поэтому ей даже неизвѣстно драматическое или поэтическое содержаніе тѣхъ пьесъ, которыя она называетъ «классическими» или «хорошей» музыкой, потому что она всегда представляетъ себѣ такую музыку, какъ сплетеніе выученныхъ декоративныхъ образчиковъ музыки, и никогда въ видѣ прекраснаго ядра чувства, которое содержится въ ея излюбленной «Анни Лори». Поэтому большинство не чувствуетъ никакой потребности имѣть рояль, и если бы оно даже и имѣло такую потребность, все же купить рояль не было бы никакой возможности и по необходимости пришлось бы удовлетвориться той роялю бѣдняковъ—нѣмецкой концертиной или гармоникой. Вмѣстѣ съ тѣмъ и наши наиболѣе одаренные пѣвцы должны получать, вмѣ-

сто еженедѣльныхъ десяти, пятнадцати фунтовъ и пенсіи, гораздо бѣльшее вознагражденіе, чѣмъ преждевременно состарившіеся на работѣ министры или офицеры, или же музыкальные критики. Если мы стремимся къ замѣтному культурному прогрессу, все это должно измѣниться. Необходимость измѣненія соціального строя столь настоятельна, что она заставляетъ музыканта идти противъ его природы и вступать на арену политической борьбы. Такъ Вагнеръ въ 48 году присоединился къ революціонерамъ, потому что государство отказалось реформировать театръ, совершенно такъ же, какъ и я принужденъ, вслѣдствіе подобной же тупости со стороны нашего правительства, примкнуть къ обществу фабіанцевъ и носить отвратительную маску политическаго дѣятеля, чтобы агитировать въ пользу такого распредѣленія достоянія, при которомъ возможна для всякаго покупка рояли.

Если бы я теперь захотѣлъ собрать всѣ эти пункты въ ихъ логической послѣдовательности, чтобы доказать, что будущность человѣчества зависитъ въ настоящее время отъ рояли, то я добился бы только того, что мое дѣло стало бы противно британскому духу, возмущающемуся тѣмъ, что его обременяють логикой. Но если я позволяю британскому духу выводить его поспѣшныя заключенія, то я хочу, по крайней мѣрѣ,

вступить за широкое толкованіе слова рояль. Органъ, гармоніумъ, вокаліонъ, эоліонъ, оркестріонъ и всякій другой инструментъ, на которомъ можно воспроизвести все обиліе звуковъ оперы или симфоніи, безусловно можетъ замѣнять рояль: и если игра на рояли цѣликомъ или отчасти можетъ быть воспроизведена при посредствѣ пластинокъ съ отверстиями, валиковъ или другихъ механическихъ приспособленій, то это во всякомъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать. Механизмъ, замѣняющій пальцы, который былъ бы такимъ образомъ устроенъ, чтобы играющій могъ искусно управлять имъ, явился бы невыразимымъ благодѣяніемъ. Дайте мнѣ такой инструментъ и я уничтожу Падеревского *).

Но пусть все-таки, никто не думаетъ что личное чтеніе и игра, уже потому, что это все-таки лучше, чѣмъ ничего, являются дѣйствительнымъ средствомъ возмѣщенія полного драматическаго и оркестрового воспроизведенія. Дѣло обстоитъ далеко не такъ; это лишь средства, употребляемые по необходимости и къ тому же очень жалкія сред-

---

*) Въ настоящее время это желаніе исполнилось. Піанола теперь усовершенствована до такой степени, что всякій ремесленникъ можетъ по бѣглости превзойти Падеревскаго и, если у него есть достаточно таланта, сравниться съ нимъ и въ толкованіи музыкальныхъ пьесъ.

ства. Когда вы въ Италиі приходите изъ картинной галлерей въ фотографическій магазинъ вы ужасаетесь отвратительными «репродукціями», превращающими золотой огонь Каприччіо въ грязную сажу **). Когда вы въ Байрейтѣ возвращаетеесь вечеромъ домой изъ концертнаго зала и слышите, какъ кто-нибудь бренчитъ фортепьянный отрывокъ изъ увертюры къ Мейстерзингерамъ, вы удивляетесь тому, какъ несчастный выдерживаетъ свою собственную игру. И все-таки, когда вы спустя нѣсколько мѣсяцевъ вытаскиваете ваши фотографіи или же садитесь за фортепьянную партитуру Мейстерзингеровъ, то они живо и пріятно напоминаютъ вамъ и въ Англии о Каприччіо и о Вагнерѣ. И также, какъ бы прилежно ни читали вы Ибсена или Шекспира, все-таки ваше основательное знакомство съ каждымъ изъ ихъ произведеній вы можете считать лишь съ того момента, когда вы увидите его цѣликомъ на сценѣ, въ чемъ и заключается намѣреніе автора. Наступитъ день, когда каждый гражданинъ сможетъ посѣщать приспособленныя къ его потребностямъ и средствамъ представленія, которыя будутъ освѣжать и развлекать его соотвѣт-

---

**) Новѣйшее введеніе свѣточувствительныхъ пластинокъ и соотвѣтственно защищенныхъ линзъ устранило старую фотографію, при которой желтые тона выходили черными, а голубые—бѣлыми.

ственно его настроенію. А до тѣхъ поръ рояль останется спасеніемъ для общества. Но когда наступитъ этотъ золотой вѣкъ, тогда, наконецъ, всякій увидитъ, какая отвратительная, неблагозвучная, угрожающая, обременительная и ужасная вещь наша домашняя музыкальная машина, и ея доводящій до бѣшенства звукъ не будетъ болѣе слышенъ на нашихъ улицахъ.

ИБСЕНЪ ВЪ АНГЛИИ.

Умеръ величайшій драматическій геній девятнадцатаго столѣтія и большинство нашихъ англійскихъ критиковъ можетъ гордиться тѣмъ, что, грубо ошибаясь, считало его преступникомъ, глупцомъ и эфемерной знаменитостью. Но все равно—оставимъ это! Современная журналистика, какъ и демократія, признаетъ величины второго ранга легче, чѣмъ величины перваго ранга. Противники Ибсена вступили въ настоящее время на путь противниковъ Вагнера, ведущій къ мусорной кучѣ грубыхъ, сдѣланныхъ мелкими людишками ошибокъ, и Европа и Америка отлично знаютъ, что извѣстіе о смерти Ибсена никогда не дошло бы до ихъ границъ, если бы онъ не былъ болѣе великъ, чѣмъ это предполагали многіе изъ нашихъ крикливыхъ ничтожествъ.

Сильная пощечина, которую Ибсенъ далъ самодовольному купеческому среднему классу, прозвучала весьма внушительно на нашей гордой британской физиономіи, когда въ 1889 году Жанетъ Эчърчъ сыграла Нору Гельмеръ въ Novelty - театрѣ на Great Queen Street'ѣ. До этого въ Комической оперѣ въ прекрасной постановкѣ шли «Столпы общества» съ Женевьевой Уардъ въ роли Лоны Гессель. Въ этой пьесѣ трогательное впечатлѣніе произвела Елизавета Робэнъ въ роли Марты, а когда госпожа Кендалъ вошла въ концѣ пьесы и невинно представила Остлера Джо передъ публикой, все еще трепетавшей отъ своего перваго знакомства съ операционнымъ столомъ Ибсена, то она вызвала цѣлую сенсацию, которую она сама не могла понять. Затѣмъ появились Флоренсъ Фарръ въ роли Ребекки Вестъ въ «Росмерсгольмъ» съ Бенсономъ въ роли Росмера, затѣмъ снова Елизавета Робэнъ и Маріонъ Леа въ «Геддѣ Габлеръ» и Гербертъ Уорингъ въ роли Строителя Сольнеса. Необходимо упомянуть еще о знаменитомъ представленіи «Привидѣній» съ Теодорой Вraithъ въ роли Фру Альвингъ и господиномъ Линдо въ роли Освальда (роль, которую позднѣе исполняли Леви Уоллеръ и Куртеней Торпъ), и о представленіи «Дикой утки» съ Винифредъ Фразеръ въ роли Гедвигъ и Абингдономъ и Лауренсъ Ирвин-

гомъ въ роляхъ Хіаммара и Реллинга. Обои представленіями мы обязаны «Independent Theatr'у» господина Грейнса — теперь болѣе не существующему. Теперь, когда перемена времени освѣтила это предпріятіе съ настоящей точки зрѣнія, мы сознаемъ, что оно было самымъ значительнымъ англійскимъ театральнымъ предпріятіемъ своей эпохи.

Слѣдствіемъ только что названныхъ постановокъ явилось Ибсеновское побоище. Крики побѣжденныхъ доходили до небесъ, а языкъ, которымъ они говорили былъ ужасенъ. Когда нынѣ умершій Клементъ Скоттъ дѣлалъ однажды Вильяму Арчеру замѣчанія относительно его слишкомъ рѣзкихъ выраженій, Арчеръ, не выдержавъ, отвѣчалъ: «Ну, а вы считаете это вѣжливымъ, когда меня называютъ копающей въ грязи собакой?» Приверженцы Ибсена, несомнѣнно, боролись гораздо болѣе горячо, чѣмъ бы они стали это дѣлать, если бы только могли понять, насколько сильно ихъ дѣло. Всѣ умы и всѣ добрые нравы были на ихъ сторонѣ; и побѣду можно было уже предвидѣть. «Анти-ибсеніанцы» должны были какимъ бы то ни было образомъ проиграть свое дѣло, а такъ какъ они прежде всего потеряли голову, то они и вызвали гораздо болѣе худшее отношеніе къ себѣ, чѣмъ это можетъ быть, было необходимо.

Своеобразнымъ отличіемъ этой, кампаніи

было то, что «ибсеніанцы» въ большинствѣ случаевъ вовсе не были «ибсеніанцами». Они были обольщены чарующей поэтической силой Ибсена, драматической яркостью его произведеній, его любовью къ истинѣ и его «*morbidezza*», но они вовсе не были захвачены его идеями. Переводъ Вильямомъ Арчеромъ драмъ Ибсена сдѣлалъ возможнымъ все движеніе и обезпечилъ, въ дѣйствительности, признаніе въ Англіи заслугъ Ибсена еще раньше, чѣмъ сама Норвегія послѣдовала примѣру Германіи и признала его великимъ драматургомъ. Но Вилльямъ Арчеръ все-таки не является тѣмъ, кого я называю ибсеніанцемъ; онъ еще недавно сказалъ слѣдующее: «Если бы путемъ химическаго процесса можно было бы вытравить изъ произведеній Ибсена всякій слѣдъ доктрины или тенденціи, ихъ значеніе въ моихъ глазахъ едва ли понизилось бы». Елизавета Робэнъ, самая одухотворенная изъ всѣхъ актрисъ, игравшихъ когда-либо въ драмахъ Ибсена, затмила свою собственную сценическую славу своимъ поразительнымъ успѣхомъ писательницы. Какъ ни интересны ея книги, все-таки въ нихъ не больше ибсенизма, чѣмъ въ романахъ Жоржа Эліота. Мой собственный опытъ объяснить произведенія Ибсена далеко не понравился всѣмъ приверженцамъ писателя, а еще менѣе могъ онъ ихъ убѣдить; онъ былъ гораздо болѣе

во вкусѣ оппозиціи, потому что она усмотрѣла въ немъ пункты, направленные *противъ* Ибсена.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ такъ, что право считаться приверженцемъ Ибсена заключается не въ томъ, чтобы быть согласнымъ съ его воззрѣніями, а гораздо болѣе въ достаточной силѣ характера, дающей возможность устоять, не моргнувъ глазомъ, передъ его страшнымъ прожекторомъ и въ достаточной человѣчности, позволяющей раздѣлять вмѣстѣ съ Ибсеномъ презрѣніе жалкаго идолопоклонничества, которое современная респектабельность называетъ своимъ идеализмомъ, и радоваться этому. Ибсень ужасно обидѣлъ и возмутилъ всѣхъ слабыхъ, чувствительныхъ, всѣхъ невоздержанныхъ расточителей съ «достаточнымъ» доходомъ, всѣхъ болѣе бѣдныхъ снобовъ, желавшихъ, чтобы ихъ принимали за такихъ, и всѣхъ милыхъ людей, которые охотно смотрятъ на свѣтъ сквозь розовые романтическіе очки и видятъ его слегка окутаннымъ пріятной дымкой. Онъ вывелъ на свѣтъ Божій ихъ отягощенные грѣхомъ тайны, онъ раскрылъ ихъ намѣренія и сорвалъ съ нихъ ихъ маскарадныя одежды. Ледъ, который онъ проломилъ, былъ тѣмъ льдомъ, по которому эти люди бѣгали на конькахъ; и вулканъ, который онъ извергъ былъ той горой, на которой эти люди стро-

или свои виллы. Если вы сами не были возмущены, если вы по той или иной причинѣ—которая вовсе не безусловно должна была быть причиной, заставлявшей дѣйствовать Ибсена—не желали, чтобы этотъ ледъ трескался и чтобы вулканъ извергался, вы просто-напросто спасались, крича о помощи. Въ этомъ заключается настоящее различіе между Ибсеномъ и анти-Ибсеномъ. Къ счастью болѣе благородныя души и болѣе сильныя духомъ всегда находятся въ состояніи возмущенія. Ибсенианцы представляли собой силу избранную; противники же Ибсена не имѣли за собой ничего, кромѣ слабѣйшаго изъ всѣхъ чудовищъ,—толпу, во главѣ которой стояли робкіе консервативные предводители.

Тріумфъ Ибсена настолько полонъ, что въ настоящее время намъ приходится говорить о немъ слишкомъ много бессмыслицы. Напримѣръ, общимъ мѣстомъ сдѣлалось то мнѣніе, что Ибсенъ измѣнилъ все направленіе англійской драмы и преобразовалъ ея технику. Я долженъ сознаться, что не въ состояніи найти ни одного примѣра для доказательства этого утвержденія. Вліяніе его произведеній пресса прежде всего усмотрѣла въ одной изъ моихъ драмъ, которая была поставлена на сценѣ въ 1902 году, а написана въ 1885 году, т. е. раньше, чѣмъ я вообще зналъ о существованіи Ибсена. Рядъ

пьесъ, которыми Пинеро очаровалъ публику, воспроизведя въ нихъ извѣстный женскій типъ, который въ своихъ половыхъ отношеніяхъ чрезвычайно характеренъ для нашей столичной цивилизаціи, неоднократно и бессмысленно приписывается вліянію Ибсена на Пинеро, несмотря на то, что эти пьесы не только являются безусловно и сильно характерными единственно и исключительно для таланта Пинеро, но и по ихъ моральному выводу совершенно противоположны ибсенизму. Какъ моралистъ Пинеро является ученикомъ Теккеря и Антони Тролоппа; какъ драматургъ онъ самъ является своимъ собственнымъ учителемъ. Генри Артуръ Джонсъ страдалъ отъ той же самой глупости критики, хотя никто кромѣ него—не исключая даже Роберта Блечфорда—не вель такъ непосредственно по прямой линіи своего происхожденія отъ нашего великаго англійскаго учителя Чарльза Диккенса, который никогда не читалъ ни строчки изъ произведеній Ибсена. Тотъ фактъ, что Ж. М. Барри удалось избѣжать подобной критической оцѣнки, вполне объясняетъ намъ причину этихъ заблужденій. Критики, находившіе, что произведенія Ибсена не достаточно радостны и что характеры, имъ обрисованные, не достаточно героины, и не шедшіе далѣе подобнаго признанія, пришли къ заключенію, что всякаго драматурга, не при-

дающаго значенія счастливому исходу пьесы и дѣлающаго хотя бы слабыя попытки возсоздать на сценѣ жизненные характеры, вмѣсто того, чтобы давать обычныя сценическія фигуры ангеловъ и демоновъ, употребляя на это ведро штукатурки и мѣшокъ сажы, можно спокойно объявить циникомъ, пессимистомъ и ибсеніанцемъ—три благословенныхъ, излюбленныхъ слова неправедныхъ судей. У Ж. М. Барри мы встрѣчаемся съ чрезвычайно пріятнымъ обращеніемъ съ людьми, что всегда мѣшаетъ ему мучить публику. Даже и въ томъ случаѣ, когда онъ открыто издѣвается надъ кѣмъ-нибудь (какъ, на примѣръ, въ «Superpunch'ѣ»), онъ въ то же время такъ чрезмѣрно льститъ ему, съ такой почти жуткой ловкостью, такъ совершенно несвойственной Ибсену, который не пощадитъ даже лучшаго друга. Сиднею Гренди удалось также избѣжать судьбы вышеназванныхъ авторовъ, потому что онъ, поскольку это касается его лишенныхъ условности драмъ, предупредилъ Ибсена. То проникающее ходячую мораль ясновидѣніе, которое придало простой остротѣ Оскара Уайльда силу, послѣдовательность, гордость и страсть, было черезчуръ его собственной, свойственной только ему манерой, чтобы на нее можно было наложить клеймо «made in Norway»; а въ своихъ менѣе оригинальныхъ произведеніяхъ Уайльдъ совер-

шенно очевидно являлся запоздалымъ романтикомъ изъ школы Теофиля Готье. Что же касается лично меня, то я вовсе не долженъ говорить, что всѣ мои идеи, которыя такъ легко приписываются Ибсену, Шопенгауэру, Толстому, Стриндбергу и Ницше, были высказаны англійскими социалистами гораздо раньше, чѣмъ лондонская пресса заговорила о нихъ. Теорія Ницше, трактующая христіанство какъ рабскую мораль, является лишь остроумнымъ предположеніемъ въ сравненіи съ предшествовавшей ей, разработанной Стюартомъ Гленни той же теоріей, являющейся дѣйствительной основой философіи исторіи цивилизаціи, начиная съ 600 года до Рождества Христова. Но лица, сейчасть же ссылающіяся на Шопенгауэра и Стриндберга, какъ только намекають о томъ, что женщина не ангелъ, очевидно, совершенно не знакомы со страстной, полной горечи, антифеминистской пропагандой Бельфорта Бакса, а также и съ его очерками о буржуазной морали. Для насъ моральная штукарта отвалилась съ домашняго очага и семьи и ея «Кормильца» (который является подражаніемъ королю Артуру Теннисона) гораздо раньше, чѣмъ въ нашу прекрасную литературу, произведя цѣлую сенсацію, вошли «Нора», «Маленькій Эйольфъ» и «Крейцера соната».

Англійскимъ журналистамъ приписываютъ

недостатокъ въ національномъ самоуваженіи посколькѣ это касается вопросовъ искусства и науки, потому что они постоянно утверждаютъ, что Англія въ этихъ областяхъ— совершенная пустота, и что всякій драматургъ, имѣющій какія бы то ни было идеи, долженъ былъ непременно воспринять ихъ откуда-то извнѣ. Но что дѣйствительно ужасающе въ нашихъ драматургахъ, это ихъ невѣжество. Держась вдаль отъ социализма и отъ свободомыслія, они совершенно ушли съ поля борьбы современныхъ идей. Они постоянно ужасаются по поводу новшества и богохульства какого-нибудь воззрѣнія, которое у мыслителей послѣдняго тридцатилѣтія уже превратилось въ совершенно обыденное воззрѣніе.

Что же касается вліянія ибсеновской техники, то всякій профессиональный драматургъ можетъ видѣть, насколько старомодны ея подражательныя и традиціонныя свойства. Ранніе опыты Ибсена въ роли режиссера должны были быть для него, какъ для практическаго драматурга, неощимы. Но въ дѣйствительности этотъ опытъ только затруднялъ и вводилъ его въ заблужденія. Когда вы въ первый разъ смотрите Нору, вы до такой степени захвачены темой пьесы, что совершенно не замѣчаете той плохой искусственности въ построеніи, которая при вторичныхъ посѣщеніяхъ бросается

вамъ въ глаза. Въ «Столпахъ общества» топорная работа неоднократно накладываетъ печать тривиальности на самое произведеніе. Вернемся къ «Госпожѣ Ингеръ», которая недавно была исполнена *Stage Society*, и намъ придется подумать, что Ибсенъ умышленно подражалъ безвкусицамъ Ричардсоновскаго кабаре, такъ какъ главное дѣйствіе большею частью переходитъ въ невозможныя второстепенныя дѣйствія. Но что еще хуже, это то, что, повидимому, Ибсенъ безъ всякой борьбы подчинился старому воззрѣнію, согласно которому драма не является настоящей драмой, если въ ней нѣтъ убійства, самоубійства или вообще чего-нибудь изъ газетной судебной хроники. Всѣ великіе люди, родившіеся въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, были таковы; пріѣзжая въ Парижъ они всегда посѣщали моргъ и строго придерживались рецепта Рѣскина для народнаго романа: убійство маленькаго ребенка. Маленькій Нель и Пауль Домби, ребенокъ изъ «Бранда» и «Маленькій Эйольфъ», все это дѣйствуетъ такъ же ощутительно, какъ ударъ въ поясницу; но какъ поэтическіе вымыслы, они далеко не заслуживаютъ удивленія; потому что они являются слѣдствіемъ болѣзненнаго страха передъ смертью и болѣзненнаго наслажденія ужасами. Въ «Маленькомъ Эйольфѣ» этотъ искусственный пріемъ, можетъ быть, оправдывается

цѣлью; но этотъ искусственный пріемъ отвлекаетъ вниманіе отъ конечной цѣли. Сцена въ «Брандѣ» ужасно болѣзненна; конечно, вѣрный путь для освобожденія отъ тѣхъ мученій, которыя будили воспоминанія о ребенкѣ, заключался въ томъ, чтобы освободиться отъ нихъ и согрѣть ими члены живого малютки. Но Ибсенъ все-таки, въ концѣ-концовъ, превращаетъ это счастливое освобожденіе въ муку и страданіе. Я допускаю, что Ибсенъ прекраснымъ и удивительнымъ образомъ изображаетъ здѣсь пытку; но я надѣюсь, что его примѣръ не извинитъ того возвращенія къ литературѣ девятнадцатаго столѣтія, которая сводится къ длиннымъ народнымъ балладамъ о разбояхъ и о лицахъ, надъ которыми теперь мы можемъ только смѣяться. Если желать плакать только ради того, чтобы плакать, то въ смерти Лира гораздо бѣльшій пафосъ, чѣмъ въ смерти ребенка госпожи Брандъ; и такъ какъ Ибсенъ въ наблюденіи и критической оцѣнкѣ жизни стоялъ значительно выше, чѣмъ Шекспиръ, то всегда, разъ онъ только уступаетъ ему, можно спокойно сказать: «тѣмъ менѣе это Ибсенъ». Шекспиръ никогда достаточно точно не придерживался жизни, чтобы дѣлать свои разбои, войны, сцены съ привидѣніями и сумасшествіемъ невыносимыми для тѣхъ, кто былъ такъ воспитанъ, что могъ ихъ выносить — даже

я могу ихъ выносить, не теряя при этомъ замѣтно терпѣнія — но катастрофы въ драмахъ Ибсена на меня производили всегда такое впечатлѣніе выдуманности, что даже вся сила его очарованія не могла заставить признать ихъ. Та логичность, съ которой Греджерсъ Верль уговариваетъ Гедвигъ убить дикую утку для того, чтобы передать ей въ руки ту пулю, отъ которой она сама должна умереть, предъявляетъ къ нашей легковѣрности слишкомъ большія требованія. То, что Ибсену это ставилось въ упрекъ, объясняется тѣмъ пріемомъ, при помощи котораго онъ перенесъ войну во вражескую страну посредствомъ опустошительнаго нападенія въ «Геддѣ Габлеръ», гдѣ Бракъ повторяетъ одну и ту же фразу: «Этого все-таки не дѣлаютъ» даже и послѣ самоубійства Гедды. Какъ ни восторгаюсь я Ибсеномъ, все-таки я слишкомъ часто прибѣгала къ этой же самой хитрости, чтобы смутиться отъ этого. И въ дѣйствительности критика Брака примѣнима ко всѣмъ катастрофамъ Ибсена. Паденіе строителя съ колокольни, конечно, нужно понимать символически. Что же касается смерти Боркмана и лавины въ концѣ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», то я думаю, что символизмъ, который можно видѣть въ этихъ катастрофахъ, является лишь прозрачной маской для развязокъ, примѣнявшихся въ прежнихъ

драмахъ, какъ, на примѣръ, въ «Адриэннѣ Лекувреръ», въ «The Iron Chest» и во всѣхъ другихъ сложныхъ трагедіяхъ пережитого театра. Такимъ образомъ я осмѣливаюсь утверждать, что у Ибсена мы не можемъ научиться никакимъ техническимъ приемамъ, конечно, не говоря ужъ о такихъ вещахъ, которымъ вообще никто никогда не могъ научиться отъ другого, но даже и такимъ вещамъ, которымъ можно научиться отъ дюжины другихъ современныхъ драматическихъ писателей. «Джонъ Габріэль Боркманъ» съ технической стороны, конечно безъ сомнѣнія, мастерское произведеніе; но этотъ родъ техническаго мастерства неразрывно связанъ съ драматическимъ гениемъ, его измыслившимъ. Несомнѣнно и Пинеро написалъ и поставилъ свою драму «His House in Order» безъ упущеній Суита Лавендера и безъ такого распредѣленія дверей на сценѣ, которое подвергало даже госпожу Танкерей сквозняку; но развѣ кто-нибудь предполагаетъ, что эта техническая эволюція не произошла бы также, если бы Ибсенъ никогда не родился? Чему мы могли бы научиться у Ибсена, это сознанію того, что нашъ недостаточный драматическій матеріалъ, поскольку онъ рассчитывается на современныхъ образованныхъ людей, совершенно исчерпанъ; то, что дѣйствительно интересуется этихъ людей на сценѣ вовсе не состоитъ въ томъ, что мы на-

зывается дѣйствіемъ—когда два, хорошо намъ извѣстныхъ, довольно близорукихъ актера дѣлаютъ видъ, что они должны драться на дуэли безъ своихъ очковъ, или когда какой-нибудь красивый, задающій тонъ мужчина угрожаетъ какой-нибудь прекрасной дамѣ очевидно неисполнимыми насиліями,—а интересуютъ ихъ жизненные исторіи, обсужденія какого-нибудь дѣйствія, раскрытіе мотивовъ, столкновеніе характеровъ, обнаруживаніе опасности, коротко говоря, освѣщеніе жизни. Я не нахожу, что обыкновенный театръ--коммерческое предпріятіе--болѣе проникнуть этими идеями, чѣмъ, приблизительно, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, когда Уильки Коллинзъ и Ада Кэвендишъ ужаснули филистеровъ «Новой Магдаленой», совершенно такъ же, какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ привели ихъ въ ужасъ Ибсенъ и Жанетъ Эчёрчъ.

Кромѣ того вліяніе Ибсена не имѣло еще времени оказать своего дѣйствія на нашу сцену. Драматурги, господствовавшіе въ послѣдніе десять лѣтъ къ 1889 году были уже слишкомъ стары, чтобы снова начать изучать свою профессію у Ибсена. Тѣ же, кто тогда еще были дѣтьми будутъ первыми, кто заставитъ насъ почувствовать всю глубину его вліянія. Никто старше сорока и даже старше тридцати лѣтъ не можетъ быть названъ ученикомъ Ибсена. Отъ современ-

никовъ Гренвиль Баркера, а не Пинеро, мы можемъ ожидать тѣхъ плодовъ, которыми мы обязаны величайшему драматургу девятнадцатаго столѣтія—который, быть можетъ, былъ величайшимъ драматургомъ всѣхъ столѣтій.

КАКЪ ШОУ УНИЧТОЖИЛЪ ГОСПОДИНА НОРДАУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вторичное опубликованіе этого открытаго письма господину Веньямину Туккеру приводитъ меня не впервые въ то затруднительное положеніе журналиста, произведеніе котораго пережило тотъ день, когда оно было написано. Журналистъ пишетъ о томъ, о чемъ всякій думаетъ (или долженъ думать), въ то время, когда онъ журналистъ пишетъ. Снова оживить то, что уже высказано,—когда каждый уже думаетъ о чемъ-нибудь другомъ, когда волна общаго мышленія и стрмленія измѣнилась, когда первыя мѣста на сценѣ заняты новыми актерами, когда многіе временщики, бывшіе когда то сильными, или уже пережили свою славу, или же погибли вмѣстѣ съ ней, когда малые міра сего, которымъ вы благодѣтельствовали, стали великими, а великіе, на которыхъ вы нападали, признаны святыми и въ гробу добились прошенія у народнаго сознанія, — это значитъ подвергать цѣнность вашей журналистики очень жестокому испытанію.

И все-таки журналистика есть самая из-

бранная форма литературы, такъ какъ всякая избранная литература есть журналистика. Писатель, стремящійся къ тому, чтобы произносить плоскости, цѣнные «не только для одного столѣтія, но и для вѣчности», достигаетъ того, что его невозможно читать ни въ одномъ столѣтіи; между тѣмъ, какъ Платонъ и Аристофанъ, которые старались вколотить хоть немного здраваго смысла въ Аѳины своего времени, Шекспиръ, населившій эти самые Аѳины ремесленниками елизаветинскихъ временъ и уорвикшайрскими охотами, Ибсенъ фотографировавшій врачей и церковныхъ настоятелей норвежской общины, Карпаччіо, такъ точно описавшій жизнь святой Урсулы, какъ будто бы она была дамой, живущей въ сосѣдней улицѣ, — до сихъ поръ живы вездѣ и вездѣсущи среди пыли и праха тысячи академическихъ, скучныхъ, археологически точныхъ мужей науки и искусства, которые всю свою жизнь высокомерно избѣгали пошлой манеры журналистовъ обращать вниманіе на все скоропреходящее.

Я также журналистъ и я горжусь этимъ. Я намѣренно вычеркиваю изъ моихъ работъ все, что не является журналистикой, такъ какъ я увѣренъ въ томъ, что все, что не есть журналистика не сохраняется долго, какъ произведеніе литературы, а пока сохраняется—не приноситъ никакой пользы. Я

касаюсь всѣхъ эпохъ; но я не изучаю ни одной эпохи, кромѣ современной, которую я до сихъ поръ не изучилъ и вообще никогда не смогу изучить; и какъ драматургъ я не имѣю никакой точки соприкосновенія съ какой-либо исторической или съ другой какой-нибудь личностью, за исключеніемъ только части ея, которой являюсь и я самъ и которая — смотря по обстоятельствамъ— есть, можетъ быть, лишь девять десятыхъ или девяносто девять сотыхъ всей личности (если я не больше, чѣмъ она). Но эта часть является во всякомъ случаѣ всѣмъ, что мнѣ извѣстно объ ея душѣ. Человѣкъ, пишущій о себѣ самомъ и о своемъ времени, является единственнымъ человѣкомъ, который пишетъ обо всѣхъ людяхъ и о всѣхъ временахъ. Писатель другого рода, думающій, что онъ самъ и его время такъ отличны отъ всѣхъ другихъ людей и временъ, что было бы нескромно и совершенно ненужно говорить о себѣ и о немъ или же предполагать, что это можетъ интересовать кого-нибудь, кромѣ него самого или его современниковъ, является самымъ ослѣпленнымъ изъ всѣхъ эгоистовъ, и слѣдовательно самымъ ненужнымъ и непригоднымъ для чтенія авторомъ. И поэтому пускай всегда занимаются тѣмъ, что другіе называютъ литературой, а я называю журналистикой!

Я надѣюсь, что памятникъ журналистики

1895 года оправдаетъ эти вступительныя замѣчанія, которыя все-таки нужны, несмотря на то, что здѣсь они приведены лишь для того, чтобы выбросить изъ сѣдла тѣхъ критиковъ, которые бросаются на меня на высокихъ коняхъ науки. Этотъ памятникъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Докторъ Максъ Нордау, одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ космополитическихъ евреевъ, которые выступаютъ противъ современной культуры, какъ Давидъ выступилъ противъ филистимлянъ, или какъ Карлъ Мартель выступилъ противъ сарациновъ, и которые побѣждаютъ ее безъ обычнаго чувства человѣчности по отношенію къ ней, собралъ въ 1893 году изъ всѣхъ угловъ и концовъ обвиненія противъ ея талантливыхъ представителей — которыхъ онъ считалъ дураками — и выпустилъ этотъ сборникъ въ Германіи подъ заглавіемъ: «Вырожденіе». Эта книга была переведена въ Англии и въ Америкѣ подъ заглавіемъ: «Дегенерація». Это произведеніе имѣетъ свое достоинство, какъ и всякое обвинительное произведеніе, въ которомъ есть рѣзкія и основательныя нападки: такъ какъ чтобы понять заслуги чего-нибудь, не достаточно только выслушать дурака, воображающаго что онъ безпристрастенъ, а необходимо взвѣсить всѣ обстоятельства за и противъ.

Чтобы понять святого, необходимо вы-

слушать адвоката дьявола, и то же самое относится и къ художнику. Максъ Нордау вызвался самъ быть адвокатомъ дьявола противъ великихъ знаменитостей искусства девятнадцатаго столѣтїя и такъ хорошо исполнилъ свою обязанность, какъ это вообще возможно было за эту плату, при чемъ попутно онъ сказалъ гораздо болѣе истинныхъ и значительныхъ вещей, чѣмъ большинство адвокатовъ противной партїи.

Адвокаты противной партїи въ замѣшательствѣ отказались отъ высказанныхъ ими положенїй; они начали увѣрять, что вполне согласны съ докторомъ Нордау, и хотя они, можетъ быть, нѣсколько и занимались Россети, Вагнеромъ, Ибсеномъ, Толстымъ, Ницше и другими выродками, раньше чѣмъ былъ обнаруженъ настоящїй характеръ этихъ послѣднихъ, все-таки они, въ дѣйствительности, никогда ихъ не признавали. И даже тѣмъ, которые оставались вѣрны своему флагу, недоставало той многосторонности умственной культуры, чтобы возразить космополитическому доктору болѣе, чѣмъ на одинъ или два пункта, такъ какъ часто они были лишь тщеславными почитателями какого-нибудь одного выдающагося человѣка, а вовсе не борцами за искусство вообще. Такъ вагнерїанцы были готовы пожертвовать Ибсеномъ; а ибсенїанцы совершенно такъ же съ подозрѣнїемъ относились къ

Вагнеру; толстовцы въ свою очередь жертвовали обоими; а ницшеанцы радовались, когда видѣли, что достается и Толстому; и знатоки импрессионизма въ живописи, хотя и были совершенно безпристрастны относительно музыки и литературы, совершенно не были знакомы съ техническими выраженіями этой области. И все-таки положеніе доктора Нордау было такъ плохо, и употреблявшіяся имъ техническія выраженія, когда онъ говорилъ о живописи и музыкѣ, были настолько гораздо болѣе бессмысленны, чѣмъ морскія наблюденія, сдѣланныя капитаномъ Лемуэлемъ Гулливеромъ, что я знакомый со всѣми искусствами и привыкшій къ революціонному климату еврейскаго космополитизма, смотрѣлъ на его триумфъ почти такъ же, какъ Наполеонъ смотрѣлъ на избіеніе швейцарцевъ, думая о томъ, какъ легко было бы превратить пораженіе въ дешево стоящую побѣду. Но никто изъ нашихъ нелѣпыхъ газетныхъ писателей, не обладалъ достаточнымъ пониманіемъ, чтобы поручить мнѣ начальство; и подобно Наполеону, я удалился, оставивъ ихъ разрывать другъ друга въ клочки.

Но судьба не допускаетъ пренебреженія доставляемыми ею возможностями. Пасху 1895 года, когда Нордау всецѣло господствовалъ на полѣ брани, и когда газетные герои современной литературы и искусства,

плача и увѣряя въ своей невинности, стояли передъ нимъ на колѣняхъ, я проводилъ время въ избранномъ обществѣ фабианцевъ, политическихъ дѣятелей и философовъ, въ Би-чи-Отелѣ, первый разъ въ своей жизни усердно стараясь выучиться ѣздѣ на велосипедѣ. Мои усилія до такой степени забавляли курортныхъ сторожей, что они смѣялись, какъ никто никогда не смѣялся во время представленія моихъ пьесъ. Я съ такимъ успѣхомъ выставялъ себя въ смѣшномъ видѣ, что чувствовалъ въ себѣ склонность познакомиться съ кѣмъ-нибудь. Какъ разъ въ это время получилъ я предложеніе отъ философа-анархиста Веньямина Туккера, издателя американскаго листка, подъ заглавіемъ «Liberty» которому предстояло съ соотвѣтствующей его заглавію храбростью провести отчаянную борьбу за свое существованіе въ странѣ, гдѣ каждому гражданину разрѣшено подавлять свободу, что онъ обычно и дѣлаетъ въ тѣ моменты, когдѣ онъ готовъ отказаться отъ погони за деньгами.

Господинъ Туккеръ, видѣвшій, что никто не отвѣчаетъ доктору Нордау и съ проницательностью безстрашнаго здраваго человѣческаго смысла понявшій, что докторъ, написавшій очевидно бессмыслицу, можетъ быть, технически опровергнуть кѣмъ-нибудь, владѣющимъ его же оружіемъ, былъ того мнѣнія, что я являюсь такимъ человѣкомъ.

— Я предлагаю вамъ, Шоу,—сказаль господинъ Туккеръ,—назначить самую высокую плату, которую когда-либо кому-нибудь платили—даже самому Гладстону—за одну газетную статью и я заплачу вамъ столько за критическую статью о «Вырожденіи» для «Либерти».

Это былъ, дѣйствительно, настоящій издатель!

Господинъ Туккеръ получилъ такую критическую статью, какую желаль и послаль каждой газетѣ Соединенныхъ Штатовъ по экземпляру номера «Либерти», въ которомъ эта статья появилась (теперь этотъ номеръ является достояніемъ коллекціонера). Эти экземпляры быстро въ изобиліи разошлись между знатоками Лондона—и о «Вырожденіи» не было болѣе слышно. Недоброжелателю предоставляется утверждать, что это лишь случайность, и что темы для разговоровъ о «Вырожденіи» къ этому времени уже были исчерпаны; но я, конечно, предпочитаю думать, что заслуга этого принадлежитъ господину Туккеру и мнѣ. Я долженъ прибавить, что сбытъ газеты за безцѣнокъ, къ сожалѣнію, разорилъ Туккера, такъ какъ распространеніе между знатоками не окупило бесплатнаго распространенія между филистерами; но господинъ Туккеръ постоянно разорялся на своемъ «Либерти» и постоянно спасаль свое положеніе своими дѣ-

ловыми способностями. Я видѣлъ его въ этомъ году въ Лондонѣ, и онъ выглядѣлъ такимъ счастливымъ, что я не могъ желать себѣ лучшаго собутыльника, и къ тому же онъ жаждаль новой борьбы съ судами и общественными учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ.

Теперь можно было бы спросить, почему, если цѣль моего очерка выполнена, мнѣ необходимо снова вызывать его къ жизни, послѣ того, какъ онъ спокойно въ теченіе двѣнадцати лѣтъ пролежалъ подъ спудомъ? И я бы на это отвѣтилъ слѣдующее: отчасти потому, что господинъ Туккеръ желаетъ закрѣпить свой издательскій успѣхъ въ болѣе постоянной формѣ и встрѣчаетъ сильную поддержку своего намѣренія въ лицѣ господъ Хольбрукъ Джэксона и А. Р. Ореджа въ Англии, которые бережно сохранили номеръ «Либерти» и хотятъ начать имъ серію памфлетовъ, которую они желаютъ присоединить къ журналу «The New Age» и къ ихъ излюбленной организаци «The Arts Group of the Fabian Society», а отчасти потому, что недавно, просматривая этотъ очеркъ, я нашель, что его еще можно вполнѣ читать, и что онъ можетъ сослужить службу тѣмъ, кто сбить съ толку вѣчной враждой между художникомъ-философомъ и простымъ мѣщаниномъ.

Въ общемъ я оставилъ мой очеркъ въ

такомъ же видѣ, въ какомъ онъ впервые былъ опубликованъ; главное измѣненіе состоитъ въ расширеніи того отдѣла, который касается значенія той массы законовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ моралью и религіей, а являются лишь условностями: сущность этихъ законовъ вовсе не заключается въ томъ, является ли путь, предписываемый ими, правильнымъ съ этической точки зрѣнія или же въ какомъ-либо отношеніи фактически лучшимъ, чѣмъ путь ему прямо противоположный (какъ, напримѣръ, въ предписаніяхъ о ѣздѣ), а лишь въ томъ, что слѣдованіе этимъ закономъ безусловно необходимо для удобнаго и быстрого развитія общественной дѣятельности, для того, чтобы каждый дѣлалъ то же самое, что и другой, и могъ бы и со стороны каждаго ожидать одинаковаго отношенія. Я научился этому изъ критики господина Эльмера Мода по поводу толстовскаго Анархизма,—изъ критики, которую я не могу исправить.

Далѣе я, изъ развившейся съ годами боязни, смягчилъ одно или два выраженія, которыя мучили меня, какъ невѣжливость по отношенію къ Нордау. Но, конечно, я не желаю его обидить попыткой пощадить его чувства; я пытаюсь только исправить мой собственный способъ выраженія.

Наконецъ, я хочу еще замѣтить, что, хотя

я и придерживаюсь того воззрѣнія, что обвинительные акты доктора Нордау были упразднены моимъ очеркомъ, все-таки ни обвинительные акты, ни критика не упраздняютъ главнаго вопроса, а именно: до какой степени гений является болѣзненнымъ симптомомъ? Мнѣ было бы очень пріятно, если бы докторъ Нордау еще разъ попытался разрѣшить этотъ вопросъ: такъ какъ я не понимаю, какъ человѣкъ, внимательно наблюдавшій гения, можетъ отрицать, что между художниками такъ же встрѣчаются преступники и сумасшедшіе, какъ здоровые и честные люди. (Болѣе или менѣе это такіе же люди, какъ и всѣ другіе; совершенно такъ же, какъ наши обычные преступники на скамьѣ подсудимыхъ являются преступниками лишь вслѣдствіе случайности какаго-нибудь одного проступка, а не вслѣдствіе разницы между ихъ природой и природой судей и жюри). Утвержденіе, что великій писатель и художникъ не можетъ совершить несправедливости, такъ же неправильно, какъ и утвержденіе, что король не можетъ совершить несправедливости, или что папа непогрѣшимъ, и что самое лучшее за нихъ дѣлаетъ та сила, которая ихъ создала.

Въ моей послѣдней драмѣ «The Doctors Dilemma» я выдвинулъ этотъ вопросъ, показавъ типъ художника, гения и негодяя одновременно, имѣющаго колоссальный успѣхъ;

этого человѣка страстно защищаютъ люди умные и способные чувствовать, повидимому, по той причинѣ, что большая художественная одаренность и пылкая художественная фантазія даютъ человѣку право быть безсовѣстнымъ, безчестнымъ въ денежныхъ дѣлахъ и самолюбивымъ по отношенію къ женщинамъ, совершенно такъ же, какъ у одного африканскаго племени королевское достоинство даетъ человѣку право убивать при малѣйшемъ поводѣ, если ему того хочется. Я не знаю болѣе труднаго для разрѣшенія практическаго вопроса, чѣмъ тотъ, до какой степени можно терпѣть эгоизмъ талантливаго человѣка за его талантливость или же для того, чтобы выждать насколько онъ себя въ концѣ - концовъ оправдаетъ. Сверхчеловѣкъ, навѣрное, придетъ, какъ воръ, ночью и вслѣдствіе этого въ него будутъ стрѣлять. Но въ дѣйствительности мы не можемъ оставить совершенно незащищенной нашу собственность. Съ другой же стороны мы не можемъ требовать отъ сверхчеловѣка, чтобы онъ къ употребляемымъ, чтимымъ обычаямъ присоединялъ еще цѣлую массу высшихъ добродѣтелей; такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ стремится къ тому, чтобы отбросить большую часть чтимыхъ понятій морали, какъ грязь, и замѣнить ихъ новыми, чуждыми обычаями, отказываясь отъ старыхъ обязан-

ностей и принимая вмѣсто нихъ новыя и болѣе трудныя. Всякій шагъ его успѣха долженъ вызывать у людей условности, ужась: и если бы даже самому сильному челювѣку было возможно итти все время во главѣ другихъ, то все-таки каждый пионеръ былъ бы распятъ на пути къ сверхчелювѣчеству. Къ счастью наши геніи въ дѣйствительности умѣютъ не выходить изъ строя и итти въ ногу съ другими, и случайное ковыляніе впередъ — часто явно противъ ихъ собственныхъ понятій о приличіи—является наибольшимъ, что они могутъ совершить. Наиболѣе возможное различіе между поведеніемъ генія и поведеніемъ его современниковъ такъ ничтожно, что всегда бываетъ трудно убѣдить людей, которые ежедневно соприкасаются съ талантами, что таланты представляютъ собой нѣчто особенное: примѣрами противоположнаго (напримѣръ, Горькій, скандализировавшій Нью-Йоркъ) являются тѣ случаи, когда геній не находится въ конфликтъ съ современными ощущеніями своего класса, а лишь съ какимъ-нибудь учрежденіемъ, далеко отставшимъ отъ своего времени, какимъ, напримѣръ, является брачный законъ въ Россіи (чтобы не говорить о болѣе близкой странѣ). Въ дѣйствительныхъ современныхъ положеніяхъ наши геніи являются лишь на одну часть геніями, а на девяносто девять частей—консерваторами.

Но если мы перейдемъ отъ спеціальнаго разсмотрѣнія поведенія къ выраженію мнѣнія—отъ того, что геніальный человѣкъ смѣетъ *дѣлать* къ тому, за что онъ смѣетъ *бороться*,—то мы увидимъ, что для блага общества необходимо, чтобы генію было предоставлено преимущественное право наибольшаго возмущенія, преимущественное право злословить, защищать хорошій вкусъ, соблазнять юношество и, главнымъ образомъ, возбуждать недовольствіе своихъ дялюшекъ. Но такъ какъ подобная свобода можетъ быть предоставлена геніальному человѣку лишь въ томъ случаѣ, если онъ разсудительнѣе и здоровѣе и если онъ видитъ дальше и глубже, чѣмъ его дялюшки, то совершенно безцѣльно, подъ тѣмъ предлогомъ, что обидчикъ-геній, требовать неограниченной терпимости по отношенію къ необузданному поведенію, даже и въ томъ случаѣ, если этотъ геній, вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія какого нибудь своеобразнаго таланта, имѣетъ громадное значеніе, какъ художникъ. Андреа дель Сарто былъ лучшимъ художникомъ и рисовальщикомъ фресокъ, чѣмъ Рафаэль; но несмотря на это онъ былъ обманщикомъ; и ни одинъ честный художникъ не будетъ стараться доказывать въ его пользу, что утаивать довѣренныя деньги является однимъ изъ преимущественныхъ правъ тѣхъ неопредѣлен-

ныхъ духовныхъ способностей, которыя мы называемъ художественнымъ темпераментомъ. Если бы докторъ Нордау сдѣлалъ серьезную попытку, точно указать намъ, гдѣ мы находимся въ этомъ отношеніи, опредѣливъ дѣйствительные первоначальные примѣты генія, такъ что мы могли бы знать, кого мы должны распять, и кого поставить выше закона, то онъ до такой степени обязалъ бы къ благодарности ту цивилизацію, на которую онъ нападаетъ, что она забыла бы о всѣхъ ранахъ (въ большинствѣ случаевъ очень заслуженныхъ) которыя онъ нанесъ ей.

Лондонъ, июль 1907.

Мой милый Гуккеръ!

По вашей просьбѣ я прочелъ «Вырожденіе» Макса Нордау—двѣсти шестьдесятъ тысячъ словъ и ничего кромѣ словъ, которыя все время повторяютъ одно и то же. Это, какъ вамъ извѣстно тотъ способъ, посредствомъ котораго внушаютъ что нибудь свѣту, хотя Нордау видитъ въ этомъ у писателей, не раздѣляющихъ его воззрѣнія, симптомъ сумасшедшаго бѣснованія. Его посланіе міру говоритъ, что всѣ наши характерныя современныя произведенія искусства являются болѣзненными симптомами ихъ авторовъ, и что эти больные авторы сами являются симптомами нервнаго истощенія рассы, вызваннаго чрезмѣрной релігіей.

Для меня, художественнаго критика по призванію, видѣвшаго въ теченіе многихъ лондонскихъ «сезоновъ» массу книгъ, картинъ, посѣщавшаго оперы и театральныя представленія, въ нападкахъ господина Нордау нѣтъ ничего новаго. Все это я уже слышалъ. При каждомъ новомъ возрожденіи силы въ искусствѣ всегда поднимался одинаковый шумъ и такъ какъ такой шумъ, подобно пророчеству о наступающемъ концѣ свѣта, всегда находитъ свою публику, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что книга, которую очень легко составить, если только найдется чловѣкъ, согласный играть роль раскопщика въ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, гдѣ лежатъ старыя журналы и если затѣмъ соединить въ этой книгѣ весь собранный матеріалъ,—что такая книга будетъ имѣть успѣхъ. Чтобы дать вамъ понятіе о той массѣ матеріала, которая готова для подобной компиляціи, позвольте вамъ предложить одинъ или два наброска преобразованія въ искусствѣ, котораго я самъ былъ свидѣтелемъ.

ИМПРЕССИОНИЗМЪ.

Когда критика живописи была моимъ главнымъ занятіемъ, импрессионистское движеніе въ Лондонѣ переживало стадію борьбы за свое существованіе; я оказывалъ этому движенію посильную поддержку, такъ какъ оно, какъ слѣдствіе повышеннаго вниманія и обостреннаго сознанія своихъ приверженцевъ, было, повидимому, предназначено для того, чтобы значительно улучшить живопись, замѣняя естественнымъ, согласнымъ съ дѣйствительностью стилемъ, тотъ условный стиль, который согласны были признавать единственно истиннымъ. Результатъ вполнѣ оправдалъ мою приверженность къ этой партіи. Я помню, какъ Уистлеръ, чтобы заставить публику оцѣнить тѣ новшества, которыя онъ ввелъ въ живопись, долженъ былъ выставить прекрасный портретъ дѣвушки, голова которой нарочно была перечеркнута двумя грубыми штрихами; онъ прекрасно зналъ, что если бы онъ просто на просто выставилъ портретъ женщины, то британскій филистръ посмотрѣлъ бы на него только съ той точки зрѣнія, хороша ли эта женщина, или нѣтъ, или же является ли она изображеніемъ одного изъ

его излюбленныхъ поэтическихъ типовъ, не замѣтивъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ художественную цѣнность картины. Но для критиковъ было гораздо легче признать этотъ поступокъ Уистлера безстыдной фантазіей и обнаружить свои хорошія манеры, назвавъ его «Jimmy», чѣмъ подумать о томъ, что собственно онъ хотѣлъ этимъ выразить. Необходимо было многихъ лѣтъ «пропоганды дѣйствіемъ», раньше чѣмъ тѣ качества, которымъ придавалъ значеніе импрессионизмъ, сдѣлались въ живописи само-собой понятными, такъ что, въ концѣ концовъ, прилежные посѣтители картинныхъ галлерей, сталкиваясь съ картиной Бугеро «Дѣвушка во ржи», не могли уже болѣе признавать ее, за видъ изъ окна на природу и видѣли сейчасъ же, что въ дѣйствительности дѣвушка стоитъ въ мастерской при свѣтѣ, который наши агенты по сдачѣ квартиръ называютъ «хорошимъ сѣвернымъ свѣтомъ», а что поле есть лишь условный обманъ. Этотъ успѣхъ въ воспитаніи нашихъ любителей искусства былъ достигнутъ лишь упорнымъ выставленіемъ такихъ картинъ, которыя, какъ дѣвушка съ замазанной головой Уистлера, являются лишь примѣрами пропаганды метода, а не совершенными произведеніями искусства. Но въ то время, когда Уистлеръ и его партія старались заставить продавцовъ и художествен-

ные союзы, выставляя подобные этюды, и старались приучить публику къ тому, что сначала казалось безвкусицей, двери неизбѣжно широко были открыты и передъ настоящей безвкусицей. Чрезвычайно трудно хорошо рисовать, но зато чрезвычайно легко такъ измазать бумагу и полотно, чтобы это выглядѣло, какъ нѣчто похожее на картину, совершенно такъ же, какъ похожи на картину пятна на старыхъ обояхъ или же темныя мѣста въ горящемъ углѣ. Въ то время, когда не могли замѣтить разницы между какимъ нибудь мараніемъ съ анилиновыми тѣнями и ландшафтомъ Монэ, было произведено много дрянн подобнаго рода, которую выставляли и терпѣли. Дѣло заключалось вовсе не въ томъ, что люди признавали это мараніе такимъ же прекраснымъ, какъ и произведенія Монэ, а въ томъ, что они считали произведенія Монэ такими же смѣшными, какъ это мараніе; но они боялись говорить это, потому что видѣли, что лица, считавшіяся хорошими критиками, не находили Монэ смѣшнымъ.

Затѣмъ, кромѣ простыхъ обманщиковъ, былъ цѣлый рядъ въ высшей степени честныхъ художниковъ, которые создавали неестественныя произведенія, потому что они видѣли ненормально. Мои собственные глаза съ точки зрѣнія окулиста случайно «нормальны»; т.-е. я вижу вещи простымъ гла-

зомъ такими, какими большинство людей видитъ ихъ лишь при помощи очковъ. Мнѣ пришлось разъ выдержать споръ съ однимъ художникомъ, показавшимъ мнѣ прекрасную картину, написанную имъ, на которой раскрытыя губы въ лицѣ прелестной женщины позволяли видѣть нѣчто, что мнѣ представилось въ видѣ куска только что выпавшаго снѣга. Художникъ прочелъ мнѣ цѣлую проповѣдь о томъ, что я не считаюсь съ моимъ зрѣніемъ, а съ моими фактическими знаніями. «Вы не видите промежутковъ, между зубами, когда вы смотрите на человѣческой ротъ», говорилъ онъ, «все что вы видите, это бѣлая, желтая или жемчужная полоска, смотря по обстоятельствамъ. Но такъ какъ изъ анатоміи вамъ извѣстно, что между зубами существуютъ промежутки, вы желаете, чтобы на картинѣ они были изображены черточками. Это похоже на васъ, художественныхъ критиковъ и такъ далѣе». По всей вѣроятности, онъ мнѣ не повѣрилъ, когда я ему сказалъ, что когда я смотрю на рядъ зубовъ, я замѣчаю не только промежутки между ними, но и ихъ форму, а также и ихъ контуры, какъ и ихъ общую окраску. Очевидно, нѣкоторые изъ наиболѣе талантливыхъ импрессионистовъ видѣли формы не такъ опредѣленно, какъ они умѣли разбираться въ гармоніи красокъ, и такъ какъ въ искусствѣ большую

часть всегда составляетъ подражаніе, у насъ вскорѣ появились молодые художники, имѣвшіе совершенно нормальное зрѣніе, которые до тѣхъ поръ смотрѣли на какой нибудь ландшафтъ или на модели полузакрытыми глазами и нѣсколько вбокъ, пока то что они видѣли не начало представляться имъ похожимъ на картины ихъ излюбленныхъ художниковъ.

Импрессионистское движеніе привело къ очень старательному изученію атмосферы, которая обычно считается невидимой, но что очень рѣдко бываетъ въ дѣйствительности, а также къ изученію такъ называемыхъ цѣнностей, т.-е. соотношенія свѣта и тѣни между различными нарисованными предметами. Отъ правильности этого соотношенія зависитъ въ высокой степени правильность впечатлѣнія. Какъ трудно это соблюдать на полномъ свѣту, гдѣ различныя краски видимы въ блескѣ, такъ сравнительно легко это въ тѣхъ тѣсныхъ пространствахъ, гдѣ недостатокъ свѣта превращаетъ всѣ краски въ коричневые и сѣрые тона различной глубины. Если бы портретъ Саратэ, написанный Уистлеромъ, который является мастерскимъ произведеніемъ своего рода, повѣсить рядомъ съ портретомъ Гольбейна, то онъ выглядѣлъ бы какъ монохромный этюдъ; и тѣ маленькіе цвѣтные букеты, которыми Гольбейнъ иногда укра-

шаетъ свои модели, носятъ въ большинствѣ случаевъ, несмотря на все ихъ совершенство, характеръ эмали, мозаики, ювелирной работы и никогда не похожи на первоначальную модель. Его ученики могли рисовать темныя интерьеры и фигуры, которые очевидно были помѣщены въ угольныхъ погребяхъ, съ замѣчательной правдивостью и художественностью освѣщенія, все еще не умѣя нарисовать зеленаго дерева или голубого неба, уже не говоря о томъ, что они не умѣли нарисовать помѣщенія въ такомъ же яркомъ освѣщеніи и окраскѣ, которыя мы находимъ на картинахъ Питера де-Хугса. Конечно, публика при ея утилитарномъ знакомствѣ съ мѣстной окраской и при ея мѣщанскомъ непониманіи валеровъ и атмосферы, не видѣла вначалѣ къ чему стремятся импрессионисты, и отвернулась отъ нихъ, какъ отъ извращенныхъ, гоняющихся за извѣстностью странныхъ чудаковъ.

Такимъ образомъ, это движеніе было безусловно благодѣтельнымъ и успѣшнымъ и ни въ какомъ отношеніи бессмысленнымъ или декадентскимъ. И несмотря на это оно повело къ публичнымъ выставкамъ такой пачкотни, которую прежде сами создатели ея не отважились бы предложить для выставки; оно обнаружило уклоненія отъ правильности зрѣнія художниковъ, которые раньше, согласно старымъ академическимъ

правиламъ постарались бы скрыть свои недостатки тѣмъ, что стали бы рисовать предметы (напримѣръ, зубы), не считаясь со своимъ зрѣніемъ, а считаясь со своими знаніями; импрессионизмъ заставилъ своихъ послѣдователей, обладавшихъ хорошимъ зрѣніемъ, упражняться въ своего рода оптическомъ извращеніи, чтобы видѣть предметы астигматически и такъ, какъ ихъ видятъ близорукіе и замѣнилъ картинами, похожими на увеличенія недодержанныхъ фотографій, хорошо извѣстныя портреты охотниковъ въ красивыхъ красныхъ кафтанахъ, сидящихъ на блестящихъ каштаново-коричневыхъ коняхъ. Все это и еще многое другое должно было неизбежно привести чело-вѣка, не понимавшаго ничего въ недостаткахъ обыкновенной живописи, къ мысли, что импрессионисты и ихъ современники должны быть умственно гораздо менѣе здоровы, чѣмъ ихъ отцы.

ВАГНЕРІАНИЗМЪ.

Мое призваніе музыкальнаго критика заставило меня вновь очень внимательно опредѣлить тенденцію того спора, который ведется уже съ половины столѣтія, о музыкальныхъ произведеніяхъ Вагнера. Мы встрѣтились съ вами, милый Туккеръ, въ послѣдній разъ въ Байрейтѣ въ антрактѣ на представленіи Парсифаля; но опытъ научилъ меня тому, что если американецъ и появляется въ Байрейтѣ, то вслѣдствіе этого онъ вовсе не обязанъ любить техническіе споры о музыкѣ, болѣе чѣмъ другіе люди. Позвольте мнѣ поэтому изложить вамъ этотъ случай въ пріятной и понятной формѣ. Музыка подобна искусству живописи постольку, поскольку она является чисто декоративной, чисто драматической или же чѣмъ то лежащимъ между этими двумя формами. Художникъ можетъ быть декоративнымъ, какъ Вилльямъ Моррисъ, или же онъ можетъ изображать жизнь и характеры, какъ Фордъ Мэдоксъ Браунъ. Или же художникъ можетъ стоять между этими двумя крайностями и воспроизводить жизненные и характерныя сцены декоративнымъ образомъ, какъ Вальтеръ Крэнъ или же Бернъ-

Джонсъ, которые представляют собой совершенныхъ декоративныхъ художниковъ; фигуры, изображаемыя этими художниками на картинахъ и въ иллюстраціяхъ являются въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ декоративными образчиками, болѣе красивыми, чѣмъ у Мэдокса Брауна, но гораздо менѣе жизненными. Можете ли вы себѣ представить, что въ музыкѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ переменнымъ примѣненіемъ искусства къ драматическому и къ декоративному моментамъ.

Можно сочинить красивую гармоничную музыкальную пьеску, которая сохранится только благодаря лежащей къ ней самой прелести и гармоніи. Или же можно сочинить музыку для того, чтобы повисить выраженіе человѣческаго душевнаго движенія и подобная музыка, сопровождая это душевное движеніе, будетъ глубокопотрясающа, а отдѣленная отъ него будетъ представлять собой наибольшую бессмыслицу. Чтобы привести примѣры чисто декоративной живописи въ музыкѣ, мнѣ пришлось бы возвратиться къ старой музыкѣ тринадцатаго, четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, ко времени, предшествовавшему высшей власти оперы; но я боюсь, что моему утвержденію, что многое въ этой старой музыкѣ очень красиво и стоитъ гораздо выше той чепухи, которую наши музыкальные издате-

ли выпускають въ настоящее время въ свѣтъ, не повѣрятъ въ Америкѣ; такъ какъ, когда я недавно написалъ нѣчто подобное въ «American Musical Courier» и при этомъ указалъ еще на достоинства тѣхъ инструментовъ, для которыхъ была написана эта музыка (віола, спинетъ и т. д.), одинъ изъ вашихъ первыхъ музыкальныхъ критиковъ разобралъ меня и пустился въ подробныя разъясненія превосходства современнаго концертнаго рояля (причемъ онъ очевидно думалъ о ббльшемъ шумѣ, который производитъ послѣдній) и пренебрежительно устранилъ средніе вѣка изъ царственной современности девятнадцатаго столѣтія *).

Я даю мое слово въ залогъ того, что въ одной Англійи существуетъ цѣлый рядъ композиторовъ, начиная съ Генриха VIII и до Лоуса и Пурселя, оставившихъ намъ цѣлую массу инструментальной музыки, которая не была ни драматической ни описательной музыкой, а была сочинена единственно и исключительно для того, чтобы захватить слушателя красотой ея звука, прелестью и замысловатостью ея декоративности. Это то искусство, которое Вагнеръ называлъ «абсолютной музыкой». Въ настоящее время пред-

*) Однако, можетъ быть, въ теченіе этого времени господинъ Арнольдъ Дольметшъ выучилъ въ этомъ отношеніи Америку, какъ онъ выучилъ Лондонъ и меня.

ставителями такой музыки являются соната и симфонія; и мы снова нѣсколько возвращаемся къ ея прежней чистотѣ, благодаря реакціи, наступившей послѣ Вагнера; во главѣ этой реакціи стоитъ высокодаренный чистый музыкантъ и безнадежно банальный и скучный проповѣдникъ Юганнесъ Брамсъ.

Чтобы понять современную путаницу, вы должны знать, что современная музыка появилась не какъ независимая отрасль музыкальнаго искусства, а какъ поддѣлка декоративной музыки. Первые современные драматическіе композиторы связали себя правилами хорошей декоративной живописи въ тонахъ; и эта нелѣпость считалась выполнимой, благодаря тому факту, что у Моцарта, такого великаго мастера своего искусства, въ его операхъ есть мѣста, которыя, несмотря на то, что они, повидимому, слѣдуютъ драматической игрѣ чувства и характера, совершенно не считаются ни съ какими условностями, необходимыми съ точки зрѣнія чистой музыки, и являются совершенными гармоничными орнаментами звука. Но всѣ эти *tours de force* не являются достаточнымъ оправданіемъ того, чтобы эти законы декоративной живописи обязывали и другихъ драматическихъ музыкантовъ; самъ Моцартъ старался освободиться отъ этихъ законовъ и поэтому подвергался жестокимъ нападкамъ со стороны своихъ современни-

ковъ. Обвиненія, направленные противъ него (отсутствіе мелодій, запрещенныя и неблагозвучныя гармоническія движенія и колоссальное злоупотребленіе оркестромъ), были совершенно тѣ же самыя, какими такъ часто отягощаютъ насъ противники Вагнера. Вагнеръ, выдающейся особенностью котораго былъ его здравый смыслъ, завершилъ освобожденіе драматическаго музыканта отъ этихъ законовъ декоративной живописи; и мы имѣемъ теперь оперы, и къ тому же весьма хорошія, такихъ композиторовъ, какъ Брюно, которые вообще не являются музыкантами въ прежнемъ смыслѣ этого слова, т. е. они не являются декораторами, они не сочиняютъ музыки отдѣльно отъ драмы; и если они должны украсить оперу танцами, инструментальными интермедіями или тому подобнымъ, то они или берутъ темы изъ драматической части своихъ оперъ и продолжаютъ ихъ развивать далѣе, или же они воспроизводятъ какуюнибудь совершенно простую пѣсню или же мелодію танца, надъ простотой которой Гайднъ посмѣялся бы, и придаютъ ей оркестровой и гармонической отдѣлкой ея значеніе.

Если я теперь добавлю, что музыка въ академическомъ, профессорскомъ, консервативномъ и уважаемомъ смыслѣ является всегда музыкой декоративной, и что учениковъ учать тому, что законовъ декоратив-

ной живописи долженъ придерживаться каждый музыкантъ, и что нарушение этихъ законовъ безусловно недопустимо и если я еще къ тому же замѣчу, что эти законы спутаны остатками еще болѣе старой традиціи, которая основывается на технически еще болѣе высоко развитомъ церковномъ искусствѣ, искусствѣ, создавшемъ такія плѣнительныя и прекрасныя гармоніи для пѣнія а — *capella*, что они были бы достойны того, чтобы ихъ пропѣли *Doctores angelici* передъ трономъ Господнемъ.

Вы должны будете понять, почему всѣ профессиональные музыканты, которые не могли выйти за предѣлы навязанной имъ рутины, и всѣ мужчины и женщины (а такихъ не мало), которые мало или ничего не понимаютъ въ драмѣ, но зато сильно чувствуютъ красоту звука и прелесть украшеній въ музыкѣ, считали Вагнера сумасшедшимъ за то, что онъ превратилъ музыку въ хаосъ, введя ужасные и грубые звуки въ такую область, гдѣ царствовали исключительно красота и прелесть и замѣнилъ связнымъ безцѣльнымъ, безформеннымъ безконечнымъ сплетеніемъ старыя, хорошо извѣстныя симметрическія мелодіи, какъ «О, мой милый Августинъ», въ которыхъ вторая и третья строчка повторяютъ, орнаментъ первой и второй строчки, (или же почти что повторяютъ), такъ что каждый можетъ

ихъ замѣтить и запомнить, какъ колыбельную пѣснь. «Немузыкальная» несвѣдущая толпа, нашла наконецъ, драматическій ключъ и открыла порядокъ и власть, силу и здоровье въ кажущемся хаосѣ Вагнера; и теперь, когда онъ выигралъ битву и даже болѣе чѣмъ выигралъ, профессора, чтобы избавить своихъ учениковъ отъ насмѣшекъ, принуждены (совершенно серьезно) объявить, что у Вагнера техническая разработка музыки почти что совершенно логична и граматически правильна; что увертюры къ Лоэнгрину и Тристану являются мастерскими пьесами той формы, которая приспособлена для данной цѣли и что его презрѣніе «неправильныхъ соединеній» и его свободное употребленіе диссонансовъ безъ «подготовки» являются прямыми и замѣтными примѣрами того естественнаго развитія гармоніи, которое непрерывно шло впередъ, начиная съ того времени, когда обыкновенные квартсекстаккорды считались «неправильными» и когда свободное употребленіе неподготовленныхъ доминантсептимовъ и маленькихъ нонъ — что во времена Моцарта сдѣлалось обычнымъ — считалось безсмысленной какофоніей *).

---

*) Такъ какъ я первыя двадцать лѣтъ моей жизни провелъ въ Ирландіи, то по отношенію къ этому обзору искусства музыки я являюсь, по крайней мѣрѣ, сто пятидесятилѣтнимъ старцемъ! Я помню еще то чувство, какое вызвалъ во мнѣ вступительный аккордъ

Я вставляю эти замѣчанія не ради моихъ воспоминаній, а потому что, пока я писалъ эти строки, въ Лондонѣ появился перво-классный композиторъ (Рихардъ Штраусъ) и совершенно такъ же, какъ Вагнеръ испыталь нападки тѣхъ людей, которые жили позой антивагнеріанизма. Этого нельзя объяснить суетвѣрными воззрѣніями вѣка декоративной музыки. Въ настоящее время всякій критикъ вполне привыкъ къ описательной и драматической музыкѣ, къ той музыкѣ, которая еще гораздо болѣе независима отъ старыхъ декоративныхъ фирмъ, чѣмъ музыка Штрауса; такъ какъ музыка Штрауса тѣсно связана съ баркаролой и нерѣдко также съ дѣтской пѣсенкой. Вражду по отношенію къ нему можно объяснить отчасти тѣмъ фактомъ, что онъ освободилъ музыку отъ господства короткихъ брючекъ, пари-

---

юношеской увертюры Бетховена къ «Прометею». Онъ звучалъ удивительно сильно и значительно, такъ какъ употребленіе третьяго оборота неподготовленнаго доминантсентаккорда было тогда неожиданно. Я помню также и то отчаяніе, которое испыталь Макфарренъ, когда онъ услышалъ, что отъ него, послѣ того, какъ онъ всю свою жизнь наставлялъ своихъ учениковъ относительно случайнаго ряда квинтъ, ожидаютъ аналитической программы для филармоническаго концертнаго исполненія увертюры, написанной композиторомъ (Гюцъ), который нарочно ввелъ рядъ послѣдствательныхъ септимовъ, потому что они ему нравились.

ковъ, и всѣхъ этихъ сценическихъ украшеній—которымъ Вагнеръ, несмотря на свой гений остался вѣренъ до конца—и привелъ ее въ непосредственное соприкосновеніе съ современной жизнью и тѣмъ самымъ далъ оркестровую карикатуру на своихъ критиковъ, которая для нихъ гораздо ошутительнѣе, чѣмъ карикатура Вагнера, наряженная въ средневѣковое платье. Но на Штрауса нападаютъ такіе люди, которые вполне способны смѣяться сами надъ собой, которые являются честными защитниками современнаго реализма въ другихъ искусствахъ и среди которыхъ есть достаточно хорошихъ знатоковъ, чтобы, напримѣръ, знать, что популярность Чайковскаго, какъ и, приблизительно столѣтіе тому назадъ, популярность Россини, подобна любви къ Байрону, который очень пріятенъ въ своемъ легкомъ настроеніи, очень отваженъ въ своемъ энергичномъ настроеніи, и по крайней мѣрѣ великъ въ своемъ возвышенномъ настроеніи, но никогда не достигаетъ или не желаетъ достигать той высоты, на которой держатся великіе современные музыканты отъ Баха и до Штрауса. Поэтому движеніе противъ Штрауса нельзя поставить ни на счетъ старой анти-вагнеріанистской путаницы, ни на счетъ недовольства критика, потревоженнаго въ своей работѣ.

Я думаю, что бѣдлая часть той безсмыс-

лицы, которую теперь пишутъ о Штраусѣ, зависить отъ того нецпріятнаго дѣйствія, которое производитъ непривычный диссонансъ на людей, не умѣющихъ его разрѣшить. Техническая сторона музыки Штрауса даетъ цѣлую массу такихъ оскорбленій. Но нецпріятное дѣйствіе долго не задерживается. Теперь не существуетъ болѣе ни одного, употребленнаго Вагнеромъ диссонанса, разрѣшеніе котораго не являлось бы такимъ же простымъ дѣломъ, какъ разрѣшеніе простыхъ септимовъ Моцарта и Мейербера. Штраусъ не только переходитъ отъ диссонанса къ диссонансу, предоставляя познавать ихъ разрѣшеніе такимъ людямъ, которые раньше ихъ никогда не слышали, но онъ фактически дѣлаетъ характерной чертой своей музыки эти неразрѣшенные диссонансы, совершенно такъ же, какъ Вагнеръ дѣлаетъ характерной чертой своей музыки неподготовленные диссонансы. Люди, только лишь очень поздно, примирившіеся съ композиціями, начинавшимися доминантъ-терцдецимами, теперь безпокоятся на счетъ композицій, кончающихся неразрѣшенными основными септимами.

Я думаю, что эта фаза протеста скоро пройдетъ. Я думаю это, потому что я самъ чувствую себя въ состояніи слѣдить за гармоніей Штрауса, понимать назначеніе всѣхъ его неблагозвучныхъ фразъ переходной то-

нальности (говорить теперь о простых «переходных нотахъ» слишкомъ поздно) и съ удовольствіемъ переносить всѣ его самыя свободныя эллипсисы и отсутствіе заключительной гармоніи, несмотря на то, что мое музыкальное дарованіе не принадлежитъ къ числу особенно тонкихъ. Черезъ двадцать лѣтъ всѣ обвиненія, направленныя противъ его музыки будутъ такъ же непонятны, какъ и прошлыя обвиненія, направленныя противъ Генделя, Моцарта, Бетховена и Вагнера.

Я долженъ извиниться за мой техническій жаргонъ этого очерка. По всей вѣроятности все это уже устарѣло; но я не знаю ничего болѣе новаго. Тридцать лѣтъ тому назадъ Штайнеръ понялъ бы это. Если же теперь никто этого не пойметъ, то мои знанія будутъ казаться еще глубже.

Драматическое развитіе коснулось и чисто инструментальной музыки. Листъ сдѣлалъ все возможное, чтобы освободиться отъ фортепьянныхъ арабескъ и сдѣлаться по-этомъ звуковъ, какъ его другъ Вагнеръ. Онъ хотѣлъ, чтобы его симфоническія сочиненія выражали душевныя движенія и ихъ развитіе. И желая точнѣе опредѣлить это душевное движеніе, онъ соединялъ его съ какой нибудь извѣстной исторіей, стихотвореніемъ или даже съ картиной: съ «Мазепой», съ «Les Préludes» Виктора Гюго,

съ «Битвой гунновъ» Каульбаха и тому подобнымъ. Но какъ только люди начинаютъ пробовать приспособить инструментальную музыку къ какому нибудь событію, сейчасъ же они должны отказаться отъ декоративныхъ формъ, такъ какъ всякіе орнаменты состоятъ изъ какой нибудь формы, которая постоянно повторяется и въ общемъ сама состоитъ изъ повторенія двухъ одинаковыхъ частей. Возьмемъ, на примѣръ, игральную карту (скажемъ пятерку бубень), какъ простой примѣръ орнамента, и мы не только увидимъ, что каждая фигура повторяется пять разъ, но и что каждая сторона каждаго очка является обратнымъ повтореніемъ другой. И всякая основная форма симфоніи въ сущности представляетъ собой орнаментальную форму, въ которой заключены подобныя же симметрическія повторенія; а такъ какъ исторія не повторяется, а идетъ непрерывной цѣпью новыхъ событій и соотвѣтственно измѣняющихся душевныхъ движеній, Листъ долженъ былъ или найти новую музыкальную форму для своихъ музыкальныхъ сочиненій или же отдаться невыносимой аномаліи и безвкусицѣ, которыя погубили всѣ попытки Мендельсона, Рафа и другихъ, приспособить старую форму къ новому дѣлу. Поэтому онъ и придумалъ симфоническую поэму совершенно простую и подходящую, разумную форму для своей

цѣли, которая дѣлаетъ для обыкновеннаго слушателя «Les Prébendes» гораздо болѣе понятными и простыми, чѣмъ увертюра Мендельсона къ «Мелузинѣ» или же симфонія «Леопора» и симфонія «Въ лѣсу» Раффа, повторенія которыхъ могли бы насъ заставить думать, что композиторъ сумасшедшій, если бы мы не знали, что они являются лишь суевѣрными преданіями, отказаться отъ которыхъ, какъ сдѣлалъ это Листъ, у Раффа не хватило силы характера. Но тѣмъ лицамъ, которыя не хотѣли читать объясненія Листа и не считались съ его намѣреніемъ, которые не находили никакого вкуса въ симфонической поэмѣ и слѣдовательно продолжали оцѣнивать симфоническіе поэмы, какъ орнаменты звуковъ, Листъ долженъ былъ казаться безусловно такимъ же извращеннымъ эгоистомъ, какъ и Вагнеръ, интеллектъ котораго въ основѣ долженъ былъ быть нѣсколько поврежденнымъ, т. е. коротко говоря, они должны были считать его сумасшедшимъ.

Слѣдствіе здѣсь было такое же, какъ и слѣдствіе импрессионистскаго движенія. Вслѣдствіе того, что Вагнеръ, Берлиозъ и Листъ сумѣли обезпечить терпимость по отношенію къ своимъ произведеніямъ, несмотря на то, что ихъ считали вздоромъ, эта терпимость неизбѣжно распространилась на цѣлую массу чепухи, которая не имѣла ника-

кой цѣны и была дѣйствительно вздоромъ, по на которую внутренно смущенные критики уже не осмѣливались нападать изъ боязни, чтобы вдругъ эта чепуха не оказалась чѣмъ нибудь великимъ, какъ это случилось съ музыкой Вагнера, когда они самымъ смѣлымъ образомъ обнаружили свою несостоятельность. Даже въ такихъ консервативныхъ концертахъ, какими являются концерты Лондонскаго Филармоническаго Общества, мнѣ приходилось видѣть ультра-современныхъ композиторовъ, которые, по видимому, были представителями вагнеровскаго движенія, дирижировавшихъ такой чепухой, которая нисколько не превосходитъ кадрили британской арміи Жульена. И затѣмъ, конечно, появились молодые подражатели, которыхъ увлекало желаніе, чтобы ихъ пьесы звучали такъ же, какъ звучали произведенія мастеровъ, намѣреній и принциповъ, которыхъ они по молодости не могли понять и совершенно потерялись между старыми и новыми формами.

Какъ вы видите, вы имѣете здѣсь опять таки дѣло съ прогрессивнымъ, здоровымъ и чрезвычайно разумнымъ движеніемъ въ искусствѣ, которое даетъ цѣлую массу матеріала описать тотъ случай, когда человѣкъ, ничего не понимающій въ музыкѣ, придерживается теоріи, въ которой есть такое положеніе, что всѣ вожаки движеній искус-

ства въ наше время дегенераты и слѣдовательно отсталые идіоты.

ИБСЕНИЗМЪ.

Мнѣ нѣтъ никакой надобности далеко заходить въ ту область, гдѣ всякое развитіе нашихъ моральныхъ воззрѣній должно первоначально казаться бессмысленнымъ и порочнымъ людямъ довольнымъ, или даже болѣе чѣмъ довольнымъ ходячей моралью. Можетъ быть вы помните вступительную главу моей «Квинтэссенціи Ибсенизма», гдѣ я разъяснилъ, почему Лондонская пресса держитъ себя теперь по отношенію къ Ибсену чрезвычайно вѣжливо, тогда какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она встрѣтила его криками возмущенія. Всякій шагъ впереди въ области морали происходитъ оттого, что правильность даннаго понятія начинаетъ подвергаться сомнѣнію; и если кто нибудь отваживается это дѣлать, онъ долженъ быть готовъ къ такому приему, который отличенъ отъ приема, оказываемаго художнику, когда онъ отваживается рисовать тѣни лиловыми красками или же композитору, который заканчиваетъ свою симфонію неразрѣшеннымъ диссонансомъ. Иная вѣра въ искусствѣ въ худшемъ случаѣ обозначается высокоуміемъ или сумасшествіемъ; иная вѣра въ морали сейчасъ же обозна-

чается подлостью и что еще хуже подлостью-пропагандой, которая, если бы имѣла успѣхъ, погубила бы общество и привела бы насъ послѣ періода упадка, подобнаго упадку, погубившему царственный Римъ, обратно къ варварскому состоянію. Ваша обязанность, передъ американскимъ обществомъ, милый Туккеръ, какъ философа-анархиста, состоитъ въ уничтоженіи попытокъ задержать развитіе, призывая на помощь власть государства, для подавленія всѣхъ уклоненій отъ того, что общественное мнѣніе считаетъ «справедливымъ».

Я вполне могу утверждать, что вы считаете современнаго демократическаго избирателя очень скучной личностью, который очень недовѣрчиво относится къ своимъ воззрѣніямъ, въ области искусства и науки по который все-таки въ состояніи изучить все, что сюда относится; но зато онъ чувствуетъ себя вполне увѣреннымъ въ вопросахъ справедливости и не справедливости въ областяхъ морали, политики и религіи, когда онъ въ лучшемъ случаѣ въ состояніи лишь предположить глубину и опасность своего незнанія. Къ счастью эта воображаемая увѣренность не ограничивается лишь консерваторами. Шелли былъ также вполне увѣренъ, какъ и носители общественнаго достоинства, изгнавшіе его изъ Оксфорда. вполне справедливо то, что революціонеръ, который въ двадцать

пять лѣтъ, стремится стереть съ лица земли всѣ наши учрежденія, въ сорокъ лѣтъ, доходить до того, что соглашается ихъ оставить и даже, при условіи нѣкоторыхъ реформъ, которые должны ихъ сдѣлать современными, усиленно цѣпляется за нихъ. Но онъ не ждетъ терпѣливо примиренія. Онъ выражаетъ громко и непочтительно свое юношеское недовольство мудростью своихъ предковъ и формулируетъ свою ересь въ исповѣданіе вѣры. Онъ требуетъ уничтоженія брака, государства, церкви; онъ проповѣдуетъ божественность любви и геройство человѣка, вѣрящаго въ самага себя и отваживающагося дѣлать то, что онъ хочетъ; онъ презираетъ рабство долга и дисциплины, которое подъ старость ничего не оставляетъ послѣ себя кромѣ злобы на добродѣтельно проведенную юность. Онъ вновь узнаетъ свое евангеліе въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя Нордау цитируетъ изъ Брандеса: «Исполнять велѣнія своихъ чувствъ, значитъ обладать характеромъ. Кто идетъ за своими страстями, тотъ представляетъ собой индивидуальность!» Я съ своей стороны не боюсь этого ученія, будетъ ли оно выражено въ той формѣ: какъ у Брандеса, или же въ болѣе старой формѣ: «Кто несправедливъ, пусть будетъ несправедливъ; кто пошлъ, пусть будетъ пошлымъ; кто честенъ, пусть будетъ честнымъ; и кто святъ пусть будетъ

святымъ!»! Но Нордау выражаетъ свое отвращеніе къ Брандесу всѣми выраженіями, какими онъ только располагаетъ: «Распутство, развратъ, испорченность, прикрывающаяся современностью, животные инстинкты, *shaitre de plaisir*, анархистъ, одержимый самолюбіемъ» и фразами, подобными слѣдующей:

«Вполнѣ понятно, что воспитатель, превращающій классную комнату, въ трактиръ и въ бордель, имѣетъ успѣхъ и толпу приверженцевъ. Конечно, онъ подвергается опасности, быть убитымъ родителями, когда они узнаютъ чему онъ учитъ ихъ дѣтей; но его ученики наврядъ ли будутъ жаловаться и будутъ прилежно посѣщать классъ такого пріятнаго учителя. Это и есть объясненіе того вліянія, которое Брандесъ пріобрѣлъ на юношество своей страны, вліянія, которое его произведеніе съ ихъ отсутствіемъ мысли и безконечной болтовней безусловно никогда бы ему не создали».

Чтобы оцѣнить эту болтовню, вы должны знать, что за ней слѣдуетъ еще нападеніе на Ибсена за его «Ученіе о наслѣдственномъ грѣхѣ». Но что значило бы это мѣсто, которое я только что цитировалъ безъ ученія о наслѣдственномъ грѣхѣ, какъ естественной предпосылки? Если «сердце человѣка прежде всего коварно и отчаянно порочно», тогда, дѣйствительно, человѣкъ, покоряющійся своимъ страстямъ, по крайней мѣрѣ,

негодяй, и его учителя должны были бы быть убиты его родителями. Но что было бы, если бы юноша, беспомощно поддающийся подъ власть своихъ страстей, находилъ бы, что честность, самоуваженіе, презрѣніе къ жестокости и несправедливости, что желаніе быть пригоднымъ, здоровымъ и работоспособнымъ являются главными страстями: по истинѣ чрезмѣрность въ этомъ такъ опасна для юношества, что мудрость старшихъ должна сказать юношамъ: «Не будьте слишкомъ честны; почему вы хотите погубить себя?»

Я увѣренъ, милый Туккеръ, что ваши друзья очень часто повторяли то же самое на своемъ родномъ языкѣ, когда они упрекали васъ за вашъ анархизмъ, который противится не только Богу, но и мудрости конгресса Соединенныхъ Штатовъ. Люди, увѣряющіе, что они господствуютъ надъ своими страстями и регулируютъ свое поведеніе соотвѣтственно удобному имъ толкованію Библии, или же что еще хуже, соотвѣтственно ихъ способности находить основательныя причины (какъ будто бы нельзя найти наилучшія причины для какого угодно образа дѣйствія, начиная съ метанія бомбъ и вивисекціи и кончая мученичествомъ),—такіе люди очень рѣдко нуждаются въ предостереженіи, быть слишкомъ честными, такъ какъ ихъ вниманіе фактически часто нуж-

дается въ довольно сильномъ толчкѣ по противоположному направленію.

Страсть—это паръ для машины религіозной и моральной системы. Если она недоброжелательна, то и религія не доброжелательна и основывается на человѣческихъ жертвахъ, адѣ, злобѣ и мести. Нельзя читать произведенія Браунинга «Калибанъ на Се-тебосѣ» или «Естественная богословія на островѣ», не допустивъ, что всѣ наши религіи созданы такимъ же образомъ, какъ создаетъ Калибанъ свою, и что различіе между Калибаномъ и Просперо заключается не въ томъ, что Просперо умертвляетъ въ себѣ свои страсти, тогда какъ Калибанъ уступаетъ имъ, а въ томъ, что Просперо одержимъ болѣе святыми страстями, чѣмъ Калибанъ. Абстрактные принципы поведенія на практикѣ совершенно уничтожаются, потому что доброта, вѣрность и справедливость не являются долгомъ, покоящемся на абстрактныхъ лежащихъ внѣ человѣка принципахъ, а лишь человѣческими страстями, которыя въ свое время боролись съ болѣе высокими и болѣе низкими страстями. Если бы молодая женщина въ настроеніи сильной реакціи противъ проповѣдей о долгѣ, самопожертвованіи и тому подобномъ, заявила бы мнѣ, что она рѣшилась, не бороться болѣе со своими инстинктами и не губить своей жизни изъ послушанія какимъ

то пустымъ фразамъ, то я сказалъ бы ей: «Во всякомъ случаѣ сдѣлайте то, что вы желаете. Попробуйте, какъ скверны вы можете быть, это совершенно такой же опытъ, какъ если бы вы испытали, насколько вы можете быть добродѣтельны. Въ худшемъ случаѣ вы увидите, что за существо вы на самомъ дѣлѣ. А въ лучшемъ случаѣ вы, давъ дѣйствительно искренно и не смущаясь, волю своимъ страстямъ, подвергнете ихъ такой строгой дисциплинѣ, которую ваши такъ называемые друзья, которыя вполнѣ отдаются механической привычкѣ моды, не выдержали бы ни одного дня». И въ дѣйствительности намъ нерѣдко приходилось видѣть эту комедію «эмансипировавшихся» молодыхъ энтузіастокъ, которыя отказываются отъ долга, религіи, условностей и родительскаго авторитета, чтобы первый разъ въ жизни пасть подъ тяжестью долга, отвѣтственности и жертвы, отъ которыхъ спустя нѣсколько лѣтъ, когда воодушевленіе уляжется, онѣ очень охотно отказываются, возвращаясь къ сравнительно свободной жизни обыкновенной почитаемой дамы—модницы.

ПОЧЕМУ ЗАКОНЪ НЕОБХОДИМЪ?

Совершенная истина то, что законы, религии, догматы вѣры и системы этики вмѣсто того, чтобы поднимать общество на болѣе высокій уровень, чѣмъ тотъ, на которомъ стоятъ лучшія изъ составляющихъ его отдѣльныхъ личностей, на самомъ дѣлѣ ставятъ его ниже того уровня, на которомъ стоятъ среднія составляющія его единицы, потому что они никогда не бываютъ своевременны. Къ чему они намъ вообще? Я скажу вамъ это. Эти законы, несмотря на то, что въ тайнѣ мы ихъ ненавидимъ, необходимы вслѣдствіе того, что число людей, которые могутъ для себя самихъ хотя бы въ одномъ пунктѣ выработать правила поведенія, очень невелико, а число людей, имѣющихъ возможность тратить на это время, еще меньше. И никто не имѣетъ времени для того, чтобы выработать себѣ эти правила для всѣхъ возможныхъ случаевъ. Мыслитель по профессіи можетъ создать себѣ случайно свою собственную мораль и философію, какъ сапожникъ можетъ сдѣлать себѣ сапоги; но обыкновенный дѣловой человѣкъ долженъ, такъ сказать, покупать себѣ мораль въ лавочкѣ, и, не считаясь съ

тѣмъ, годится ли она ему или нѣтъ, довольствоваться тѣмъ, что онъ найдетъ, такъ какъ онъ не можетъ ни обходиться безъ морали, ни самъ создать себѣ таковую. Та пишущая машина, на которой я пишу наилучшая, какую я могу себѣ купить; но во всякомъ случаѣ она не совершенный инструментъ; и я не сомнѣваюсь ни одного мгновенія, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ всѣ будутъ удивляться, какъ это люди могли довольствоваться такимъ несовершеннымъ изобрѣтеніемъ. Какъ только будетъ изобрѣтена новая машина, я сейчасъ же куплю ее; а до тѣхъ поръ, такъ какъ я самъ не изобрѣтатель, я долженъ по мѣрѣ возможности использовать эту машину совершенно такъ же, какъ мои протестантскіе, римско-католическіе и агностическіе друзья по мѣрѣ возможности используютъ свою несовершенную вѣру и свои системы. О отче Туккеръ, поклонящійся свободѣ, гдѣ найдемъ мы такую страну, въ которой мышленіе и морализированіе можетъ происходить безъ раздѣленія труда?

Но что въ сущности общаго между глубокимъ мышленіемъ и морализированіемъ съ самой необходимой и наименѣе спорной стороной закона? Подумайте только, какъ необходимъ бываетъ намъ законъ въ случаяхъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго моральнаго значенія. Есть ли что либо болѣе не-

пріятное того, если человѣку, поднявшемуся соціально и не вполне увѣренному, какъ нужно себя вести въ тѣхъ кругахъ, куда онъ попадаетъ въ первый разъ, говорятъ, что хорошія манеры обхожденія являются лишь дѣломъ здраваго человѣческаго разсудка и что «чинъ является лишь знакомъ на монетѣ, а лишь самъ человѣкъ ея золотомъ?» Представьте себѣ, что вы хотѣли бы выиграть битву съ такой арміей, которая ничего не знала бы, кромѣ того, что обязанность солдата заключается въ томъ, чтобы храбро защищать свою страну и не думать ни о собственной безопасности, ни о родинѣ, ни о красотѣ, а лишь объ Англій.

Или же чтобы сообщеніе на Пикадилли или на Бродуэй регулировалось на основаніи такого предписанія, что всякій кучеръ долженъ держаться той стороны улицы, которая обезпечивала бы наибольшее удобство наибольшей части публики. Или же, чтобы при постановкѣ Гамлета старались увѣрить, что для величія Шекспировской драмы совершенно безразлично, будетъ ли духъ появляется справа или слѣва, лишь бы было обращено вниманіе на то, чтобы онъ являлся полнымъ отраженіемъ дѣйствительности! Законъ никогда не бываетъ такъ необходимъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ не имѣетъ никакого этического значенія и является лишь закономъ для закона. За-

конъ, заставляющій меня держаться лѣвой стороны, когда я проѣзжаю черезъ Оксфордъ Стритъ, въ этическомъ отношеніи безсмысленъ и факты показываютъ намъ, что въ Парижѣ такую же хорошую услугу оказываетъ законъ, заставляющій держаться правой стороны. Это безусловно лишаетъ меня свободы выбирать ту сторону, которая мнѣ нравится; но такъ какъ подобное распоряженіе, даетъ мнѣ возможность рассчитывать на то, что и всякій другой будетъ придерживаться также лѣвой стороны и такимъ образомъ, будетъ облегчено передвиженіе, то жизнь моя удлинится и мой духъ освобождается для болѣе высшихъ цѣлей. Коротко говоря большинство законовъ не являются выраженіемъ этическихъ вердиктовъ общества, а лишь этикетомъ и ничѣмъ инымъ. Они являются выраженіемъ того факта, что границы социальнаго поля жизни въ большинствѣ случаевъ очень широки, и что въ предѣлахъ этихъ границъ люди могутъ дѣлать, что имъ угодно, лишь бы только въ извѣстныхъ случаяхъ можно было бы опредѣленно рассчитывать на то, что всѣ они дѣлаютъ одно и то же. Оса, о которой намъ достовѣрно извѣстно, что она жалить, когда ее трогаютъ, менѣе неприятна, чѣмъ человѣкъ, пытающійся дѣлать дѣла не согласно коммерческимъ обычаямъ, а согласно нагорной проповѣди, или же чѣмъ

дама, которая обѣдая у когонибудь изъ республиканскихъ или діэтическихъ принциповъ, отказывается уступить первое мѣсто герцогинѣ или же ѣсть какоенибудь кушанье. Обыкновенный человѣкъ не можетъ прожить жизни, не слыша указаній, что онъ долженъ при всякомъ случаѣ дѣлать и не основывая своихъ расчетовъ на тѣхъ же предположеніяхъ, на которыхъ основываютъ ихъ другіе. И даже вашъ геніальный человѣкъ признаетъ сто правилъ взаимнѣ того одного, которое онъ отвергаетъ, и можно въ продолженіе десяти лѣтъ прожить въ одномъ домѣ съ анархистомъ, не замѣчая въ немъ ничего необыкновеннаго. Священнослужитель Мартинъ Лютеръ, внушилъ большей части христіанства ужасъ тѣмъ, что женился на монашенкѣ, и всетаки въ безчисленныхъ отношеніяхъ онъ былъ самымъ послушнымъ конформистомъ, былъ хорошимъ супругомъ и отцомъ, носилъ башмаки, которые дѣлалъ ему его сапожникъ, и платье, которое шилъ ему его портной и жилъ въ домѣ, который построилъ ему архитекторъ, несмотря на то что онъ охотнѣе бы умеръ, чѣмъ принялъ бы отъ папы свое церковное посвященіе. И послѣ того, какъ онъ создалъ по своему собственному вкусу свою религію, цѣлыя поколѣнія людей, называющія себя лютеранами, переняли отъ него безпрекословно эту религію,

какъ онъ перенималъ моду на платья отъ своего портного. При развитіи рассы многое для всѣхъ очевидно полезное переходитъ въ такую же автоматическую привычку, какъ и дыханіе. Далѣе, безъ сомнѣнія, улучшеніе нашихъ нервовъ и нашей способности сужденія могутъ увеличить тѣ опыты, которые можно рекомендовать для подражанія индивидуумамъ, не обращая вниманія на пропись и согласуясь лишь съ впечатлѣніемъ перваго момента; но готовый кодексъ поведенія, пригодный для всѣхъ, всегда будетъ считаться чрезвычайно необходимымъ всѣми членами общества.

Постоянная, созданная закономъ опасность для свободы происходитъ не отъ чрезмѣрныхъ дѣйствій правительства, постоянно встрѣчаемыхъ недовѣріемъ, а отъ чрезвычайной полезности и, являющейся слѣдствіемъ этого, популярности закона, затѣмъ отъ страшной опасности и очевиднаго неудобства анархіи; такъ что даже морскіе разбойники выбираютъ атамана и повинуются ему. Законъ очень скоро пріобрѣтаетъ такую добрую славу, что никто не хочетъ думать о немъ ничего дурного; и поэтому священнослужители и властелины могутъ во имя этого закона и порядка совершать самыя ужасныя преступленія. Исповѣданіе вѣры и законы, въ концѣ концовъ, разсматриваются какъ примѣненіе вѣчныхъ и неиз-

мѣнныхъ основныхъ положеній добра и зла по отношенію къ поведенію человѣка; и людей, преступающихъ законъ, презирають, какъ наглыхъ подлецовъ, для которыхъ не существуетъ ничего святого. Но мнѣ не придется убѣждать васъ, что это очень серьезное заблужденіе. Ни одинъ законъ не застрахованъ отъ того обстоятельства, что когда нибудь наступитъ время, когда можно будетъ ему не подчиняться, что его придется измѣнить, что его будутъ считать устарѣвшимъ и что даже слѣдованіе его предписаніямъ будетъ разсматриваться, какъ преступленіе. Въ развитіи цивилизаціи законы могутъ быть терпимы лишь въ томъ случаѣ, если смѣна и измѣненіе ихъ слѣдуютъ непосредственно за смѣной и измѣненіемъ соціальныхъ условій, являющихся слѣдствіемъ всякаго развитія. Удобство закона имѣетъ также свою плохую сторону. Оно притупляетъ совѣсть индивидуума, снимая съ ней всякую моральную отвѣтственность за его собственные поступки. Подобное полное облегченіе приводитъ человѣка въ такое состояніе при которомъ его добродѣтели наиболѣе ничтожны. Напримѣръ, военная дисциплина направлена на уничтоженіе индивидуальности и инициативы солдата и на увеличеніе его механической работоспособности; она превращаетъ его въ простое орудіе, обладающее способностью

слушать приказанія и исполнять ихъ. Въ солдатѣ развиваются до высшаго предѣла закономѣрность, долгъ, послушаніе, самоотреченіе и подчиненіе внѣшнему авторитету; и въ результатѣ всего этого въ Англии, гдѣ существуетъ лишь добровольная военная служба, обыкновенный солдатъ почитается менѣе, чѣмъ всякій другой полезный обществу работникъ. Полисменъ, вольнонаемный служащій, принужденный въ безчисленныхъ незначительныхъ неожиданныхъ случаяхъ примѣнять свое собственное сужденіе и дѣйствовать на свой страхъ, въ сравненіи съ солдатомъ является любимымъ и почитаемымъ гражданиномъ. Надъ римско-католическимъ крестьяниномъ, который спрашиваетъ совѣта не у своей совѣсти, а у мѣстнаго священника и совершенно подчиняется авторитету своей церкви, господствуютъ и управляютъ имъ или государственные чиновники и кардиналы, презирающіе его суевѣріе, или же протестанты, которымъ, по крайней мѣрѣ, позволено убѣждать себя, что они дошли до своихъ религіозныхъ воззрѣній путемъ примѣненія личной критики. Моральное развитіе соціального индивидуума, идущее отъ его подчиненія и послушанія, которыя оберегаютъ его отъ напряженія и отвѣтственности и служатъ защитительнымъ средствомъ противъ паническаго страха и невоздержан-

ности, и доходящее до укрѣпленнаго разсудкомъ и самообладаніемъ упрямства и самоутвержденія,—это развитіе такъ же ясно, какъ и физическій ростъ, переходящій отъ дѣтской колясочки и фартука няньки къ той силѣ, которая даетъ возможность самостоятельно ходить, и отъ несовершеннолѣтія къ зрѣлости мужа. Но для нетерпѣливыхъ умовъ (какими являемся, напримѣръ, мы съ Вами) совершенно бесполезно, заставлять людей ходить, раньше чѣмъ они научатся стоять. Не имѣя высокаго дара разсудка и самообладанія, т. е. не имѣя сильнаго здраваго человѣческаго смысла, ни одинъ человѣкъ не долженъ отважиться отказаться отъ авторитета. Онъ можетъ лишь предъявлять требованія постепеннаго ослабленія дисциплины, чтобы имѣть столько свободы, сколько онъ признаетъ для себя полезнымъ и столько надзора сколько онъ считаетъ для себя необходимымъ, чтобы остаться на вѣрномъ пути.

Когда онъ идетъ слишкомъ скоро, онъ очень скоро спрашиваетъ себя безпомощно: «Что долженъ былъ я сдѣлать?» и затѣмъ, побывавъ у врача, у адвоката, у знатока, у своего стараго друга и у всѣхъ другихъ шарлатановъ за совѣтомъ, онъ снова возвращается къ закону, прося у него отъ всѣхъ нихъ и отъ себя самаго защиты. Законъ можетъ быть плохъ; но онъ по край-

ней мѣрѣ, лишаетъ человѣка отвѣтственности въ выборѣ, и, или накажетъ тѣхъ, кто будетъ надъ нимъ смѣяться, доказывая глупость закона, или же, если для этого конституція слишкомъ демократична, по крайней мѣрѣ, гарантируетъ ему, что большинство будетъ на его сторонѣ.

Мы видимъ это въ исторіи англо-американскаго христіанства. Герой этой исторіи начинается съ того, что признаетъ для себя обязательнымъ откровеніе воли Господней въ томъ толкованіи, которое даетъ ему церковь. Когда же онъ видитъ, что его довѣріе, или лучше сказать духовная лѣнь, грубо обманута церковью, онъ начинаетъ добиваться права, произнести свое собственное сужденіе, что и предоставляетъ ему реформированная церковь, — которая борется съ нерестормированной церковью за количество приверженцевъ, — съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ пришла она сама. Затѣмъ онъ нарушаетъ это условіе въ отдѣльныхъ деталяхъ, отказывается и отъ него и спасается въ Америку изъ темницы государственной церкви; но въ своемъ новомъ отечество, онъ снова строитъ себѣ темницу, приспособленную къ потребностямъ его секты. Во всѣхъ этихъ мятежахъ онъ находитъ прекрасные аргументы для доказательства того, что онъ мѣняетъ свой неправильный

авторитетъ на истинный, причемъ онъ не можетъ даже отважиться подумать о томъ, чтобы храбро признаться, что то, что онъ дѣлаетъ, въ дѣйствительности, заключается въ постепенной замѣнѣ своей собственной волей того, что онъ называетъ волей Божьей и закономъ природы. Эти аргументы до такой степени пріучаютъ свѣтъ подвергать повѣрочному изслѣдованію всякіе авторитеты, что, въ концѣ концовъ, онъ осмѣливается претендовать на право дѣлать все, для чего онъ найдетъ достаточные поводы, и даже идти еще далѣе, т.-е. сомнѣваться въ научной справедливости книги «Исходъ» и въ правильности народнаго представленія о Богѣ, какъ о всевѣдущемъ, всемогущемъ и ужасно мстительномъ Высшемъ Существовѣ, сидящемъ въ облакахъ на тронѣ. Повидимому это колоссальный шагъ впередъ къ освобожденію; но онъ превращаетъ нашего героя лишь въ рационалиста и матеріалиста, считающаго разсудокъ творческимъ динамическимъ двигателемъ, независимымъ отъ его мечущихся страстей и стоящимъ выше послѣднихъ. И въ этомъ случаѣ церкви очень легко показать, что если бы разсудку пришлось разрѣшать дѣло, то онъ могъ бы найти заключенія вселенскаго собора, состоящаго изъ ученаго и образованнаго духовенства гораздо болѣе правильными, чѣмъ первый урожай дешевыхъ ошибочныхъ за-

ключеній, выдуманныхъ незрѣлыми раціоналистами въ ихъ сектахъ «свободомыслящихъ», «секуляристовъ» «позитивистовъ» и «агностиковъ».

И все-таки это старсе богословское учене, заключающееся въ томъ, что двигающей силой является не разумокъ, а воля (т.-е. жизнь), было возстановлено не церковью, а свободомыслящимъ философомъ Шопенгауэромъ, показавшимъ также, что ставить разумокъ выше воли есть ужасное заблужденіе. Но богословы не могли открыть Шопенгауэру своихъ объятій, такъ какъ онъ впалъ въ раціоналистическое заблужденіе и оцѣнивалъ жизнь, согласно тому наслажденію, которое она доставляетъ индивидууму и пришелъ къ безумно нессимистическому заключенію, что жить не стоитъ, и что воля, которая несмотря на это заставляетъ насъ жить, является злымъ мучителемъ или же, по крайней мѣрѣ, безчестнымъ торгашомъ, такъ какъ наиболѣе желательный конецъ всего это нирвана: прекращеніе проявленія воли и слѣдующій затѣмъ заходъ жизненнаго солнца «въ темную бездну вѣчной ночи». Далѣе воля богослововъ была волей Бога, стоящаго своимъ авторитетомъ внѣ челоуѣка и надъ нимъ, тогда какъ воля Шопенгауэра есть простая сила природы, достигающая различной степени объективациі, болѣе сложная,

чѣмъ обезьяна или тигръ, и достигшая до сихъ поръ своей высшей и наиболѣе разрушительной формы въ человѣкѣ. Что касается рационалистовъ, то они поощряли свободомысліе и нессимизмъ Шопенгауэра, но, конечно, не могли признать его метафизическій методъ, или же перенести сверженія съ трона разсудка и возведенія на его мѣсто воли. Поэтому чередъ стать популярнымъ дошелъ до него лишь только послѣ Дарвина, и даже тогда лишь благодаря вліянію двухъ великихъ художниковъ, Рихарда Вагнера и Ибсена, произведенія которыхъ «Тристанъ» и «Царь и Галилеянинъ» показали, что Шопенгауэръ является истиннымъ піонеромъ прогресса человѣческаго духа. Теперь, когда мы достаточно сильны духомъ, мы можемъ оставить все это: безсмысліе нирваны, пессимизмъ, рационализмъ, супранатуралистическую богословію и всѣ другія увертки, за которыя мы цѣпляемся изъ боязни посмотрѣть жизни прямо въ глаза, чтобы не увидать тамъ вмѣсто выполненія законовъ нравственности и разсудка, удовлетвореніе страсти, за которую мы не можемъ отвѣчать.

Вполнѣ естественно, что человѣкъ боится той ужасной отвѣтственности, которую навязываетъ ему этотъ неумолимый фактъ. Всѣ его постоянныя оправданія исчезаютъ передъ нимъ, когда появляются слѣдующія

извиненія: «женщина соблазнила меня», «змѣя соблазнила меня», «я не былъ тогда самимъ собой», «я не хотѣлъ сдѣлать плохо», «моя страсть побѣдила мой разумъ», «совершить это было моимъ долгомъ», «въ Библии сказано, что мы должны это дѣлать», «всѣ дѣлаютъ то же самое», и такъ далѣе. Не остается ничего кромѣ откровеннаго признанія: «я это сдѣлалъ, потому-что такъ кова моя природа». Никто не любитъ говорить этого. Каждый любитъ воображать, что въ его благородныхъ поступкахъ отражается его истинный характеръ, а что его пошлости есть лишь заблужденіе или же дань силѣ обстоятельствъ. Наши разбойники сводятъ при помощи тюремныхъ капелановъ свои счета съ адомъ и съ небомъ, но никогда съ самими собой. Преступникъ приводитъ всевозможные причины, вслѣдствіе которыхъ онъ укралъ, только не ту, что онъ воръ. Жестокіе люди бьютъ своихъ дѣтей, потому-что желаютъ имъ добра, и въ опытахъ, установившихъ, что морская свинка погѣетъ при ужасныхъ мученіяхъ, производимыхъ надъ ней, видятъ только вкладъ въ науку. Негры, подвергаемые суду Линча, прострѣливаются дюжинами пуль, изъ которыхъ каждая есть выраженіе оскорбленнаго чувства справедливости и цѣломудрія въ душѣ негодя и развращеннаго челоука, выпускающаго эти пули. И желаніе

людей ладить другъ съ другомъ такъ велико, что они фактически требуютъ другъ отъ друга подобныхъ увертокъ ради общественной благопристойности. Мой дядя, взявшій себя за правило предлагать всякому проходимцу, просящему у него милостыню, работу, конечно, очень скоро познакомился со всѣми отговорками, которыя придумало человѣческое остроуміе для того, чтобы оправдать свое бездѣлье. Но терпѣніе онъ потерялъ всего одинъ разъ, когда одинъ изъ этихъ проходимцевъ откровенно признался ему, что онъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы работать. Это признаніе мой дядя съ отвращеніемъ называлъ «цинизмомъ». И все-таки на нашемъ фамильномъ гербѣ написано по латински слѣдующее изрѣченіе: «Познай самого себя»!

Какъ вамъ извѣстно, милый Туккеръ, истинное направленіе этого движеніе было неправильно понято, какъ многими изъ его послѣдователей, такъ и его противниками. Внѣдрившаяся въ насъ привычка называть тѣ склонности, которыхъ мы стыдимся, «нашими страстями» и нашъ стыдъ за нихъ и нашу склонность къ благородному поведенію приписывать отрицательной и задерживающей, обычно называемой «нашей совѣстью» части нашего сознанія, приводитъ насъ къ такому заключенію, которое представляетъ власть страстямъ, т.-е. позволяетъ

беззаботно предаваться невыносимой тоскѣ— такъ называемой жизни наслажденій. Но люди, реакціонно настроенные противъ невыносимаго рабства, такъ называемой жизни долга, все-таки, при подобныхъ условіяхъ не отваживаются отдаться противоположной жизни. Возмущенная дочь, озлобившаяся противъ своихъ родителей за ихъ систематическую ложь относительно каждаго предмета, имѣющаго для живой и любознательной молодой ученицы жизненное значеніе, сходится съ дѣйствительно порочными людьми и съ проказниками, охотно раздражающими набожныхъ людей своими замысловатыми парадоксами, и требуетъ невозможной свободы личнаго поведенія. Ничто не производитъ бѣдшаго вреда, чѣмъ неизбежныя и проходящія преувеличенія вызываемыя всякой реакціей; такъ какъ, какъ я уже сказалъ; тѣ, кто желаютъ быть дурными, находятъ, что необходимымъ свойствомъ дурной жизни является не свобода, а само зло. Но это неправильное пониманіе поддерживаетъ крики противниковъ новѣйшихъ воззрѣній, которые, конечно, поднимаютъ шумъ такъ же, какъ Нордау поднялъ шумъ о Брандесѣ. Такимъ образомъ, здѣсь вы опять-таки сталкиваетесь съ движеніемъ, безусловно благотворнымъ и прогрессивнымъ; но которое, несмотря на это, представляетъ собой отвратительное зрѣлище

моральной испорченности и моральнаго упадка не только для отсталыхъ религіозныхъ людей, но и для сравнительно передовыхъ научныхъ раціоналистовъ. И такъ какъ прессъ и критикѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что эта кажущаяся испорченность и этотъ кажущійся упадокъ въ нѣкоторыхъ имѣющихъ вліяніе кружкахъ признается за истину, что обо всемъ этомъ говорятъ съ почтеніемъ, одобряютъ, опубликовываютъ, продаютъ и читаютъ, то вслѣдствіе этого и здѣсь нашлись ничтожные подражатели, которые пользовались терпѣніемъ критики для того, чтобы воспроизводить дѣйствительно пошлую чепуху, разоблачать которую критики остерегались изъ боязни, что, въ концѣ-концовъ, и она можетъ оказаться истиной.

КНИГА МАКСА НОРДАУ.

Послѣ такого длиннаго предисловія вамъ не трудно будетъ понять, какого рода книгу написалъ Нордау. Представьте себѣ, колоссальный томъ, въ которомъ уничтожающая критика направлена противъ импрессионистовъ, поэтовъ звука, философовъ и драматурговъ шопенгауэровскаго возрожденія, *раньше* чѣмъ эти движенія достигли той степени высоты, когда необходимо дѣйствительное мужество, чтобы нападать на нихъ. Представьте себѣ подогрѣтое рагу не только изъ газетной критики того періода, но и изъ всѣхъ тѣхъ мелкихъ сплетническихъ статей, начиная съ давно забытыхъ статей, направленныхъ противъ Оскаръ Уайльда за его мимолетную попытку (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) ввести въ моду короткія панталоны и кончая послѣдними злословіями о «новой женщинѣ». Представьте себѣ пустоту и гнилость подобнаго суда, плохо скрытыхъ той терминологіей, которая изобрѣтена Крафтъ-Эбингомъ, Ломброзо и всѣми другими новѣйшими специалистами для сумасшествія и преступленія, чтобы имѣть возможность описать художественные таланты и наклонности сумасшедшихъ. Представьте

себѣ, что все это сдѣлалъ человѣкъ, очень порядочный и способный журналистъ, достаточно хитрый для того, чтобы понять, что есть много шансовъ на успѣхъ большой реакціонной книги, направленной противъ Ибсена и Вагнера, достаточно храбрый для того, чтобы не считаться съ личностью или репутаціей, счастливый тѣмъ, что онъ болѣе силенъ и болѣе разуменъ, чѣмъ девяносто девять изъ ста его критиковъ, и что въ немъ заложенъ сильный интересъ къ наукѣ; прирожденный теоретикъ, резонеръ, — человѣкъ, который вслѣдствіе всего этого былъ въ состояніи безъ достаточныхъ знаній и даже безъ особенно замѣтнаго интенсивнаго прилежанія (онъ какъ и большинство нѣмцевъ, въ ужасающей мѣрѣ экстенсивно начитанъ) сочинить книгу, производящую на художественно невѣжественную Америку и Европу очень значительное впечатлѣніе. Онъ такъ говоритъ о вещахъ, какъ будто бы онъ такъ о нихъ и думаетъ; онъ упорно сохраняетъ поверхностныя идеи; и его мысль такъ бѣшено работаетъ, что доставляетъ громадное удовольствіе наблюдать за нимъ—но лишь въ теченіе нѣкотораго времени. И все-таки онъ обманывается теоріей, которая врядъ ли бы обманула какогонибудь игрока, который предполагаетъ при помощи системы постояннаго удвоенія ставки, основанной на алгебраическихъ вычи-

сленіяхъ, безошибочно срывать банкъ въ Монте-Карло. Въ системѣ удвоенія ставки Нордау психіатрія замѣняетъ мѣсто алгебры

Эта его теорія въ сущности ничто иное, какъ безуміе износившагося человѣка, согласно которому свѣтъ сошелся клиномъ. Но Нордау слишкомъ уменъ для того, чтобы возвращаться къ уже готовымъ заблужденіямъ; онъ создаетъ ихъ самъ на свой собственный манеръ. Онъ ссылается на то колоссальное количество работы, которое отдѣльный человѣкъ въ состояніи произвести, благодаря современнымъ машинамъ желѣзной дороги, телеграфу, телефону, почтѣ и т. п. Онъ приводитъ ужасающія статистическія данныя увеличенія желѣзнодорожнаго и воднаго сообщенія, количества писемъ, приходящихся на единицу населенія, данныя о газетахъ, сообщающихъ намъ вещи (въ большинствѣ случаевъ ложь), которыя намъ вовсе ни на что не нужно знать *).

— Населеніе Европы,—говоритъ онъ,—«за

---

*) Можетъ быть, будетъ не лишнимъ, мимоходомъ замѣтить, что величина теперешнихъ писемъ цѣною въ пенни и открытокъ цѣною въ полпени та же самая, какъ и величина писемъ восемнадцатаго столѣтія, и что количество людей, умѣющихъ читать и писать вовсе не возросло, такъ что изъ статистики почты нѣтъ никакого основанія выводить такія заключенія, какія выводитъ Нордау.

пятьдесятъ лѣтъ не удвоилось, а его производительность удесятирилась и отчасти сдѣлалась въ пятьдесятъ разъ больше. Каждый отдѣльный просвѣщенный человѣкъ производитъ въ настоящее время въ пять и въ двадцать пять разъ больше работы, чѣмъ отъ него требовали полъ столѣтія тому назадъ **). Затѣмъ слѣдуютъ дальнѣйшія статистическія данныя о «постоянномъ возрастаніи преступленій, помѣшательства и самоубійствъ», объ увеличеніи смертности вслѣдствіе нервныхъ и сердечныхъ заболѣваній, о повысившемся количествѣ раздражающихъ средствъ, о новыхъ нервныхъ заболѣваніяхъ, какъ то, о «желѣзнодорожномъ

**.) Это утвержденіе опять-таки ничего не значитъ, если его не сравнивать съ данными увеличенія производительной силы цивилизованнаго человѣка, происшедшаго благодаря изобрѣтенію машинъ, которыя увеличили силу отдѣльнаго человѣка въ нѣкоторыхъ промышленностяхъ въ сто, а въ другихъ въ тысячу разъ. Что же касается преступленія и болѣзни, то прежде всего Нордау долженъ былъ бы констатировать, считаетъ ли онъ, напримѣръ, приговоры за преступленія противъ уставовъ акціонерныхъ обществъ—при современныхъ законахъ—доказательствомъ того, что мы извратились, съ тѣхъ поръ, какъ эти законы вступили въ силу, и констатировать также, считаетъ ли онъ изобрѣтеніе новыхъ именъ для дюжины видовъ лихорадки, называвшихся прежде однимъ именемъ, за доказательство убывающаго здоровья, несмотря на то, что продолжительность жизни увеличилась.

спинномъ мозгѣ и о желѣзнодорожномъ головномъ мозгѣ, съ общимъ выводомъ, что всѣ мы страдаемъ отъ истощенія и что вездѣ видны симптомы вырожденія, которые иногда коренятся въ такихъ ужасахъ, какъ то: въ музыкѣ Вагнера, въ драмѣ Ибсена, картинахъ Манэ, романахъ Толстого, стихахъ Уитмана, шерстянномъ бѣльѣ доктора Егера, въ вегетарианствѣ, скептицизмѣ по отношенію къ вивисекціи и прививкѣ, въ анархизмѣ и гуманизмѣ, коротко говоря, во всемъ томъ, что случайно не одобряетъ докторъ Нордау.

Вы сейчасъ увидите, что подобный случай, хорошо доказанный, заслуживаетъ вниманія даже при такихъ обстоятельствахъ, когда его защитникъ не претендуетъ на сужденіе,—потому что подобный случай безусловно открываетъ цѣлый рядъ интересныхъ и значительныхъ данныхъ. Я допускаю, что вполне справедливо, что мы съ нашими желѣзными дорогами и съ нашей почтой въ настоящій моментъ весьма подобны пѣшеходу, которому доказано преимущество велосипедной ѣзды и который вмѣсто того, чтобы проѣхать на своей машинѣ двадцать миль съ меньшей затратой энергіи, чѣмъ ему нужна для прохожденія пѣшкомъ семи миль, проѣзжаетъ сто миль, причемъ результатомъ является то, что «сохраняющее энергію» изобрѣтеніе превра-

шается въ средство до послѣдней степени истощающее того, кто имъ пользуется. Далѣе совершенно справедливо, что при нашей существующей промышленной системѣ, машины въ нашемъ промышленномъ производствѣ служатъ единственно и исключительно средствомъ, извлечь наибольшую выгоду изъ постоянной работы современнаго наемнаго работника. И я не вѣрю, чтобы кто нибудь, соприкасающійся съ художественными профессіями, будетъ отрицать, что такіе люди, какъ актеры и художники, журналисты и писатели берутся за эти профессіи только потому, что они не способны къ постоянной работѣ и къ регулярнымъ привычкамъ, или потому что привлекательность, которую защитники сцены, музыки и литературы находятъ въ своемъ излюбленномъ искусствѣ, имѣетъ часто очень мало, или ничего общаго съ тѣмъ сильнымъ желаніемъ, которое даетъ великимъ художникамъ силу для ихъ тяжелыхъ творческихъ работъ. Вопросъ о томъ, насколько искусство имѣетъ право разсчитывать на наше уваженіе, тѣсно связанный съ вопросомъ о силѣ притязаній искусства на облагораживаніе и разработку нашихъ чувствъ и способностей, долженъ оставаться открытымъ, до тѣхъ поръ, пока наше зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ не превратятся въ высоко развитыя и способныя къ критиче-

скому отношенію искусства, которыя будутъ горячо протестовать противъ уродства, шума, фальшиво-звучащей болтовни, грязной одежды и плохого воздуха и находятъ большой интересъ и удовольствіе въ красотѣ, музыкѣ и природѣ, и которыя, кромѣ того, позволяютъ намъ настаивать на комфортѣ и приличіяхъ, на чистыхъ, здоровыхъ, прекрасныхъ, прочныхъ матеріяхъ и вообще требовать обладанія вещами, элегантно сдѣланными изъ тонкаго матеріала. Далѣе искусство должно было бы обострять наше чувство по отношенію къ характеру и поведенію, къ справедливости и состраданію, сильно повышать наше самосознаніе и самообладаніе, точность дѣйствія и внимательность, заставляя насъ не выносить пошлости, жестокости, несправедливости, духовнаго мѣщанства или грубости. Достойнымъ художникомъ или художникомъ-ремесленникомъ является тотъ, кто служитъ физическимъ и духовнымъ чувствамъ, питая ихъ картинами, музыкальными произведеніями, красивыми домами и садами, хорошимъ платьемъ и красивой посудой, стихами, фантастическими образами, очерками и драмами, которые возбуждаютъ пріятную дѣятельность повысившихся чувствъ и облагороженныхъ способностей. Великій художникъ тотъ, кто уходитъ на шагъ впередъ отъ этихъ требованій и которому, вслѣдствіе то-

го, что онъ создаетъ произведенія, стоящія по красотѣ и интересу выше тѣхъ, которыя намъ были до тѣхъ поръ извѣстны, удастся, послѣ короткой борьбы присоединить новое расширеніе ощущеній къ завоеваніямъ человѣчества. Поэтому мы ищемъ искусство и чувствуемъ, что филистры нападаютъ на то, что по своей истинной полезности гораздо болѣе свято, чѣмъ ихъ собственные теории чистоты и разсудка. Поэтому искусство получило права религіи; такъ что лондонскіе купцы, которые съ неудовольствіемъ приняли бы какой нибудь обязательный церковный налогъ и которые не умѣютъ отличить *Jankee Doodle* отъ гимна Лютера и интересуются гораздо болѣе фотографіями новѣйшихъ знаменитостей, чѣмъ портретомъ Веласкеца изъ Національннй Галереи, охотно позволяютъ лондонскому County Council выдавать ихъ деньги музыкальнымъ обществамъ, городскимъ инспекторамъ искусства и на гипсовые слѣпки съ античныхъ статуй.

Но требованіе удовлетворяютъ чувства согласно ихъ потребностямъ, имѣетъ много ступеней. Кондитеръ, приготовляющій вредное печеніе, тореодоры, женщины, объявленія которыхъ въ американскихъ листкахъ такъ шокируютъ англичанъ, являются наиболѣе подходящими примѣрами, доказывающими, чѣмъ можетъ быть искусство и

ремесло наслажденія, даже не на ихъ самой низкой ступени, а на наиболѣе низкой ступени, о которой мы еще можемъ говорить безъ невыносимого стыда. У насъ есть сочинители, пишущіе стихи, которымъ низкіе комедіанты извѣстнаго класса въ состояніи придать неприличное толкованіе; у насъ есть художники которые не стремятся выше Джуліо Романо, разукрасившаго палаццо Те въ Мантуа; у насъ есть поэты, умѣющіе сочинять стихи лишь на избитую тему о безумной влюбленности; и, что хуже всего этого вмѣстѣ, у насъ есть журналисты, которые открыто заявляютъ, что ихъ долгъ заключается въ томъ, чтобы «отражать» то, что они считаютъ за невѣжество и предразсудки своихъ читателей, вмѣсто того, чтобы, по мѣрѣ силъ, направлять и просвѣщать ихъ,—отговорка для трусости и лести, которая начинается очень часто примѣняться также и въ политическихъ кругахъ, какъ «долгъ демократа-политика». Коротко говоря, художникъ можетъ быть скорѣе поденщикомъ, сводчикомъ, льстецомъ, чѣмъ вѣрнымъ слугой общественности и еще менѣе того можетъ онъ быть основателемъ школы или родоначальникомъ церкви. И даже художникъ, дѣлающій все отъ него зависящее, можетъ производить работу, очень низкую по качеству: такъ, на примѣръ, актеры маленькихъ кабачковъ, зарабатывающіе сред-

ства для своего существованія, шаблоннымъ пѣніемъ грубыхъ пѣсенъ, дѣлають это съ наивысшемъ напряженіемъ своего таланта, добросовѣстно убѣжденные въ томъ, что честно зарабатываютъ деньги и дѣлають честь своей профессіи. И наиболѣе великій художникъ не всегда стоитъ на должной высотѣ: нельзя оправдать всякую строчку Шекспира и каждый мазокъ Тиціана. Такъ какъ художникъ человѣкъ и его покровитель тоже человѣкъ, то въ искусствѣ и отражаются всѣ человѣческія настроенія и степени развитія; слѣдовательно всѣ обвиненія, которыя возводятъ на искусство всѣ филистры и иконоборцы такъ же основательны, какъ и обвиненія врага человѣчества, возводимыя имъ на человѣчество.

Это и есть ахиллесова пята искусства, которой коснулся Нордау. И чтобы доказать свое положеніе онъ связалъ иконоборца съ филистромъ, а филистра съ врагомъ человѣчества.

ЭХОЛАЛІЯ.

Позвольте вамъ описатьъ одинъ или два приѣма, которыми пользуется Нордау, подобно адвокату, извлекающему сколько возможно пользы изъ всякаго положенія. Посмотрите прежде всего на старый и довольно сильно дѣйствующій приѣмъ Нордау, называть свойства человѣка, общія всей человѣческой расѣ, «признаками вырожденія», лишь только онъ начинаетъ ругать этого человѣка. Какой нибудь салонный предсказыватель будущаго, читающій по рукѣ, приводитъ дамъ въ изумленіе, рассказывая имъ «тайны» о нихъ самихъ, которыя не что иное какъ неизбежныя свѣдѣнія, имѣющіяся у девяноста девяти изъ ста людей, но которыя каждый отдѣльный человѣкъ считаетъ своей особой привилегіей. Нордау дѣлаетъ это совершенно наоборотъ; онъ основывается на томъ фактѣ, что люди имѣютъ привычку, считать однообразіе и симметрію законами природы: напримѣръ, они считаютъ что лицо всякаго нормальнаго человѣка совершенно симметрично, что всѣ люди имѣютъ одинаковое число костей и т. д. Онъ пользуется этимъ общимъ заблужденіемъ и провозглашаетъ асиммет-

рiю признакомъ вырожденiя. Фактически же въ природѣ не существуетъ никакой совершенной симметрiи и никакого соотвѣтствiя. Если сфотографировать оба мои профиля, то люди, меня не знающiе врядь ли признаютъ ихъ за профили одного и того же лица; такъ что, если бы мой случай былъ единственнымъ, фотографическая камера дала бы доказательство высшей степени моего вырожденiя. По всей вѣроятности, милый Туккеръ, вы несмотря на это не откажетесь утверждать, что мое лицо настолько симметрично, насколько симметричны лица вообще. Другой, никогда не измѣняющiй, совершенно обыкновенный приѣмъ заключается въ томъ, что одному и тому же предмету даютъ два обозначенiя,—одно ругательное, а другое вѣжливое, смотря по тому при какихъ обстоятельствахъ оно употребляется. Вы знаете, какъ это дѣлается: «мы вѣримъ, что правительство останется твердымъ» стоитъ въ одной газетѣ и «мы надѣемся, что строптивые элементы кабинета въ нужный моментъ допустятъ это» стоитъ въ другой газетѣ. Въ дальнѣйшемъ я покажу вамъ типичную манеру, съ какой Максъ Нордау примѣняетъ этотъ искусственный приѣмъ. Прежде всего я долженъ вамъ объяснить, что человекъ любящiй сочинять рифмы, сходя съ ума, начинаетъ говорить рифмы, какъ бы цитирую ихъ изъ какого

нибудь сборника. Вы скажете ему одно слово и онъ отвѣчаетъ вамъ на него десятью рифмами и т. д. Врачи называютъ это эхोलалией. Диккенсъ описываетъ эту болѣзнь въ «Great Expectations», гдѣ мистеръ Еджерсъ, еврей клиентъ, выражаетъ свое восхищеніе передъ адвокатомъ, выкрикивая: «Oh Jaggerth, Jaggerth, Jaggerth! all otherth ith Cag-Maggerth: give me Jaggerth! Сунбёрнъ написалъ хорошо известные стихи, начинающіеся словами: «If love were what the rose is». Пріятно звуча и рифмуясь они выражаютъ чувство, безъ какого либо яснаго описанія; и у насъ есть цѣлая масса совершенно бессмысленныхъ колыбельныхъ рифмъ, какъ *Ba, back sheep*, или *Old Daddy long legs*, которыя такъ же нравятся здоровымъ дѣтямъ, какъ стихи Сунбёрна нравятся здоровымъ взрослымъ людямъ, просто какъ забавная пріятная игра словъ.

Люди пишутъ такія вещи не для того, чтобы поучать, а для того, чтобы развлекать и нравиться, совершенно такъ же, какъ люди ѣдятъ землянику съ битыми сливками не для того, чтобы укрѣплять свои мускулы и кости, а для того, чтобы наслаждаться вкусной ѣдой. Идіотъ можетъ утверждать, что онъ по той же причинѣ ѣстъ кухонное мыло и опилки; и поскольку я могу судить, этимъ аргументомъ онъ, навѣрное, заставилъ бы Нордау замол-

чать; такъ какъ Нордау достаточно абсурденъ для того, чтобы въ случаѣ съ рифмой утверждать, что всякая рифма, о которой можно сказать, что она не достаточно ясна и понятна, обличаетъ сочинителя рифмъ въ вышеназванной болѣзни, эхолалии. Такимъ образомъ Нордау можетъ всякому писателю, который ему не нравится доказать, что онъ дегенератъ. Онъ выхватываетъ какуюнибудь одну рифму, введенную ради нея самой, или же какуюнибудь игру словъ, или же то, что въ балладѣ называется припѣвомъ и обозначаетъ ихъ какъ симптомы эхолалии. Этотъ діагнозъ онъ поддерживаетъ еще тѣмъ, что старательно изучаетъ стихотвореніе, отыскивая въ немъ противорѣчія и несоотвѣтствія относительно времени, мѣста, описанія и тому подобнаго. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, ему придется признать Шекспира образцовымъ примѣромъ поэтическаго вырожденія, такъ какъ Шекспиръ былъ неисправимымъ «другомъ каламбуровъ», котораго восхищали извращенныя рифмы (что выполняетъ всѣ тѣ условія, которыя Нордау въ случаѣ съ Россети призналъ за симптомы его болѣзни) и который совершенно по дѣтски часто вводилъ какуюнибудь рифму исключительно ради нея самой; что же касается противорѣчій и несоотвѣтствія, то его «Сонъ въ лѣтнюю ночь» является лишь примѣромъ

для дюжины его проступковъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ Шекспиръ никогда не заботился о томъ, продлится ли дѣйствіе недѣлю, или же одну ночь. Но этого нѣтъ: такъ какъ Шекспиръ писатель не девятнадцатаго столѣтія, то онъ только повредилъ бы доказательству современнаго вырожденія. Его примѣръ показалъ бы, что эти симптомы вырожденія существовали уже тогда, когда никому еще не снились ни телеграфы, ни желѣзныя дороги; и кромѣ того Нордау любитъ Шекспира совершенно такъ же, какъ онъ любитъ Гёте. Онъ приводитъ его, какъ образецъ здоровья въ противоположности писателямъ девятнадцатаго столѣтія. Согласно этому Вагнеръ является выродкомъ, потому что онъ допускаетъ игру словъ;—а Шекспиръ, допускавшій еще худшіе каламбуры, является великимъ писателемъ. Суинбёрнъ съ его «безсмысленными» припѣвами «Small red leaves in the mill water» и «Apples of gold for the King's daughter» —является больнымъ идиотомъ; а Шекспиръ съ его «In spring time, the only merry ring time, when birds do sing hey ding a ding ding» (если это не самый худшій случай эхолаліи—то что же тогда эхолалія?), здоровый выдающійся умъ. Россети, «Благословенная дѣвица» (Blessed Damozel) котораго опирается на золотыя перила неба и плачетъ, несмотря на то, что она находится въ раю, въ благословенномъ мѣстѣ,—

который въ одномъ стихѣ описываетъ смерть, какъ «нѣчто, одѣтое въ бѣлое», а въ другомъ поднимающейся въ видѣ «слабаго пламени», Россети, считающій дни и года иначе, чѣмъ торговый календарь, является однимъ изъ тѣхъ опасныхъ и странныхъ существъ, которыхъ называютъ «мистиками»; тогда какъ Гёте (авторъ второй части «Фауста») «является человѣкомъ мірового ума, придерживающимся прекрасныхъ правилъ, тонкимъ знатокомъ искусства, коллекціонеромъ съ прекраснымъ вкусомъ, и пытливымъ естествоиспытателемъ». Что же касается противорѣчій, въ которыхъ обличается Ибсенъ, то количество ихъ слишкомъ велико, чтобы можно было останавливаться на деталяхъ. Но я увѣряю васъ, что буду вполне справедливъ по отношенію къ Нордау, если я скажу, что если бы онъ обвинилъ Шекспира въ противорѣчій за то, что его Отелло въ первомъ актѣ любитъ свою жену, а въ послѣднемъ душитъ ее, то это доказательство противорѣчія внушило бы вамъ болѣе уваженія къ его правильному пониманію, нежели его нападки на Ибсена, бессмыслица которыхъ подвергаетъ терпѣніе очень жестокому испытанію *).

---

*) Можетъ быть, лучше привести здѣсь примѣръ. Сначала Нордау цитируетъ нѣсколько фразъ изъ «Доктора Штокмана» и изъ «Дикой Утки».

Когда Нордау обращается къ музыкѣ и живописи, онъ меньше раздражаетъ, т. е. онъ въ этихъ своихъ писаніяхъ заблуждается по незнанію; да еще по такому незнанію, которое въ настоящее время пользуется полнымъ признаніемъ и пониманіемъ. Мы знаемъ къ какимъ выраженіямъ надо приготовиться, когда старомодный критикъ литературы и науки, изошрившійся въ отвлеченной логикѣ и которому даже во снѣ не снилось развить свое зрѣніе и слухъ, принимается за художниковъ и композиторовъ. Сущность Нордау раскрывается съ комической пунктуальностью. Онъ восхваляетъ «славное время возрожденія» и «ут-

---

Штокманъ: Я такъ люблю мой родной городъ, что я скорѣе допущу его разореніе, чѣмъ видѣть его процвѣтаніе, основанное на лжи... Какъ вредныя животныя, должны быть уничтожены всѣ, кто живетъ во лжи. («Докторъ Штокманъ») Реллингъ: Да, я сказалъ жизненая ложь; такъ какъ жизненная ложь, видите ли, является побуждающимъ принципомъ... Отнимите у обыкновеннаго человѣка жизненную ложь и вы отнимите у него счастье. («Дикая Утка»).

Нордау въ своихъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ продолжаетъ такимъ образомъ:

«Что же является настоящимъ мнѣніемъ Ибсена? Нужно ли стремиться къ правдѣ, или же прозябать во лжи? Стоитъ ли онъ на сторонѣ Штокмана, или на сторонѣ Реллинга? Ибсенъ не даетъ намъ отвѣта на эти вопросы и, гораздо болѣе того, онъ отвѣчаетъ на нихъ и утвердительно и отрицательно съ одинаковымъ жаромъ и съ одинаковой силой».

реннюю зарю новаго мышленія» со всею серьезностью старыхъ изданій Мурреевскаго «Путеводителя Италіи?»

Онъ рассказываетъ намъ, что «сравнительно легко подражаетъ Чимабуэ и Джотто; но чтобы подражать Рафаэлю, надо самому обладать законченнымъ умѣньемъ рисовать и писать красками». Онъ смѣшиваетъ Фра Анжелико съ Джотто и Чимабуэ въ одну кучу, какъ будто они стоятъ на одной и той же ступени развитія техническаго выполнения, кромѣ того онъ смѣшиваетъ Полаіуоло съ Гирландайо. «Здѣсь» пишетъ онъ— говоря о великихъ флорентійскихъ живописцахъ начиная съ Джотто вплоть до Мазаккю—«былъ рядъ плохо нарисованныхъ, слабо окрашенныхъ съ самаго начала, или же обезцвѣченныхъ, полинявшихъ и испорченныхъ подъ вліяніемъ столѣтій картинъ; и эти методы... *преподносились съ ученической неумѣлостью...* Имъ было очень легко подражать, такъ какъ, когда рисовали картины въ стилѣ примитивовъ, то неправильность рисунка, недостаточное чувство красокъ, *общая художественная неспособность превращались въ преимущества*». Еще разъяснить и эти ужасные нападки, значило бы наносить раны мертвецу. Бѣдный Нордау приводилъ все это, какъ доказательство того, что Рёскинъ, положившій конецъ этому безумію англійскихъ невѣждѣ, былъ мистикомъ, стра-

давшимъ лихорадкой. Онъ упрекаетъ также Милэ и Хольмана Хѣнта въ томъ, что они въ дни братства прерафаэлитовъ стремились къ тому, чтобы усвоить себѣ качества старыхъ флорентинскихъ мастеровъ, потому что флорентинская мольбертная живопись гораздо легче поддавалась подражанію, чѣмъ живопись учениковъ на римской фабрикѣ производства фресокъ Рафаэля.

Относительно музыки возрѣнія Нордау также вполне согласуется съ теоріями композицій, бывшими въ ходу среди литераторовъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Онъ рассказываетъ намъ «о строгомъ порядкѣ и о твердо установленныхъ правилахъ науки композиціи, которая создала грамматику для несвязной первоначальной рѣчи звуковъ и сдѣлала ее достойнымъ средствомъ выраженія душевныхъ движеній просвѣщенныхъ людей», и далѣе онъ описываетъ, какъ Вагнеръ отказывается отъ этихъ установленныхъ правилъ и возстаетъ противъ строгаго порядка, какъ «невнимательный мистикъ, отдавшійся неопредѣленнымъ мечтамъ». Это замѣчаніе о томъ, что существуютъ опредѣленные, исходящія изъ науки контрапунктовъ, правила, примѣняя которыя можно такъ же писать музыкальныя пьесы, какъ всякій, постигшій первое положеніе Эвклида, можетъ по данной прямой построить равносторонній треугольникъ, чрезвычайно

характерно для поколѣнія слѣпыхъ и глухихъ критиковъ, къ которымъ принадлежитъ Нордау. Очевидно, если бы существовали опредѣленные правила, по которымъ Вагнеръ или кто либо другой могъ бы сочинить хорошую музыку, — то композиторская работа не требовала бы большаго напряженія, чѣмъ необходимо для составленія какого нибудь алфавитнаго указателя. Затрудненія заключаются въ томъ фактѣ, что для творческаго искусства не существуетъ *никакихъ* опредѣленныхъ правилъ. Нѣтъ ничего, чтобы могло заставить васъ правильно выражать вашу мысль, за исключеніемъ вашего собственнаго чувства красоты и соотвѣтствія; и въ той степени, въ какой вы превосходите вашихъ предшественниковъ, это чувство красоты и соотвѣтствія неизбежно вступаетъ въ конфликтъ, только не съ опредѣленными правилами, потому что таковыхъ нѣтъ, а съ примѣрами, данными этими предшественниками, которые и суть то, что Нордау называетъ опредѣленными правилами, — поскольку онъ достаточно понимаетъ то, о чемъ онъ говоритъ, чтобы вообще желать что либо сказать этимъ. Если бы Вагнеръ написалъ увертюру къ «Золоту Рейна» съ полъ канденціей въ концѣ восьмого такта и съ полнымъ, интерваломъ въ концѣ шестнадцатаго такта то онъ безъ сомнѣнія послѣдовалъ бы

примѣру Моцарта и другихъ великихъ композиторовъ и вполне удовлетворилъ бы требованіямъ господъ Гансликъ, Нордау и К°. Его цѣлью было создать картину звуковъ мощнаго теченія въ глубинахъ Рейна; и такъ какъ поэтическая фантазія не представляетъ себѣ Рейнъ, останавливающимся на каждахъ восьми шагахъ для того, чтобы снять шляпу передъ господами Гансликъ и Нордау, то всѣ цѣлыя и половинныя каденціи выпущены; и Нордау, раздраженный тѣмъ, что его обошли, какъ какую нибудь незначительную личность, жалуется, что композиторъ «невнимательный мистикъ, отдающійся неопредѣленнымъ мечтамъ». Но даже если и оставить въ сторонѣ конечную цѣль Вагнера, все же принципиальная критика Нордау о немъ, есть критика невѣжды; такъ какъ справедливо то, что Вагнеръ, подобно многимъ художникамъ съ большой духовной силой, при техническомъ выполненіи своихъ гигантскихъ партитуръ, обращалъ большое вниманіе на систему, порядокъ, логику, симметрію и синтаксисъ, такъ что, когда, съ теченіемъ времени, его мелодіи и гармоніи сдѣлаются намъ болѣе близкими, его поставятъ на ряду съ Гендлемъ какъ композитора, строгая равномерность произведеній котораго покажется сухой и механической тѣмъ, кто не сможетъ прослѣдить за его драматическимъ полетомъ.

Если бы Нордау, у котораго отсутствует это чувство полета, сказалъ бы: «Этотъ типъ, о которомъ вы всѣ воображаете, что онъ создатель новыхъ небесъ и новой земли въ музыкѣ, которыя онъ творить изъ хаоса поэтического броженія, въ дѣйствительности ужасный педантъ и формалистъ», я бы насторожился и прислушался бы съ нѣкоторымъ любопытствомъ, такъ какъ я бы зналъ, какъ благопріятны были обстоятельства для дѣйствительно смѣлаго профессиональнаго критика. А такъ, какъ обстоитъ дѣло теперь, я могу лишь упрекнуть Нордау въ томъ, что онъ подъ вліяніемъ повседнежнаго литературнаго суетвѣрія усвоилъ себѣ повседневное заблужденіе. Въ остальномъ врядъ ли потребуется какогонибудь побужденія съ моей стороны, чтобы правильно оцѣнить полное безуміе, того, что Нордау называетъ «невнимательнымъ» парижскаго журналиста, дрезденскаго дирижера, инціатора и основателя байрейтскаго предпріятія, веселаго и практичнаго автора книги «о дирижированіи» и человѣка, аранжировавшаго и инсценировавшаго четыре части Кольца Нибелунговъ. Я нарочно не говорю о немъ, какъ о композиторѣ, о поэтѣ, о философѣ, о реформаторѣ, потому что Нордау невозможно заставить признать, что величіе Вагнера имѣетъ значеніе и въ этихъ областяхъ. Я лишь указываю на эти ка-

чества Вагнера; но профессиональная дѣловитость Вагнера и его организаторскій талантъ остаются неоспоримымъ объективнымъ фактомъ; и этихъ качествъ уже вполне достаточно для того, чтобы свести диагнозъ Нордау, согласно которому Вагнеръ является неопредѣленной, никакъ не выразившейся личностью, къ абсурду. Если бы Максъ Нордау обладалъ хотя бы сотой частью той по истинѣ удивительной способности наблюденія, которую Вагнеръ сохранялъ въ теченіе всей своей жизни съ такой же легкостью, съ какой обыкновенный человѣкъ сохраняетъ свою способность дыханія, то онъ самъ не былъ бы такимъ, достойнымъ сожалѣнія, примѣромъ своего же собственнаго утвержденія, что способность наблюденія можно признать масштабомъ для измѣренія духовной силы.

«Приемъ Нордау называть рифму «эхолаліей», если онъ случайно не любитъ сочинителя этихъ рифмъ, примѣняется также въ случаѣ съ авторствомъ, которое онъ называетъ «графоманіей», если онъ случайно не любитъ автора. Онъ утверждаетъ, что Вагнеръ, который какъ писатель такъ же плодovitъ, какъ и композиторъ, графоманъ и какъ доказательство этого онъ приводитъ то, что въ книгахъ Вагнера мы находимъ «безконечное повтореніе одного и того же ряда мыслей»... «Опера и драма», «Еврей-

ство въ музыкѣ», «О государствѣ и религiи» и «О назначенiи оперы», не что иное, какъ болѣе подробное разъясненiе отдѣльныхъ мѣстъ изъ «Искусства будущаго». Это блестящiй примѣръ того, какъ ограничена способность Нордау къ внимательному отношенiю. Съ того момента, какъ эта ограниченная способность концентрируется на теорiи вырожденiя, онъ не видитъ ничего другого и гонитъ взятую имъ на прокатъ лошадь черезъ всякое препятствiе, встрѣчающееся по пути. Для тѣхъ изъ насъ, кто можетъ обращать свое вниманiе одновременно болѣе, чѣмъ на одинъ предметъ, нѣтъ ни одного наблюденiя болѣе близкаго и болѣе часто подтверждаемое, чѣмъ то, что это соединенiе отдѣльныхъ изрѣченiй въ одной книгѣ, что Нордау открылъ у Вагнера—и что всегда уравнивается тѣмъ, что цѣлыя главы сводятся къ одной эпитаграммѣ,—есть метода, согласно которой всѣ великiе писатели, ораторы, художники и мыслители обрабатываютъ свои шедевры. Я выберу писателя, который придется вполнѣ по сердцу Нордау; специалиста по сумасшествiю, котораго Нордау приводитъ въ примѣръ того, что онъ называетъ «яснымъ духовно-здоровымъ писателемъ», который, чувствуя потребность сказать что нибудь, выскажется поскольку это будетъ возможно ясно и убѣдительно и удовлетворится этимъ»: а имен-

но доктора Генри Модслей. Докторъ Модслей умный и образованный специалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, написавшій нѣсколько интересныхъ книгъ, состоящихъ изъ повтореній, расширеній и историческихъ разъясненій одной идеи, которая,—если я позволю себѣ выразиться нѣсколько болѣе откровенно, чѣмъ вѣжливый авторъ,—есть нечто иное, какъ отождествленіе религіознаго экстаза съ половымъ. У этого автора все основано на обычномъ научномъ пессимизмѣ, отъ котораго онъ никогда не уклоняется; такъ что въ своей послѣдней книгѣ онъ повторяетъ свою первую, вмѣсто того, чтобы превзойти ее, какъ произведеніе Вагнера «О государствѣ и религіи» далеко превосходитъ его произведеніе «Объ искусствѣ и революціи».—Но разъ я, введя доктора Модслея, уже подготовилъ почву, почему бы мнѣ не попросить выступить самаго господина Нордау и открыто сказать намъ, не можетъ ли онъ среди своихъ перечисленій «психіатристовъ» и докторовъ по нервнымъ болѣзнямъ найти такого сумасшедшаго, который страдалъ бы какойнибудь навязчивой идеей болѣе безнадежно, нежели онъ самъ. Если вамъ необходимо примѣръ эхोलалии, найдете ли вы болѣе подходящій, чѣмъ примѣръ этого господина, который, какъ только вы ему скажете слово «манія» сейчасъ же начнетъ: эгоманія,

графоманія, мегаломанія, ономотоманія, пироманія, клептоманія, дипсоманія, эротоманія, арифмоманія, оніоманія, и который, слыша выраженіе «фобія, начинаетъ сыпать словами:—агорафобія, клаустрофобія, рупофобія, іофобія, розофобія, айхмофобія, беленофобія, кремнофобія и тріонофобія? Затѣмъ онъ вдругъ замѣчаетъ, что «это просто филологически-медицинская забава»; замѣчаніе, имѣющее видъ возвращающагося здоровья; но затѣмъ онъ съ видомъ настоящаго сумасшедшаго, сжимая виски, жалуется на то, что «наука о сумасшествіи совершенно заполнена массой ненужныхъ и путающихъ обозначеній» и что психіаторы, захотѣвшіе бы его выслушать, увидѣли бы, что существуютъ только *одна* фобія и *одна* манія: а именно «вырожденіе». Это происходитъ отъ того, что филологически-медицинскіе болтуны съ его точки зрѣнія еще не достаточно сумасшедши. Что касается вопроса о вырожденіи, онъ до такой степени невмѣняемъ, что онъ такъ же легко открываетъ его симптомы у выдающихся гениевъ, какъ и у самыхъ низкихъ мошенниковъ, только не у себя самаго, не у Ломброзо, Крафтъ Эбинга, доктора Модслея, Гёте, Шекспира и Бетховена. Онъ, можетъ быть, занялся бы случаемъ Кольриджа, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соответствуетъ его теоріи, но это нарушило бы

связь между вырожденіемъ и желѣзнодорожнымъ спиннымъ мозгомъ (railway-spine). Если человѣкъ слишкомъ чувствителенъ, слѣдовательно это признакъ вырожденія; такъ какъ у умалишенныхъ наблюдалась гиперестезія. Нечувствительность также признакъ вырожденія такъ какъ анестезія признакъ безумія, заставлявшій старыхъ женщинъ признавать себя вѣдьмами. Разборчивость въ платьѣ тоже вырожденіе: шелковые халаты и панталоны уже серьезные симптомы, а шерстяныя рубашки окончательный признакъ безумія. Если же человѣкъ не обращаетъ вниманія на эти вещи, то ясно, что это признакъ невнимательности, а слѣдовательно вырожденія. Если человѣкъ пьетъ, слѣдовательно онъ неврастенникъ; если онъ вегетарианецъ и трезвенникъ то его необходимо запереть. Если онъ ведетъ распутную жизнь, то самый этотъ фактъ предаетъ его проклятію. Если же жизнь его безупречна, то онъ жалкій «шатоид», не имѣющій воли и мужества дать свободу своимъ порочнымъ наклонностямъ. Если онъ пишетъ стихи, значитъ онъ одержимъ эхололіей; если онъ сочиняетъ прозу, слѣдовательно онъ графоманъ; если онъ въ своихъ книгахъ упорно приводитъ свои идеи, слѣдовательно онъ одержимъ бѣсомъ; если же онъ этого не дѣлаетъ, то онъ «неопредѣлившійся» и «невнимательный» человѣкъ.

Какъ мы уже видѣли Вагнеръ дошелъ до того, что былъ и одержимъ и невнимателенъ, какъ это и можно было ожидать отъ того, въ комъ «одномъ было гораздо большее количество признаковъ вырожденія, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ выродкахъ вмѣстѣ». И такъ далѣе и такъ далѣе.

Существуетъ опредѣленнаго рода духовная слабость, которую можно найти у людей, не имѣющихъ необходимой духовной силы, занимаются ли они наукой, или искусствомъ; и объ этомъ Нордау забываетъ съ удивительнымъ отсутствіемъ познанія самого себя. Я подразумѣваю слабость выражающуюся въ томъ, что человѣкъ, теорія котораго очевидно противорѣчитъ фактамъ, приходитъ къ заключенію: «Тѣмъ хуже для фактовъ: они должны измѣниться», вмѣсто того, чтобы придти къ заключенію, что «тѣмъ хуже для моей теоріи». Во имя здраваго человѣческаго смысла, скажите какую цѣнность можетъ имѣть теорія, отождествляющая Ибсена, Вагнера, Толстого, Рѣскина и Виктора Гюго съ отбросами нашихъ тюремъ и домовъ для умалишенныхъ? Что можно думать о духовномъ состояніи памфлетиста и журналиста, который вмѣсто того, чтобы признать это отождествленіе за *reductio ad absurdum* теоріи, отчаянно старается ее доказать «указывая на то, что между ними существуетъ масса сходства, что всѣ они имѣютъ

головы и тѣла, знакомы съ желаніями заблужденіями, капризами, слабостями, обладаютъ асимметрическими чертами лица, эротическими импульсами, неправильными сужденіями и тому подобнымъ — т. е. общими свойствами не только всѣхъ человѣческихъ существъ, но и всѣхъ позвоночныхъ животныхъ. Посмотрите на собственныя перечисленія Нордау: «Манія преслѣдованія, манія величія, мистицизмъ, анархизмъ, страсть къ возмущенію и противорѣчію, безсвязность, склонность къ безсмысленнымъ каламбурамъ, эротоманія и фанатизмъ въ религіи». Найдется ли хотя бы одинъ человѣкъ, который понявъ эти выраженія, сумѣетъ доказать свою полную непричастность къ нимъ; въ особенности когда его обвиняютъ такимъ неяснымъ и ненаучнымъ образомъ, безъ всякихъ разъясненій фактовъ, доказательствъ и обстоятельствъ, на которыя опирается обвиненіе и даже безъ малѣйшей попытки дать идеальнаго здоровья? Я бы могъ доказать Нордау съ бѣльшей наглядностью, что онъ слонъ, чѣмъ онъ доказываетъ, что наши великіе мужи извращенные идіоты. Документы, въ которыхъ Свифтъ, предсказавшій заранѣе опредѣленный моментъ смерти лже-пророка Биккерстаффа, сейчасъ же послѣ этого момента доказалъ что онъ мертвъ, гораздо остроумнѣе и основательнѣе продуманы, чѣмъ

любая глава книги Нордау. И Свифтъ, несмотря на то что въ послѣдствіи онъ умеръ въ сумасшедшемъ домѣ, былъ слишкомъ здоровъ, для того чтобы позволять своей собственной логикѣ вводить себя въ заблужденіе. Гдѣ въ такомъ случаѣ придется умереть Нордау? Можетъ быть въ чрезвычайно достойномъ учрежденіи.

Наиболѣе пріятная сторона Нордау заключается въ его непринужденности и безстрашии въ выраженіяхъ. Считаю Пеладана (произведеній котораго я не знаю) типомъ вырожденія мистическаго направленія, онъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Его нравственный идеалъ высокъ и благороденъ. Онъ преслѣдуетъ все низкое, все пошлое, всякій видъ самолюбія, фальши, жажды наслажденія и его образы всѣ сплошь благородныя души, мысли которыхъ заняты исключительно самыми достойными и преимущественно художественными интересами человечества». Съ другой же стороны Метерлинкъ является «бѣднягой-идіотомъ». В. Д. о'Коноръ за его характеристику Витмана, котораго онъ называетъ «добрымъ сѣдымъ поэтомъ», вѣжливо обозначается «американскимъ болтуномъ», Ницше «принадлежитъ тѣломъ и духомъ къ стаду паршивыхъ овецъ»; Ибсенъ является «злобнымъ враждебно настроеннымъ по отношенію къ обществу болтуномъ», и такъ далѣе. И толь-

ко иногда его тонъ дѣлается лицемѣрнымъ, напримѣръ, когда онъ приходитъ въ благородное негодованіе по поводу драмъ Вагнера и, повторяя слова старыхъ сплетницъ, иронически восклицаетъ: «Какъ неиспорченные должны быть женщины и дѣвушки, если онѣ въ состояніи смотрѣть подобныя пьесы, не краснѣя и не проваливаясь отъ стыда сквозь землю!» Чтобы быть справедливымъ по отношенію къ нему, нужно сказать, что это исключеніе. Его гораздо болѣе характерныя комментаріи къ любовнымъ сценамъ Вагнера будутъ слѣдующіе: «Влюбленные въ его пьесахъ ведутъ себя, какъ сумасшедшіе коты, которые судорожно и въ восхищеніи бросаются на балдырьянный корень». И вѣжливость не всегда, такъ сказать, является его дѣломъ; такъ, какъ онъ одинаково безразлично относится къ чувствамъ «дующихъ пиво» нѣмецкихъ филистровъ, какъ и къ чувствамъ эстетовъ. Поэтому, несмотря на то, что съ одной стороны онъ считаетъ социализмъ и всѣ другія формы выраженія недовольства существующимъ общественнымъ строемъ «признаками вырожденія», съ другой стороны онъ говоритъ, какъ Карлъ Марксъ. Слѣдующее сопоставленіе можетъ служить примѣромъ.

«Себялюбіе Ибсена пріобрѣтаетъ форму анархизма. Онъ находится въ состояніи постояннаго возмущенія противъ всего суще-

ствующаго... Психологическая основа его враждебныхъ по отношенію къ обществу побужденій хорошо извѣстна. Эта неспособность дегенерата къ приспособленію и вытекающее отсюда постоянное неудобство находится въ условіяхъ, къ которымъ онъ не можетъ приноровиться, вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ. Преступникъ, говоритъ Ломброзо, благодаря своей неврастенической и раздражительной натурѣ и благодаря своей ненависти къ учрежденіямъ, которыя его обуздываютъ и стѣсняють, является постояннымъ скрытымъ политическимъ бунтовщикомъ, который находитъ въ возмущеніи не только средство для удовлетворенія своихъ страстей, но и возможность впервые видѣть ихъ одобренными многочисленной публикой!

«Вагнеръ явный анархистъ... Онъ обнаруживаетъ то состояніе духа, которое обще дегенератамъ и просвѣщеннымъ реформаторамъ, врожденнымъ преступникамъ и людямъ, не жалѣвшимъ себя для прогресса человѣчества, а именно глубокое недовольство существующимъ... Онъ охотно уничтожилъ бы, какъ онъ это называетъ, государственную и уголовную политику..»

А теперь приведемъ собственное мнѣніе Нордау:

«Не заключается ли задача разумной человеческой любви и справедливости въ томъ,

чтобы заботливо охранять раздѣленіе труда,— это необходимое и плодотворное слѣдствіе долгаго развитія—и посредствомъ лучшаго экономическаго порядка превратить рабочаго изъ приговореннаго къ нуждѣ и болѣзни фабричнаго каторжника въ свободнаго производителя благъ, который самъ пользуется плодами своего труда и не плутуетъ болѣе, когда его здоровье удовлетворительно и его жизненные требованія выполнены въ достаточной мѣрѣ?..

«Милостыня, которую подаютъ работоспособному человѣку, унижаетъ того, кто ее получаетъ и того, кто ее даетъ и дѣйствуетъ губительно на чувство долга и на нравственность обоихъ...»

«Исцѣленія несчастій человѣчества нельзя найти въ невозможномъ возвращеніи къ природѣ, а скорѣе можно его найти въ разумной организаціи нашей борьбы съ природой; я бы хотѣлъ сказать, въ введеніи для борьбы съ ней общей воинской повинности, отъ которой могли бы быть освобождены исключительно калѣки...»

«Въ Англии половая мораль Толстого нашла наибольшій откликъ, такъ какъ тамъ, экономическія условія осуждаютъ громадное количество дѣвушекъ интеллигентныхъ классовъ на безбрачіе; и эти достойныя сожальнія созданія должны естественно черпать изъ ученія, которое прославляетъ цѣ-

ломудріе, какъ высшее достоинство и возвышенное назначеніе человѣка и клеймить бракъ съ мрачной яростью отвратительнымъ развратомъ, громадное утѣшеніе въ ихъ одинокой безсодержательной жизни и въ жестокомъ лишеніи возможности, выполнить свое естественное призваніе».

Такимъ образомъ, повидимому, и Нордау свойственна эта «неспособность дегенерата къ приспособленію и вытекающее отсюда постоянное неудобство находится въ условіяхъ, къ которымъ онъ не можетъ принорочиться, вслѣдствіе своихъ органическихъ недостатковъ». Не является ли онъ, дѣйствительно, авторомъ «условной лжи»? Но у него есть его обычный легкій путь, по которому онъ выходитъ изъ этого затрудненія. Если Ибсенъ и Вагнеръ недовольны свѣтомъ, то это потому, что свѣтъ слишкомъ хорошъ для нихъ; но если недоволенъ Максъ Нордау, то это потому, что Максъ—слишкомъ хорошъ для свѣта. Его скромность не позволяетъ ему болѣе точно обозначить это различіе. Вотъ его доказательство:

«Недовольство существующимъ у дегенерата иное, чѣмъ у реформатора. Послѣдній возмущается, дѣйствительно, настоящимъ зломъ и дѣлаетъ разумныя предложенія для борьбы съ нимъ, предложенія, которыя стоятъ впереди своего времени и гораздо

цѣлесообразнѣе и мудрѣе, чѣмъ можетъ предположить само человѣчество, и которыя всегда имѣютъ разумныя основанія. Дегенератъ же, напротивъ, выбираетъ изъ просвѣтительныхъ учрежденій какое нибудь или несущественное или какъ-разъ какое нибудь цѣлесообразное, чтобы начать возмущаться имъ. Его ярость направлена на смѣшно-незначительныя цѣли, или же вообще не имѣетъ никакого основанія. Объ улучшеніи онъ вообще не думаетъ серьезно, или же мелѣетъ планы, которые должны осчастливить міръ и безуміе которыхъ бросается въ глаза. Его основное настроеніе это постоянная злоба противъ всѣхъ и cadaго, которая выражается въ ядовитыхъ рѣчахъ, дикихъ угрозахъ и въ страсти къ разрушенію, свойственной бѣшенному звѣрю. *Вагнеръ является хорошимъ примѣромъ подобнаго типа».*

Вагнеръ названъ потому, что этотъ отдѣлъ находится случайно въ почти что невѣроят-но бессмысленной главѣ, носящей его имя. Въ какой нибудь другой главѣ съ такимъ же успѣхомъ могъ быть названъ Ибсенъ, Толстой, Рѣскинъ, Вилльямъ Моррисъ, или всякій другой значительный художникъ, который раздѣляетъ мнѣнія Нордау, или ваши, или мои относительно нашихъ существующихъ соціалистическихъ учрежденій. Въ виду всего этого дѣйствительно невозможно, отказать себѣ въ удовольствіи, по возмож-

ности доброжелательно спросить Нордау, кто онъ и что онъ такое, что онъ можетъ подобнымъ образомъ издѣваться надъ великими людьми. Вагнеръ былъ недоволенъ состояніемъ музыкальнаго искусства въ Европѣ; очеркъ за очеркомъ, съ удивительной точностью указаль онъ на то, чѣмъ онъ недоволенъ и какъ можно этому помочь. Несмотря на злобную оппозицію всѣхъ глупцовъ, педантовъ и людей, заботящихся о своихъ интересахъ, онъ показаль не только, чѣмъ должна быть музыкальная драма, какъ произведеніе искусства, но и то, какъ нужно достойнымъ образомъ управлять театромъ— и даже какъ нужно его строить, какъ нужно распредѣлять ряды мѣстъ и инструменты въ оркестрѣ. И онъ показаль это не только на бумагѣ, но онъ сочиняль также имѣвшіе успѣхъ музыкальныя драмы, построиль образцовую сцену, даваль образцовыя представленія, *дѣлаль* невозможное; такъ что теперь нѣтъ никого, не исключая Ганслика, кто бы осмѣлился поставить себя въ смѣшное положеніе, повтореніемъ прежнихъ направленныхъ противъ Вагнера криковъ о сумасшествіи и невозможности—никого, кромѣ Нордау, котораго, какъ истиннаго журналиста, нельзя убѣдить даже фактами.—Вильямъ Моррисъ протестоваль противъ отвратительнаго безобразія украшеній и мебели временъ королевы Викторіи, противъ

рифмованной риторики, которая начиная съ возрожденія и до девятнадцатаго столѣтія занимала мѣсто поэзіи, противъ живописи на стеклѣ и въ послѣдствіи также противъ соблазнительной коммерческой угодливости печатныхъ работъ, которыя соотвѣтствовали американскому вкусу, что въ Англии выразилось въ «Harpers Magazine» и «The Century». Издѣвался ли онъ — какъ хочетъ заставить повѣрить этому Нордау — бесполезнымъ образомъ надъ людьми, которые все-таки, хотя и нехудожественнымъ образомъ, выполнили свою работу на землѣ? Нѣтъ онъ не дѣлалъ этого. Онъ рисовалъ и фабриковалъ ту утварь, которая была ему нужна и мебелировалъ и украшалъ ею дома. Въ общественныхъ зданіяхъ и церквяхъ онъ повѣсилъ стѣнные ковры и вставилъ разрисованныя стекла и теперь люди, любящіе искусство, совершаютъ путешествія, чтобы видѣть это, какъ они совершаютъ путешествія, чтобы видѣть подобныя высокохудожественныя работы девятнадцатаго столѣтія. За книги изъ его кельмскотерской типографіи, которыя напечатаны шрифтомъ, собственноручно имъ начертаннымъ, дерутся какъ коллекціонеры, такъ и наши національные музеи. Не надо забывать, что въ эту дѣятельность включалось успешное веденіе широкаго коммерческаго предпріятія и фабрики и что она прерывалась еще опубликованіемъ стиховъ и

романовъ, которые обезпечили ихъ автору положеніе величайшаго изъ современныхъ писателей. Теперь послушайте тѣ выраженія, какими Нордау описываетъ этотъ родъ дѣятельности. «Смѣшно-незначительныя цѣли—не имѣетъ никакого основанія—не думаетъ серьезно объ улучшеніи—лелѣетъ планы, долженствующіе осчастливить міръ, безсмысліе, которыхъ бросается въ глаза—постоянная злоба противъ всѣхъ и cadaго, выражающаяся въ ядовитыхъ рѣчахъ, дикихъ угрозахъ и въ страсти къ разрушенію, свойственной бѣшенному звѣрю».

Не видите ли вы очаровательной ироніи въ той легкости, съ какой этотъ ипохондрической памфлетистъ, который самъ не имѣетъ ничего кромѣ книги полной ошибокъ, украшенной ложно-научной теоріей, полученной изъ вторыхъ рукъ, отъ двухъ-трехъ врачей-психіатровъ съ литературными замашками, который воображаетъ, что ему удастся вызвать европейскій скандалъ, если онъ объявитъ величайшихъ творцовъ—художниковъ столѣтія истерическими сумасшедшими? Я не знаю, что говорили американскіе критики о Нордау, но здѣсь, у насъ придерживались того мнѣнія, что въ его обвиненіяхъ есть много правды и что, повидимому, онъ обладаетъ авторитетомъ въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ трактуетъ. И все-таки я, какъ человѣкъ живущій художественной крити-

кой, увѣряю васъ, что, начиная съ его вступительнаго описанія обоей Морриса, «на которыхъ странныя птицы прячутся между дико переплетающимися вѣтвями и большіе прихотливые цвѣты кокетничаютъ съ тщеславными бабочками» (что, между прочимъ, такое же понятное описаніе, какъ имъ было бы и описаніе норманкской капеллы въ Лондонскомъ Тоуэрѣ, какъ характернаго образца стиля бароккъ) и до его сопоставленія Чимабуэ съ Фра Анжелико въ качествѣ примитивныхъ флорентинскихъ мастеровъ: начиная съ его безсовѣстной лжи о «доброевѣстномъ соблюденіи законовъ контрапункта» Бэтховеномъ и другими мастерами—которые прославились тѣмъ, что пренебрегали этими законами—и до его ошибочнаго заключенія объ «органномъ пунктѣ съ правильной гармоніей» («органный пунктъ» является особенно исключительнымъ случаемъ, когда пренебрегаются даже установленныя профессорами правила о «правильной гармоніи») Нордау разоблачаетъ и открываетъ свои поверхностныя знанія въ области изящныхъ искусствъ. Но его критики, которые въ большинствѣ случаевъ, какъ и онъ самъ невѣжественные литераторы съ острымъ умомъ и не развитымъ чувствомъ зрѣнія и слуха, приняли Чимабуэ и Гирляндаіо и органный пунктъ за чистую монету такъ же, какъ и другіе простофили. Лишь иногда какой ни-

будь почитатель Ибсена начинает утверждать, что Ибсенъ является исключеніемъ теоріи вырожденія и что его надо поставить наряду съ Гёте; или же какойнибудь вагнеріанецъ будетъ претендовать на ту же почесть для Вагнера, какъ и для Бэтховена; можетъ быть, найдется какойнибудь защитникъ Россетти, который осмѣлится осторожно намекнуть на совершенно очевидный фактъ, что Нордау читалъ только двѣ или три популярныхъ баллады какъ «The Blessed Damozel», «Eden Bower», «Sister Helen» и т. п., которыя читаются всѣми болтунами и что его познанія въ художественныхъ, драматическихъ и декоративныхъ произведеніяхъ, какъ это обнаруживается въ его критикѣ произведеній Россетти, Бёрнъ-Джонса, Фордъ Мэдоксъ Брауна, Вилльяма Морриса и Хольмана Хента (безъ точнаго знанія и старательнаго изученія которыхъ ни одному человеку невозможно съ какойлибо авторитетностью говорить о движеніи прерафаэлитовъ), очевидно заключается въ бѣгломъ взглядѣ на картину Хольмана Хента «Въ тѣни креста» или же, по возможности даже, только на гравюру съ этой картины. Въ общемъ же онъ все-таки считается серьезнымъ, признаннымъ авторитетомъ въ своей области; и именно поэтому мы принуждены безъ всякой злобы, исключительно ради того, чтобы исполнить нашу обязанность по от-

ношенію къ обществу, не жалѣть труда, уничтожить его.

А теперь, мой милый Туккеръ, я сказалъ вамъ о книгѣ Нордау столько, сколько она заслуживала. Въ странѣ, гдѣ народъ дѣйствительно соприкасался бы близко съ искусствомъ, вмѣсто того, чтобы только читать о немъ, не было бы никакой необходимости, написать о такомъ трудѣ даже и трехъ строчекъ. Но въ Англiи, гдѣ только чрезмѣрная работа и недостатокъ самоуверенности мѣшаетъ большинству людей такъ же думать объ искусствѣ, какъ открыто говорить о немъ Нордау; гдѣ изъ тысячи только одинъ обладаетъ истиннымъ художественнымъ чувствомъ, а остальные девятьсотъ девяносто девять или же мѣщанскіе развратники или же кальвинистическіе моралисты, бесполезно воображать, что заблужденія Нордау обнаружатся сами собой. У насъ уже встрѣчаются писатели, которые не обладая и половиной ловкости и силы выраженія Нордау, беспомощно подражаютъ его ложно-научнымъ вивисекціямъ въ своихъ нападкахъ на художниковъ, произведенія которыхъ случайно не нравятся имъ. Поэтому, протыкая насквозь его книгу, я взялъ иглу, достаточно длинную для того, чтобы проткнуть нѣсколько страницъ и другихъ писателей; и въ этомъ заключается мое оправданіе въ томъ, что я не обратилъ вни-

манія на обыкновенный признакъ вырожденія издателя, который Нордау называетъ агорафобіей или боязнью пространства.

УЖАСЫ ДЕНШАВАЯ.

Деншавай это маленькая египетская деревушка, лежащая въ Нильской Дельтѣ. На большой улицѣ этой деревни вы увидите рядомъ съ ветхими хижинами, помѣщающимися подъ кустами папируса, и рядомъ съ пальмами высокія башни изъ необоженнаго кирпича, значеніе которыхъ такъ же загадочно для англійскаго-деревенскаго жителя, какъ загадочно для египтянина значеніе кентскаго парника. Эти башни не что иное, какъ голубятни, такъ какъ мѣстные жители держатъ голубей, какъ англійскій крестьянинъ держитъ птицъ. Попробуйте представить себѣ ощущенія какой нибудь англійской деревни, если бы внезапно появилась компанія китайскихъ офицеровъ и начала бы убивать и уносить утокъ, гусей, куръ и индѣйскихъ пѣтуховъ, ссылаясь на то, что эти животныя, какъ это всѣмъ извѣстно въ Китаѣ, не что иное какъ дикія птицы и что открытое возмущеніе жителей деревни есть только предлогъ для выраженія ненависти къ китайцамъ и, можетъ быть, даже предлогъ для заговора, преслѣдующаго цѣль

уничтожить религію Конфуція и вмѣсто нея утвердить права англійской церкви. Подобный случай произошелъ въ Деншаваѣ, когда въ прошломъ году компанія англійскихъ офицеровъ прибыла туда для того, чтобы стрѣлять голубей. Мѣстные жители жаловались и просили защиты; но не нашли никакой поддержки: въ моментъ бѣды законъ оставилъ ихъ на произволъ судьбы. И законъ, такимъ образомъ привелъ въ отчаяніе одно изъ самыхъ знатныхъ семействъ среди содержателей голубей, по имени Мафуцъ, и его шестидесятилѣтній глава Гассанъ Мафуцъ принялъ рѣшеніе, при повтореніи такого насилія, не подчиняться ему. Между прочимъ англійскимъ офицерамъ было запрещено стрѣлять голубей въ деревнѣ безъ разрѣшенія омде или старшины, хотя невозможно было себѣ представить, что могло бы случиться съ омде, если бы онъ осмѣлился не дать разрѣшенія.

Представьте себѣ настроеніе Деншавая, когда 13 іюня 1905 года въ деревню въѣхало четверо вооруженныхъ и одѣтыхъ въ хаки англійскихъ офицеровъ, (между которыми былъ одинъ стрѣлявшій еще въ предшествовавшемъ году), въ сопровожденіи еще одного коннаго офицера, одного драгомана и одного омбаши или полицейскаго чиновника! Восточная кровь Гассанъ Мафуца закипѣла и онъ объяснилъ офицерамъ,

что имъ не будетъ разрѣшено стрѣлять въ голубей; но такъ какъ они не понимали его языка, предупрежденіе это не имѣло успѣха. Они послали своего драгомана къ омде, потребовать отъ него разрѣшенія на стрѣльбу; но омде не нашли; и все, чего добился посредникъ отъ замѣстителя омде, который не былъ такъ глупъ, чтобы осмѣлиться отвѣтить абсолютнымъ отказомъ, это разрѣшенія стрѣлять подъ тѣмъ условіемъ, что это будетъ происходить въ достаточной отдаленности отъ деревни. Вслѣдствіе такого любезнаго приѣма они удалились на сто-триста ярдовъ отъ домовъ (разстояніе это впоследствии было оффициально опредѣленно въ пятьсотъ ярдовъ) и стали стрѣлять по голубямъ мѣстныхъ жителей. Жители начали протестовать и, въ концѣ концовъ, завладѣли ружьемъ младшаго офицера. Въ свалкѣ ружье разрядилось и поранило трехъ мужчинъ и жену молодого двадцати-пятилѣтняго Абдъ-Эль-Нэби. Женщина упала какъ мертвая, хотя, какъ потомъ выяснилось, голубинный зарядъ дробы попалъ въ мягкія части ея тѣла и сдѣлалъ ее только на время неспособной защищаться. Настроеніе въ деревнѣ было почти такое же ужасное, какъ если бы наши воображаемые китайскіе офицеры убили бы жену англійскаго арендатора за то, что имъ помѣшали стрѣлять въ индѣйскихъ пѣтуховъ. Абдъ-

Эль-Неби, мужъ пострадавшей женщины, принялъ это, какъ мы готовы допустить, не выполнѣ безосновательно къ сердцу. Какимъ то образомъ загорѣлось еще и его гумно (въ оффиціальномъ англійскомъ докладѣ сказано, что онъ самъ зажегъ его, какъ сигналъ возстанія для всего мусульманскаго населенія); къ мѣсту дѣйствія моментально собрались всѣ мѣстные уличные мальчишки и хулиганы. Когда другіе офицеры увидѣли, что ихъ товарищъ попалъ въ бѣду, они поспѣшили къ нему на помощь. Абдъ-Эль-Неби началъ бить палкой предполагаемаго убійцу своей жены; Гассанъ-Мафуцъ также вооружился палкой; а уличные мальчишки и хулиганы начали бросать камнями и кирпичами. Пять лондонскихъ полицейскихъ поняли бы, что въ такомъ случаѣ не остается ничего, какъ отвоевать себѣ отступленіе, такъ какъ нѣтъ никакого смысла сражаться съ возбужденной толпой, въ особенности если не владѣешь ея языкомъ. Если бы охотничья компанія находилась подъ предводительствомъ порядочнаго унтеръ-офицера, ей можетъ быть, удалось бы уйти невридимой. Но тутъ офицеры пытались успокоить толпу, выражая мимически свои примирительныя предложенія. Они выдали свои ружья, предложили толпѣ свои часы и деньги, кричали «бакшишъ» и старшій офицеръ схватилъ младшаго за воротъ, дѣлая видъ,

что желаетъ его арестовать за убійство женщины. Конечно, вслѣдствіе всего этого толпа стала еще ожесточеннѣе нападать на нихъ, и то что они сами не отдали ей, было у нихъ отнято или въ видѣ платы за голубей, или въ видѣ платы за пролитую кровь, или же просто, какъ добыча, что не было точно установлено. Офицеры, два ирландца и три англичанина, которые безнадежно погубили дѣло и находились теперь въ серьезной опасности, побѣжали къ своимъ экипажамъ, но были оттуда снова выброшены и одинъ изъ кучеровъ былъ убитъ. Офицеры приняли рѣшеніе бѣжать и согласились на томъ, чтобы англичане, какъ младшіе побѣжали къ лагерю и прислали бы оттуда помощь ирландцамъ. Такимъ образомъ, трое побѣжали; но третій и самый младшій замѣтилъ то ужасное положеніе, въ которомъ остались ирландцы, возвратился и присоединился къ нимъ вновь. Изъ двухъ бѣглецовъ одинъ, послѣ долгаго бѣга подъ полуденнымъ египетскимъ солнцемъ, достигъ сосѣдней деревни, упалъ тамъ, пораженный солнечнымъ ударомъ и отдалъ Богу душу. Другой побѣжалъ дальше и встрѣтилъ патруль, собиравшійся къ нимъ на помощь.

Между тѣмъ остальные три офицера были освобождены изъ рукъ уличныхъ мальчишекъ и хулигановъ, изъ рукъ Абдъ-Эль-Нэби и Гассанъ Мафуца старшинами де-

ревни и стражниками и защищены отъ дальнѣйшихъ бѣдъ; хотя предварительно они были порядочно избиты, причемъ у одного изъ нихъ оказался переломъ лѣвой руки недалеко отъ сгиба—простой переломъ локтевой кости; ихъ потащили къ гумну, показали имъ раненную женщину и дали имъ жестами понять, что за это убійство они заслуживали бы, чтобы имъ перерѣзали горло; ихъ начали топтать (по счастью голыми) ногами, но въ этотъ моментъ старшины и констабли положили всему этому конецъ. Въ концѣ концовъ всѣ трое были отправлены въ ихъ экипажѣ въ лагерь, и въ этотъ день не произошло ничего болѣе.

Ни одна англійская толпа при подобномъ вызовѣ не держала бы себя нисколько лучше и немногіе натворили бы такъ мало бѣдъ.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ какой-то старый господинъ — не чужестранецъ и не язычникъ—былъ избитъ на смерть на улицахъ Лондона, только потому, что сторожъ парка, выгнавшій его изъ общественнаго сада, обвинилъ его въ дурномъ поведеніи. Въ Деншаваѣ офицеры не находились на службѣ. Они произвели, какъ частные люди, какъ спортсмены значительное опустошеніе въ бѣдной деревушкѣ, уничтоживъ ея живой инвентарь. Въ какойнибудь англійской деревнѣ это могли бы допустить, потому что арендаторы потребова-

ли бы за это возмещеніе убытковъ, а деревенскіе жители потребовали бы углей, дровъ, какихъ нибудь занятій въ домахъ, садахъ или же мѣсть загонщиковъ, ловчихъ и тому подобнаго. Но Деншавай не имѣлъ основанія подчиниться безсмысленному и эгоистичному нападенію. По всѣмъ даннымъ, одинъ изъ офицеровъ убилъ изъ своего ружья одну женщину и поранилъ трехъ мужчинъ, и его собственный товарищъ былъ, повидимому, убѣжденъ въ его виновности, такъ какъ онъ на глазахъ у всей толпы схватилъ его за воротъ, дѣлая видъ, что хочетъ его арестовать. Коротко говоря, офицеры подали достаточно повода и обнаружили несообразительность и нерѣшительность при попыткѣ овладѣть положеніемъ во время безпорядка, который они сами вызвали. Имъ слѣдовало бы сдѣлать строгое внушеніе и обратить ихъ вниманіе на то, что они должны быть сами себѣ благодарны за все, что съ ними произошло; а съ деревенскими жителями, на которыхъ они напали, слѣдовало бы обойтись весьма снисходительно и увѣрить ихъ, что стрѣльба по голубямъ на будущее время будетъ запрещена.

Это то, что должно было бы произойти. А теперь послушайте, что произошло въ дѣйствительности.

Абдъ-Эль-Нэби, принимая во вниманіе, пораненіе его жены, былъ приговоренъ къ

пожизненнымъ каторжнымъ работамъ. Но наша снисходительность не ограничилась этимъ. Его жена вообще не была наказана—ее даже не обвинили въ воровствѣ того зряда дроби, который нашли въ ея тѣлѣ. А чтобы Абдъ-Эль-Нэби въ свои двадцать пять лѣтъ—столько ему было, когда онъ началъ отбывать свое наказаніе—и до конца своихъ дней не чувствовалъ себя одинокимъ, одновременно съ нимъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ другой двадцатилѣтній юноша.

По отношенію къ Гассанъ Мафуцу не была проявлена подобная сентиментальность. Египетскій содержатель голубей, возмущающійся противъ англійскаго спорта, угрожающій британскимъ офицерамъ и дворянамъ, когда они стрѣляютъ въ его голубей и позволяющій себѣ бить офицеровъ настоящей палкой, безъ сомнѣнія зачинщикъ, съ которымъ должно быть поступлено по всей строгости закона.

Каторжные работы не были достаточны для человѣка шестидесяти лѣтъ, который выглядѣлъ семидесяти и который очень возможно, что не прожилъ бы столько, чтобы успѣть отбыть хотя бы пятилѣтняго срока наказанія. Такимъ образомъ Гассана повѣсили; и чтобы оказать его семьѣ особенный знакъ уваженія, его повѣсили какъ разъ противъ его дома, съ крыши котораго

его жена, дѣти и внуки могли наслаждаться этимъ зрѣлищемъ. И изъ боязни, чтобы эта привилегія не возбудила зависти въ другихъ семьяхъ, вмѣстѣ съ нимъ было повѣшено еще трое обитателей Деншавая. Они перенесли эту торжественную церемонию съ достоинствомъ и приняли послѣднее утѣшеніе согласно обрядамъ своей религіи («къ сожалѣнію магометанской,» какъ сказалъ бы мистеръ Пексифъ). Гассанъ же «громкимъ голосомъ призывалъ проклятіе на тѣ семьи, которыя свидѣтельствовали противъ него»; дервишъ потерялъ терпѣніе и осмѣлился сказать палачу, чтобы тотъ поторопился. Но вѣдь дервишъ и былъ чѣмъ то въ родѣ разбойника; онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за лжесвидѣтельство и оказанное имъ противодѣйствіе британскому нападенію было единственнымъ событіемъ въ его жизни, которому повѣрили власти и которое говорить въ его пользу. Онъ и Абдъ-Эль-Нэби (который былъ предварительно наказанъ за воровство) были единственными изъ приговоренныхъ лицъ, которыя пользовались дурной славой. Возрастъ четырехъ повѣшенныхъ: шестьдесятъ, пятьдесятъ, двадцать два и двадцать лѣтъ.

Смерть черезъ повѣшеніе всетаки наимѣне сенсаціонная форма общественнаго наказанія: въ ней отсутствуютъ тѣ элементы крови и мученія, которыхъ жаждетъ воен-

ная и бюрократическая фантазія. А такъ какъ на висѣлицѣ было мѣсто только для одного человѣка, то чтобы удобнѣе работать и чтобы дать семьѣ достаточно времени для того, чтобы насладиться зрѣлищемъ, его оставляли висѣть въ продолженіе получаса («медленно поварачивая его вокругъ его собственной оси», какъ описывали мѣстные газеты); такъ что для того чтобы повѣсить четырехъ человѣкъ потребовалось два часа времени. Поэтому въ торжество для разнообразія было введено еще бичеваніе; восемь человѣкъ получили по пятидесяти палочныхъ ударовъ: на одиннадцать ударовъ болѣе того чѣмъ разрѣшено по закону Моисея; т. е. болѣе того, чѣмъ разрѣшалось въ тѣ времена, которыя наша окупаціонная армія называетъ варварскими. Но за то Моисей считалъ свой законъ, какъ онъ говорилъ, закономъ Божьимъ, а не считалъ его простымъ орудіемъ для удовлетворенія своей собственной жестокости и злобы. Чрезвычайно успокоительно узнать изъ британскихъ чиновничьихъ докладовъ, представленныхъ въ парламентъ, о томъ, что «при приведеніи приговора въ исполненіе было соблюдено подобающее достоинство» и что «при выполненіи приговора было выказано возможно человѣческое отношеніе» и что все устройство было замѣчательно и дѣлало честь всѣмъ участникамъ

его. Такъ какъ это послѣднее сообщеніе нельзя, по всей видимости, считать относящимся къ жертвамъ приговора, то очевидно, что со стороны правительства онъ вообще не считались участниками всего происшествія. Наконецъ, лордъ Кромеръ увѣряетъ, что завѣдовавшей всей процедурой англичанинъ «чрезвычайно любезный чело-вѣкъ и вслѣдствіе большой симпатіи питаемой имъ къ туземнымъ жителямъ, весьма популяренъ между ними». Какъ видно, въ документахъ, представленныхъ въ парламентъ (№ 3 и 4, Египетъ 1906 г.) нѣтъ недостатка въ непосредственномъ юморѣ.

Но одинъ человекъ былъ дѣйствительно отпущенъ на свободу и, можетъ быть, съ большой опасностью для британскаго государства. Но онъ былъ эпилептикомъ и во дворѣ военнаго суда съ нимъ уже случилось нѣсколько припадковъ, врачъ сказалъ: лучше не надо—и его отпустили. Это оказалось весьма неудобнымъ, такъ какъ бичеваніе было назначено исключительно для того, чтобы заполнить время, необходимое для выполненія акта повѣшенія и именно такимъ образомъ, чтобы въ промежутки между двумя повѣшеніями производились, два бичеванія. Нарушеніе порядка, вслѣдствіе неожиданной болѣзни Саидъ Сулейманъ Кейралла, привело къ тому, что выполненіе приговора надъ дервишемъ было

очень томительнымъ; ему пришлось болтаться цѣлыхъ четверть часа и при этомъ не было никакого бичеванія, которое могло бы развлечь его односельчанъ и офицеровъ и солдатъ коннаго военного полка. Должно было бы быть нѣсколько запасныхъ приговоровъ къ бичеванію для охраны отъ такихъ непредвидѣнныхъ случаевъ.

Какъ бы тамъ ни было, но времени не хватило для того чтобы въ достаточной степени подвергнуть бичеванію каждаго изъ трехъ преступниковъ, такъ что этимъ гремъ къ наказанію плетми еще прибавили по году каторжныхъ работъ. Шестеро другихъ вообще не подвергались бичеванію, но зато были приговорены къ семи годамъ тюремнаго заключенія. Одинъ былъ приговоренъ къ пятнадцати годамъ заключенія. Общая сумма работы одного утра: четыре смертныхъ приговора, два къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, одно пятнадцатилѣтнее заключеніе, шесть семилѣтнихъ заключеній, три приговора къ одному году каторжныхъ работъ и пятидесяти палочнымъ ударамъ и пять приговоровъ только къ пятидесяти палочнымъ ударамъ.

Лордъ Кромеръ увѣряетъ, что такой образъ дѣйствія былъ «справедливъ и необходимъ». Онъ приводитъ свои основанія. Повидимому прославленная справедливость, какъ бы введенная англичанами въ 1882 го-

ду, существовала только въ воображеніи, а фактическая работа, которая должна была устранить египетскіе беспорядки, производилась комиссіями, составленными изъ египетскихъ грабителей. Какъ только обнаруживался какой нибудь проступокъ эти комиссіи являлись въ провинившуюся деревню, захватывали всѣхъ участниковъ и подвергали ихъ всевозможнымъ пыткамъ, до тѣхъ поръ, пока они не оговаривали всѣхъ тѣхъ, кто былъ необходимъ этимъ комиссіямъ. Оговоренные въ свою очередь подвергались пыткамъ до тѣхъ поръ, пока они не сознавались во всемъ томъ, въ чемъ ихъ обвиняли. Затѣмъ ихъ убивали, бичевали или отправляли въ смирительные дома. Такова была дѣйствительность, скрытая иллюзіей, такъ успокоившей насъ послѣ обстрѣливанія Александріи. Незапятные кровью суды туземцевъ, введенные для того, чтобы польстить нашему чувству британской справедливости, очевидно не имѣли ничего общаго съ фактическимъ управленіемъ египетскаго крестьянскаго населенія.

Въ концѣ концовъ бельгійскій судья, назначенный генеральнымъ прокуроромъ, открылъ настоящее положеніе вещей.

Теперь необходимо было не уступить положенію вещей. Порядокъ долженъ былъ быть поддержанъ какимъ либо образомъ, но регулярные туземные суды, спасавшіе

видимость британской окупаціи были для этой цѣли непригодны, а комиссіи, составленныя изъ хулигановъ, дѣйствовали такъ отвратительно и деморализирующе, что онѣ больше творили бѣдъ, чѣмъ устраняли ихъ. Кромѣ того Вильфридъ Скоуэнъ Блентъ вступилъ на путь борьбы съ тираніей и пытками и угрожалъ, внести въ парламентъ извѣстные запросы. Поэтому долженъ былъ быть изобрѣтенъ новый видъ военнаго суда, долженствующій замѣнить эти комиссіи, но обычные англійскіе военные суды, хотя, по всей вѣроятности, и наилучшій существующій видъ официальныхъ судовъ, сдѣлались невозможными вслѣдствіе ревности (по отношенію къ Англіи) «лояльныхъ» египтянъ, которые, повидимому, также управляютъ оккупированной областью и такъ же запугиваютъ Англію, какъ лояльные Ирландцы управляютъ гарнизонными войсками и запугиваютъ уніонистовъ. Этотъ видъ лояльности, который не есть естественный продуктъ, долженъ быть купленъ, и цѣною является какая нибудь маленькая должность связанная съ положеніемъ и содержаніемъ. Поэтому въ 1895 году былъ образованъ судъ, въ которомъ засѣдали три англійскихъ и два египетскихъ чиновника, которымъ была предоставлена дѣйствительно неограниченная власть наказанія; въ судѣ этомъ не было присяжныхъ засѣдателей и

рѣшенія его нельзя было переносить въ высшую инстанцію. Онъ являлся лучшимъ учрежденіемъ нашего судебного и военного бюрократическаго господства. О томъ, какъ устроено это наилучшее учрежденіе можно судить по приговорамъ, произнесеннымъ надъ жителями Деншава.

Оправданія, придуманныя лордомъ Кромеромъ для этого суда основываются на изрѣченіи; какъ ни плохъ онъ, а всетаки лучше, чѣмъ прежнія комиссіи. Онъ утверждаетъ также, что египтяне такъ привыкли къ тому, что законъ и порядокъ связаны съ бичеваніями, смертными приговорами, пытками и самосудами, что они не стануть уважать судъ, который не будетъ придерживаться той же практики, Этотъ аргументъ очень растяжимъ: напримѣръ, въ такомъ случаѣ ясно, что миссіонеры англиканской церкви хорошо бы сдѣлали, если бы усвоили себѣ обрядъ жертвоприношенія при покореніи племень, въ представленіи которыхъ этотъ обычай неразрывно связанъ съ религіей. Затѣмъ лордъ Кромеръ указываетъ на то, что единственной причиной, почему судъ въ Деншаваѣ не прибѣгъ къ пыткамъ, чтобы вынудить показанія, было то, что собраніе не выдержало бы подобнаго зрѣлища, хотя можно было бы думать, что собраніе, которое въ состояніи присутствовать при смертныхъ казняхъ, въ состояніи пе-

реносить все. Очевидно судъ не хотѣлъ терпѣть показанія не въ пользу англійскихъ офицеровъ. А при бывшемъ производствѣ суда омбаши, сопровождавшій офицеровъ на ихъ двухъ охотахъ, двадцатилѣтній Ахмедъ Гассанъ Цакцукъ, храбро осмѣлился заявить, что офицеры, послѣ выстрѣла, которымъ они попали въ женщину, стрѣляли еще два раза въ толпу. Это стоитъ въ документахъ, представленныхъ въ парламентъ; но англійская газета «*l'Egypte*», какъ цитируетъ ея слова В. С. Блѣнтъ, говоритъ, что Цакцукъ на вопросъ одного англійскаго судьи, не боится ли онъ говорить подобныя вещи, отвѣтилъ: «Никто на землѣ не можетъ внушить мнѣ боязни: истина остается истиной». В. Блѣнтъ затѣмъ добавляетъ, что Цакцукъ за свое поведеніе въ этомъ случаѣ былъ предоставленъ въ распоряженіе дисциплинарнаго суда, который приговорилъ его къ двумъ годамъ тюрьмы и къ пятидесяти палочнымъ ударамъ. Не называя такой образъ дѣйствія невѣжливо пыткой, примѣняемой съ цѣлью запугиванія свидѣтелей говорившихъ противъ англичанъ я, можетъ быть, смѣю разсчитывать на одобреніе здравомыслящихъ людей, если скажу, что у Цакцука, по всей вѣроятности, было такое чувство, что онъ получилъ достаточно строгій намекъ, чтобы въ буду-

шемъ давать показанія, нѣсколько болѣе благопріятныя для оккупациі.

Само собой понятно, что при судопроизводствѣ не только не было никакихъ присяжныхъ засѣдателей, но и не было никакой защиты. «Защищать» подсудимыхъ было предоставлено юристамъ, которые занимали такое положеніе, что имъ было очень нежелательно оскорблять оккупацию. Будучи далеки отъ того, чтобы защищать обвиняемыхъ они дѣлали много комплиментовъ оккупациі и превозносили ее какъ лучшее благодѣяніе, посланное небомъ ихъ странѣ. Они просили милости для своихъ подзащитныхъ, поведеніе которыхъ вызвало «общее неодобреніе всѣхъ египтянъ». Они просили о «милости» и просили «стать выше справедливости». При оглашеніи приговора судъ сказалъ, что «защитникъ былъ внимательно выслушанъ, но что, не смотря на это, защита оказалась совершенно напрасной и все что адвокатъ могъ сказать въ пользу обвиняемаго практически свелось къ просьбѣ къ суду о помилованіи»,

Если бы дали ходъ правильной защитѣ, она, по всей вѣроятности, убѣдила бы лорда Кромера въ томъ, что только сожженіе всей деревни и распятіе всѣхъ ея жителей, могло бы спасти англійское государство. Такая защита была бы достаточно ясна; она бы сказала: пять вооруженныхъ чужестран-

цевъ ворвались въ деревню и осмѣлились во второй разъ убивать живой инвентарь деревенскихъ жителей и уносить его. При попыткѣ обезоружить ворвавшихся было ранено четверо мѣстныхъ жителей, которые потеряли терпѣніе и обошлись дурно съ чужестранцами. Въ концѣ концовъ деревенскіе старшины и стражники освободили ворвавшихся и отослали ихъ домой; обошлись съ ними въ этомъ случаѣ ни чуть не хуже, чѣмъ съ ними обошлись бы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ за такое же дурное поведеніе.

Можно себѣ представить, что случилось бы съ обвиняемымъ, или съ адвокатомъ, если бы онъ осмѣлился сказать истину въ такой формѣ. Обвиняемые не были такъ глупы, чтобы пробовать что либо подобное. На эшафотѣ дервишъ обернулся съ петлей на шеѣ въ сторону своего дома и крикнулъ: «Пусть Богъ щедро вознаградитъ насъ за этотъ міръ полный низости, несправедливости и жестокости!» Если бы на судѣ онъ осмѣлился сказать что либо подобное, то безъ сомнѣнія передъ казнью онъ получилъ бы еще пятьдесятъ палочныхъ ударовъ, которые выучили бы его признавать величіе государства. Онъ сохранялъ про себя свои воззрѣнія до тѣхъ поръ, пока уже было поздно сдѣлать что либо болѣе худшее, чѣмъ повѣсить его. Въ судѣ онъ дѣлалъ то же

самое, что дѣлали всѣ другіе. Они лгали, они отрекались и отчаянно доказывали свое алиби; они утверждали, что были въ это время въ какой нибудь сосѣдней деревнѣ, что пасли скотъ за милю отъ мѣста происшествія, или же что молотили въ это время или вообще были чѣмъ то заняты. Когда одного изъ нихъ признали въ лицо, онъ сказалъ: «Всѣ люди похожи другъ на друга». А у него былъ только одинъ глазъ. Дервишъ, завладѣвшій однимъ ружьемъ офицеровъ, объявилъ, что его враги забрались къ нему ночью и спрятали у него оружіе; потомъ его мать сидѣла на немъ пока ее съ него не стащили, какъ Рахиль, сидѣвшую на украденномъ домашнемъ богѣ Лабана. Жалкая торговля, но всетаки не настолько жалкая, какъ то благородное возмущеніе, съ которымъ судья суда линча—негодяй и трусъ чистѣйшей воды, какъ уже ясно изъ его приговора—хвастается по поводу этого событія. Когда лордъ Кромеръ въ своей правительственной защитительной рѣчи судьи говоритъ, что «по отношенію къ обвиняемымъ было произведено совершенно безпристрастное слѣдствіе—обратите вниманіе: онъ не говоритъ, что слѣдствіе было по столько безпристрастно, по сколько вообще позволяетъ человѣческая слабость, что самое большее, что можно сказать о слѣдствіи здѣсь на землѣ, а говоритъ, что «слѣдствіе

было *совершенно* безпристрастное»—то онъ безъ сомнѣнія вѣрить въ то, что онъ говорить; но его мнѣніе интересно во первыхъ, какъ опредѣленіе его духовнаго склада и того, какъ послѣ тридцатилѣтней государственной дѣятельности въ Египтѣ теряется правильное пониманіе англійскихъ словъ.

Лордъ Кромеръ напоминаетъ объ томъ, какъ въ восьмидесятихъ годахъ одинъ человѣкъ, которому въ присутствіи сэра Клода Макъ Дональда угрожалъ какой то мудиръ хлыстомъ и который сказалъ: «Теперь ты не смѣешь меня ударить, потому что англичане здѣсь». «За такой храбрый отвѣтъ», говоритъ лордъ Кромеръ, «по всей вѣроятности, нужно быть *благодарнымъ* присутствію англійскаго офицера». Чтобы онъ сказалъ теперь? Что говоритъ теперь лордъ Кромеръ? Онъ очень выразительно неодобряетъ «поспѣшную попытку, навязать западныя идеи восточнымъ народамъ», чѣмъ онъ хочетъ сказать, что, находясь въ Египтѣ, надо дѣлать то, что дѣлаютъ египтяне: распространять ужасы ударами и эшафотомъ. Такъ поступаетъ восточный побѣдитель съ своими побѣжденными. Въ 1883 году лордъ Дюфференъ отмѣнилъ тѣлесное наказаніе, «какъ наказаніе ужасное и постыдное». Въ 1906 году лордъ Кромеръ увѣряетъ, что жестокое тѣлесное наказаніе «справедливо и необходимо» и что онъ не видитъ «ничего

достойнаго порицанія въ томъ, какъ оно выполняется». «Я употребилъ», прибавляетъ онъ, «почти что тридцать лѣтъ моей жизни на серьезное стремленіе, повисить моральное и матеріальное положеніе египетскаго народа. Въ этомъ поддерживалъ меня цѣлый рядъ добросовѣстныхъ чиновниковъ, которые, я имѣю полное право сказать это, были воодушевлены тѣмъ же стремленіемъ, какъ и я». Египетъ можетъ содрогнуться, прочтя эти слова. Если первые тридцать лѣтъ украсились такимъ событіемъ въ Деншаваѣ, то какъ долженъ выглядѣть Египетъ «одушевленный подобнымъ стремленіемъ» въ концѣ слѣдующихъ тридцати лѣтъ моральнаго подъема?

Интересно возвратиться къ первому письму лорда Кромера, написанному имъ день спустя послѣ охотничьяго набѣга на Деншавай, сэру Эдварду Грею. Въ этомъ письмѣ сказано, что въ скоромъ времени со стороны генераловъ выйдетъ распоряженіе, запрещающее офицерамъ арміи при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ «стрѣлять по голубямъ». Но, скажите пожалуйста, къ чему подобное запрещеніе, если судъ объявилъ, что офицеры были «гости» (дѣйствительно: *юсти!*), не совершившіе ничего, заслуживающаго порицанія?»

Но вотъ еще и другой интересный оффиціальныи корреспондентъ сэра Эдварда Грея:

даже послѣ разбора дѣла, когда нельзя было аставить медика специалиста сказать болѣе того, что офицеръ, умершій отъ солнечнаго удара, былъ подготовленъ къ этому нанесенными ему побоями и бѣгомъ подъ палящимъ египетскимъ солнцемъ; и тогда, когда офицеры, оставшіеся беззащитными въ рукахъ деревенскихъ жителей, предстали живы и невредимы передъ судомъ—Финдлей пишетъ, что четверо повѣшенныхъ были уличены «въ злостномъ и преднамѣренномъ убійствѣ» и сѣтуетъ на то, что «мѣстная пресса игнорируетъ описаніе самыхъ фактовъ» и до такой степени искажаетъ истину, что вполне очевидно, что не малую роль играли здѣсь крупныя денежныя суммы». Финдлей немного и философъ. «Такъ какъ египтянинъ фаталистъ», говоритъ онъ, «онъ не особенно боится смерти, и поэтому можно многое сказать въ пользу бичеванія, какъ мѣры наказанія въ Египтѣ». Слѣдовательно, рассуждая логически, эти четверо, вмѣсто того, чтобы быть повѣшаны, должны были бы быть подвергнуты бичеванію. Но господинъ Финдлей не выводитъ подобнаго заключенія. Онъ не силенъ въ логикѣ, онъ скорѣе человѣкъ чувства и къ тому же весьма сентименталенъ. «Я не думаю, чтобы это грубое нападеніе на англійскихъ, офицеровъ имѣло бы непосредственно что нибудь общее съ политическимъ отвращеніемъ. И

все таки мы должны быть благодарны за него тому духу возмущенія, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ старательно поддерживался безсовѣстными и своекорыстными агитаторами». И далѣе: «Моя обязанность заключается въ томъ, чтобы предостеречь васъ отъ того жалкаго дѣйствія, которое вызывается въ Египтѣ тѣмъ фактомъ, что члены парламента серьезно усомнились въ единогласномъ приговорѣ, вынесенномъ закономерно составленнымъ судомъ, въ числѣ членовъ котораго находились лучшіе англійскіе и мѣстные судьи. Этотъ фактъ замѣнить собой тотъ рычагъ, котораго до сихъ поръ не хватало подкупленнымъ агитаторамъ, стоящимъ во главѣ такъ называемой партіи патріотовъ». Я нахожу Финдлея неотразимымъ, когда онъ такъ прекрасно описываетъ умѣренность и прелесть бюрократизма. «Нѣсколько дней спустя послѣ возстанія въ Деншаваѣ, нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей забросали камнями инспектора орошенія и тяжело ранили его. За три дня до этого происшествія, три туземца стащили солдата съ мула, на которомъ онъ ѣхалъ, и нанесли ему нѣсколько ударовъ въ животъ ногами; поврежденія, причиненныя ему, были очень тяжелыя. Въ послѣднемъ случаѣ, мотивомъ былъ, повидимому грабежъ. Я упоминаю обо всемъ этомъ, чтобы показать, какихъ результатовъ слѣдуетъ ожидать, ког-

да поколеблено уваженіе къ закону. Если существующее положеніе вещей продолжится или же если, еще болѣе того агитація въ этой странѣ найдетъ поддержку у насъ на родинѣ, то недалекъ тотъ день, когда обнаружится необходимость, ввести законъ о печати и значительно увеличить оккупационную армію». Подумайте только! При населеніи почти что въ десять милліоновъ жителей инспектора забрасываютъ камнями. Приговоръ въ Деншаваѣ произносится только для того, чтобы заставить уважать законъ. Результатомъ этого является то, что три туземца срываютъ солдата съ мула и грабятъ его. Возмущенный этимъ паденіемъ цивилизацій, Финдлей не видитъ никакого другого средства, кромѣ подавленія мѣстной печати и усиленія оккупационной арміи! И лордъ Кромеръ пишетъ: «Все что я имѣю сказать это то, что въ общемъ, я согласенъ съ замѣчаніями Финдлея и что я, оставшись въ Египтѣ, вступилъ бы на тотъ же путь, какъ и онъ».

Но я рѣшительно долженъ закрыть эти обильные парламентскіе акты. Я достаточно цитировалъ изъ нихъ, чтобы дать полную картину и достаточно ярко выразить мое предостереженіе Англіи: если ея «государственность» заключается въ томъ, чтобы управлять міромъ такъ, какъ въ 1906 году управляли въ Деншаваѣ—и я боюсь, что

именно это и означает «государственность» для бѣльшей части нашей аристратической военной касты и для нашихъ плутократовъ — джингоистовъ — то въ мірѣ не можетъ быть болѣе святой и болѣе настоящей политической обязанности, какъ разрушеніе, завоеваніе и подавленіе государства и наряду съ этимъ гуманизация его передовыхъ бойцовъ посредствомъ тяжелыхъ испытаній и, наконецъ, посредствомъ такихъ учрежденій, которыя своимъ честолюбивымъ произволомъ грѣшатъ противъ Божественной природы. Что же касается египтянъ, то каждый кто крещенъ нильской водой и кто послѣ происшествія въ Деншаваѣ, когда нибудь, добровольно подчинится англійскому закону или же войдетъ съ нами въ союзъ (за исключеніемъ союза свободныхъ и равноправныхъ государствъ), заслужить самага худшаго, что лордъ Кромеръ будетъ считать по отношенію къ нему «справедливымъ и необходимымъ». Это то, чего вы достигаете вашими попытками, доказать вашу власть выходками перепуганныхъ солдатъ и господствомъ безчеловѣчныхъ чиновниковъ, вмѣсто того чтобы обнаружить ее въ мужественной готовности всегда придти на помощь и въ моральномъ превосходствѣ.

Во всякомъ случаѣ ни одинъ англичанинъ, согласный съ этимъ, не долженъ пригова-

ривать Абдъ-эль-Нэби и его двадцатилѣтняго сосѣда къ пожизненному тюремному заключенію и гордясь своей властью утверждать, что приспособленъ къ тому, чтобы управлять моей или своей собственной родиной. Отвѣтственность не должна ложиться исключительно на судъ и на развращенныхъ чиновниковъ оккупациі. Нижняя палата имѣла двадцать четыре часа времени для того, чтобы, при посредствѣ находящагося въ рукахъ сэра Эдварда Грея телеграфа, объяснить, что Англія—власть цивилизованная и что она не потерпитъ подобныхъ варварскихъ избіеній и кровожадныхъ приговоровъ. И всетаки Диллонъ, являвшійся представителемъ ирландской партіи, которая отлично знаетъ, что означаетъ британская оккупациія и «лояльность» Финдлея, протестоваль совершенно напрасно. Сэръ Эдвардъ не только допустилъ и защищаль событіе въ Деншаваѣ во имя либеральнаго правительства (которое всетаки не могло прійти въ себя отъ нравственнаго возмущенія по поводу избіенія китайцевъ и военныхъ приговоровъ въ Южной Африкѣ), но онъ почти страстно умоляль Палату не отказать въ признаніи этихъ приговоровъ, такъ какъ—какъ ни невѣроятно намъ это кажется теперь! — Абдъ-эль-Нэби и Гасанъ Мафуцъ и другіе являются предводителями колоссальнаго мусульманскаго заго-

вора, который имѣеть своей цѣлью вызвать возстаніе противъ христіанства во имя пророка и изгнать христіанство изъ Африки и Азіи вторымъ повтореніемъ въ широкихъ размѣрахъ индійскаго возстанія. Довольно странно, что такая простая сказка, грубая и смѣшная какъ ложь Фальстафа, могла повліять на какое нибудь интеллигентное и политически опытное человѣческое существо—хотя скрытый стыдъ возмущеннаго человечества и заставляетъ министра хвататься за фантастическія извиненія—; но что человечество никогда не проститъ нашему министру иностранныхъ дѣлъ это то, что онъ не могъ понять, что если подобный разговоръ существовалъ въ дѣйствительности, то Англіи слѣдовало бы мужественно посмотреть въ лицо этой опасности и побѣдить ее достойными средствами, вмѣсто того, чтобы жестоко истязать и предать повѣщенію толпу бѣдныхъ деревенскихъ жителей, и ужасами подавить возстаніе ислама. Если бы я былъ достаточно безстыденъ для того, чтобы приписывать сэру Эдварду Грею выдающееся качество «заботиться о своемъ государствѣ» и быть увѣреннымъ, что мы всѣ были бы убиты, то я всетаки могъ бы ему еще возразить, что, по крайней мѣрѣ, мы умерли бы, какъ честные люди. Можетъ быть, мнѣ можно быть настолько колкимъ и сказать, что причина, почему ему

предоставляютъ социальное положеніе и возможность политической дѣятельности, въ которой отказываютъ купцамъ, заключается въ томъ, что предполагаютъ, будто бы онъ понимаетъ лучше, чѣмъ послѣдніе, что честь достойна опасности и ея цѣны, а что жизнь безъ чести ничего не стоитъ? Правда, что сэръ Джонъ Фальстафъ не думалъ такъ, но сэръ Джонъ врядъ ли можетъ служить примѣромъ сэру Эдварду. Но и у самага сэра Джона хватило бы достаточно природнаго ума, чтобы видѣть, что паника въ Деншаваѣ гораздо опаснѣе для государства, чѣмъ проигрышъ десяти правильныхъ сраженій.

Я самъ, частное лицо, писатель, ведущій сидячій образъ жизни, достаточно робокъ; но я считаю возможнымъ сохранять достоинство, и могу даже въ Лондонѣ посмотреть опасности въ глаза; меня могутъ переѣхать, на меня могутъ напасть или меня измазать, и я не стану кричать о введеніи военнаго закона, о подавленіи прессы, о бичеваніяхъ и приговорахъ къ казнямъ отдѣльныхъ вожатыхъ автомобильныхъ омнибусовъ или объ обязательной полицейской службѣ. Почему солдаты и чиновники на иностранной службѣ настолько трусливѣе обыкновенныхъ гражданъ? Не очевидно ли что они трусливѣе потому, что вся англійская военная система сдѣлалась неестественной, вслѣдствіе

принужденія и террора и что поэтому та истина, которую Вилльямъ Моррисъ выразилъ въ словахъ «ни одинъ человѣкъ не совершененъ настолько, чтобы быть господиномъ другого человѣка», относится и къ націямъ и, главнымъ образомъ къ государствамъ, управляемымъ автократіей, которыя недавно достигли увеличенія своего матеріальнаго благосостоянія безъ особеннаго попеченія о своемъ правильномъ раздѣленіи и управленіи?

Во всякомъ случаѣ экономическая реформа страны гораздо болѣе продолжительное предпріятіе, по сравненію съ которымъ освобожденіе Абдъ-эль-Неби и его соплеменниковъ явится дѣломъ росчерка пера если когда нибудь укору совѣсти заставятъ общественное мнѣніе проявить свою дѣятельность. Я боюсь, что я недостаточно и слишкомъ пристрастно освѣтилъ этотъ случай, такъ какъ я, какъ ирландецъ, нахожусь подъ вліяніемъ моей непримиримой вражды противъ англійскаго господства.

Не довѣряя своему собственному сужденію, я заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ двухъ парламентскихъ документовъ, въ которыхъ наши чиновники сдѣлали все возможное для того, чтобы обфлить судъ и компанію голубиной охоты и очернить деревенскихъ жителей. Кто желаетъ услышать разсказъ объ этой исторіи изъ устъ англичанина, съ

незапятнанной личной и общественной репутацией и обладающаго основательнымъ знаніемъ Египета и египтянъ, можетъ найти его въ памфлетѣ Вильфрида Скоуэна Блента «Atrocities of British Rule in Egypt». Послѣ этого вы сумѣете оцѣнить мою сдержанность и если я къ этому прибавлю, что англійское управленіе въ Ирландіи было «одушевлено тѣмъ же стремленіемъ» (такимъ оборотомъ рѣчи я обязанъ лорду Кромеру), какъ и англійское управленіе въ Египтѣ и что это является неизбѣжностью всякаго военнаго принудительнаго управленія, то вы можете быть, начнете понимать, почему гомруль необходимъ не только для Ирландіи, но и для всѣхъ составныхъ частей государственныхъ союзовъ.

P. S. За это время лордъ Кромеръ оставилъ свой постъ. Такъ какъ онъ самъ заявляетъ о слабости своего здоровья, то, можетъ быть, онъ проститъ мнѣ, если я заявляю о слабости его сужденій и предложу ему отпраздновать свое удаленіе отъ правительственной власти въ Египтѣ ходатайствомъ объ освобожденіи Абдъ-эль-Нэби и другихъ приговоренныхъ. Желаніе Шоу исполнилось: приговоренные были отпущены на свободу.

СОЦІАЛИЗМЪ ДЛЯ МИЛЛІОНЕРОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Со времени появленія въ свѣтъ этого очерка въ «Contemporary Review» (февраль 1896), среди милліонеровъ произошло движеніе, достигшее своей высшей степени въ томъ недавно выраженномъ мнѣніи Андрью Карнеджи, что ни одинъ человекъ не долженъ умирать богатымъ. Справки въ фабіанской брошюрѣ, въ № 5. «Фактическій матеріаль для социалистовъ», убѣдятъ господина Карнеджи въ томъ, что опасность, отъ которой онъ насъ предостерегаетъ, еще очень далека. Эта научная истина также и не нова: уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Джонъ Рескинъ разсчитался съ обществомъ; и дѣло дошло до того, что ежегодныя пожертвованія на общественныя дѣла со стороны господина Пассмора Эдвардса начали разсматриваться какъ обычный доходъ въ родѣ ассигнуемыхъ парламентомъ ежегодныхъ субсидій. Однако современная замѣна «конкуренцій» «трестомъ», какъ принципъ капитализма, производитъ новый расцвѣтъ, такихъ колоссальныхъ частныхъ состояній,

что ихъ обладатели дѣлаются предметомъ общихъ насмѣшекъ. Въ настоящее время лозунгомъ является «разгруженіе». И проблема заключается въ томъ, чтобы «разгружаться», избѣгая расточительности, внѣ связи съ общественной благотворительностью и деморализаціей, т. е. безъ связи съ тѣми пороками, которые въ Англии обозначаются однимъ словомъ—благотворительность. Нѣсколько послѣднихъ сенсаціонныхъ пожертвованій ясно показали, что милліонеры еще не разрѣшили этой проблемы. Ихъ не слѣдуетъ упрекать за это, такъ какъ эта проблема при тѣхъ социальныхъ условіяхъ, которыми она вызвана, совершенно неразрѣшима; но они, по крайней мѣрѣ, могли бы примѣнить избытокъ своихъ средствъ наилучшимъ, а не наихудшимъ образомъ. Но, повидимому, они предпочитаютъ дѣлать наихудшее съ лучшими намѣреніями. Общество фабианцевъ, надѣясь что мой очеркъ сможетъ дать ему какія либо указанія, рѣшило, съ разрѣшенія издателя «Contemporary Review», опубликовать его, какъ фабианскую брошюру.

Г. Б. Ш.

Лондонъ 1901.

ЗАБОТЫ МИЛЛІОНЕРА*)

Классъ милліонеровъ,—маленькая, но растающаяся община, къ которой завтра же каждый изъ насъ можетъ быть присоединенъ случайностями торговли—является классомъ, о которомъ государство заботится меньше всего. Насколько мнѣ извѣстно, это первый очеркъ, посвященный милліонерамъ. Въ извѣстіяхъ промышленности я нахожу, что все дѣлается для милліона и ничего для милліонера. О дѣтяхъ, мальчикахъ, юношахъ, мужчинахъ, дамахъ, ремесленникахъ и даже о перахъ и короляхъ заботятся; но дѣлать что нибудь для милліонеровъ не стоитъ труда: ихъ слишкомъ мало. Тогда какъ даже наиболѣе бѣдный классъ имѣетъ въ Хаундсдечѣ хорошо устроенный и обширный ветошный рынокъ, гдѣ за пенни можно купить пару башмаковъ, вы въ цѣломъ мірѣ напрасно будете искать такого рынка, гдѣ можно было бы купить башмаки за пятьдесятъ фунтовъ, какія нибудь необыкновенныя шляпы по сорока гиней, матерію для затканнаго золотомъ велосипед-

*) Рѣчь идетъ все время о милліонахъ фунтовъ 1.000.000 фунтовъ—приблизительно 9.500.000 рублей

наго костюма и вино Клеопатры, по четыре жемчужины на бутылку. Такимъ образомъ происходитъ, что несчастный миллионеръ несетъ на себѣ отвѣтственность чрезмѣрнаго богатства, не имѣя возможности доставить себѣ больше удовольствій, чѣмъ какой нибудь обыкновенный богатый человѣкъ. И дѣйствительно: въ нѣкоторомъ отношеніи онъ не можетъ наслаждаться бѣдшимъ, чѣмъ многіе бѣдные люди, и даже иногда не можетъ наслаждаться такъ же, какъ они; такъ какъ какой нибудь тамбурмажоръ одѣтъ красивѣе, чѣмъ онъ: а конюшенный мальчикъ тренера ѣздитъ часто на лучшей лошади; наилучшіе экипажи нанимаются приказчиками, которые вывозятъ по вечерамъ своихъ молодыхъ дамъ; каждый, кто ѣздитъ въ воскресенье въ Брайтонъ, пользуется пультмановскимъ вагономъ; и что за радость имѣть возможность заплатить за павлиній мозгъ, когда можно получить только ветчину или ростбифъ. Несправедливости такого положенія еще не удѣлялось достаточно вниманія. Человѣкъ, имѣющій годовой доходъ въ двадцать пять фунтовъ, при удвоеніи этого дохода можетъ несоразмѣрно увеличить свой комфортъ. Человѣкъ, ежегодный доходъ котораго равняется пятидесяти фунтамъ, можетъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо увеличить свой комфортъ, если его доходъ удвоится. Приблизительно до годо-

вого дохода въ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ при удвоеніи дохода происходитъ удвоеніе комфорта. Начиная съ этого пункта комфортъ возрастаетъ соотвѣтственно, меньше чѣмъ доходъ до тѣхъ поръ, пока жертва насыщена и даже пересыщена всѣми достижимыми при посредствѣ денегъ благами. Предполагать, что излишними ста тысячами фунтовъ можно доставить удовольствіе только потому, что люди любятъ деньги совершенно то же самое, что предполагать, на основаніи того, что дѣти любятъ сладкое, что вы доставите мальчику, служащему у кондитера, удовольствіе тѣмъ, что на два часа удлините его рабочій день. Что можетъ предпринять несчастный милліонеръ, для чего потребовались бы милліоны? Необходимъ ему морской флотъ, или цѣлая аллея запряженныхъ четверкой экипажей, или полкъ служащихъ, или же цѣлый городъ домовъ, или же дикій паркъ, по величинѣ равный всему земному шару? Можетъ ли онъ въ одинъ вечеръ посѣтить болѣе одного театра, или же можетъ онъ за—разъ надѣть болѣе одного платья, или же переварить болѣе пищи, чѣмъ его камердинеръ? Развѣ это удовольствіе имѣть много денегъ, которыя приносятъ съ собой только заботы и письма о воспомоществованіи, которыя необходимо читать, и лишаютъ человѣка тѣхъ сладкихъ грезъ, предаваясь которымъ бѣднякъ

забываетъ о всѣхъ своихъ лишеніяхъ и начинаетъ раздумывать, что онъ будетъ дѣлать въ томъ, всегда возможномъ случаѣ, когда какой нибудь неизвѣстный родственникъ оставитъ ему состояніе. И всетаки эта скрытая скорбь денежной аристократіи не встрѣчаетъ никакого сочувствія. Сочувствуютъ только бѣдняку. Вездѣ образуются союзы, имѣющіе своей цѣлью, поддерживать всѣхъ сравнительно счастливыхъ людей, начиная съ выпущенныхъ на свободу преступниковъ въ ихъ первомъ опьяненіи вновь обрѣтенной свободы, и кончая дѣтьми, наслаждающимися своимъ неограниченнымъ аппетитомъ; но ни одна рука не протягивается къ милліонеру, кромѣ какъ затѣмъ, чтобы попросить у него милостыню. Во всемъ нашемъ обращеніи съ нимъ сквозитъ то невысказываемое заблужденіе, что ему не на что жаловаться и что онъ долженъ былъ бы стыдиться того, что онъ обладаетъ излишними деньгами, тогда какъ другіе нуждаются въ нихъ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ МИЛЛІОНЕРЫ
МЕНЪЕ ЧѢМЪ КОГДА ЛИБО, ВЪ СО-
СТОЯНІИ ТРАТИТЬ ДЕНЬГИ НА СЕБЯ
САМИХЪ.

Необходимо подумать о томъ, что положеніе милліонера, съ прогрессомъ культуры, дѣлается все хуже и хуже. Капиталь, предпринимательскій духъ, художественный геній—силы, которыя въ свое время шли на то, чтобы удовлетворять потребности богатыхъ въ прекрасныхъ вещахъ—идутъ теперь на удовлетвореніе потребностей современнаго пролетаріата. Теперь очень выгодно присоединить къ торговому дому на Весборнъ-Гровъ желѣзную торговлю; и это гораздо выгоднѣе занятія флорентинскаго оружейнаго мастера пятнадцатаго столѣтія. И даже самъ милліонеръ, дѣлаясь директоромъ желѣзной дороги, долженъ признать, что доходъ идетъ не отъ его собратьевъ, а исключительно отъ пассажировъ третьяго класса. Если онъ заинтересованъ въ содержаніи какого нибудь отеля, то онъ очень скоро замѣчаетъ, что съ коммерческой точки зрѣнія гораздо выгоднѣе, указать на дверь какому нибудь лорду съ его свитой, чѣмъ хотъ, чѣмъ нибудь обидѣть проѣзжа-

го купца или велосипедиста. Онъ не можетъ получить платья, которое хорошо на немъ сидѣло бы безъ докучливыхъ примѣрокъ, если только онъ не пойдетъ къ дешевому портному работающему за наличныя деньги, платью котораго непременно должно хорошо сидѣть при первой примѣркѣ, чтобы та низкая плата, за которую онъ работаетъ, приносила ему доходъ. Вчерашній купецъ, относившійся подобострастно къ богатому человѣку и безучастно къ работнику, теперь въ конкуренціи побивается большими торговыми домами, въ которыхъ заботливѣе услуживаютъ покупателямъ, берущимъ на четыре и на десять пенни, чѣмъ какой нибудь важной дамѣ, появляющейся для того, чтобы купить три большихъ рояля и пригласить четырехъ француженокъ—гувернантокъ. Коротко говоря, магазины въ которыхъ ждутъ «богатаго человѣка» и рассчитываютъ на него, можно теперь встрѣтить только въ немногихъ особенныхъ отрасляхъ торговли, съ которыми въ жизни мы имѣемъ дѣло лишь очень рѣдко. Для обыденныхъ цѣлей, покупатель, потребляющій больше, чѣмъ другіе люди такъ же нежелателенъ и также мало достоинъ вниманія, какъ и покупатель, потребляющій менѣе другихъ людей. Милліонеръ можетъ имѣть самое лучшее изъ того, что существуетъ на рынкѣ, но это не создаетъ ему ни-

какого преимущества передъ скромнымъ обладателемъ ежегоднаго дохода въ пять тысячъ фунтовъ. И только въ одномъ случаѣ онъ можетъ создать безмѣрную, чрезвычайно дорого стоящую торжественность, а именно при своемъ погребеніи. Но и этому ничтожному исключенію, по всей вѣроятности, скоро придетъ конецъ. Большія акціонерныя общества погребенія и сожженія откажутся хоть нѣсколько расширить имѣющееся у нихъ распредѣленіе на первый, второй классъ и т. д. совершенно такъ же, какъ трамвайное общество отказалось бы взять на себя устройство процессіи лордъ мэра.

Покупатели большой массы до такой степени совершенно завладѣютъ рынкомъ, что милліонеръ, который, уже теперь принужденъ девять десятыхъ своей жизни проводить, какъ ее проводятъ другіе люди, будетъ принужденъ и въ остальной десятой части идти нога въ ногу съ остальными.

ПОЧЕМУ МИЛЛІОНЕРЫ НЕ ДОЛЖНЫ СЛИШКОМЪ МНОГО ОСТАВЛЯТЬ СВОИМЪ СЕМЬЯМЪ.

Быть милліонеромъ это значитъ обладать ббольшимъ количествомъ денегъ, чѣмъ человѣкъ въ состояніи истратить на самага себя и притомъ ежедневно страдать отъ невниманія тѣхъ людей, которымъ такое состояніе кажется чрезвычайно привлекательнымъ. Что слѣдовательно долженъ сдѣлать милліонеръ съ своимъ излишнимъ капиталомъ? Обычный отвѣтъ на это гласитъ такъ: сохранить его для своихъ дѣтей и раздавать милостыню. Но эти два вспомогательныя средства въ томъ смыслѣ, какъ они обыкновенно понимаются, совершенно одно и тоже; и къ тому же эти средства чрезвычайно губительны. Съ точки зрѣнія общества совершенно безразлично, будетъ ли личность, освобожденная щедростью милліонера отъ необходимости работать для поддержанія своего существованія, его сыномъ, его зятемъ, или же случайнымъ нищимъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ личныя ощущенія милліонера могутъ получать ббольшее удовлетвореніе; но вредъ для общества

и для того, кто получает эти деньги остается одинаковымъ. Если желаютъ испортить карьеру молодому человѣку, то нѣтъ болѣе вѣрнаго средства, какъ одарить его тѣмъ, что называютъ «независимостью» и что въ дѣйствительности есть не что иное, какъ полная зависимость, отъ работы другихъ людей. Всякій, кто достаточно разумно наблюдаетъ жизнь, чтобы умѣть сравнивать средняго человѣка, имѣющаго достаточно средствъ, чтобы быть независимымъ въ ту пору, когда онъ какъ разъ кончаетъ университетъ съ тѣмъ же человѣкомъ двадцать лѣтъ спустя, когда онъ во всемъ своемъ поведеніи слѣдуетъ лишь привычкамъ, можетъ видѣть, что въ сравненіи съ такой жизнью жизнь почтальона есть водоворотъ всякихъ волненій, а жизнь полисмена—глава изъ романа..., всякій такой наблюдатель долженъ былъ бы неоднократно говорить себѣ, что для этого человѣка было бы гораздо лучше, если бы его отецъ истратилъ всѣ деньги до послѣдняго пфенинга, или же выбросилъ бы ихъ въ Темзу,

ПАРАЗИТЫ.

Въ Ирландіи всякаго живущаго заграницей помѣщика горько упрекають въ томъ, что онъ не управляетъ лично своимъ имѣніемъ. Намъ довольно ясно доказываютъ, что человѣкъ, проживающій свой доходъ за границей, является настоящимъ паразитомъ, пользующимся прилежаніемъ своей страны. Необходимый минимумъ того при-смотра, въ которомъ нуждается помѣстье, выполняется его замѣстителемъ или управляющимъ, противодѣйствіе котораго тупеядческой дѣятельности помѣщика еще подкрѣпляется тѣмъ фактомъ, что наибольшая часть помѣстья обыкновенно принадлежитъ владѣльцамъ закладныхъ, а номинальный владѣлецъ имѣнія такъ несвѣдущъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, что не можетъ дѣлать ничего другого, какъ писать своему управляющему письма съ просьбой о высылкѣ денегъ. Въ этихъ помѣстьяхъ поколѣнія крестьянъ (и управляющихъ) ведутъ тяжелую, но сносную жизнь; тогда какъ вдалекѣ отъ нихъ поколѣнія женщинъ и мужчинъ съ хорошимъ воспитаніемъ и естественными задатками превращаются въ тупеядцовъ, расточителей, пьяницъ, «радост-

ныхъ наслѣдниковъ», бѣдныхъ родственниковъ и всякаго рода подонковъ общества, ведутъ безцѣльную жизнь и очень часто кончаютъ грязной и трагической смертью. Но существуетъ ли на землѣ такая страна, гдѣ не происходятъ подобныхъ крушеній? Типичный современный помѣщикъ не является ирландскимъ землевладѣльцемъ, а космополитическимъ акціонеромъ; и, конечно акціонеръ живетъ за-границей. И поэтому онъ, чѣмъ лучше управляется его имѣніе, дѣлается все болѣе и болѣе полнымъ паразитомъ своего владѣнія и совершенно такъ же, какъ живущій за границей ирландецъ, онъ способенъ сдѣлаться центромъ деморализаціи для своихъ родственниковъ. Каждый милліонеръ, оставляющій такимъ образомъ всѣ свои милліоны своей семьѣ, подвергаетъ своихъ невинныхъ потомковъ такому риску, не обезпечивая имъ никакого преимущества, котораго они не могли бы добиться гораздо дѣйствительнѣе и пріятнѣе своей личной дѣятельностью, при поддержкѣ благопріятнаго вступленія въ жизнь. Прежде подобное разсужденіе не имѣло никакого значенія для родителей, такъ какъ работа за деньги считалась безчестной для знатнаго человѣка; это воззрѣніе имѣетъ еще и до сихъ поръ въ нашихъ отсталыхъ кругахъ значеніе по отношенію къ образованной женщинѣ. Во всѣхъ отрасляхъ зара-

ботка мы встрѣчаемся съ остатками старыхъ предразсудковъ—примѣромъ этому является оставшійся карманъ на платьѣ адвоката; этотъ карманъ прежде служилъ для того, чтобы туда клали вознагражденіе адвокату, который такимъ образомъ скрывалъ продажность своихъ услугъ. Большинство изъ нынѣ живущихъ людей средняго возраста и отсталыхъ заражены тѣми или иными предразсудками, съ которыми молодые люди не должны болѣе считаться, и на которые они не должны болѣе обращать вниманія. Таковы, на примѣръ, предубѣжденія, что линія, отдѣляющая крупную торговлю отъ мелкой торговли есть въ то же время деморкаціонная линія между двумя разными общественными положеніями; или что когда какой нибудь лордъ взимаетъ по шиллингу съ человѣка за право осмотра своего замка и парка, то это не то же самое, какъ если бы онъ открылъ торговлю молокомъ, дичью и хозяйственными продуктами, или что сынъ купца, покупающій офицерскій патентъ въ аристократическомъ полку, проявляетъ этимъ самымъ смѣхотворную претенціозность.

ДОСТОИНСТВО ТРУДА.

Даже и предупрежденіе противъ физической работы теперь начинаетъ исчезать. Въ художественныхъ кругахъ изъ нея сдѣлали своего рода культъ, когда Рёскинъ вывелъ свою оксфордскую школу изъ закрытаго помѣщенія и заставилъ ее мостить мостовыя. Много лѣтъ тому назадъ Диккенсу, во время одного его посѣщенія тюрьмы, пришлось столкнуться съ отравителемъ Уэнрайтомъ, который для доказательства своего тонкаго воспитанія, спрашивалъ своего товарища по камерѣ (насколько я помню —каменщика) видѣлъ ли хоть когда либо, чтобы онъ (Уэнрайтъ) спускался до того, чтобы чистить камеру или взять въ руки щетку, т. е. коротко говоря, видѣлъ ли тотъ, чтобы онъ когда нибудь совершалъ работу, которую онъ могъ взвалить на плечи своего товарища. И каменщикъ съ гордостью отвѣтилъ отрицательно на вопросъ такого важнаго товарища. Во время большого ирландскаго движенія противъ исключительныхъ законовъ для Ирландіи при министерствѣ Бальфура была произведена попытка возбудить усиленное вниманіе указаніемъ на преслѣдованіе ирландскихъ по-

литическихъ преступниковъ, которыхъ, несмотря на то, что они вѣроятно, были изъ хорошихъ семей заставляли унижаться до исполненія работы прислуги, и которыхъ заставляли самихъ чистить свои камеры. Кому было до этого дѣло? Легко можно было бы увеличить примѣры измененія къ лучшему общественнаго мнѣнія въ этомъ направленіи. Но нѣтъ никакой надобности нагромождать доказательства. И такъ охотно согласятся допустить, что отецъ, представляющій сына его собственнымъ силамъ давъ ему предварительно воспитаніе и достаточныя средства, совсѣмъ не унижаетъ его, не разрушаетъ его надеждъ жениться на женщинѣ изъ хорошей семьи и не портитъ общественнаго положенія его семьи, а напротивъ, укрѣпляетъ его характеръ и повышаетъ его надежды на профессиональное, политическое, дѣловое и семейное положеніе. Кромѣ того общественное мнѣніе, которое дѣлается все строже и строже по отношенію къ трутнямъ въ ульѣ, начинаетъ угрожать введеніемъ иного налога на доходъ, который не является продуктомъ личнаго труда, (и даже начинаетъ выполнять эту угрозу; такъ что человѣкъ, который, не взирая на протестъ мудрости старшихъ и здраваго гражданскаго смысла, не жалѣетъ средствъ для обогащенія и вѣроятной деморализаціи потомства—относительно за-

слугъ которыхъ общество ничѣмъ не гарантировано—, дѣлаетъ это, рискуя, что въ концѣ концовъ, его милостыня совершенно обезцѣнится налогомъ. Такимъ образомъ мы лишаемъ послѣдняго выхода милліонера, настроеннаго сочувственно по отношенію къ общественнымъ интересамъ, такъ какъ теперь нѣтъ никакой надобности «заботиться о своей семьѣ». Все что, могутъ требовать отъ него его дѣти, все что ожидаетъ отъ него общество, все, что приноситъ пользу ему самому, заключается въ наилучшей подготовкѣ, а не въ «независимости».

И кромѣ того существуютъ милліонеры, у которыхъ нѣтъ дѣтей.

ПОЧЕМУ ПОДАВАТЬ МИЛОСТЫНЮ ОЗНАЧАЕТЪ БРОСАТЬ ДЕНЬГИ НА ВѢТЕРЬ.

Такъ какъ такимъ образомъ у милліонера отнимается всякая возможность, какъ нибудь распредѣлить свое наслѣдство, то онъ, доведенный до крайности, бываетъ принужденъ, для того, чтобы «сдѣлать добро», оставлять значительныя суммы обществамъ заслуживающихъ довѣрія людей, что въ такой же степени вредно, какъ и безцѣльно; такъ какъ что еще могутъ сдѣлать эти люди, заслуживающіе довѣрія, какъ не раздать капиталъ по маленькимъ суммамъ тому или другому благотворительному учрежденію? Но у меня, конечно, нѣтъ никакого желанія, заставлятъ вновь звучать фальшивыя струны ученія Гредгринда политической экономіи; если бы я могъ, я безусловно повѣсилъ бы въ каждой общественной начальной школѣ копію съ картины Уатса, на которой вырисовываются очертанія мнр-твеца изъ подъ покрывающаго его полотна и на которой написано: «То что скопилъ я, то потерялъ я; то что я растратилъ, тѣмъ обладалъ я; то, что роздалъ я, то я имѣю», Но горе тому человѣку, ко-

торый беретъ у другого, что онъ можетъ самъ себѣ сдѣлать, и горе тому, кто даетъ! Нельзя обойти молчаніемъ того факта, что всегда въ тотъ моментъ, когда дѣлается попытка организовать благотворительность, до вѣрня капиталы обществамъ свѣдущихъ людей, убѣждаются въ томъ, что всѣ нищіе типичные люди: т. е. всѣ они не «почтенные бѣдняки», а лица, сдѣлавшія открытіе, что возможно существовать, если вы просто будете до тѣхъ поръ наглымъ образомъ просить о томъ, что вамъ нужно, пока вы этого не получите—и въ этомъ заключается сущность нищенства. Постоянное общество экспертовъ, которое нелогическимъ образомъ побуждается къ тому, чтобы употреблять свои капиталы только для «почтенныхъ бѣдняковъ», превращается очень скоро въ союзъ, направленный противъ настоящаго нищенства и слѣдовательно противъ настоящей роздачи милостыни. Въ концѣ концовъ ихъ попытка, возникшая первоначально изъ естественнаго благожелательства, приводитъ къ граничащему почти съ безуміемъ, индивидуализму и къ отвращенію къ обычной «благотворительности», какъ къ одному изъ худшихъ социальныхъ преступленій. При такихъ условіяхъ возникаетъ не особенно пріятное положеніе; но ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ остаться равнодушнымъ при видѣ той необходимости, съ ко-

торой проявляется. Этотъ результатъ на каждомъ, кто знакомъ съ социальными отношеніями нищенства и благотворительности.

«ПОЧТЕННЫЕ БѢДНЯКИ».

Конечно, этимъ затрудненіемъ мы обязаны отчасти теоріи о «почтенныхъ бѣднякахъ». Мнѣ помнится, что однажды въ то время, какъ я ежедневно посѣщаль читальный залъ британскаго музея, этого превосходнаго коммунистическаго учрежденія, я далъ заработать перепиской два фунта человѣку, почтенная бѣдность котораго разжалобила бы даже камень: это былъ старомодный учитель въ отставкѣ, (собственно не по своей винѣ), въ концѣ концовъ, основавшійся въ читальномъ залѣ. Это былъ трезвый, церемонный и вообще совершенно безупречный человѣкъ, говорившій интеллигентнымъ языкомъ, къ тому же онъ былъ страстнымъ читателемъ и дѣйствительно наиболѣе подходящимъ объектомъ для дѣла любви. Первое, что произошло при этихъ обстоятельствахъ это то, что онъ получилъ отъ меня пять шиллинговъ въ видѣ задатка. Второе было то, что онъ уступилъ свое дѣло за 1 фунтъ 15 шиллинговъ, другой находящейся въ такихъ же условіяхъ личности,

затѣмъ совершенно забылъ о немъ и снова засѣлъ за свои любимыя книги. Второе лицо или скорѣе даже третье, потребовало отъ того лица, которое только и была извѣстно мнѣ, задатка въ полтора шиллинга, чтобы купить бумаги; когда же онъ получилъ желаемый задатокъ, онъ передалъ порученіе третьему лицу, взявшемуся его исполнить за 1 фунтъ 13,6 шиллинговъ. Эта спекуляція продолжалась одинъ или два дня, работа переходила изъ рукъ въ руки и, въ концѣ концовъ, очутилась въ рукахъ наименѣе надежной и наименѣе воздержанной переписчицы зала, которая выполнила эту работу фактически за пять шиллинговъ и, начиная съ этого дня до самой своей смерти, просила у меня безконечно взаймы, сначала по шести пенсовъ, затѣмъ по четыре пенса и, въ концѣ концовъ, по два пенса. Она не принадлежала къ числу почтенныхъ бѣдняковъ: если бы она принадлежала къ ихъ числу, она бы никогда не могла дойти до такой нищеты. Ея притязанія на состраданіе заключались въ томъ, что она не могла быть зависимой, что она не могла устоять противъ искушенія пить, что она не могла себя заставить старательно исполнять свою работу и поэтому ея положеніе на землѣ было очень жалкимъ; это положеніе было совершенно подобно тому, отъ котораго страдаетъ слѣпой, глухой, калѣка, сумасшедшій или во-

обще какаянибудь жертва физическихъ несовершенствъ или болѣзней. Она рассказывала мнѣ, что однажды ее рекомендовали завѣдующимъ «Charity Organization Society», но тѣ, послѣ наведенныхъ о ней справокъ, отказались ей помогать, потому что она оказалась «недостойной» этого, чѣмъ эти чиновники хотѣли выразить, что она не способна, сама себѣ помочь. Мы имѣемъ здѣсь очевидно дѣло съ какимънибудь смѣшеніемъ понятій. Она была ожесточена противъ Society, и не безъ основанія; такъ какъ она знала, что тѣ капиталы, которыми располагало общество, по большей части получались отъ людей, смотрѣвшихъ на это общество, какъ на орудіе милосердія, направленное въ защиту бѣдныхъ и угнетенныхъ. Съ другой же стороны, эти люди сами бессмысленно ограничили примѣненіе своихъ пожертвованій, назначивъ ихъ для роздачи только воздержаннымъ, порядочнымъ и достойнымъ уваженія людямъ, т. е., такимъ людямъ, которые меньше другихъ нуждаются въ помощи и подарками могутъ быть только развращены. Если бы какойнибудь разумный милліонеръ чувствовалъ въ себѣ потребность разыгрывать роль друга людей, раздающаго милостыню (чѣмъ онъ подвергъ бы очень большой опасности свой собственный характеръ), то онъ долженъ былъ бы раздавать свою милостыню исключительно

наиболѣе недостойнымъ, безнадежнымъ, неисправимымъ легкомысленнымъ тунеядцамъ и лѣнтяямъ. Но такая политика очень скоро исчерпала бы средства даже билліонера. Самые чувствительные жертвователи очень скоро пришли бы къ убѣжденію, что экономически невозможно дѣлать добро нищимъ. Можно обращаться съ ними человѣколюбово, что означаетъ, что ихъ можно покорить, дисциплинировать и заставить исполнять извѣстный минимумъ работы, въ постольку доброжелательной формѣ, поскольку позволяютъ образъ дѣйствія и ихъ собственное энергичное противодѣйствіе; но такая благотворительность не даетъ никакого удовлетворенія инстинктомъ состраданія. Это скорѣе просто общественная обязанность, такая же какъ и принужденіе наблюдать за предписаніями, касающимися здоровья, которая должна была бы перейти въ общественныя руки. Поддерживаемыя частными лицами колоніи для безработныхъ, какъ, на примѣръ, колоніи арміи спасенія въ Хедлефѣ, являются лишь опытами, которые должны будутъ лечь въ основу неизбежнаго расширенія закона о бѣдныхъ. Въ настоящее время для бѣдныхъ настоятельной необходимостью является улучшеніе закона о нихъ; и эта конечная цѣль постоянно отодвигается назадній планъ, благодаря попыткамъ замѣнить это улучшеніе частной благотворительностью. Разсмотрѣ-

римъ для примѣра тотъ печальный случай съ состарившимися бѣдняками, которые безусловно не нищіе, а лишь посѣдѣвшіе на службѣ промышленности люди, которые въ большинствѣ случаевъ своей жизнью, полной ужасныхъ мученій, заслужили пенсію и по отношенію къ которымъ мы можемъ быть настолько непорядочными, чтобы отказывать имъ въ ней. Ежегодно намъ приходится считаться, по крайней мѣрѣ, съ тремястами пятидесятью тысячами подобныхъ людей. Частными усиліями можетъ быть лишь очень немного сдѣлано для того, чтобы, при посредствѣ постройки нѣкоторыхъ убѣжищъ для стариковъ, защитить этихъ несчастныхъ отъ жестокости общественныхъ плательщиковъ налоговъ: (домовладѣльцевъ). Но для бѣдняковъ можетъ быть сдѣлано очень много, если нѣсколько встряхнуть общественную совѣсть и выбирать на должность презрѣнія бѣдныхъ разумныхъ, челоуѣколюбивыхъ и свѣдущихъ людей. Вмѣсто того, чтобы запираить состарившихся супруговъ по одиночкѣ въ рабочіе дома, попечители о бѣдныхъ West Derby (Liverpool) Union'a помѣстили ихъ въ меблированные пригородные домики, въ которыхъ они могутъ, при условіи содержать ихъ въ порядкѣ и чистотѣ, жить совершенно спокойно, какъ въ какомъ нибудь частномъ домѣ презрѣнія. Различіе въ радости, уютѣ и самоуваженіи, ко-

торое создается положеніемъ въ этомъ до-
микѣ и въ рабочемъ домѣ колоссально:
различіе въ содержаніи выражается менѣ,
чѣмъ въ двухъ шиллингахъ въ недѣлю на
каждую чету. Если бы милліонеръ захотѣлъ
строить дома прѣврѣнія онъ сдѣлалъ бы
гораздо лучше, если бы вмѣсто этого, при-
нялъ на себѣ расходы по постройкѣ и со-
держанію такихъ домиковъ, при условіи,
чтобы данныя попечительства о бѣдныхъ
приняли бы систему West Derby. Это, конеч-
но, привело бы къ разоренію плательщика
налоговъ; но средній плательщикъ налоговъ
совершенно безстыдное созданіе, громко
возмущающееся противъ безнравственности,
которую онъ видитъ въ томъ, что кто ни-
будь за его счетъ будетъ извлекать пользу
изъ попечительства о бѣдныхъ; съ другой
же стороны это созданіе противное въ своей
низкой льстивости по отношенію къ богачу.
съ своей стороны унижающему его тѣми
подаваніями, которыя въ видѣ вспомога-
тельныхъ денегъ служатъ для облегченія нало-
говъ.

НЕ ЖЕРТВУЙТЕ НИЧЕГО НА БОЛЬНИЦЫ.

Больницы являются излюбленнымъ средствомъ для богача, которому его излишнія деньги не даютъ покоя. Но однако въ данномъ случаѣ слѣдуетъ выслушать экспертизу здоровой политической экономіи: не давай обыкновенной больницѣ ни одного пфенинга! Опытная клиника это другое дѣло: миллионеръ, интересующійся тѣмъ, чтобы было доказано, можетъ или должно быть оставлено примѣненіе лѣкарствъ, мясной пищи, алкоголя, операций при ракѣ и тому подобнаго, можетъ для этой цѣли внести временную субсидію, но въ благотворительныхъ больницахъ частная поддержка и частное управленіе означаютъ не только низведеніе плательщика налоговъ на ступень нищенства, но и отсутствіе всякой отвѣтственности, грубую расточительность (которая изрѣдка прерывается припадками подлой скупости) и безсовѣстную систему покровительства; далѣе почти что неограниченную свободу научно воодушевленныхъ врачей въ ихъ опытахъ надъ пациентами и, наконецъ, систематическое попрошайничество о приѣмѣ, которое порицалось бы, какъ совершенно нетерпимое явленіе, если бы оно произошло

при управленіи чиновниковъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Вѣрное правило для образа дѣйствія милліонера заключается въ томъ, что онъ никогда не долженъ дѣлать для общественности того (совершенно также, какъ и для отдѣльной личности), что сама общественность дѣлаетъ для себя безъ его вмѣшательства (потому что она будетъ принуждена къ этому). Сюда относится, главнымъ образомъ, забота о цѣлесообразномъ оборудованіи больницъ. Болѣе чѣмъ треть лондонскихъ больницъ уже содержится на счетъ плательщиковъ налога. Въ Уорингтонѣ больничныи налогъ, который въ 1887—88 году равнялся двумъ пенсамъ на фунтъ стерлинговъ, за пять лѣтъ повысился до 1 шиллинга и 2 пенсовъ. Если бы какой нибудь билліонеръ вмѣшался въ это дѣло и взялъ бы на себя это повышение налога, то онъ такимъ образомъ, просто на просто, непроизводительнo растратилъ свои деньги, которыя могли бы быть примѣнены для лучшихъ цѣлей, развратилъ бы своихъ соплеменниковъ и, плохими больницами преградилъ бы путь хорошимъ. Наша современная система уличнаго попрошайничества для больницъ скоро пойдетъ по тому же пути, по которому пошелъ старый законъ о бѣдныхъ; и ни одинъ инвалидъ-рабочій не получитъ при этомъ ни на одинъ пфенингъ меньше.

НЕОБХОДИМО БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМЪ ПРИ СУБСИДИРОВАНИИ ВОСПИТА- ТЕЛЬНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Существуетъ общераспространенное воззрѣніе, что послѣ больницъ *образованіе* является наиболѣе достойной цѣлью для пожертвованій. Но здѣсь приходится принимать во вниманіе тѣ же самыя разсужденія. Начальная школа, содержащаяся на частныя средства стоитъ позади школы, содержащейся на государственный счетъ; слѣдовательно она не что иное, какъ ловушка, въ которую попадаются дѣти на ихъ пути въ общественную школу и такимъ образомъ, обрекаются на худшее образованіе въ худшихъ зданіяхъ подъ партійнымъ руководствомъ. Затѣмъ слѣдуетъ университетское образованіе. Но тогда какъ весьма легко основать колледжи и профессорскія кафедры, совершенно невозможно ограничить распространеніе благодѣяній этихъ учрежденій только на тѣхъ, кто не въ состояніи оплатить ихъ. Кромѣ того начинаетъ обнаруживаться, что лица съ академическимъ образованіемъ въ общемъ особенно невѣжественны и неправильно образованы. Практически равное значеніе правительствующимъ

щихъ и академически образованныхъ классовъ въ Англіи привело къ совершенно особенному роду ограниченности въ англійской политикѣ, мастерскіе ходы которой часто являются не чѣмъ инымъ, какъ обусловливаемыми образованіемъ ошибками, такъ что даже наиболѣе зрѣлыя демократическія общества колоній, и наиболѣе склонные къ взяточничеству члены конгресса Соединенныхъ Штатовъ превосходятъ нашихъ въ искренности, горячности, въ пониманіи соціальной гармоніи и въ дѣйствительномъ знаніи настоящаго. Разумный милліонеръ, если онъ только не врагъ рода человѣческаго, не будетъ способствовать поддержкѣ образованія кастъ, что происходитъ подъ видомъ воспитанія въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Если попытки образовательныхъ методовъ и новыхъ учебныхъ предметовъ спеціальныхъ школъ, какъ напримѣръ, политическую экономію, считать за часть спеціального школьнаго образованія гражданина (который теперь, благодаря современной демократіи, является такимъ злосчастнымъ неискуснымъ дилетантомъ въ своей чрезвычайно важной роли избирателя), или же если считать науку о государственномъ хозяйствѣ, торговую статистику и исторію промышленности необходимой частой коммерческаго образованія, получаемого человѣкомъ, предназначеннымъ завѣдовать совре-

менными капиталами, то мы будемъ имѣть спеціальности—несоединимыя съ достоинствомъ университетовъ и лежащія за предѣлами поля зрѣнія общественнаго образованія элементарныхъ школъ—, на пользу которыхъ заинтересованный вопросами образованія милліонеръ можетъ плодотворно употребить свои деньги. Не оказывать ничему поддержки, что уже можетъ существовать само по себѣ: это правило всегда можетъ примѣняться съ успѣхомъ. Борьба за существованіе общества состоитъ въ томъ, чтобы приспособляться къ новымъ условіямъ, создаваемымъ современнымъ промышленнымъ развитіемъ и именно эти усилія требуютъ помощи. Старыя учрежденія съ ихъ дѣловой рутинной, съ ихъ заржавленными вердиктами и искусственной, въ интересахъ этой рутинной созданной внѣшностью въ настоящее время слишкомъ хорошо поддерживаются.

СУБСИДИРОВАНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Возраженіе противъ замѣны общественной помощи частной не относится къ усиліямъ частныхъ лицъ, пустить въ ходъ общественный механизмъ. Посмотримъ, на примѣръ, на общество охраненія дѣтей отъ плохого обращенія. Если бы подобное общество сдѣлало своей задачей наказывать жестокихъ родителей и для этой цѣли стало бы строить частныя тюрьмы и учреждать частныя суды, то самые легкомысленные жертвователи, дающіе свои деньги на частныя благотворительныя учрежденія и больницы, закачали бы головой и закрыли бы свои кошельки, такъ какъ имъ извѣстно, что для этой цѣли существуютъ государственные законы, государственныя тюрьмы, государственные суды, которые и должны исполнять исключительно подобныя функціи. Но для того, чтобы въ такихъ случаяхъ пустить въ ходъ общественный механизмъ необходимо побужденія со стороны личности, потерпѣвшей вредъ; и если потерпѣвшей личностью является ребенокъ, а тотъ кто нанесъ ему этотъ вредъ является «его лучшимъ другомъ», тогда машина

не двигается. При такихъ обстоятельствахъ общество мистера Уэнга, дѣлаетъ много добра если вступается въ это дѣло и беретъ сторону ребенка и не тѣмъ, что оно замѣняетъ государство, или конкурируетъ съ нимъ, а тѣмъ что оно дѣйствуетъ съ нимъ *вмѣстѣ* и напоминаетъ ему объ его обязанностяхъ. Говоря вообще, всѣ общества могутъ надѣяться приносить пользу, взявъ на себя роль наблюдательныхъ комитетовъ. То пренебрежительное отношеніе, которое связано съ этимъ именемъ происходитъ отъ стараго американскаго наблюдательнаго комитета, который, дѣйствуя въ настоящемъ духѣ частнаго предпріятія, не только выслѣживалъ преступниковъ, но и на собственную отвѣтственность подвергалъ ихъ суду Линча. У насъ имѣются опредѣленные государственные чиновники, наблюдающіе за порядкомъ: таковы санитарные инспектора, школьные инспектора, государственные адвокаты, прокуроры и другіе. Единственный изъ нихъ, кто во всѣхъ отношеніяхъ является общественной язвой, это театральнй цензоръ, который вмѣсто исключительнаго права пользоваться властью, выставлять автора непристойнаго произведенія на общественный судъ, обладаетъ властью, приговаривать автора къ уничтоженію его произведеній и приводитъ приговоръ въ исполненіе единолично и на свой собственный

страхъ и совѣсть, слѣдствіемъ чего является то, что наша драма болѣе нелѣпа, болѣе искажена и непристойна, чѣмъ любая другая часть изящныхъ искусствъ и намъ зло-счастный цензоръ болѣе робокъ и болѣе беспомощенъ, чѣмъ всякій другой чиновникъ. Этотъ случай показываетъ, что слѣдуетъ дѣлать различіе между родами наблюдений. Но тогда какъ у насъ есть чиновникъ, запрещающій постановку пьесъ Толстого, у насъ нѣтъ чиновника, который ограждалъ бы отъ воровства общественныя поля и отъ заваливанія пѣшеходныя дороги. Милліонеръ, который даетъ городскимъ дѣтямъ деньги для того, чтобы они имѣли возможность провести нѣсколько дней на дачѣ, но не субсидируетъ общества цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать красоты природы, не заслуживаетъ своихъ милліоновъ.

Всѣ эти разсужденія указываютъ на одно и то же. Разумный милліонеръ не долженъ колебаться въ своемъ рѣшеніи поддерживать общества, имѣющія своей цѣлью наблюденія или реформы, если только ими разумно управляютъ и если они считаются съ тѣмъ фактомъ, что міръ исправить нельзя, а самое бѣльшее, что можно сдѣлать это заставить его передъ выполненіемъ своихъ преобразовательныхъ идей, ихъ старательно обсудить. Если онъ подчинится этимъ усло-

віямъ, то будетъ ли онъ согласенъ съ обществомъ, или нѣтъ играетъ очень незначительную роль. Ни одному лицу и ни одному обществу невозможно быть правымъ абсолютно и во всѣхъ отношеніяхъ; и ни одно воззрѣніе, и ни одна теорія не содержитъ цѣликомъ только правды, и ничего кромѣ правды. Милліонеръ, не желающій поддерживать тѣ силы, которыя могутъ быть использованы съ несчастнымъ исходомъ, не будетъ вообще ничего поддерживать. Справедливость, которой мы добиваемся въ нашихъ уголовныхъ судахъ является слѣдствіемъ односторонняго обвиненія и такой же защиты; и всякая парламентская поправка является слѣдствіемъ конфликта мнѣній. Если мы попытаемся, на примѣръ, представить себѣ насильственное обновленіе общества, произведенное или строго придерживаясь правилъ Manchester School, или же правилъ государственнаго социализма, то, когда намъ придется рѣшать, какая изъ двухъ теорій невыносимѣе и опаснѣе, мы очутимся въ затруднительномъ положеніи. Но кто изъ тѣхъ, кого интересуютъ эти дѣла, будетъ колебаться въ томъ, чтобы поддерживать, соотвѣтственно своимъ склонностямъ, или Fabian Society или Personal Rights-Association? Вся наша теорія свободы слова и мнѣній всѣхъ гражданъ покоится вовсе не на томъ предположеніи, что каждый правъ,

а на той увѣренности, что каждый въ какомъ нибудь пунктѣ не правъ, въ которомъ кто нибудь другой правъ, такъ что для общества опасно не выслушать кого нибудь изъ нихъ. Поэтому всякое общество, занимающееся пропагандой, кажется мнѣ прекраснымъ учрежденіемъ, куда могутъ притекать излишнія деньги милліонера, совершенно независимо оттого, будетъ ли это общество христіанскимъ или языческимъ, либеральнымъ или консервативнымъ, социалистическимъ или индивидуалистическимъ, научнымъ или человѣколюбивымъ, физическимъ или метафизическимъ, если только оно умѣетъ разумно распоряжаться деньгами и способствовать обмѣну мыслей своего времени.

Однако, въ концѣ концовъ, такія общества можетъ субсидировать *всякій*, у кого есть излишнія деньги. Большинство этихъ обществъ могутъ ограничиться даяніемъ обыкновеннаго жертвователя, который даетъ по фунтамъ; хотя милліонеръ и является такимъ обычнымъ жертвователемъ и благотворителемъ, но я признаюсь, что не уважаю такого милліонера, который безразсудно растрчиваетъ свои деньги по мелкимъ суммамъ въ пятьдесятъ и сто фунтовъ и такимъ образомъ самъ сводитъ себя на уровень обыкновенныхъ людей, вмѣсто того, чтобы жертвовать такія суммы, какія въ со-

стояніи жертвовать только милліонеръ. Моему понятію о милліонерѣ соотвѣтствуетъ человѣкъ, который никогда не жертвуетъ менѣе десяти тысячъ фунтовъ и къ тому же на достиженіе первоклассныхъ цѣлей, для чего требуется ни на одинъ пенни менѣе означенной суммы. Милліонеръ долженъ былъ бы себя спросить, какое мѣсто является его излюбленнымъ. Имѣется ли въ этомъ мѣстѣ школа, въ которой учреждена степендія для поощренія научныхъ изслѣдованій и для привлеченія появляющихся талантовъ? Есть ли въ немъ библіотека или музей? Если всего этого нѣтъ, то для милліонера сразу открывается широкій кругъ дѣятельности съ его десятью или ста тысячами.

КАТЯЩИЙСЯ СНѢЖНЫЙ КОМЪ.

Для очень бѣднаго человѣка всегда есть что то очень привлекательное въ той мысли, что наслѣдство въ одинъ милліонъ, положенное на нѣсколько столѣтій на сложные проценты, достанется какъ сказочное богатство какому нибудь отдаленному родственнику и сдѣлаетъ изъ него Монте Кристо. Если даже предположить самый невѣроятный случай, что черезъ нѣсколько столѣтій прогрессирующаго соціального и промышленнаго развитія будетъ еще считаться, чѣмъ то исключительнымъ быть Монте Кристо, то все таки, по уже изложеннымъ причинамъ это меньше всего должно было бы произвести впечатлѣніе на современнаго милліонера. Но несмотря на это лежащая въ основѣ мысль, сбересть такую большую денежную власть, умножить ее и, наконецъ при ея посредствѣ совершить чудо, весьма привлекательна. Вотъ подходящій для этого случая примѣръ, который я взялъ изъ газеты:

«Принесеніе въ даръ земельного участка общинному совѣту Сентъ-Биса, священникомъ Паганомъ изъ Шадфорта въ графст-

вѣ Доргемъ сопровождается нѣкоторыми странными оговорками. Этотъ участокъ занимаетъ пространство въ 33 акра, 3 руда и 2 перча и оцѣненъ въ 1098 фунтовъ. Арендная плата за имѣніе можетъ быть повышена при двухъ условіяхъ. Если бы даритель когда либо этого потребовалъ, то общинный совѣтъ обязанъ въ теченіе всей его жизни, время отъ времени, выплачивать изъ накопившихся денегъ всякую сумму, не превышающую 1098 фунтовъ. Не болѣе десяти фунтовъ должно итти на благотворительныя цѣли, но не для уменьшенія налоговъ. Излишекъ долженъ итти на покупку земель и домовъ до тѣхъ поръ, пока всѣ дома и земли общины не перейдутъ въ руки общиннаго совѣта. Когда это будетъ выполнено, сумма въ 1098 фунтовъ, должна быть передана сосѣдней общинѣ которая должна поступить съ пожертвованіемъ совершенно такъ же, какъ и община Сентъ-Биссъ».

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПЛАТЕЛЬЩИКОВЪ НАЛОГА И ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Въ вышеприведенномъ завѣщаніи мы видимъ, замѣчательное соединеніе практическаго ума съ громадной, прямо революціонной предусмотрительностью. Паганъ заставляетъ катиться тысяchefунтовый снѣжный комъ такимъ образомъ, что вся страна, община за общиной постепенно переходитъ къ націонализаціи земли, пока весь переворотъ не будетъ законченъ. Надо принять во вниманіе его оговорку; «но не для уменьшенія налоговъ» и сумѣть подражать этому. Милліонеръ никогда не долженъ забывать, что плательщикъ налоговъ, всегда стремиться къ тому, чтобы сберечь свои собственные деньги за счетъ общественныхъ суммъ. Это возможно. Можетъ быть, милліонеръ симпатизируетъ ему и заявляетъ, что желаетъ ему помочь. Но во первыхъ милліонеръ никогда никому не симпатизируетъ: его назначеніе слишкомъ важно, чтобы онъ могъ себѣ позволить такую распушенность, а во вторыхъ плательщику налоговъ нельзя помочь ни уменьшеніемъ, ни даже уничтоженіемъ его налоговъ, такъ какъ освобожденіе отъ налога дома, просто

повышаетъ налогъ на землю. Тогда съ тѣмъ же успѣхомъ милліонеръ можетъ прямо завѣщать свои деньги землевладѣльцамъ. Въ дѣйствительности же плательщикъ налоговъ является безсмысленнымъ орудіемъ въ рукахъ землевладѣльца, который ненасытенъ въ поглощеніи общественныхъ помѣстій, Въ Тонбриджѣ и Бедфордѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ благочестивые жертвователи, такъ щедро субсидировали школы, что воспитаніе въ нихъ обходится чрезвычайно дешево. Но арендный налогъ соотвѣтственно высокъ; такъ что всю денежную цѣнность поглощаютъ землевладѣльцы. Цѣлебное средство заключается въ томъ, чтобы подражать примѣру основателей въ Тонбриджѣ и Бедфордѣ, а не игнорировать его. Если бы въ каждомъ центрѣ населенія образовательныя учрежденія были оборудованы съ такой же щедростью, то преимущество Бедфорда перестало бы *быть знакомъ отличія; и только тѣ преимущества, которыя создаютъ отличія, могутъ быть выраженными въ денежныхъ цѣнностяхъ создаютъ затрудненія для каждою отдѣльнаго гражданина.* Но этотъ случай указываетъ еще на другую форму общаго правила, которое было только что указано милліонеру: а именно, что завѣщанія должны служить для созданія роскоши для общества, а не для удовлетворенія его насущныхъ потребностей. О не-

обходимомъ мы должны заботиться сами; но возможность добыванія этого необходимаго безъ особеннаго затрудненія въ городахъ создаетъ въ настоящее время то преимущество жизни въ этихъ городахъ, которое можетъ быть выражено въ деньгахъ. А роскошь есть нѣчто, что намъ не нужно и за что мы слѣдовательно не будемъ платить, за исключеніемъ того случая, когда у насъ будутъ накопленныя или излишнія деньги. Выражаясь поэтому точно, роскошь это нѣчто, за что мы вообще не будемъ платить. И несмотря на это, нѣтъ ничего болѣе справедливаго словъ того француза, который сказалъ: «Дайте мнѣ излишнее и я обойдусь безъ необходимаго». Такъ, на примѣръ, британская государственно-научная бібліотека значительно важнѣе для нашего благосостоянія, чѣмъ тысячи новыхъ народныхъ столовыхъ; но такъ какъ обыкновенные люди объ ней нисколько не заботятся, то ея существованіе не повышаетъ ни на одинъ пфенингъ даже платы за меблированную студенческую комнату въ Лондонѣ. Но представьте себѣ какогонибудь введеннаго въ заблужденіе билліонера, который вмѣсто того, чтобы основать учрежденія подобнаго рода, взялъ бы на себя расходы по замощенію какойнибудь части Лондона и началъ бы бесплатно раздавать молоко и хлѣбъ! Слѣдствіемъ этого было бы

то, что спросъ на дома и лавки въ этомъ районѣ такъ бы возросъ, что цѣны на нихъ повысились бы колоссально и жизнь въ этой части города не представляла бы болѣе никакого преимущества передъ жизнью въ какой нибудь другой части его. Даже парки и свободныя площади повышаютъ въ Лондонѣ цѣны на помѣщенія, несмотря на то, что лондонскіе памятники, страннымъ образомъ не понижаютъ ихъ. Слѣдовательно это и есть простое правило для общественнаго благотворителя. Не давай людямъ того, въ чемъ они нуждаются; дай имъ то, въ чемъ они не нуждаются, но должны были бы нуждаться!

СОЗДАВАЙТЕ НОВЫЯ ПОТРЕБНОСТИ: СТАРЫЯ СУМЪЮТЪ САМИ О СЕБѢ ПОЗАБОТИТЬСЯ.

Такимъ образомъ всѣ эти разсужденія сводятся къ одному заключенію, что великой задачей миллионера,—трагедія котораго состоитъ въ томъ, что его потребности недостаточны для его средствъ,—является создаваніе новыхъ потребностей. Человѣкъ, который изъ того, что вчера было роскошью, создаетъ сегодня потребность, такой же великій благодѣтель, какъ и человѣкъ, удваивающій урожай пшеницы.

Въ этомъ отношеніи Джонъ Рёскинъ подалъ нашимъ богачамъ мудрый примѣръ. Онъ предложилъ свои расчеты публикѣ и показалъ, что оставилъ себѣ не болѣе того, чему равняется приличное вознагражденіе за трудъ, которое онъ употребилъ на то, чтобы подарить Шеффильду очень цѣнный музей, въ которомъ этотъ городъ совершенно не нуждался, и, если бы было возможно, охотно продалъ бы его за четырнадцать дней отдыха съ даровымъ пивомъ. Развѣ это не лучше, чѣмъ безъ толку роздать свои деньги разнымъ нищимъ, родственникамъ, плательщикамъ, налоговымъ, землевладѣльцамъ

и вѣмъ другимъ общественнымъ тунеядцамъ. Онъ создалъ энергію вмѣсто того, чтобы расточать ее и въ сущности единственно возможнымъ путемъ: а именно созданиемъ новыхъ потребностей. Его примѣръ показываетъ, что можетъ сдѣлать знатокъ изящныхъ искусствъ, обладающій средствами; и если бы милліоны приносили своему обладателю такого рода пониманіе вещей, то выше я пространно поговорилъ бы объ украшеніи городовъ, о содержаніи постоянного оркестра и театра въ каждомъ населенномъ центрѣ и о постройкѣ цѣлесообразнаго, приличнаго дома для парламентскихъ засѣданій (создаваніе законовъ въ ужасномъ теперешнемъ зданіи совершенно невозможно!), о ратушахъ для всей области и о массахъ другихъ вещей подобнаго рода. Но эти примѣры можно лишь по отношенію къ религіозному и художественному ощущенію, на что у милліонеровъ нельзя рассчитывать; это ощущеніе скорѣе обнаруживаетъ ясно выраженную склонность, помѣщать обладателю его сдѣлаться когда либо хотя бы только тысячникомъ—если мнѣ будетъ позволено употребить это аналогичное выраженіе—. Типичный современный милліонеръ знаетъ жизнь лучше, чѣмъ искусство. И что онъ долженъ былъ бы знать лучше всякаго другого, если онъ обладаетъ какою либо способностью мышленія, это ту истину, что въ

настоящее время нельзя имѣть успѣха въ промышленной жизни, если будешь строго придерживаться методовъ и воззрѣній предковъ. Къ тому же въ такой старой странѣ, какъ наша, невозможно официально признать какой нибудь методъ или воззрѣніе, раньше чѣмъ они достигнутъ старческаго возраста. Возвести промышленное образованіе на высоту нашихъ дней должно было бы составлять для милліонера наиболѣе подходящую задачу. Заботьтесь о слѣдующихъ вѣщахъ: объ опытахъ, о пропогандѣ, объ изслѣдованіи странъ, объ открытіяхъ, о политическомъ и промышленномъ образованіи, — а картины и статуи, церкви и больницы позаботятся сами о себѣ.

«СОВѢСТНЫЯ ДЕНЬГИ»*) И ДЕНЕЖНЫЕ ШТРАФЫ.

Я не могу кончить не замѣтивъ, что я знакомъ съ тѣмъ фактомъ, что бѣольшая часть денегъ, выдаваемая богачами на «благотворительность» состоитъ изъ «совѣстныхъ денегъ», денежныхъ штрафовъ, политическихъ подкуповъ, при помощи которыхъ они надѣются достигнуть знаковъ отличія. Торговля больничными списками по порученію королевскаго дома, исполняетъ въ современномъ обществѣ совершенно ту же функцію, какую исполняла передъ реформацией торговля Тецеля индальгетцями во имя папы. Покупать нравственный кредитъ выдачей чека гораздо легче, чѣмъ вертѣть молитвенную мельницу. Далѣе я замѣчу, что часто мы выдаемъ деньги на общественныя нужды, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ на повышение платы нашимъ же собственнымъ служащимъ или же вмѣсто того, чтобы замѣнить два двѣнадцати часовыхъ рабочихъ дня тремя восьмичасовыми. Но если милліонеръ, дѣйствительно, не заботится о томъ, приносятъ ли его деньги пользу или

*) Conscience money («совѣстные деньги») означаетъ анонимную уплату утаеннаго налога. (Пр. пер).

нѣтъ, а даетъ ихъ только для того, что бы облегчить свою совѣсть, и улучшить свое социальное положеніе, то совершенно бесполезно спорить съ нимъ по этому поводу. Я упоминаю объ этомъ только въ качествѣ предостереженія лучшей части благотворителей въ томъ, что ограниченіе своей дѣятельности исключительно выплатой большихъ денежныхъ суммъ, всегда вызываетъ законное подозрѣніе относительно личнаго характера жертвователя. Деньги не имѣютъ цѣнности для того, у кого ихъ болѣе чѣмъ достаточно и та мудрость, съ которой онъ ими распоряжается является единственнымъ социальнымъ оправданіемъ того факта, что ихъ не отнимаютъ у него.

ИЛЛЮЗИИ СОЦІАЛИЗМА.

Не слѣдуетъ думать, что я хочу говорить объ иллюзіяхъ социализма съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы кого нибудь предостеречь отъ нихъ. Отнимите у побужденій человѣчества ту часть, которая состоитъ въ погонѣ за иллюзіей и вы отнимите у міра его главную дѣйствующую пружину. И не слѣдуетъ думать, что погоня за иллюзіей есть тщетная погоня за чѣмъ то несуществующимъ. Напротивъ, такъ же, какъ не бываетъ тѣни безъ предмета, ее отбрасывающаго, такъ не существуетъ иллюзіи безъ дѣйствительности. Только люди по большей части устроены такъ, что дѣйствительность ихъ отталкиваетъ, а иллюзіи привлекаетъ. Приведемъ простой примѣръ, на который часто ссылается Шопенгауэръ: молодые люди и молодыя дѣвушки привлекаютъ другъ друга не тѣмъ, что они собой представляютъ въ дѣйствительности. Молодой человѣкъ женится на молодой дѣвушкѣ только въ томъ случаѣ, если онъ убѣжденъ, что она ангель, жить съ которымъ настоящее блаженство; а молодая дѣвушка не выберетъ его себѣ въ мужья, если не будетъ считать его геро-

емъ. Очарованные этой иллюзіей они спѣшатъ со свадьбой. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что, успокоившись, они начинаютъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Если бы дѣло обстояло такъ, то ихъ женатые друзья, вмѣсто того, чтобы поощрять ихъ къ женитьбѣ, стали бы ихъ предостерегать отъ подобнаго шага; а вдовцы и вдовы не вступали бы вторично въ бракъ, какъ они это обычно дѣлаютъ, если имѣютъ для этого возможность. Конечно, мужъ и жена въ концѣ концовъ узнаютъ другъ друга; но, если союзъ вообще счастливый, то отрезвление наступаетъ, послѣ утѣшительнаго открытія, что настоящая женщина со всѣми ея ошибками стоитъ дюжины ангеловъ, а настоящій мужчина со всѣми его безумствами стоитъ всѣхъ героевъ, о которыхъ только можно было мечтать. Слѣдствіемъ этого является то, что оба одураченные такой смѣшной иллюзіей вмѣсто того, чтобы чувствовать себя обманутыми и разочарованными, получаютъ больше того, на что они рассчитывали, дарятъ свѣту новыя поколѣнія и, когда доходитъ чередъ до ихъ сыновей и дочерей, они позволяютъ имъ гоняться за той же самой иллюзіей.

Поэтому если я заявляю, что социализмъ, какимъ онъ кажется девяти изъ ста ревностныхъ молодыхъ социалистовъ, которые будутъ читать этотъ очеркъ,

есть иллюзія, то я не хочу этимъ сказать, что за иллюзіей не скрывается дѣйствительность, или что иллюзія не будетъ гораздо лучше дѣйствительности. Я настоятельно утверждаю лишь, что если бы осуществленное социалистическое будущее было бы показано тѣмъ, которые посвящаютъ этому «дѣлу» всѣ силы, остающіяся у нихъ послѣ дневного труда и все воодушевленіе, къ которому они способны,—то тогда многіе не пошевелили бы пальцемъ для этого дѣла и смотрѣли бы на него, какъ на жалкое прозаическое буржуазное развитіе и, сводя его лишь къ улучшенію современной порядочности средняго класса, презирали бы его. Если бы какая нибудь часть программы социализма дѣйствительно была бы выражена въ какомъ нибудь предложеніи, принятомъ дѣйствительнымъ правительствомъ и если бы эта часть программы могла бы быть выполнена настоящей, сущесвующей государственной властью, то лица, объявляющія себя социалистами были бы послѣдними въ странѣ, на поддержку которыхъ можно было бы при этомъ рассчитывать. Въ лучшемъ случаѣ они снисходительно признали бы подобное предложеніе «средствомъ украшенія» и стали бы увѣрять публику, что оно не можетъ принести никакой пользы, если только вмѣстѣ съ нимъ не будетъ также

отмѣнена капиталистическая система. Въ худшемъ же случаѣ они стали бы жестоко нападать на это предложеніе и называть его защитниковъ обманщиками, измѣнниками и т. д. Этотъ естественный антагонизмъ между энтузіастами, придумывающими социализмъ, и государственными людьми, которые должны претворять его въ законодательныя и административныя мѣропріятія, неизбѣженъ и съ нимъ необходимо мириться. Но не слѣдуетъ мириться съ нимъ молча. Всякій человекъ, будь то энтузіастъ или реалистъ, обладаетъ большей или меньшей способностью критиковать самого себя; и чѣмъ болѣе вы будете приводить ему разумныхъ основаній, тѣмъ разумнѣе будетъ по всей вѣроятности его поведеніе.

Здѣсь умный и внимательный читатель воскликнетъ; «Ага! вы всетаки хотите, въ концѣ концовъ; попытаться разрушить мою иллюзію?» Конечно, я безъ сомнѣнія хочу этого; но если мнѣ и удастся это, все же еще останется достаточно иллюзій, которыя мы можемъ пропагандировать дальше. Итакъ вамъ нечего бояться!

Прежде всего мнѣ хотѣлось бы указать на то обстоятельство, что выдвинутое мною ободряющее воззрѣніе, что иллюзіи являются полезнымъ побудительнымъ средствомъ для людей въ ихъ стремленіяхъ къ улучшенію дѣйствительности не относится

ко всякой иллюзіи. Если какой нибудь человекъ стремится всею душою къ тому, чтобы стать милліонеромъ или если какая нибудь женщина стремится къ тому, чтобы стать Христовой невѣстой и обрѣсти вѣчное блаженство тѣмъ, что она будетъ жить, какъ монашенка и умереть, какъ святая, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, чтобы результаты, подобной жизни стоили того, чтобы мѣнять на нее, жизнь какого нибудь скромнаго носильщика или фабричной дѣвушки. И точно также, человекъ, который кричитъ о вѣкѣ всеобщаго міра только потому, что онъ желаетъ этого незаслуженнаго счастья для себя и для міра, не только не достигнетъ этого счастья, но будетъ и тѣмъ, чего онъ достигнетъ такъ же недоволенъ, какъ и своимъ настоящимъ положеніемъ. Иллюзіи существуютъ вздорныя и мудрыя. И человекъ легко можетъ быть противникомъ нашего существующаго соціального строя, потому что онъ самъ не достаточно хорошъ для него, а не потому, что этотъ строй плохъ для него.

Существуютъ два рода иллюзіій,—иллюзія льстящая и иллюзія необходимая. (Въ дѣйствительности существуетъ два милліона родовъ; но мнѣ приходится имѣть дѣло только съ этими двумя). Льстящія иллюзіи даютъ намъ силу стремиться къ такимъ вещамъ, которыя мы не умѣемъ цѣнить въ

ихъ неприкрашенномъ видѣ, и примиряють насъ съ безутѣшностью нашей судьбы и съ неизбѣжными поступками противъ нашей совѣсти. Воодушевленіе средняго консерватора или либерала по отношенію къ своей партіи и ея вожаку вызывается не фактами, а той иллюзіей, что этотъ вождь чрезвычайно великій государственный дѣятель, а что его партія является поборницей всѣхъ великихъ реформъ и противницей всѣхъ губительныхъ измѣненій и реакцій, происшедшихъ въ теченіе столѣтія. Когда мы, какъ нація цивилизованная грабимъ и уничтожаемъ нецивилизованную націю, то мы окружаемъ этотъ поступокъ иллюзіей военной славы, власти, любви къ родинѣ, распространенія просвѣщенія и такъ далѣе; между тѣмъ какъ, если бы подобный поступокъ произошелъ между двумя цивилизованными гражданами то на него смотрѣли бы какъ на простой грабежъ и убійство. И если какой нибудь рабочій гордится тѣмъ, что онъ свободный англичанинъ и заявляетъ, что онъ не потерпитъ никакихъ шуткъ со стороны иностранныхъ монарховъ или же, что онъ хотѣлъ бы посмотрѣть, осмѣлится ли кто либо затронуть англійскій тронъ или англійскую церковь, то съ своимъ дѣйствительнымъ рабствомъ онъ примиряется при помощи иллюзіи «Rule Britannia».

Самая глупая изъ лъстящихъ иллюзій это та повседневная иллюзія, въ силу которой люди считаютъ себя въ нравственномъ отношеніи стоящими выше тѣхъ людей, мнѣнія которыхъ уклоняются отъ ихъ мнѣній. Соціалистъ, который думаетъ, что воззрѣнія Гладстона на социализмъ нездоровыя, а его собственныя здоровыя иллюзіи, вращается въ предѣлахъ своего права; но тотъ соціалистъ, который думаетъ что его воззрѣнія добродѣтельны, а воззрѣнія Гладстона порочны, оскорбляетъ первое правило нравственности и благопристойности демократической страны. Это правило заключается въ томъ, что со своимъ политическимъ противникомъ не слѣдуетъ обращаться, какъ съ нарушителемъ законовъ нравственности. И несмотря на это эта воображаемая иллюзія въ настоящее время, повидимому, необходима для политическихъ организацій. Рѣчи нашихъ наиболѣе выдающихся партійныхъ вожаковъ обыкновенно выливаются въ форму благороднаго возмущенія противъ поступковъ ихъ противниковъ. Чемберленъ бранитъ сэра Вилльяма Аркуръ, сэръ Вилльямъ Аркуръ бранитъ Бальфура; Бальфуръ бранитъ Морлей; Морлей ругаетъ лорда Сельсбери и такъ далѣе. То же самое, только болѣе злобно, происходитъ между церковными партіями и нонконформистами, и между протестантами и римскими католиками

въ Ирландіи, тогда какъ социалисты, что я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, обычно превосходятъ всѣ другія партіи въ своемъ предположеніи, что ихъ противники, называемые «капиталистами» грабители, негодяи, лгуны и лицемѣры, которые не обладаютъ ни одной смягчающей чертой характера. Социалисты обычно представляютъ себѣ рабочаго, какъ бы распятымъ между двумя разбойниками; — эта фантастическая картина, изображаетъ не только подлость землевладѣльца и капиталиста, но и безгрѣшность социалиста, который (согласно этому изображенію) такъ же относится къ своимъ противникамъ, какъ добро къ злу. Ну, это чрезвычайно льстящая иллюзія. Но къ несчастью, это и необходимая иллюзія и поэтому ее нельзя искоренить простымъ вѣжливымъ порицаніемъ присущей ей жестокости, глупости и невѣжливости.

Но что такое необходимая иллюзія?

Это та маска, которой прикрывается дѣйствительность для того, чтобы возбуждать въ человѣкѣ интересъ къ себѣ, или же для того чтобы приковать его вниманіе или же вообще быть воспринятой имъ сознательно. Про обыкновеннаго человѣка можно съ увѣренностью сказать, что онъ любитъ и ненавидитъ, восхищается и презирается, борется за жизнь и избѣгаетъ смерти; и эти импульсы его воли побуждаютъ его къ мысленію

и къ работѣ, заставляють его приносить пользу и вредъ, давать и брать, создавать и разрушать, производить и потреблять; строить и ломать и съ достаточной силой и достаточнымъ интересомъ создавать ту цивилизацію, которую мы теперь имѣемъ. Но если такому человѣку предложить для разрѣшенія какую нибудь проблему, которая не возбуждаетъ ни одной изъ его страстей,—скажемъ, на примѣръ, какую нибудь чисто математическую проблему—то потребуются очень много усилій для того, чтобы онъ ее понялъ. У него нѣтъ достаточно интереса къ этому, чтобы въ достаточной мѣрѣ напрягаться, даже и въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ школьникъ и какъ слушатель университета, былъ принужденъ пріобрѣсти нѣкоторую технику и ловкость въ подобнаго рода вещахъ. Онъ отдается безпристрастному мышленію только въ томъ случаѣ, если онъ долженъ зарабатывать себѣ этимъ на жизнь, и только тогда, если благодаря его воспитанію, обстоятельствамъ, при которыхъ онъ находится и его способностямъ ежедневное занятіе наукой или философіей для него, въ концѣ концовъ, менѣе затруднительно, нежели какая нибудь торговля или ремесло. Представьте себѣ, на примѣръ, какого нибудь капитана маленькаго купческаго корабля. Онъ будетъ знать какъ разъ столько, сколь-

ко необходимо для того, чтобы получить необходимое удостовѣреніе о томъ, что онъ прошелъ курсъ мореплавательной науки. Но если вы будете требовать отъ него, чтобы онъ обнаружилъ свободной интересъ по отношенію къ наукѣ, какъ Галилей или Ньютонъ, то это будетъ совершенно напрасно. Математика, экономія, физика, метафизика и тому подобныя науки являются для него тѣмъ, что онъ называетъ «сухими предметами»; а практически это означаетъ то, что онъ не станетъ ихъ изучать, если ему за это не заплатятъ; и даже и въ этомъ случаѣ онъ не станетъ ихъ изучать, если сможетъ добывать себѣ средства къ жизни какимъ нибудь другимъ, болѣе подходящимъ путемъ. Но онъ будетъ безъ всякаго вознагражденія или внѣшняго принужденія, покупать и читать беллетристическія книги и проповѣди и на свои средства будетъ ходить въ театръ, и посѣщать церковныя богослуженія. Онъ воспринимаетъ искусство и религію легко охотно и радостно, потому что они дѣйствуютъ или на его ощущенія и страсти, или непосредственно на его физическое чувство красоты формы, звука или краски; но по отношенію къ наукѣ онъ упрямъ и своенравенъ.

Слѣдовательно, наука безъ маски никогда не имѣетъ успѣха среди публики. Она должна подкупать публику или обѣщаніемъ

повысить ея благосостояніе, удлинить ея жизнь, исцѣлить ея болѣзни, невмѣшиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея нездоровыя привычки; или же она должна подкупать ея возбужденіемъ ея пристрастія къ приключеніямъ и къ чуду, и удовлетворять это пристрастіе при посредствѣ путешествій къ сѣверному полюсу, изученій неизслѣдованныхъ странъ или же щегольствомъ билліонами и триллионами миль мірового пространства, лежащаго между звѣздами. Такіе искусственные приемы для возбужденія интереса среди публики называютъ «популяризацией науки». И надъ этой популяризацией ученые втайнѣ смѣются (совершенно такъ же, какъ государственные мужи втайнѣ смѣются надъ своими рѣчами); они терпятъ ее только для того, чтобы добиться признанія и поощренія, которыя имъ необходимы для ихъ работы. Если бы въ настоящее время былъ живъ Ньютонъ, то онъ былъ бы, какъ «человѣкъ науки» гораздо менѣе популяренъ, чѣмъ Эдисонъ, американскій изобрѣтатель; и Эдисонъ популяренъ не какъ изобрѣтатель, а какъ черно-книжникъ.

Но не слѣдуетъ, ради одной только логики, отдѣлываться тѣмъ возрѣніемъ, что человѣческій родъ состоитъ изъ нѣсколькихъ научно образованныхъ Ньютоновъ, Кеплеровъ и Дарвиновъ и изъ большой

массы совершенно необразованныхъ Петровъ и Ивановъ. Интеллектъ Ньютона былъ до такой степени могучъ, что онъ для упражненія его добровольно работалъ надъ математическими теоріями дифференціального и интегрального вычисленія. Приблизительно такъ же, какъ человѣкъ, обладающій большою мускульной силой добровольно дѣлаетъ гимнастику и побиваетъ рекорды. Но если не всякій человѣкъ Ньютонъ или атлетъ, то все-таки каждый обладаетъ извѣстной степенью духовной силы; совершенно такъ же, какъ онъ обладаетъ извѣстной степенью мускульной силы. Если его ежедневная работа не используетъ его всей мускульной силы, то онъ называетъ свое занятіе «сидячимъ» и употребляетъ вечеромъ остатокъ своей силы на «упражненія». Если же его ежедневная работа не используетъ всей его духовной силы, то онъ занимается загадками, играми, требующими извѣстнаго мышленія или же онъ читаетъ различныя сочиненія.

Теперь рассмотримъ очень внимательно тотъ фактъ, что интеллектъ такъ же не можетъ самостоятельно возбуждаться къ дѣятельности, какъ и мускуль. Если мужчина цѣлуетъ женщину, то это движеніе чисто мускульное. И однако каждому извѣстно, что движеніе это никогда бы не совершилось, если бы чувства и фантазія мужчины

не оформили опредѣленнаго намѣренія. Атлетъ не представляетъ собой автоматической мускульной машины; его побуждаютъ тщеславіе, жажда борьбы, соревнованіе и другіе всевозможные инстинкты. То же самое можно сказать и объ интеллектѣ. Не по собственному побужденію производитъ онъ дифференціальное и интегральное вычисленіе или играетъ въ шахматы. Интеллектъ долженъ быть направленъ къ какой-нибудь особой формѣ дѣятельности опредѣленнымъ намѣреніемъ или капризомъ своего обладателя; а такое намѣреніе можетъ быть вызвано лишь воздѣйствіемъ на чувства и на силу воображенія. Единственной силой инициативы, которой пользуются интеллектъ или мускулы, является та сила, которая до такой степени приводитъ человѣка въ безпокойство духовно или физически, что онъ начинаетъ какимъ-либо образомъ упражнять свой интеллектъ и свои мускулы. Поэтому обычно говорятъ словами когда то очень популярнаго соблазнителя дѣтскихъ умовъ, что «сатана для праздныхъ рукъ всегда найдетъ какое-нибудь непристойное занятіе». Если бы этотъ господинъ такъ же набожно вѣрилъ въ своего Бога, какъ онъ вѣрилъ въ своего дьявола, то онъ въ виду тѣхъ безконечныхъ благодѣяній, которыя достаются какъ результатъ добровольнаго труда на его долю, какъ и на долю всего

остального міра, не сталъ бы проповѣдывать, что непристойныя занятія такъ же естественно приходятъ человѣку въ голову, какъ и мысль о самоубійствѣ.

Несмотря на то, что популяризація какой-нибудь истины достигается тѣмъ, что ее предлагаютъ чувствамъ и фантазіи въ формѣ разсказа или драмы, мы все-таки видимъ, что въ результатѣ возбужденнаго такимъ образомъ интереса является извѣстная степень научнаго любопытства; въ особенности это любопытство проявляется у тѣхъ людей, дневной трудъ которыхъ заключается въ какомъ-нибудь сидячемъ механическомъ занятіи, напрягающемъ умственныя способности лишь на-половину и не истощающемъ, какъ тяжелые виды труда, силы работающаго до такой степени, что онъ при малѣйшемъ напряженіи мысли сейчасъ же засыпаетъ. Поэтому и—спрось не «научныя изложенія» такъ широко распространены.

Теперь обнаруживается нѣсколько тонкое затрудненіе, къ которому можно подойти только при помощи новой иллюзіи. «Объяснить науку» это значитъ: сдѣлать ее понятной, какъ предметъ мышленія. Совершенно такъ же, какъ наука должна была быть превращена въ разсказъ или въ драму для того, чтобы возбудить достаточный интересъ въ публикѣ и для того, чтобы заставить ее мыслить, такъ же должна она

быть превращена въ логическую теорію для того, чтобы человѣческой духъ, какъ бы усерденъ онъ самъ по себѣ ни былъ, могъ бы ее схватить или понять. Человѣческой духъ въ этомъ отношеніи подобенъ человѣческой рукѣ, такъ какъ онъ тоже можетъ схватить вещь только въ томъ случаѣ если ей придана извѣстная форма. Возьмите какой-нибудь простой деревянный стулъ и попросите человѣка, чтобы онъ его поднялъ. Онъ схватитъ стулъ за ручку, или за ножку, или за край сидѣнія и подниметъ его съ большей или меньшей легкостью. Но потребуйте, чтобы онъ ухватилъ стулъ въ серединѣ сидѣнія: даже если бы онъ былъ такъ же силенъ, какъ Сандовъ, онъ не смогъ бы этого сдѣлать, потому что онъ не можетъ ухватить плоскую поверхность. Онъ можетъ только оставить стулъ въ томъ положеніи, въ какомъ онъ его найдетъ и использовать его согласно его прямому назначенію т.-е. сѣсть на него. Если же предложить человѣку, чтобы онъ вмѣсто того, чтобы упражнять свои руки въ подниманіи стульевъ, сталъ упражнять свой мозгъ на предметахъ мышленія, то обнаружится, что онъ находится въ такомъ же положеніи, т.-е. что ему необходима, такъ сказать, ручка для его предмета, чтобы онъ могъ его ухватить. И всякая логическая теорія съ ея предположеніями причины и дѣйствія,

времени и пространства и такъ далѣе есть совершенно такая же духовная рукоятка и ничего болѣе. Безъ теоріи явленія природы могутъ быть использованы, но не постигнуты. Люди построили вѣтренныя и водяныя мельницы и начали молотъ на нихъ гораздо раньше, чѣмъ они задумались надъ физической природой вѣтра и теченій. А когда они задумались, имъ понадобилось, чтобы профессиональный и идейный плотникъ смастерилъ имъ эту теорію. И теперь уже каждый можетъ «понимать дѣло», если только теорія достаточно проста. Когда я былъ ребенкомъ мнѣ дали слѣдующее руководство для того, чтобы охватить вселенную.

«Богъ создалъ человѣка; а челвѣкъ создалъ
деньги.

Богъ создалъ пчелъ; а пчелы создали медъ.

Богъ создалъ дьявола; а дьяволъ создалъ грѣхъ.

И Богъ создалъ пресподнюю; чтобы запереть
туда дьявола».

Это былъ нѣсколько грубый приѣмъ; но уже много вѣковъ, какъ большое количество людей пользуется имъ, чтобы уложить въ своей головѣ факты, такъ чтобы можно было логически размышлять о нихъ. Безусловная и сама собой понятная дѣйствительность и достаточность этого руководства казалась когда то очень умнымъ людямъ совершенно простой и вѣрной, какъ теперь кажется простой и вѣрной дѣйстви-

тельность закона тяготѣнія и эволюціи; и нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго сомнѣнія въ томъ, что тяготѣніе и эволюція будутъ въ одинъ прекрасный день казаться такими же странными и дѣтскими, какимъ кажется Дарвину вышеприведенное четверостишіе.

Теперь у насъ собраны всѣ тѣ условія, при выполненіи которыхъ наука на современной стадіи человѣческаго развитія можетъ быть переварена широкой народной массой. Если науку нельзя вдолбить людямъ въ голову, какъ вдалбливаютъ дѣтямъ таблицу умноженія, то ей слѣдуетъ придать или художественную или религіозную форму для того, чтобы возбудить симпатіи въ народѣ и приковать его вниманіе. И если за симпатіей и интересомъ слѣдуетъ интеллектуальное любопытство, тогда за драмой должна слѣдовать теорія, чтобы люди такъ же могли думать о наукѣ, какъ они ее чувствуютъ и представляютъ себѣ.

Теперь никто не будетъ оспаривать того, что если въ настоящее время социализмъ желаетъ привлечь серьезное вниманіе, онъ долженъ выступать какъ *политическая* наука, а не какъ *догма чувства*. Во всякомъ случаѣ социализмъ строится на догмѣ чувства, безъ которой онъ не имѣетъ никакого значенія и совершенно безцѣленъ. Но такъ ужъ обстоитъ дѣло со всѣми современными демократически политическими системами.

Американское толкованіе системы настойчиво утверждаетъ, что всякій человѣкъ имѣетъ естественное право на жизнь, свободу и на погоню за счастьемъ. Это обычное выраженіе того факта, что демократическая, политическая система должна исходить изъ предположенія абсолютно догматическаго, неразумнаго, ничѣмъ не оправдываемаго, безотвѣтственно, коротко говоря «естественнаго» рѣшенія со стороны каждаго гражданина, жить, дѣйствовать и говорить, какъ ему это нравится, и примѣнять свои силы такимъ образомъ, чтобы своимъ собственнымъ путемъ добиться счастья. Проповѣдники морали неоднократно доказывали, что если оцѣнивать жизнь на разумномъ основаніи сравненія ея радостей съ ея горестями, заботами и трудомъ, то не стоитъ и жить. Тори доказали и могутъ еще доказать что рабы купили себѣ свободу за несоотвѣтственно высокую плату, а именно лишившись, въ обмѣнъ за эту свободу, обезпеченнаго содержанія, хорошаго управленія, мира, порядка и спокойствія. Философы обратили наше вниманіе на то, что стремленіе къ счастью является наиболѣе печальнымъ изъ всѣхъ стремленій и что счастье никогда не находилось иначе, какъ на пути къ какой нибудь другой цѣли. Разсудокъ всякаго человѣка согласенъ съ этими положеніями, а воля каждаго человѣка

вполнѣ игнорируетъ ихъ. Человѣчество въ этихъ вещахъ безразсудно; и мы ясно подтверждаемъ это безразсудство, когда мы претендуемъ на то, что мы называемъ, естественными правами, и когда мы агитируемъ за политическое признаніе этихъ правъ, какъ за нѣчто само собой разумѣющееся, и когда мы претендуемъ на то, чтобы съ этими правами считались при всякомъ законодательствѣ и чтобы все было направлено на ихъ практическое выполненіе и расширеніе. Всякій политическій документъ, въ которомъ эти права выражены ясно и опредѣленно, какъ бы онъ ни былъ недѣйствителенъ на практикѣ, превращается въ историческій пограничный камень. Такими пограничными камнями являются, на примѣръ, Великая Хартія, билль о правахъ, Хабеасъ—корпусъ и американская конституція. Происшедшее, въ концѣ концовъ, при объявленіи независимости, признаніе «естественныхъ правъ», несмотря на то, что эти права фактически не распространились на женщинъ и негровъ, было для всякаго официальнымъ утвержденіемъ современной демократіи на прочномъ догматическомъ фундаментѣ.

Но совершенно иное дѣло, констатировать ли то, что желаютъ обезпечить, или же констатировать надлежащій методъ для до-

стиженія этой обезпеченности. Американская конституція создаетъ часто такія препятствія для жизни американскихъ націй, для ихъ свободы и для погони за счастьемъ, что американскіе реформаторы стремятся къ тому, чтобы уничтожить ее. И всякій господинъ, который, послѣ пребыванія въ университетѣ, сдѣлался неспособнымъ къ умственной работѣ, объявляетъ, что естественныя права не могутъ сохраниться, такъ какъ они нелогичны. Какъ будто бы не въ этомъ заключается вся ихъ сущность. Нація, дѣлающая первыя попытки закрѣпить свои естественныя права, подобна дамѣ, стремящейся облегчить жажду въ жаркій день тѣмъ, что она ѣстъ мороженное. Самые ясные шаги не только не оказываютъ никакого дѣйствія, но и уничтожаютъ свою собственную цѣль. Первые демократы, привыкшіе при олигархическомъ и автократическомъ господствѣ связывать ограниченіе своихъ естественныхъ правъ съ дѣятельностью правительства, начали съ систематическихъ попытокъ расширить власть индивидуума и ограничить власть государства. Поэтому первыми плодами дѣятельности демократіи были триумфы виговъ и ихъ принциповъ условной свободы, *laisser-faire* и такъ далѣе; манчестерская школа была авангардомъ въ этомъ движеніи, а лѣвымъ крыломъ его

были анархисты *), совершенно такъ же, какъ лѣвымъ крыломъ при Кромвеллѣ были левеллеры—уравнители. Но краткій опытъ съ анархизмомъ виговъ, какъ защитой естественныхъ правъ, обнаружилъ, что какъ только начинаютъ расширять примѣненіе этихъ правъ, проблема оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагалось сначала. Начинаютъ замѣчать, что такъ же какъ наука не проливаетъ никакого свѣта на догматическую основу демократизма, такъ и догмы естественныхъ правъ не проливаютъ свѣта на науку политики. Непосредственные слѣдствія, вытекающія изъ этихъ догмъ, вызвали такое положеніе вещей, которое въ худшемъ случаѣ означаетъ совершенный адъ и рабство, бѣдствіе и жизненную гибель на фабрикахъ и въ рудникахъ, а въ наиболѣе благопріятномъ случаѣ, хотя въ общемъ и

*) Можетъ быть будетъ не лишнимъ объяснить, что подъ анархистами я не подразумѣваю злосчастныхъ преступниковъ, которые, прочтя въ газетахъ, что анархисты поджигатели, воры и убійцы, объявляютъ и себя анархистами для того, чтобы облагородить свои преступленія. Я не подразумѣваю также тѣхъ матеріалистическихъ анархистовъ, которые предполагаютъ, что динамитъ можно примѣнять и по отношенію къ людямъ. Я подразумѣваю такихъ теоретиковъ, которые, какъ Гербертъ Спенсеръ и Крапоткинъ, хотѣли бы разрѣшить социальную проблему сверженіемъ государственнаго ига и государственныхъ предпріятій утвержденіемъ власти свободнаго индивидуума.

нѣсколько лучшее положеніе, чѣмъ указано выше, но все-таки такое положеніе, которое не можетъ быть принято во вниманіе, какъ постоянное удовлетворительное социальное положеніе. Было установлено, что главнымъ факторомъ человѣческаго общества является не политическая, а промышленная организація; и что если обезпечить народу наблюденіе за политической организаціей, но въ то же время устроить такъ, чтобы промышленная организація проскользнула у него межъ пальцами, то это усилитъ рабство, прикрываемое политическими формами и претензіями на свободу и равенство. Коротко говоря, если правительство не наблюдаетъ за промышленностью, то народу безцѣльно наблюдать за правительствомъ.

Когда все это сдѣлалось очевиднымъ, манчестерскую школу замѣнили коллективисты или социалисты *), а демократія превратилась въ социалдемократію. Цѣлью ея было урегулированіе права собственности, организація промышленности и установленія государственнаго контроля надъ ней. Слѣ-

*) Кстати сказать, социалисты не должны были бы забывать своихъ обязанностей по отношенію къ позитивистамъ; эти обязанности такъ велики, что Сидней Веббъ объявилъ, что наилучшее примѣненіе «Закона трехъ фазисовъ» Конта заключается въ томъ, чтобы контизмъ былъ метафизическимъ фазисомъ коллективизма, а коллективизмъ позитивнымъ фазисомъ Контизма.

дуетъ замѣтить, что мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ отмѣной или переработкой догматовъ американской конституціи. Демократія все еще гоняется за счастьемъ и стремится къ широкой жизни и къ широкой свободѣ; и все еще она пренебрегаетъ ученіями аскетизма и пессимизма. И социализмъ всецѣло на сторонѣ демократіи. Онъ допускаетъ, что система, которую предлагаетъ демократія, продержится или упадетъ въ зависимости отъ того, удастся ли социализму сдѣлать людей свободнѣе и счастливѣе, чѣмъ они могутъ быть безъ такой системы. Слѣдовательно, социализмъ съ его догматической стороны не отличается отъ болѣе стараго демократизма. отъ республиканской формы правленія, отъ радикализма или либерализма, или же даже отъ англійскаго консерватизма, который вѣдь болѣе не утверждаетъ, что онъ органъ класса, враждебнаго народу, и который практически ушелъ дальше нѣмецкаго социалдемократизма.

Единственное различіе заключается въ спорномъ положеніи, что промышленный коллективизмъ является настоящей политической наукой демократіи. Социалисты не говорятъ манчестерцамъ: «Ваши гуманитарныя цѣли перетолковываютъ въ худшую сторону волю людей», а говорятъ слѣдующее: «Ваши методы, выполнить наши общія намѣренія, неправильны, потому что ваша

соціальная наука полна заблужденій. При выводѣ вашихъ заключеній вы не сумѣли оцѣнить большую часть фактовъ, потому что вашъ интересъ и ваши классовыя предразсудки направили ваше вниманіе исключительно на меньшую часть этихъ фактовъ. Вы слишкомъ много считались со слѣдствіями и обращали слишкомъ мало вниманія на историческое изслѣдованіе настоящаго. Вы до смѣшнаго мало считались со сложностью той проблемы, которую предстоитъ рѣшить и въ вашемъ мышленіи вамъ препятствовали и задерживали васъ тѣ ассоціаціи идей, которыя вы ошибочно принимали за принципы. Вы подавали и подаете плохіе совѣты и отдаете невыполнимыя приказанія политическимъ дѣятелямъ, являющимся инженерами, которые пускаютъ въ ходъ политическую машину, и тѣмъ мастеровымъ, которые исправляютъ эту машину и увеличиваютъ ее. Поэтому мы хотимъ уговорить народъ отпустить васъ и взять насъ на ваше мѣсто».

Слѣдовательно весь спорный вопросъ, является лишь вопросомъ теоретической и практической политики—и ничѣмъ болѣе. Совершенно такъ же, какъ введеніе винтового парохода и прорытіе Суэцкаго канала, не повліяли на желаніе людей переселяться въ Америку или на Цейлонъ, а лишь снабдили ихъ лучшими средствами передвиже-

нія, такъ и соціализмъ не оказываетъ никакого вліянія на цѣль демократіи, а лишь предлагаетъ лучшее средство для достиженія этой цѣли. Со стороны соціалистовъ мы не видимъ—по крайней мѣрѣ судя по ихъ словамъ—никакой склонности сомнѣваться въ этомъ. Съ тѣхъ поръ какъ Марксъ и Энгельсъ, объявили въ коммунистическихъ манифестахъ, что всѣ другія человѣческія учрежденія всегда были и всегда будутъ лишь рефлексомъ промышленныхъ учрежденій—въ политикѣ, искусствѣ, религіи и во многомъ другомъ—съ тѣхъ поръ научный характеръ соціализма защищался съ чрезвычайнымъ хвастовствомъ; сначала противъ утопическаго соціализма Фурье, а въ новѣйшее время противъ чистаго оппортунизма утвердившихся политическихъ партій. Манчестерство было первой новой политической системы, которая правильно воспользовалась примѣненіемъ чистой политической и промышленной науки, а не сверхчувственной религіей или долгомъ. Соціализмъ такъ же антирелигіозенъ только онъ еще болѣе матеріалистиченъ и фаталистиченъ, потому что онъ считается съ вліяніемъ обстоятельствъ на личный характеръ и съ вліяніемъ промышленныхъ организацій на общество. Данныя о коллективизмѣ можно найти въ статистическихъ выпискахъ, въ официальныхъ докладахъ, въ протоколахъ и на-

блюденіяхъ дѣйствительныхъ фактовъ и обстоятельствъ промышленной жизни, а не въ грезахъ, идеалахъ, пророчествахъ и откровеніяхъ. При созданіи теорій на основаніи этихъ данныхъ, социалисты очень часто впадали въ грубыя ошибки. Марксъ, напимѣрь, въ своемъ теоретическомъ экономическомъ ученіи такъ же не совершенъ, какъ Адамъ Смитъ. Но такія ошибки никогда не происходили отъ намѣреннаго искаженія не научными разсужденіями всего этого трезваго антирелигіознаго способа доказательства.

И что же является слѣдствіемъ этого научнаго характера социализма? Очевидно онъ долженъ подчиниться тому же закону, которому подчиняется всякая наука, если она нуждается въ поддержкѣ публики. Социализмъ долженъ быть популяризированъ такимъ образомъ, что сперва его драматизируютъ, а затѣмъ превращаютъ въ теорію. Онъ долженъ быть спрятанъ подъ затканной обѣщаніями вуалью иллюзій и долженъ быть удобопонятенъ для обыкновеннаго человѣческаго разума. Я не имѣю намѣренія перечислять всѣхъ этихъ иллюзій и построеній. Тѣмъ, что я доказалъ ихъ необходимость, я сдѣлалъ все что было нужно. Остальное служить лишь иллюстраціей.

Драматическая иллюзія социализма такова: она представляетъ рабочій классъ въ видѣ

добродѣтельныхъ героевъ и героинь, которые ужасно страдаютъ въ сѣтяхъ отъявленнаго негодяя, называемаго «капиталистомъ»; эти герои благородно борются и исходъ этой борьбы для нихъ весьма благопріятенъ: раньше чѣмъ падаетъ занавѣсъ, надъ будущимъ, полнымъ неомраченнаго блаженства, злодѣю готовится ужасное возмездіе. Въ этой драмѣ пролетарій находитъ лицо, которое онъ можетъ любить, понимать, за которое онъ можетъ вступить и которое онъ отождествляетъ съ самимъ собой; и затѣмъ онъ находитъ въ ней лицо, которое онъ можетъ ненавидить, надъ которымъ онъ можетъ чувствовать свое превосходство и которое онъ можетъ отождествлять, съ соціальной тираніей, отъ которой онъ страдаетъ. Такимъ образомъ выходитъ, что социализмъ съ ораторской кафедры преподносится въ такомъ видѣ, въ какомъ изображается жизнь на сценѣ Адельфи-театра, то-есть совершенно неправильнымъ и условнымъ, но единственнымъ способомъ, могущимъ заинтересовать публику.

Религіозная иллюзія тѣсно связана съ иллюзіей драматической, которой по существу своему она совершенно подобна. Согласно этой иллюзіи, социализмъ закончится большой «революціей», которая осудитъ и предастъ изгнанію капитализмъ, торговлю, конкуренцію и всѣ соблазны биржи, чтобы

сохранить міръ царству Божьему на землѣ. Обо всемъ этомъ повѣствуется въ книгѣ великаго пророка и вожака. Но въ этой иллюзіи капиталистъ является не театральнымъ злодѣемъ, а дьяволомъ, счастливой развязкой драмы является не социализмъ, а небо, а «Капиталъ» Карла Маркса является «библіей рабочихъ классовъ». Рабочій, отдѣлившійся, вслѣдствіе антирелигіозной пропаганды, отъ государственной церкви и ея сектъ и какъ объявленный агностикъ или атеистъ яростно отрицающій ходячую вѣру въ небо, дьявола и библию и презрительно выставляющій все это въ смѣшномъ видѣ, съ громаднымъ облегченіемъ и охотой возвратиться къ своимъ старымъ привычнымъ представленіямъ и мышленію если они ему будутъ представлены въ этой мірской формѣ.

Народная драма должна изобиловать сенсационными приключеніями: войнами, судебными разбирательствами, заговорами, бѣгствомъ съ ужасными опасностями и т. п. И это самое въ изобилии преподноситъ намъ исторія революціоннаго социализма, рассказанная такъ романтично, какъ врядъ ли рассказана и еще какая нибудь исторія на землѣ. Чѣмъ являются эпизоды въ драмѣ, тѣмъ являются преслѣдованія и спасительныя возрожденія въ религіи соотвѣтственно этому въ религіозной иллюзіи социализма мы встрѣчаемъ черезъ чуръ много мучениковъ, кото-

рыхъ «изъ-за ихъ дѣла» высылаютъ, заключаютъ въ тюрьмы и посылаютъ на эшафотъ; и намъ рассказываютъ о громадномъ измѣненіи, о прояснившемся лицѣ, о внезапномъ, возрастаніи самоуваженія, о радостномъ самопожертвованіи, о краснорѣчии молодого рабочаго, который былъ спасенъ призывомъ евангелія социализма отъ безцѣльно-автоматической жизни *).

*) Эти преображенскія весьма замѣчательны и трогательны для наблюдателя, который не имѣетъ возможности прослѣдить за ними далѣе. Они такъ же обычны для социалистической пропаганды, какъ и для арміи спасенія. Но для стараго практика это опасные признаки, слишкомъ быстрого и легко вызываемаго воодушевленія. Если же за этими преображеніями по нѣскольку разъ въ недѣлю слѣдуютъ длинныя ненасытныя навязчивыя публичныя рѣчи и дома и передъ лицомъ свѣта, то они кончаются своеобразнымъ истощеніемъ и пустотой духа и характера, и оставляютъ свою жертву притупленнымъ и безнадежнымъ, никуда не нужнымъ человѣкомъ, который одержимъ всевозможными мнѣніями, не имѣя собственно ни одного, и полонъ воображаемыми преимуществами. Я припоминаю, что однажды, когда я читалъ докладъ мнѣ опонировалъ экс-апостоль Робертъ Оуэнъ по той причинѣ, что въ 1830-хъ годахъ онъ наблюдалъ, что пропаганда оказываетъ неблагопріятное дѣйствіе на характеръ пропогандистовъ. Я повѣрилъ ему это на слово. Тѣ же самыя качества—или тотъ же самый недостатокъ качества—которыя внезапно дѣлаютъ человѣка способнымъ производить впечатлѣніе, безмѣрно воодушевляютъ его и сообщаютъ ему страстное краснорѣчіе, могутъ впоследствии привести его къ тюрьмѣ, какъ обыкновеннаго не политическаго пре-

Если я описываю отдѣльно драматическую и религіозную иллюзію, то все-таки я не теряю изъ виду того факта, что большинство людей подчинено имъ обѣимъ. Совершенно такъ же, какъ большинство цивилизованныхъ людей посѣщаетъ какъ театръ такъ и церковь, хотя уже нѣкоторые посѣщаютъ только одно изъ этихъ учрежденій. Но, вмѣстѣ или порознь, эти иллюзіи являются главнымъ средствомъ, при помощи котораго социализмъ держитъ въ плѣну своихъ учениковъ. Болѣе грубыя и ограниченныя драматическія и религіозныя версіи социальной проблемы все еще занимаютъ главенствующее положеніе; но дальнѣйшій, болѣе человѣческой, болѣе измѣнчивый и интересный характеръ социалистической версіи, ея оптимизмъ, ея власть переносить счастье и неземное блаженство изъ міра грезъ и изъ-за облаковъ въ область жизни и дыханія и та сила, которую она пріобрѣтаетъ путемъ соприкосновенія съ фактами и опытами настоящаго и постоянной ссылки на нихъ,—все это придаетъ этимъ иллюзіямъ обликъ гораздо большей современности и выполнимости въ сравненіи съ варварскими и воображаемыми представленіями, ко-

---

ступника—что и случается иногда. Но между тѣмъ очевидное чудо его обращенія должны производить сильное впечатлѣніе на очевидцевъ, чувствительныхъ въ религіозномъ отношеніи.

торыя были ими вытѣснены. Но все-таки, несмотря на это, онѣ также обманчивы; и чѣмъ болѣе социалистическіе вожаки поддаются искушенію, беззаботно наслаждаться тѣмъ воодушевленіемъ и одобреніемъ, которыя они вызываютъ, тѣмъ вѣрнѣе помѣшаетъ имъ странность ихъ сужденія, когда придетъ моментъ дѣйствовать. Когда *дѣйствительность*, наконецъ, придетъ къ людямъ, которые были, восцитаны на ея драматизаціи, то они не узнаютъ ее. Ея прозаическій обликъ оттолкнетъ ихъ; и такъ какъ дѣйствительность, по необходимости должна будетъ придти не цѣликомъ, а по незначительнымъ частямъ и такъ какъ кромѣ того каждая часть будетъ изувѣчена неизбежными столкновеніями съ сильными враждебными интересами, то ея появленіе не будетъ имѣть ни великолѣпнаго величія, ни совершенной неподдѣльности принципа, какъ это необходимо для того, чтобы произвести впечатлѣніе въ драматическомъ и религіозномъ отношеніи. Слѣдствіемъ этого является то, что или мимо дѣйствительности проходятъ совершенно не оцѣнивая ее, или же ей оказываютъ отчаянное сопротивленіе, присоединяясь къ боевымъ силамъ реакціи. Или же еще хуже: чтобы предотвратить повтореніе подобныхъ непріятностей и сохранить чистоту своей вѣры, люди начинаютъ создавать пробные камни строгой ортодоксально-

сти, налагать рабскія цѣпи на дѣйствительно научно образованныхъ социалистовъ и брать себѣ въ организаторы ораторовъ и проводниковъ, коротко говоря проявляютъ всѣ симптомы, которые французы называютъ «impossibilisme».

Первое условіе всякой иллюзіи заключается, конечно, въ томъ, что жертва ея принимаетъ ее ошибочно за дѣйствительность. Драматическія и религіозныя иллюзіи социализма въ ихъ рѣзко выраженной формѣ слишкомъ грубы, и находятся въ постоянномъ и немилосердномъ противорѣчій съ опытомъ, чтобы онѣ могли обмануть разумнаго человѣка, когда ему приходится столкнуться съ практической политической работой и отвѣтственностью. Хотя въ настоящее время очень немногіе социалисты имѣютъ достаточно пракческаго опыта, чтобы совершенно исцѣлиться отъ импоссибилизма, все-таки частичныя исцѣленія происходятъ ежедневно. Неощимый образъ мышленія, которому мы, современные социалисты, научились изъ экономіи Джевонса, долженъ былъ бы оградить насъ отъ ошибки, смотреть на социалистовъ, какъ на совершенныхъ импоссибилистовъ. Ни социализмъ и ни что другое не выставляетъ того положенія, что все, что не было — черно. Всѣ степени вѣрованій, начиная съ наивныхъ мечтаній и до скептическаго пракческаго

смысла представлены въ социалистическомъ движеніи. Въ крайнихъ сектахъ «социалистическаго союза» въ коммунистическо-анархическомъ отдѣлѣ «независимой рабочей партіи» и въ анархическихъ группахъ вы найдете драматическія и религіозныя иллюзіи совершенно такими же, какъ я ихъ описалъ. На другомъ крайнемъ концѣ вы найдете типичнаго фабіанца, который безъ всякихъ оговорокъ объявляетъ, что не будетъ никакой революціи; что не существуетъ никакой классовой борьбы; что наемные рабочіе гораздо болѣе полны условностей и предразсудковъ, что они гораздо большіе мѣщане, чѣмъ средній классъ; что въ Англіи не существуетъ ни одного демократическаго учрежденія, не исключая и Нижней Палаты, которое было бы немногимъ болѣе прогрессивно, если бы его не сдерживалъ страхъ передъ народнымъ голосованіемъ; что Карлъ Марксъ такъ же мало безгрѣшенъ, какъ Аристотель или Бэконъ, Рикардо или Бокль, что онъ дѣлаетъ ошибки, которыя теперь ясны всякому, даже не имѣющему университетскаго образованія, что всякій открытый социалистъ въ моральномъ отношеніи не лучше и не хуже либерала или консерватора; и что рабочій не хуже и не лучше капиталиста; что рабочій могъ бы, если бы пожелалъ, измѣнить существующую въ настоящее время систему, тогда какъ ка-

питалистъ не смогъ бы этого, такъ какъ рабочій сумѣлъ бы ему помѣшать; что бессмысленно и глупо объявлять прямо, что рабочій классъ истощенъ, униженъ и что система, при которой всѣ жизненные средства, воспитаніе и образованіе предоставлены капиталисту, оставляетъ рабочаго погрязать въ невѣжествѣ, и въ слѣдующій же моментъ утверждать, что капиталистъ жестокосердый и безчестный плутъ, а что рабочій великодушный, просвѣщенный, благородный филантропъ; что социализмъ начнетъ проявляться въ небольшихъ дозахъ въ видѣ общественныхъ учреждений, общественного правленія, въ видѣ обыкновенныхъ парламентовъ, коммунальныхъ совѣтовъ, магистратовъ, школьныхъ комиссій и т. п. учреждений, и что ни одна изъ этихъ дозъ не разовьется въ революцію и не займетъ болѣе важнаго мѣста въ политической программѣ дня, чѣмъ фабричный законъ, или же законъ провинціального правленія; все это означаетъ, что социалисту суждено пережить притѣсненія въ упорной политической войнѣ, но не въ войнѣ со злыми намереніями капиталиста, а съ глупостью жестокосердіемъ, однимъ словомъ съ идиотизмомъ (въ полномъ и первоначальномъ значеніи этого слова) всѣхъ классовъ и въ особенности того класса, который болѣе

всѣхъ страдаетъ при существующемъ порядкѣ.

Видя передъ собой обѣ крайнія границы въ предѣлахъ которыхъ группируются всѣ официальные и сознательные социалисты и большое количество неофициальныхъ и бессознательныхъ социалистовъ, мы находимъ, что переходная скала представляетъ собой скалу понижающейся иллюзіи. Но дѣйствительная скала представляетъ собой скалу проницательности, политическаго опыта, практическихъ способностей, силы характера, которая даетъ человѣку возможности смотрѣть прямо въ глаза непріятностямъ, и безъ сомнѣнія также скалу пріятныхъ отношеній, которыя дають умнымъ людямъ, имѣющимъ хорошій достатокъ, возможность, относиться къ вещамъ болѣе философски, нежели это дѣлають люди бѣдные и измученные.

Поэтому и происходитъ то, что кака-нибудь весьма грубая иллюзія можетъ овладѣть людьми, стоящими у одной внѣшней границы, тогда какъ для того, чтобы обмануть людей, стоящихъ у другой границы, необходима иллюзія сравнительно весьма тонкая. Мнѣ припоминается фабіанская рѣчь, произнесенная вскорѣ послѣ большой забастовки въ Лондонскихъ докахъ въ 1889 году передъ довольно набожной, социалистической аудиторіей. Ораторъ до та-

кой степени находился подъ вліяніемъ драматической иллюзіи, что при оцѣнкѣ ролей, которыя въ той борьбѣ сыграли Джонъ Бёрнсъ и умершій кардиналъ Мэннингъ, онъ страстно осыпалъ Бёрнса всевозможными проклятіями, какъ малодушнаго двуличнаго человѣка и отступника только за то, что онъ не схватилъ кардинала за шиворотъ и не бросилъ его въ рѣку. Другой ораторъ, нѣсколько болѣе остроумный, иллюстрировалъ ту опасность, которой мы подвергаемся при сношеніяхъ съ радикалами, принимающими наши воззрѣнія, проводя аналогію между ней и состязаніемъ въ бѣгъ (онъ ссылался на личный опытъ), которое его научило, что не слѣдуетъ бояться того, кто отсталъ дальше всѣхъ, а слѣдуетъ бояться того, кто бѣжитъ за вами по пятамъ. Изъ этого положенія онъ вывелъ заключеніе, что набожный тори для насъ менѣе опасенъ, чѣмъ радикальный націоналистъ. Если бы теперь понадобилось сравнить этихъ двухъ соціалистовъ, скажемъ съ Шелли и Лассалемъ, то нельзя было бы оспаривать, что они были гораздо менѣе способными людьми. Но утверждаетъ, что идеалы Шелли и Лассаля—какъ бы безмѣрно ни превосходили они идеалы того господина, который желалъ, чтобы кардинала бросили въ рѣчку—въ той формѣ, въ которой они представлялись ихъ сознанію, были бы въ ка-

комъ-нибудь отношеніи менѣе обманчивы это болѣе, чѣмъ можетъ позволить себѣ умный человѣкъ.

Пусть читатель остерегается той мысли, что нѣкоторые социалисты не признаютъ скалы социализма. Напротивъ, всѣ социалисты дѣлаютъ это; но каждый думаетъ, что онъ стоитъ въ ея правильномъ концѣ. И чѣмъ болѣе одураченъ социалистъ наиболѣе грубой формой драматической и религиозной иллюзіи, тѣмъ болѣе онъ убѣжденъ, что онъ стоитъ на твердой почвѣ «ученія о политической экономіи, исторіи и социальной эволюціи». Та манера, съ которой человѣкъ изъ бездны своей незнанія предмета, въ десять разъ болѣе глубокой, чѣмъ бездна всякаго обыкновеннаго честнаго незнанія, старается навязать другому тѣ неопредѣленные понятія, которыя онъ извлекъ изъ «остаточной цѣнности», перепроизводства, торговыхъ кризисовъ, изъ предстоящаго вскорѣ паденія капиталистической системы по законамъ его собственнаго развитія и т. д. совершенно также смѣшна, какъ та манера, съ которой его противникъ отвѣчаетъ ему отрывками изъ «экономическихъ пророковъ Манчестерской школы»: «продложеніемъ и спросомъ», «вопросомъ народонаселенія», «закономъ убывающая плодородія» и еще Богъ знаетъ чѣмъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся со вторымъ ро-

домъ иллюзій, и именно съ тѣмъ, который заполняетъ мѣсто теоріи и является не только особеннымъ видомъ гимнастическаго аппарата для интеллекта, но даже удовлетворительнымъ, научнымъ основаніемъ вѣры. Спросъ на такого рода иллюзію теперь въ большомъ ходу; даже самый узкій приверженецъ церкви охотно слышитъ, что на вершинахъ горъ находились ископаемые (научное доказательство всемірнаго потопа) и что на вавилонскихъ кирпичахъ было дешифровано имя Навуходносора. Но популяризація чисто научныхъ теорій дѣлается, ежедневно все менѣе возможной среди людей, не получившихъ тщательнаго общаго образованія, — т. е. среди громаднаго большинства гражданъ, — потому что теоріи при своемъ развитіи теряютъ свои первоначальныя грубыя и простыя формы, и не только сами по себѣ дѣлаются весьма сложными, но даже совершенно непонятны безъ ссылокъ на другія теоріи. Такъ, на примѣръ старая теорія свѣта, опиравшаяся на большой авторитетъ Ньютона представляла солнечный спектръ (по народному выроженію — раду) состоящимъ изъ трехъ основныхъ красокъ и трехъ дополнительныхъ, образовавшихся путемъ смѣшенія основныхъ красокъ. Это было очень легкое объясненіе: всякій ребенокъ взявъ свои грошевыя краски, — красную, синюю и желтую могъ смѣ-

шать изъ нихъ фіолетовую, зеленую и оранжевую краску. Но современная теорія спектра, установленная со временъ Юнга, не такъ проста: и кто не знакомъ со *всей* теоріей свѣта, не можетъ понять ее. И результатомъ этого является то, что по сегодняшній день популярной теоріей остается теорія основныхъ и дополнительныхъ красокъ.

Соціализмъ основанъ на двухъ экономическихъ теоріяхъ: на теоріи ренты и теоріи цѣнности. Первая теоріи кажется людямъ, одолѣвшимъ ее, простой; но для людей средняго уровня развитія она не легка и не ясна. И дѣйствительно лица, обладавшія первоклассными способностями, и между ними катанія лица какъ Адамъ Смитъ, Марксъ и Рёскинъ, затруднялись надъ этой теоріей, тогда какъ ученые, обладавшіе гораздо меньшими способностями постигли ихъ и выразили ихъ въ формулахъ для полученія позднѣйшихъ поколѣній. И никому, даже и Генри Джоржу не удалось популяризовать этой теоріи. Исторія теоріи цѣнности совершенно иная. Подобно теоріи радуги она была сначала совершенно проста для самой наивной публики, но подъ конецъ она сдѣлалась настолько сложной, что ее уже невозможно популяризовать. Въ особенности же и потому, что старой теоріи приходили на помощь тѣ ощущенія, которыя она возбуждала, тогда какъ строго-

научная теорія жестоко равнодушна по отношенію къ чувству. Вслѣдствіе этого старая теорія является единственной общепотребительной теоріей въ практикѣ *соціалистовъ*. Поэтому соціалисты и приняли ее въ этой формѣ, въ какой она изложена въ первомъ томѣ, «Капитала» Маркса (поскольку эта форма общепонятна). Эта теорія ошибочна и стара; и самъ Марксъ въ третьемъ томѣ своей работы столько разъ подвергалъ ее измѣненіямъ, что, въ концѣ концовъ, она сдѣлалась совершенно непригодной къ жизни*). Если бы она была дѣйствительна, она опровергла бы существованіе «добавочной цѣнности» вмѣсто того, чтобы доказывать ее; эта теорія употреблялась всегда съ цѣлью дискредитированія экономической жизненности соціализма; но каждый ребенокъ можетъ постигнуть то ея элементарное положеніе, что цѣнность всякаго продукта создается потраченной на него работой и поэтому можетъ измѣряться рыночной цѣной работы, часами и днями; тогда какъ научная теорія, несмотря на то, что она основывалась на довольно простомъ и возможномъ предположеніи, что вещи имѣютъ цѣнность потому что въ нихъ нуждаются—такъ что работа является слѣдствіемъ, а не причиной цѣнности—при по-

*) Точныя свѣдѣнія по этому вопросу можно найти въ «Нѣмецкой соціалдемократіи» Б. Русселя.

пыткѣ свести ее къ какому нибудь правилу, оказалась такой спутанной и неосвязаемой, что политико-экономы отказались отъ этой теоріи, какъ отъ непримѣнимой (Джевансу удалось преодолѣть это затрудненіе) и такъ смотрѣли на продукты, какъ будто бы они имѣли два различныхъ рода цѣнностей; цѣнность потребления и цѣнность обмѣна, что, конечно, абсурдно. Но какъ бы абсурдно это ни было, все же это было единственнымъ пріемомъ, какимъ такіе одаренные люди, какъ Адамъ Смитъ, Рикардо Де-Кенсей, Джонъ Стюартъ Милль и Карлъ Марксъ*) могли подойти къ этой проблемѣ.

---

*) Но изъ этого не слѣдуетъ выводить того заключенія, что Де-Кенсей и Карлъ Марксъ уступали Джевансу въ проницательности. Если бы они оба были только политико-экономы, какъ Джевансъ, то по всей вѣроятности, они предупредили бы его. Но призваніемъ Де-Кенсей была литература, а не политическая экономія; и цѣлью его было достигнуть совершенно яснаго и художественнаго выраженія теоріи Рикардо, который, не обладая даромъ литератора—художника, очень часто выражалъ свои возрѣнія въ таковой формѣ, что выходило совершенно обратное тому, что онъ желалъ сказать. Де-Кенсей при посредствѣ спроса и предложенія такъ художественно выразилъ теорію цѣнности работы, что Милль объявилъ, что теорія вполне закончена и болѣе нечего сказать о данномъ предметѣ. Карлъ Марксъ ошибался же потому, что онъ не былъ политико-экономомъ, а былъ революціонеромъ—соціалистомъ, который пользовался политической экономіей, какъ орудіемъ въ борьбѣ со сво-

И что могло смутить такіе значительные и дисциплинированные умы, то навряд ли дастся легко социалитическимъ учителямъ—дилетантамъ, а тѣмъ болѣе ихъ слушателямъ, которые обыкновенно рассматриваютъ ихъ противниками. То слѣдствіе, что работа является источникомъ цѣнности, было имъ заранѣе принято, онъ пробовалъ дѣлать для цѣлаго ряда теоретиковъ: начиная съ Петти, жившаго въ семнадцатомъ столѣтіи и до Ходжскина и Томсона, жившихъ въ девятнадцатомъ столѣтіи то же самое, что дѣлалъ Де-Кенсей для Рикардо: а именно онъ высказывалъ ихъ теоріи въ новыхъ точно продуманныхъ логическихъ выраженіяхъ. Это онъ сдѣлалъ въ своемъ опредѣленіи товара, которое сильно приблизило его къ Джевонсу. Если бы онъ былъ политико-экономомъ, который въ поискахъ за теоріей цѣнности совершенно равнодушенъ по отношенію къ политическимъ слѣдствіямъ—которыя могли бы быть изъ нея извлечены, то онъ никогда бы не остановился на своемъ взглядѣ на продуктъ, какъ на олицетвореніе «абстрактной работы», при чемъ ему, какъ такой же ясный результатъ его метода должно было бросаться въ глаза возрѣніе на продуктъ, какъ на олицетвореніе «обстрактныхъ желаній». Но онъ остановился, когда онъ, какъ ему казалось, достигъ своей политической цѣли; и съ этихъ поръ социализмъ долженъ былъ страдать за это. Если бы Джевонсъ могъ предвидѣть, что его теоріи сдѣлаютъ социализмъ экономически неопровержимъ и потушатъ послѣдній лучъ оптимистической иллюзіи, согласно которой рабочая сила, какъ продуктъ труда тѣхъ, которые создаютъ себѣ средства къ существованію, всегда должна имѣть цѣнность этихъ средствъ къ существованію для того, чтобы люди не голодали, пока существуетъ свобода договора (прекрасное утѣшеніе для безработныхъ),—если бы онъ могъ это толь-

вають понятную теорію, какъ благопріятную для работы, а непонятную, какъ враждебную ей. Это заблужденіе; но оно очень удобно для учителей, потому что освобождаетъ ихъ отъ необходимости, объяснять теорію, которую они не понимаютъ и даетъ имъ возможность спрашивать, вѣроятно ли, что Джевонсъ (слава котораго чисто академическая) былъ болѣе великимъ человѣкомъ, нежели всемірно извѣстный Марксъ; причемъ они забываютъ, что весьма обыкновенный человѣкъ можетъ въ настоящее время придерживаться того воззрѣнія, что земля шаръ, и при этомъ не быть болѣе великимъ человѣкомъ, чѣмъ блаженный Августинъ, который считалъ ее плоскостью.

Но пусть такъ: социалистъ остается социалистомъ; и какой бы теоріи онъ ни придерживался, онъ всетаки приходитъ къ одному заключенію: къ защитѣ передачи «средствъ производства, распредѣленія и обмѣна» изъ частныхъ рукъ въ руки общества. Если бы

ко подозрѣвать, тогда возможно, что его научная послѣдовательность также была бы нарушена. Сравненіе его полтиничнаго учебника по политической экономіи для рабочихъ съ его дорогой эсotericкой монографіей, въ которой онъ пустилъ въ обращеніе свою научную теорію, показываетъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ началъ писать съ мыслью объ социальныхъ и политическихъ послѣдствіяхъ его произведеній, онъ сдѣлался инстинктивно такимъ же адвокатомъ, какъ Марксъ или Адамомъ Смитъ.

его можно было убѣдить, что старая теорія не поддерживаеъ этого «принципа», какъ онъ это называетъ, то онъ отказался бы отъ старой теоріи, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ еще съ трудомъ могъ понимать Джевонса. Отъ сюда вытикаеъ та излюбленная иллюзія, что всѣ социалисты въ принципѣ единодушны другъ съ другомъ, если они даже нѣсколько и расходятся въ вопросахъ тактики. Это иллюзія, можетъ быть, наиболѣе смѣшная изъ всѣхъ иллюзій социализма—такъ какъ ей позорно противорѣчатъ факты. Правда, что социалисты между собой вполнѣ согласны; за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ они, случайно, несогласны между собой. Они могутъ претендовать не только на счастливое единодушіе между собой, но не единодушіе съ либералами и консерваторами. Но возрѣніе, что ихъ несогласіе во мнѣніяхъ въ настоящее время менѣе существенно, нежели ихъ единодушіе, является, какъ покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе, иллюзіей.

У социалистовъ, находящихся подъ властью религіозной иллюзіи въ ея кальвинистической формѣ, формула о средствѣ производства представляетъ собой принципъ, который будучи вполнѣ проведенъ, приводитъ къ логической крайности: а именно съ ихъ точки зрѣнія выходитъ такъ, что человекъ созданъ для социализма, а не соци-

ализмъ для человѣка. Соціалисты сами не потерпѣли бы такого удобнаго игнорирова- нія ихъ принциповъ, которое заключалось бы въ томъ, что какому нибудь индивиду- уму дали бы исключительное право пользо- ванія пирующей машиной или велосипедомъ, не напоминая при этомъ настоятельно и по- стоянно того факта, что эти предметы явля- ются общей собственностью. Они бы такъ же рѣшительно возстали противъ этого, какъ возсталъ бы старомодный методистъ изъ Новой Англiи противъ введенія органа въ его церковь. Другіе соціалисты—напри- мѣръ фабианцы открыто рассматриваютъ во- просъ частной собственности, какъ вопросъ чистаго удобства и заявляютъ, что чѣмъ больше у насъ будетъ частной собствен- ности и единичной дѣятельности тѣмъ луч- ше, такъ какъ тогда, добываніе средствъ къ жизни народа не будетъ болѣе зависеть отъ частнаго капитала и частныхъ спекуляцій. Когда здѣсь кальвинистическій соціалистъ далекъ отъ того, чтобы быть въ принципѣ согласнымъ съ соціалистомъ-фабианцемъ, то очевидно, что они непримиримы именно въ этомъ принципиальномъ вопросѣ, хотя каж- дый моментъ обстоятельства могутъ при- вести ихъ къ тактическому единенію.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что не стоитъ труда, проводить соціализмъ въ его чистомъ видѣ, и скорѣе думаю, что соціа-

лизмъ, гороздо раньше, чѣмъ онъ успѣеть проникнуть во всѣ углы политическаго и промышленнаго устройства, до такой степени совершенно устранить то давленіе, которому онъ обязанъ своей властью, что онъ самъ испугается ближайшаго крупнаго соціального движенія, отступить передъ нимъ и при этомъ оставить вездѣ слѣдъ нетронутаго индивидуалистическаго либерализма, какъ либерализмъ сохранилъ остатки феодализма. Я думаю, что произведенное имъ разрушеніе маленькихъ автократій и капитализма, повлечетъ за собой усиленіе настоящихъ частныхъ предпріятій вмѣсто того, чтобы подавить ихъ; и я весьма склоненъ думать, что соціалистическія государства дойдутъ до того, что передадутъ чрезвычайно антидемократическимъ путемъ сравнительно довольно большія денежныя средства въ руки опредѣленныхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе этого, какъ привеллигерованный классъ, сдѣлаются ненавистными лицамъ, постоянно стремящимся къ равенству. Если я правъ, то социализмъ, достигнувъ своего высшаго пункта, будетъ такъ же отличаться отъ идеала «антигосударственныхъ коммунистовъ» соціалистической лиги 1885 года и отъ идеала господина Домела Ньювенхейса и его голландскихъ коммунистическихъ-анархическихъ товарищей, какъ обычное христіанство отличается отъ идеала апо-

столовъ и Толстого. Конечно, это не мой «принципъ»: это лишь мое практическое мнѣніе о положеніи. Но тотъ фактъ, что я не считаю несправедливымъ стать на подобнаго рода точку зрѣнія и что я, не колеблясь, голосовалъ бы за того, кто представлялъ бы эту точку зрѣнія, въ противоположность человѣку, обладающему воззрѣніями, названными мною кальвинистическими,—кажется кальвинистическому уму яснымъ доказательствомъ того, что я не социалистъ, или же того, что я вообще такъ цинично равнодушенъ по отношенію къ «принципамъ», что собственно нельзя сказать представляю ли я собой вообще что нибудь.

Чтобы окончательно рѣшить вопросъ, мы снова примѣнимъ методъ Джевонса. Вмѣсто того, чтобы спросить: «Вы социалистъ или нѣтъ?» мы спросимъ: «До какой степени являетесь вы социалистомъ?» или еще болѣе практично: «Что и въ какихъ размѣрахъ желаете вы социализировать; и когда думаете вы произвести эту социализацію?» Когда вопросъ выраженъ такимъ образомъ, исчезаетъ всякій кажущійся поводъ для соглашенія. Я бы хотѣлъ предложить еще нѣсколько детальныхъ вопросовъ. Стремитесь ли вы къ социализаціи бумажной промышленности, постройки судовъ, желѣзныхъ дорогъ, угольныхъ рудниковъ, строительнаго промысла, доставленія пищевыхъ продук-

товъ и портновскаго ремесла? Если да, то приняли ли вы во вниманіе социализацію книжной промышленности? И представляете ли вы себѣ, что въ этомъ случаѣ, Кельм-скоттская книгопечатня и Довская переплетная будутъ соединены съ государственной типографіей въ одно общество, во главѣ котораго будетъ стоять Вилльямъ Моррисъ и Кобдэнъ Сендерсонъ, какъ чиновники, получающіе жалованіе и находящіеся подъ началомъ товарища министра и члена кабинета? *).

Стремитесь ли вы къ социализаціи церкви науки, богослуженій этическихъ обществъ и арміи спасенія? Если да, то стремитесь ли вы также къ социализаціи театра и концертнаго зала? Желаете ли вы распространить переходъ въ руки государства только на промышленность, или же вы желаете достигнуть государственной монополіи путемъ подавленія всякой частной спекуляціи въ промышленности? Или же въ нѣкоторыхъ случаяхъ вы будете монополизировать, а въ другихъ нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ? Если вы, напримѣръ социализируете хирур-

---

*) Смерть Вилльяма Морриса, наступившая послѣ того какъ это уже было написано, придаетъ вопросу большее значеніе. Она заставляетъ насъ сознавать насколько зависимъ мы отъ отдѣльныхъ выдающихся лицъ, когда приходится создавать что либо, выходящее изъ ряда вонъ.

гію и живопись, то будете ли вы наказывать зубного врача за то, что онъ заключить съ кѣмъ нибудь частный договоръ, вытасить зубъ за вознагражденіе въ одинъ фунтъ, или же приговорите ли вы къ денежному штрафу сэра Эдварда Бернъ Джонса, если онъ даромъ будетъ рисовать портретъ своей дочери въ часы, свободные отъ обязательныхъ занятій.

Я бы могъ выдумать цѣлыя страницы подобныхъ вопросовъ; но и приведенныхъ вполне достаточно для того, чтобы раздѣлить социалистовъ на два лагеря. Къ первому лагерю принадлежатъ фанатики, готовые скорѣе пожертвовать всѣми человѣческими удобствами и благосостояніемъ, чѣмъ отказаться отъ строгаго примѣненія «своихъ принциповъ *), при чемъ они идутъ такъ далеко, что дѣлаютъ смѣшной свою собственную вѣру. Во второмъ лагерѣ сталкиваются всѣ болѣе или менѣе практическія

---

*) Я выражаюсь въ такой льстивой формѣ, чтобы не оскорбить ничьихъ чувствъ. Но я все таки долженъ сказать, что отношусь чрезвычайно скептически къ фанатизму нашихъ друзей, которые твердо рѣшили «не рисковать своимъ принципомъ». Я подозреваю нѣкоторыхъ изъ нихъ въ томъ, что они употребляютъ эту формулу для того, чтобы избавить себя отъ затруднительныхъ поисковъ разумныхъ отвѣтовъ на практическіе вопросы и отъ униженія, признаться, что ихъ универсальное средство не исцѣляетъ всѣхъ страданій.

лица, среди которых господствует такъ же много различныхъ мнѣній по поводу каждаго отдѣльнаго пункта, какъ много отдѣльныхъ мнѣній господствуетъ объ обыкновенномъ предметѣ въ Нижней Палатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что единство социализма и существованіе опредѣленныхъ границъ между нимъ и прогрессивнымъ движеніемъ являются простыми иллюзіями. Несмотря на это боевой кличъ коммунистическаго манифеста: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» все еще воодушевляетъ насъ; и мы, прислушиваясь къ воображаемымъ шагамъ милліоновъ рабочихъ, собирающихся въ мощныя колонны революціи приобретаемъ бессмысленную, но дѣйствительную храбрость.

Двойная преграда иллюзій теперь окончательно воздвигнута. Соціализмъ приобретаетъ своихъ учениковъ изображая имъ цивилизацію въ видѣ народной мелодрамы или въ видѣ «странствованія» по пути страданій, искушеній, борьбы съ злыми силами, который приводитъ къ границѣ поэтической «справедливости, за которой находится рай. Своихъ вожаковъ социализмъ изображаетъ въ видѣ героевъ и пророковъ. А интеллектуальное любопытство и критику, вызываемыя этой картиной, онъ удовлетворяетъ нѣсколькими логическими звеньями, которыми онъ гордится, какъ научными

формулами. Такимъ образомъ исполняется воля міра. Иллюзія «уничтоженіе системы наемнаго труда» сдѣлаетъ то, что каждый изъ насъ будетъ получать постоянное вознагражденіе и, въ концѣ концовъ, мы будемъ считать всѣ другіе источники дохода постыдными. Иллюзіей паденія капитализма мы превратимъ цѣлыя націи въ акціонерныя общества; и наше рѣшеніе искоренить «bourgeoisie», окончится тѣмъ, что мы превратимъ каждого рабочаго въ bourgeois gentilhomme. Иллюзіей демократіи или правленія, при которомъ управляетъ каждый, мы создадимъ наиболѣе сильную бюрократію, которая когда либо существовала на землѣ и, въ концѣ концовъ, мы уничтожимъ народное избирательное право, судъ присяжныхъ и всѣ необходимыя средства той системы, при которой нельзя довѣрить власти ни одному человѣку. Иллюзіей научнаго матеріализма мы все болѣе и болѣе будемъ превращать жизнь въ выраженіе нашего мышленія и чувствъ, и все менѣе въ выраженіе нашихъ стремленій къ матеріальному благосостоянію. А между тѣмъ мы будемъ продолжать выставлять себя на посмѣшище во имя братства, содѣйствовать тому, чтобы наши газеты входили въ пословицу въ качествѣ синонимовъ клеветнической сплетни и ругани и праздновать приближеніе всеобщаго міра безмѣрными раздорами. Мы будемъ продол-

жать корчить изъ себя необразованныхъ людей изъ народа и притомъ будемъ предъявлять претензію на такую научную непогрѣшимость, которая сдѣлала бы смѣшнымъ даже лорда Кельвина. Мы будемъ продолжать клеветать на средній классъ, къ которому принадлежитъ большинство изъ насъ. Коротко говоря, мы будемъ наслаждаться всѣмъ идиотствомъ и безвкусицей общественной жизни, въ полной увѣренности что мы достигли области Пизга *), лежащей высоко надъ всякими амалекитянскими предразсудками. Но это ничего не значитъ; такъ должно быть, иначе же вообще ничего не будетъ. Припомните, пожалуйста, придерживаясь системы Джевонса, что вопросъ не заключается въ томъ, полезны ли иллюзіи или нѣтъ, а насколько и поскольку онѣ полезны?

До одного опредѣленнаго пункта иллюзія или какъ ее обыкновенно называютъ социалисты «воодушевленіе»—болѣе или менѣе цѣнна и необходима; но дальше этого пункта оно доставляетъ больше безпокойствъ чѣмъ она заслуживаетъ. Или же по выраженію Джевонса ея полезность дѣлается бесполезностью. Между социалистами, что-

---

*) Пизга—та часть горной цѣпи Амаримъ, съ которой Моисей передъ своей смертью смотрѣлъ на обѣтованную землю, на которую ему не суждено было вступить.

бы говорить вполнѣ откровенно, встрѣчаются такіе глупцы, которые самой примитивной формой предварительной пропаганды приносятъ больше вреда, нежели пользы. Другіе, болѣе разумные, дѣлаютъ прекрасно свое дѣло въ качествѣ проповѣдниковъ и умѣютъ прекрасно возбуждать массы, но являются лишь помѣхой, когда начинается работа политическихъ организацій. Другіе, дошедшіе до момента выборовъ, не сдѣлавшись до тѣхъ поръ непригодными, вслѣдствіе своей партійной непримиримости, были бы какъ законодатели и управители хуже, чѣмъ непригодны. Иные являются хорошими парламентскими ораторами, но плохими членами комитетовъ. Какъ это дѣло требуетъ все большей ловкости и настоящаго темперамента, такъ оно требуетъ и все большаго освобожденія отъ грубыхъ иллюзій и, въ особенности, отъ тѣхъ, которыя превращаютъ противниковъ въ злодѣевъ и дьяволовъ; это дѣло все болѣе и болѣе требуетъ того качества, которое является первымъ республиканскимъ требованіемъ,—я подразумеваю сознаніе святости жизни, которое заставляетъ человѣка уважать другого человѣка, не обращая вниманія на его социальное положеніе или духовное развитіе и которое признаетъ глупца Священнаго писанія только въ тѣхъ лицахъ, которыхъ нельзя привлечь никаки-

ми другими отношеніями, кромѣ какъ любовью, восхищеніемъ и политическимъ и религіознымъ единомысліемъ. Къ счастью никто изъ насъ не свободенъ всецѣло отъ этой республиканской добродѣтели; такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, обладаешь ли ею или не обладаешь (опять таки, какъ видно, неизбежный Джевонсъ). Если же она не настолько сильна въ человѣкѣ, что онъ сознаетъ ее по привычкѣ, хотя бы немножко, то такой человѣкъ наврядъ ли достаточно хорошъ для міра съ его теперешнимъ строемъ, не говоря уже о социалистическомъ мірѣ, который долженъ придти. Только для такого человѣка можетъ равенство имѣть какой нибудь смыслъ и какое нибудь значеніе въ томъ обществѣ, гдѣ люди отдѣлены другъ отъ друга колоссальнымъ различіемъ личнаго дарованія, начиная съ крестьянина и до поэта и философа.

Можетъ быть только такому человѣку и будетъ ясно, что социалистъ можетъ такъ же свободно, какъ и я, безъ соблазна и преувеличенія и безъ малѣйшей тѣни намѣреннаго цинизма, говорить объ иллюзіяхъ своей собственной вѣры.

НЕСООБРАЗНОСТИ АНАРХИЗМА*)

АНАРХИСТЫ И СОЦІАЛИСТЫ.

Многіе газеты, которыя защищаютъ существующій общественный порядокъ, не дѣлаютъ никакого различія между социалистами и анархистами, потому что и тѣ и другіе относятся одинаково враждебно къ этому порядку. По словамъ этихъ газетъ всѣ революціонеры—соціалисты, всѣ социалисты—анархисты, и всѣ анархисты поджигатели, убійцы, воры и развратники.

---

*) Этотъ очеркъ былъ прочитанъ на одномъ засѣданіи фабіанскаго общества 16 октября 1891 года. Съ тѣхъ поръ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки въ видѣ фабіанской брошюры и здѣсь напечатанъ безъ существенныхъ измѣненій главнаго содержанія. Кое что я прибавилъ и кое что вычеркнулъ изъ того, что относится къ такимъ событіямъ, которыя потеряряли свой интересъ, или которыя уже совсѣмъ забыты; но главное содержаніе осталось безъ измѣненія. Я надѣялся, что мой очеркъ сдѣлалъ свое дѣло по отношенію къ организованному социализму, потому что социализмъ съ 1891 года сдѣлался, наконецъ, во всей Европѣ конституціоннымъ и парламентарнымъ и болѣе или менѣе образованные и честные политическіе журналисты не смѣшиваютъ его болѣе съ анархизмомъ. Но такъ какъ теперь и средній классъ вступаетъ въ 'соціалистическое движеніе, то я нахожу

Это является слѣдствіемъ того, что французскій или итальянскій преступникъ, который читаетъ газеты и у котораго сильно развито воображеніе, будучи застигнутъ на мѣстѣ преступленія, объявляетъ, что онъ принципіальный анархистъ. Во всѣхъ странахъ болѣе пылкіе и безпощадные темпераменты среди недовольныхъ обозначаются общимъ именемъ «анархистъ», потому что оно указываетъ на отчаянную, энергичную, немилосердную борьбу съ существующими несправедливостями. Поэтому съ самаго начала необходимо замѣтить, что существуетъ

что по отношенію къ анархизму необходимо примѣнить вторую дозу противодѣйствующаго средства. Заблужденія анархизма чрезвычайно распространены; средній классъ, какъ бы мало онъ не подозрѣвалъ это и какъ бы ожесточенно онъ не отрицалъ это, вполне пресытился этими заблужденіями, которыя онъ называетъ индивидуализмомъ, протестантизмомъ, принципами французской революціи и т. д. И для средняго класса я печатаю этотъ очеркъ.

Въ этомъ очеркѣ я употребляю слово «соціалдемократъ» въ его настоящемъ смыслѣ: оно обозначаетъ социалиста, который въ то же время и демократъ. Въ Англіи это слово употребляется въ болѣе узкомъ смыслѣ, обозначающемъ доктринерскій марксизмъ и характеристическую пропаганду социалдемократическаго «единенія». Пока продолжается это временное недоразумѣніе, мои читатели должны принимать во вниманіе, что всѣхъ социалистовъ, которые требуютъ демократіи какъ политической основы социализма—конечно включая сюда и членовъ фабіанскаго общества—; можно называть социалдемократами.

много политическихъ противниковъ подобнаго строя, которыхъ ошибочно называютъ анархистами и, кромѣ того, существуютъ лица, которыя называютъ себя такъ сами по незнанію, хотя они вовсе не являются анархистами въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется это слово въ данномъ очеркѣ. Съ другой же стороны многія лица, которыя сами себя не называютъ анархистами и не считаются за таковыхъ и другими, въ своей оппозиціи противъ социализма, становятся открыто на анархическую точку зрѣнія, какъ писатели, сочиненія которыхъ я разсмотрю подробнѣе. Они недовѣряютъ государственному управленію и являются ревностными поборниками преимущественныхъ правъ индивидуума; они предлагаютъ, поскольку это въ человѣческихъ силахъ, ограничить государственную власть и расширить права индивидуума въ противоположность социалдемократу, который предлагаетъ демократизировать государство и взвалить на него всю работу по организациіи главныхъ отраслей промышленности, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь и наша свобода и безъ права собственности и права контроля на которыя мы неизбежно должны оставаться рабами тѣхъ, кто фактически владѣютъ ими и контролируютъ ихъ: такимъ образомъ онъ думаетъ превратить государство въ существенную часть со-

ціального организма. Конечно, существуют естественныя границы для примѣненія обоихъ возрѣній; анархисты и социалисты одинаковымъ образомъ подчинены тому вздорному аргументу, что ни одна изъ обѣихъ партій не согласуется со своимъ принципомъ, такъ какъ не можетъ быть всецѣло проведено ни общее попеченіе объ индивидуумѣ, ни индивидуальная свобода отъ общаго контроля. Я надѣюсь, что въ послѣдующей критикѣ анархизма не встрѣтится болѣе подобной діалектики. Она ограничивается предложенными анархистами правилами и не желаетъ возбуждать никакихъ дебатовъ по поводу *цѣлей* и *принциповъ*. Такъ какъ относительно цѣлей и принциповъ мы всѣ согласны другъ съ другомъ. Справедливость, добродѣтель, истина, братство, высшіе моральные и физическіе интересы народа дороги не только социалдемократамъ и анархистамъ, но и тори и вигамъ, радикаламъ и, по всей вѣроятности, также и героямъ динамита. Мнѣ приходится имѣть здѣсь дѣло съ тѣми методами, при помощи которыхъ желаютъ осуществить эти идеалы.

ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКІЙ АНАРХИЗМЪ.

Довольно подробное, экономическое описание «индивидуалистическаго анархизма» можно извлечь изъ статьи: озаглавленной «Государственный социализмъ и анархизмъ: до какой степени они согласуются и до какой степени отклоняются другъ отъ друга». Она появилось въ мартѣ 1888 года въ анархической газетѣ «Liberty», которая до сихъ поръ издается и редактируется авторомъ этой статьи Венъяминомъ Р. Туккеръ, и была тогда опубликована въ Бостонѣ и Массачузетсѣ. Любой номеръ этой газеты показываетъ, что Туккеръ, какъ честный, здравомыслящій и храбрый человекъ, толкующій индивидуалистическій анархизмъ при посредствѣ чисто интеллектуальныхъ методовъ, можетъ считаться наиболѣе способнымъ ораторомъ своей партіи.

«Экономическіе принципы современнаго социализма», говоритъ Туккеръ, являются логическимъ отвлеченіемъ изъ того принципа, который Адамъ Смитъ развилъ въ первыхъ главахъ своего «Wealth of Nations», и который заключается въ томъ тезисѣ что трудъ является истиннымъ мѣриломъ цѣны.

Изъ этого принципа три челоѣка (Джосіа Уорренъ, Прудонъ и Марксъ) выводятъ заключеніе, что естественнымъ вознагражденіемъ труда является его продуктъ».

Но социалистъ, достаточно опрометчивый, чтобы признать эту экономическую точку зрѣнія, сейчасъ же очутится во власти доктрины виговъ «Laissez-faire», Противъ этого Туккеръ не станетъ возражать. Онъ скажетъ: «Почему же, нѣтъ? Laissez-faire это какъ разъ то, чего мы желаемъ. Уничтожьте монополію денегъ, пошлины и патентовъ. Оставьте только владеніе землей, которое основано на частной собственности и на личной обработкѣ земли и социальная проблема, какъ обезпечить работающему продуктъ его собственнаго труда, будетъ просто на просто разрѣшена тѣмъ, что каждый будетъ заботиться лишь о своемъ собственномъ трудѣ».

Можетъ быть будетъ лучше, если я въ оправданіе моей перефразировки приведу собственные слова Туккера:

«По своему значенію на второмъ мѣстѣ стоитъ земельная монополія, дурныя послѣдствія которой можно, главнымъ образомъ видѣть, въ тѣхъ странахъ, которыя какъ Ирландія занимаютъ исключительно земледѣліемъ. Эта монополія заключается въ навязанномъ правительствомъ земельномъ владѣніи, которое не основывается на ча-

стной собственности и личной обработкѣ земли. Уоррену и Прудону пришла мысль, что если люди обезпечать индивидуума частную собственность и личную обработку земли, то исчезнетъ земельная рента и ростовщикъ будетъ имѣть одной извиняющей его причиной меньше». Въ одной статьѣ, появившейся въ номерѣ «Liberty» отъ 10 сентября 1892 года подъ заглавіемъ «Странное недорозумѣніе», Туккеръ добавляетъ: «Что касается земельного вопроса, то на столбцахъ этой газеты постоянно проводилось то положеніе, что не слѣдуетъ защищать никакого земельного владѣнія, за исключеніемъ того, которое основывается на личномъ владѣніи и личномъ пользованіи». И далѣе: «Анархическая система не даетъ никакого кодекса нравственности для индивидуума. «Заботься о своихъ собственныхъ дѣлахъ, это ея единственный моральный законъ».

Посмотримъ! Предположемъ, что мы могли бы распорядиться, чтобы впередъ въ Англии не платили ренты и чтобы каждый могъ имѣть свой домъ, въ качествѣ своей частной собственности и владѣть своей лавкой и фабрикой сообща съ тѣми, съ кѣмъ онъ работаетъ; чтобы всякому было предоставлено право выпускать съ своего собственного монетнаго двора деньги безъ клейма и налога; чтобы всѣ пошлины на товары, па-

тенты, издательскія права сдѣлались дѣломъ прошедшаго. Попробуйте представить самого себя дѣйствительно живущимъ при такихъ многообѣщающихъ условіяхъ. Вы можете сдѣлаться метельщикомъ улицъ, торговцемъ, угольщикомъ, земледѣльцемъ, мельникомъ, банкиромъ и вообще чѣмъ вамъ угодно. Но что бы вы не выбрали, первое въ чемъ вамъ придется убѣдиться это то, что результатъ вашей работы зависитъ гораздо болѣе отъ того мѣста, гдѣ вы ее производите, чѣмъ отъ васъ самихъ. Если вы подметааете переходъ отъ Сентъ-Джемса до Albemarle—Street, то вы отлично успѣваете въ этой работѣ. Но если васъ предупредить не только въ этомъ мѣстѣ, но вообще во всякомъ другомъ пунктѣ, который лежитъ центральнѣе, чѣмъ, хотя бы уголь Holford Square, Uslington, то вы можете работать въ два раза прилежнѣе вашего конкурента на Piccadilly и при этомъ не имѣть и пятой части его доходовъ. Въ такомъ печальномъ положеніи вы проклянете Адама Смита и его принципъ, что трудъ есть мѣрило цѣны, и будете или защищать демократически устроенныя государственно-соціалистическія учрежденія, которыя оплачиваютъ одинаково трудъ всѣхъ метельщиковъ, или же вы бросите вашу метлу въ Темзу и сдѣлаетесь лавочникомъ. Но и здѣсь встрѣчается то же самое затрудненіе. Ваши доходы не зависятъ

отъ васъ самихъ, а зависятъ отъ количества людей, проходящихъ въ теченіе часа мимо вашей выставки. Въ Charing Cross'ѣ или въ Cheapside можно сдѣлаться богатымъ; на главной улицѣ Петней можно зарабатывать достаточно для того, чтобы держать высоко голову; дальше на тысячу локтей вправо или влѣво отъ Portsmouth Road'a самый прилежный во всемъ мірѣ человѣкъ можетъ очень долго ждать своихъ покупателей. Очевидно, что въ настоящее время, когда Charing Cross и Cheapside захвачены собственниками на основаніи принципа «кто первый взялъ тому и принадлежитъ», розничная торговля не является настоящимъ занятіемъ для способнаго человѣка.

Слѣдовательно вы должны стремиться къ оптовой торговлѣ и даже, болѣе того къ банковому дѣлу. Но затрудненія превосходятъ всякіе расчеты. Возьмите извѣстную финансовую троицу: Глина, Мильса и Кёрри и перемѣстите ее на нѣсколько миль отъ Ломбардъ Стрита и она очень скоро сдѣлается предметомъ сожалѣнія для того легендарнаго матроса, который когда то предъявилъ въ ея кассу чекъ на 25 ф. ст. и великодушно соглашался получить по этому чеку по частямъ, чтобы не поставить ее въ слишкомъ затруднительное положеніе. Когда вы откажетесь отъ банкаго дѣла, вы займетесь торговлей пшеницей и, въ концѣ

концовъ, вы будете готовы обмѣнять право пользованія всей Сольсберійской равниной на позволеніе платить громадную арендную плату за земельный участокъ въ районѣ The Baltic *) и его барометра.

По всей вѣроятности существуютъ люди, слѣпо вѣрящіе въ то, что метельщики улицъ The Baltic, Lombard Street'a и др. п. слишкомъ принадлежатъ къ настоящей системѣ, чтобы они могли пережить введеніе анархизма. Они скажутъ мнѣ, что я представляю себѣ будущее въ свѣтѣ настоящаго. Въ виду такихъ инстинктивныхъ убѣжденій совершенно напрасно утверждать, что я представляю себѣ только то, что думаетъ мистеръ Туккеръ. Но по крайней мѣрѣ при анархизмѣ земледѣліе, мукомольный и горный промыслы будутъ производиться при посредствѣ человѣческихъ силъ. И земледѣльцу на его вполнѣ анархическомъ рынкѣ не придется встрѣтиться съ двумя разными цѣнами на два четверика пшеницы совершенно одинаковаго качества; однако цѣна на каждый четверикъ будетъ варьироваться смотря по плодородности земельного участка, на которомъ произростала данная пшеница и смотря по близости къ рынку этого участка. Хорошая почва очень часто даетъ болѣе бога-

---

*) The Baltic это такое мѣсто въ Лондонѣ, которое является сборнымъ пунктомъ для купцовъ, ведущихъ торговлю съ Россіей и съ сѣверной Европой.

тую и обильную жатву при небольшой затратѣ труда, чѣмъ плохая почва при гораздо большей затратѣ труда. Если наиболѣе плодородная почва будетъ принадлежать собственникамъ, пользующимся съ нея доходами, то тѣ, которымъ придется удовлетвориться менѣе плодородной землей, будутъ очень разочарованы тѣмъ принципомъ, что трудъ является мѣриломъ цѣны.

Мельники также должны питать сильное недовѣріе къ Прудону и къ Джосіа Уоррену. Такъ какъ изъ двухъ людей съ одинаковымъ прилежаніемъ и имѣющихъ одинаково хорошіи машины, одинъ можетъ работать на рѣкѣ, которая съ легкостью вертитъ шесть жернововъ, тогда какъ другой, вслѣдствіе естественнаго недостатка въ водѣ или же вслѣдствіе того, что его товарищъ работаетъ дальше его вверхъ по рѣкѣ, едва въ состояніи поддерживать движеніе своихъ двухъ паръ жернововъ и въ какое нибудь сухое лѣто предпочтетъ привязать себѣ на шею эти жернова и броситься въ рѣчку. Конечно, онъ могъ бы оказать сопротивленіе засухѣ употребивъ въ дѣло паровые и электрическіе двигатели и всѣ новѣйшія изобрѣтенія; но послѣ всѣхъ своихъ издержекъ онъ все-таки не былъ бы въ состояніи набавить ни одного пенни на мѣшокъ своего товара, противъ цѣны, за которую продаетъ этотъ же товаръ его конкурентъ,

которому природа помогаетъ бесплатно. Онъ конечно могъ бы выдержать «всеобщую конкуренцію» при помощи своей собственной силы, если бы ему пришлось бороться только съ личной силой своего соперника; но бороться безоружнымъ противъ вооруженнаго вѣтромъ и волнами... (такъ какъ существуютъ какъ вѣтряныя, такъ и водяныя мельницы) это хотя и здравый анархизмъ, но не здравая справедливость.

А какое дѣйствіе произвело бы право пользованія на горный промыселъ, когда изъ одного копи легче добывать первосортный Вальсендскій и Силкстонскій уголь чѣмъ простой уголь для топлива (послѣ предшествовавшаго двадцатилѣтняго углубленія шахты) изъ другого. И если бы Туккеръ могъ продавать Силкстонскій уголь изъ богатаго рудника, добываніе котораго стоило бы лишь половины той работы, которая потребовалась бы для добыванія обыкновеннаго угля изъ сравнительно бѣднаго рудника, отважился ли бы онъ храбро заявить: «Сегодняшняя цѣна: за тонну первосортнаго Силкстонскаго угля 25 шиллинговъ; лучшее топливо за тонну 50 шиллинговъ. Условія платежа: за наличныя. Принципы: Адама Смита, смотри «Wealth of Nations'»»

Конечно не при системѣ всеобщей конкуренціи, развѣ если бы покупатели были

бы для него ничто въ сравненіи съ принципомъ.

Совершенно безцѣльно приводить еще и другіе примѣры. Существуетъ только одна страна, въ которой каждый квадратный футъ земли такъ же плодороденъ и такъ же богато одаренъ природой, какъ и всякій другой квадратный футъ; и эта страна называется Утопией. Поэтому только въ Утопіи право пользованія собственностью было бы справедливо. Въ Англіи, въ Америкѣ и въ другихъ странахъ, созданныхъ необдуманно, безъ совѣта анархистовъ, природа является самымъ капризомъ и несправедливостью, когда дѣло идетъ о работѣ. Въ одномъ мѣстѣ ты взроешь землю лопатой и получишь съ нея большой доходъ. По другую сторону забора двадцать паровыхъ плуговъ не смогутъ вырвать изъ земли ни одной рѣпы. Еще менѣе, чѣмъ поля и рудники приспособлены для анархизма кишашіе людьми города. Пшеница торговца растетъ тамъ, гдѣ люди охотно собираются; его трудъ заключается въ томъ, чтобы доставлять товаръ человѣку; но здѣсь человѣкъ приходитъ къ товару. Переведите торговца на одну милю дальше и ему придется искать по всей странѣ покупателей. Никому это неизвѣстно такъ хорошо, какъ землевладѣльцамъ. На High Street'ѣ и на Low Street'ѣ, черезъ мостъ и до Jrow Street'a рабо-

чіе можуть работать въ одинаковой степени за одинаковое вознагражденіе; но продуктъ ихъ труда варьируется; и рента варьируется соотвѣтственно продукту, Конкуренція понижаетъ доходъ рабочаго и повышаетъ количество рабочихъ часовъ; и большой или небольшой остатокъ, смотря по плодородности почвы и приспособленности положенія перепадаетъ какъ высокая или низкая, но, въ концѣ концовъ, едва достижимая рента праздному землевладѣльцу.

Средство Туккера противъ тунеяднаго крупнаго землевладѣнія заключается въ томъ, что онъ желаетъ сдѣлать арендатора, т. е. дѣйствительнаго работника, собственникомъ. Слѣдствіемъ этого было бы, очевидно, то, что этотъ арендаторъ самъ могъ бы пользоваться своимъ доходомъ вмѣсто того, чтобы передавать его землевладѣльцу. Онъ былъ бы тогда во всякомъ случаѣ (поскольку дѣло касается его занятія) работникомъ, вмѣсто того, чтобы быть праздношатающимся; но какъ производитель онъ получалъ бы больше продуктовъ, а какъ торговецъ больше покупателей, нежели другіе такіе же прилежные работники, находящіеся въ худшемъ положеніи. Такимъ образомъ онъ смогъ бы скорѣе начать дѣлать сбереженія и прекратить свою активную дѣятельность гораздо раньше ихъ. Конечно,

въ тотъ моментъ, когда онъ оставилъ бы свое занятіе, его права собственности должны были бы перейти къ его преемнику. Но какимъ образомъ община могла бы рѣшить кто долженъ сдѣлаться этимъ преемникомъ? Дѣлалось ли бы это по жребію, или же нужно было бы бороться за право стать преемникомъ? Или же разрѣшалось бы назначать себѣ самому преемниковъ? Въ послѣднемъ случаѣ онъ или назначалъ бы преемникомъ своего сына, или продавалъ бы свое право назначенія за очень большую сумму.

Кромѣ того, если бы онъ отказался отъ своего занятія, онъ всетаки остался бы владельцемъ своего дома, что могло бы быть для него, въ виду положенія этого дома чрезвычайно желательно. Этотъ домъ могъ быть построенъ, на примѣръ, на Richmond Hill'ѣ, и изъ его оконъ могъ быть прекрасный видъ на долину Темзы. Но въ Richmond Hill'ѣ не могутъ помѣститься всѣ тѣ люди, которые охотнѣе жили бы тамъ, чѣмъ въ болотахъ Эссекса. Легко сказать: собственникомъ долженъ быть тотъ, кто является фактическимъ работникомъ; но спрашивается: кто долженъ быть этимъ фактическимъ работникомъ? Предположимъ, что это рѣшается по жребію; что можетъ въ такомъ случаѣ остановить выигравшаго продать при свободномъ обмѣнѣ и всеобщей конкурен-

ціи свою привелегію за ея полную стоимость Проблемы, подобныя этой, индивидуалистическій анархизмъ совершенно не разрѣшаетъ. Онъ строитъ всѣ свои теоріи на томъ предположеніи, что въ странѣ всѣ мѣста одинаково хороши.

При системѣ трудовой собственности рента выражалась бы въ ея первоначальной формѣ въ разницѣ между цѣной продукта и издержками на его производство; и такимъ образомъ собственники лучшей почвы могли бы получать за свои продукты болѣе того, во что они обходятся и продать владѣніе земель за капитализированную ренту. Если бы, напримѣръ, самая плохая, но еще полезная земля была бы хотя только въ три раза менѣе плодородна, чѣмъ самая хорошая земля, то владѣльцы этой хорошей земли могли бы на рынкѣ трижды вернуть свои расходы по производству продуктовъ. Эта двѣсти-процентная прибавочная цѣнность была бы совершенно такой же земельной рентой, какъ если бы ее прямо, какъ таковую уплачивали герцогу Бедфордскому или Асторамъ, и имущество могло было быть такъ же легко продано, какъ всякая акція, дающая такой же дивидендъ.

Здѣсь можно спросить, почему именно при самой плохой почвѣ цѣны на продукты должны подыматься до стоимости ихъ производства. Почему не установить стоимость

производства при хорошей и дурной почвѣ и не вычислить по такому расчету среднюю стоимость производства? Просто на просто потому, что *только социализмъ* можетъ соединить въ однихъ рукахъ хорошія и плохія земли и вносить счета въ одну и ту же главную книгу. При анархизмѣ, который передаетъ хорошія и плохія земли разнымъ лицамъ, конкурирующимъ другъ съ другомъ, только сумма максимальной стоимости производства могло бы не приносить убытка владѣльцамъ плохой земли. И даже обработка наиболѣе плохой земли не начиналась бы ранѣе, чѣмъ поднялась бы цѣна. Дѣло произошло бы слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что потребность населенія въ пшеницѣ была бы болѣе, чѣмъ удовлетворена жатвой, собираемой съ лучшей плодородной земли. Свободная конкуренція въ производствѣ пшеницы понизила бы цѣну на стоимость продукта или расходы по производству и менѣе хорошая земля осталась бы необработанной. Теперь представьте себѣ, что приростъ населенія возросъ бы настолько, что требовалось бы слишкомъ много пшеницы съ хорошей земли. А такъ какъ въ этомъ случаѣ спросъ превышалъ бы предложеніе, то цѣна на пшеницу повысилась бы. И если бы цѣна эта повысилась до стоимости производства пшеницы на менѣе хорошей землѣ, то уже стоило бы об-

рабатывать эту менѣе хорошую почву. И какъ только, вслѣдствіе все возрастающаго прироста населенія, былъ бы уже слишкомъ обремененъ и этотъ источникъ, цѣна поднялась бы снова, пока опять стоило бы труда выращивать пшеницу на такой землѣ, которая по своей плодородности стоитъ еще ниже, чѣмъ второклассная. Но это пониженіе никоимъ образомъ не уменьшило бы плодородности лучшей земли, изъ которой пшеница добывается такъ же дешево, какъ и раньше, не смотря на повышеніе цѣны, распространяющееся на всякую пшеницу, доставляемую на рынокъ. Это значигь, что владѣльцы лучшей земли вмѣстѣ съ приростомъ населенія получали бы все возрастающую прибавочную цѣнность, совершенно такъ же, какъ теперь землевладѣлецъ пользуется все повышающейся рентой.

Англійскіе читатели не должны смущаться пониженіемъ земельной ренты въ ихъ странѣ. Рента—въ экономическомъ смыслѣ—покрываетъ платежъ за пользованіе землей для любой цѣли, для земельного хозяйства, или же для чего нибудь другого и городская рента возросла въ ужасной степени. Естественный переходъ земельной культуры съ болѣе плодородной полосы земли на менѣе плодородную очень часто уничтожается открытіемъ новыхъ областей и ихъ коммерческимъ присоединеніемъ при по-

средствѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и водныхъ путей; совершенно такъ же, какъ англійскіе земельная арендная плата, повысившаяся при распространеніи англійскаго землевладѣнія съ хорошей на плохую землю, вновь понизилась при появленіи на англійскомъ рынкѣ американской и русской пшеницы.

На большое противорѣчіе между фактами и теоріей указываетъ кажущійся недостатокъ въ тенденціи къ повышенію цѣнъ на обыкновенный товаръ. Какойнибудь предметъ можетъ быть гораздо дешевле, чѣмъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ; и всетаки его сравнительная стоимость можетъ быть колоссально повышена, благодаря тому обстоятельству, что средняя стоимость производства сильно понизилась вслѣдствіе введенія машиннаго производства, лучшей организаціи работы, удешевленнаго сообщенія съ другими странами и тому подобнаго. Такъ на примѣръ, введеніе машиннаго труда въ бумагупрядильную промышленность увеличило производительную силу cadaго человѣка въ тысячу сто разъ; и нѣсколько лѣтъ тому назадъ президентъ желѣзодѣлательнаго и сталелитейнаго общества сэръ Джозефъ Витвортъ утверждалъ, что одна Ноттингемская вязальная машина производитъ работу, которую прежде производило восемь тысячъ кру-

жевниковъ. Въ изготовленіи булавокъ, перьевъ и т. п. автоматическое машинное производство достигло такой степени избытка выработываемыхъ предметовъ, что ихъ невозможно покупать по одной штукѣ, такъ какъ не существуетъ такой мелкой монеты, чтобы можно было производить подобнаго рода торговлю. Предположимъ такимъ образомъ, что предметъ, изготовленіе котораго въ 1850 году стоило въ среднемъ пять пенсовъ, и который тогда продавался за шесть пенсовъ, теперь сталь, по видимому, вдвое дешевле, такъ какъ теперь его продаютъ за три пенса. Но если и стоимость производства также понизилась на три полупенса, что ни въ коемъ случаѣ не является преувеличеннымъ предположеніемъ, то цѣна на этотъ предметъ по сравненію со стоимостью производства очевидно возросла чрезвычайно, такъ какъ теперь предметъ продается за цѣну вдвое большую стоимости своего производства, тогда какъ раньше стоимость эта составляла пять шестыхъ цѣны. Другими словами: излишекъ или прибыль, несмотря на кажущееся удешевленіе, для каждаго отдѣльнаго предмета возрасли съ $16\frac{2}{3}$ процента на 100 процентовъ. Это является объясненіемъ того почему статистики имѣютъ возможность доказывать повышеніе вознагражденія за трудъ и пониженіе цѣнъ на продукты, не-

смотря на то, что, по всей вѣроятности, рабочихъ никогда такъ ужасно не эксплуатировали, какъ въ настоящее время. Рабочій, получающій еженедѣльно на пять шиллинговъ больше, чѣмъ его отецъ и платящій тамъ три пенса, гдѣ его отцу приходилось платить шесть, забываетъ, что та часть его трехъ пенсовъ, которая достается тунеядцамъ, можетъ быть гораздо больше той части, которая отсчитывалась отъ тѣхъ двухъ трехпенсовыхъ монетъ, которыя ему приходилось уплачивать раньше.

Такъ какъ сельско-хозяйственная промышленность типична для всякой промышленности, то теперь будетъ понятно, что цѣна повышается не потому, что начинаютъ обрабатывать плохую землю, а что потому начинаютъ обрабатывать плохую землю, что цѣна повышается. Или же, чтобы выразиться иначе: цѣна на товаръ повышается не потому, что на его производство затрачивается много труда, а потому и затрачивается на его производство много труда, что повышается цѣна. Въ дѣйствительности товаръ имѣетъ уже цѣну раньше, чѣмъ его изготовляютъ; мы изготовляемъ его такъ, чтобы получить за него извѣстную цѣну; и мы не можемъ ее просто измѣнить тѣмъ, что мы будемъ тратить на производство данного товара больше или меньше труда. Естественно, что рабочій

стремится къ тому, чтобы трудъ являлся мѣриломъ цѣны и чтобы справедливымъ вознагражденіемъ за трудъ являлся продуктъ этого труда; но первое чему онъ долженъ научиться изъ политической экономіи это то, что при системѣ конкуренціи трудъ не является мѣриломъ цѣны и никогда не можетъ быть таковымъ. И только когда прогрессъ социализма замѣнитъ основанное на конкуренціи производство и распредѣленіе, побуждающимъ стимуломъ которыхъ является личная жадность, коллективнымъ производствомъ и распредѣленіемъ, имѣющими своимъ стимуломъ честную игру, цѣна труда и товаровъ будетъ представлять ихъ дѣйствительную стоимость.

Такимъ образомъ мы видимъ, что «всеобщей конкуренціи» не удастся уничтожить прибыли, пока землевладѣніе находится въ рукахъ конкурирующихъ собственниковъ, которые ограждены въ ихъ частномъ правѣ собственности на то, что они получаютъ отъ своихъ различныхъ владѣній. И «великій принципъ, выставленный Адамомъ Смитомъ» и формулированный Джосіа Уорреномъ слѣдующимъ образомъ: «издержки являются естественной границей цѣны» оказывается на практикѣ—такъ какъ въ дѣйствительности цѣна является границей издержекъ—ложнымъ способомъ выраженія

того факта, что при анархизмѣ та маленькая часть общаго добра, которая производится при наименѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ должна по меньшей мѣрѣ покрывать свои расходы, тогда какъ все остальное должно приносить прибавочную пѣнность, которая была бы ни чѣмъ инымъ, какъ прибылью, присваиваемой частнымъ лицомъ подъ маской анархизма

Мы видимъ также, что такая фраза, какъ «естественнымъ вознагражденіемъ за трудъ является продуктъ этого труда», вводитъ насъ въ заблужденіе, такъ какъ трудъ не можетъ непосредственно создавать средствъ для пропитанія за исключеніемъ того случая, когда объектомъ труда являются вещества природы и когда трудъ поддерживается силами природы, находящимися внѣ власти человѣка; и никакой законодатель не сможетъ никогда рѣшить вопроса, какую часть жатвы съ крестьянской земли слѣдуетъ отнести на счетъ работы лошадей, какую на счетъ работы пахаря и какую на счетъ работы химика въ его лабораторіи. И во всякомъ случаѣ мѣновая стоимость продукта никоимъ образомъ не зависитъ отъ того количества труда, которое затрачено на его производство, а единственно и исключительно отъ господствующаго въ обществѣ спроса на этотъ продуктъ. Хозяйственная проблема социализма заключается въ

справедливомъ распредѣленіи прибавочной стоимости, которую спросъ сообщилъ извѣстнымъ частямъ общаго продукта. А такъ какъ индивидуалистическому анархизму не только не удастся это распредѣленіе, но онъ даже намѣренно допускаетъ частное присвоеніе, то онъ и является отрицаніемъ социализма и дѣйствительнымъ антисоціализмомъ, который возведенъ на такую степень, на какую вообще его смѣетъ возводить умственно нормальный человѣкъ.

КОММУНИСТИЧЕСКІЙ АНАРХИЗМЪ.

«Государственный социализмъ и анархизмъ»,—говоритъ Туккеръ,—«построены на двухъ принципахъ, исторія борьбы которыхъ по своему значенію почти что равна исторіи міра съ перваго появленія человѣка, и всѣ промежуточныя партіи, включая, и ту, которая поддерживаетъ существующее общество, покоятся на компромиссѣ между обоими принципами». Этими принципами являются авторитеты, какъ государственно-соціалистическій принципъ, и свобода, какъ анархическій принципъ. Государственный социализмъ поэтому опредѣляется какъ «ученіе, согласно которому всѣми дѣлами людей должно завѣдовать правительство не заботясь, о желаніяхъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ анархизмъ является ученіемъ,» «согласно которому всѣ дѣла людей должны управляться индивидуумами или добровольными союзами и государство должно быть уничтожено».

Теперь большинство революціонеровъ должно будетъ согласиться съ тѣмъ, что въ развитіи ихъ политическихъ воззрѣній была такая стадія, когда приведенное выше утвержденіе, повидимому, соотвѣтствовало,

лежащимъ передъ ними альтернативамъ. Но когда индивидуалистическому анархисту приходится примѣнять свой принципъ на практикѣ, онъ, какъ мы уже видѣли, неизбежно приходитъ къ программѣ Туккера, которая гласитъ слѣдующимъ образомъ: «должна существовать всеобщая конкуренція среди пользующихся собственниковъ, которые подчинены лишь одному моральному закону, заключающемуся въ томъ, чтобы заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ».

Какъ только принципъ выраженъ въ определенной формѣ, такъ политико-экономистъ начинаетъ изслѣдовать его дѣйствіе на распредѣленіе благъ: и ему не трудно уличить его въ томъ, что онъ допускаетъ существованіи привелегій, монополіи, партійности, несправедливыхъ косвенныхъ налоговъ и всего того, что совершенно не вяжется съ анархизмомъ. Но этотъ неожиданный оборотъ нисколько не примиряетъ анархиста съ государственнымъ-соціализмомъ, несмотря на то, что онъ разрушаетъ его экономическую программу. Онъ измѣняетъ его взглядъ только въ одномъ пунктѣ. Пока его экономическая программа удовлетворяла его, онъ довольствовался тѣмъ признаніемъ, что государственный соціализмъ является единственно возможной альтернативой на ряду съ индивидуалистическимъ

анархизмомъ; онъ даже придавалъ этому значеніе, такъ какъ его отвращеніе къ государственно-соціалистической альтернативѣ являлось сильной побудительной причиной для принятія другой альтернативы. Но въ тотъ моментъ, когда становится очевиднымъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ уничтожить прибыли, индивидуалистической анархистъ, лишенный того міра мечты, въ которомъ онъ жилъ, ищетъ *tertium quid* или третью систему, которая могла бы собирать прибыль страны и справедливо распределять ее и могла бы предотвратить то, чтобы учережденія, занимающіяся этимъ распределеніемъ пріобрѣтали тираническую власть правительства такого рода, который намъ уже извѣстна. Въ настоящее время міръ имѣетъ двѣ такихъ системы: коммунизмъ и социалдемократію. Правда, не существуетъ анархической социалдемократіи, но зато существуетъ анархическій коммунизмъ или коммунистическій анархизмъ. Конечно, Туккеръ не признаетъ коммунистическаго анархиста вообще за анархиста: онъ энергично отвергаетъ коммунизмъ, какъ крайнее отрицаніе истиннаго анархизма и не желаетъ признавать никакой логической точки равновѣсія между совершеннымъ государственнымъ социализмомъ и совершеннымъ индивидуалистическимъ анархизмомъ. Но къ чему настаивать на томъ, чтобы кто-нибудь

занималъ такую логическую точку равновѣсія? Мы всѣ охотно указываемъ на то, что въ каждомъ данномъ случаѣ существуютъ только два такихъ вѣрныхъ пункта, изъ которыхъ одинъ является пунктомъ согласія съ нами самими, а другой — невѣроятно высокой степени глупости. Для цѣли данной критической статьи будетъ всетаки практичнѣе, избѣгать такихъ рѣзкихъ заключеній и допустить, что невозможно справедливое отношеніе къ анархизму, если считаться только съ Туккеромъ и не принимать во вниманіе также и возрѣній Петра Крапоткина.

Главное затрудненіе при критической оцѣнкѣ Крапоткина заключается въ томъ фактѣ, что его коммунизмъ, поскольку онъ касается распределенія общенеобходимыхъ продуктовъ труда, въ концѣ концовъ, пригоденъ и удобенъ, тогда какъ индивидуализмъ Туккера въ той же области невозможенъ. Даже при самой совершенной социал-демократіи безъ коммунизма мы все же продолжали бы жить какъ свиньи съ той только разницей, что каждая свинья получала бы свою часть корма. Какъ ни высокъ можетъ казаться этотъ идеаль тому, кто самодовольно принимаетъ настоящій социальный строй, всетаки онъ недостаточенъ для того, чтобы удовлетворить челоуѣка съ хорошо развитымъ социальнымъ инстинк-

томъ. До тѣхъ поръ пока масса работы будетъ уходить на то, чтобы взвѣшивать и отмѣрять какая часть стъ того или другого продукта приходится на долю cadaго, заработавшаго ее—пока придется слѣдить, шпионить, принимать полицейскія мѣры и примѣнять наказанія для того, чтобы какойнибудь Томъ не съѣлъ крошки хлѣба больше, а какойнибудь Дикъ не получилъ на ложку меньше молока, чѣмъ ему приходится по его предъявительному листу, до тѣхъ поръ различіе между не социализмомъ и социализмомъ будетъ лишь различіемъ между ненаучнымъ и научнымъ свинствомъ. Мнѣ бы не хотѣлось слишкомъ низко оцѣнивать величину этого различія. Пока мы свиньи, мы хотимъ, по крайней мѣрѣ, быть хорошо откормленными, здоровыми, взаимно полезными свиньями, а не свиньями такого сорта, какой мы представляемъ собой въ настоящее время. Но мы не будемъ имѣть никакого достаточнаго основанія гордиться нашимъ человѣческимъ достоинствомъ, пока самопроизвольно не установится справедливое распределеніе хлѣба и рыбы и пока не будутъ устранены дорого стоящія усилія, установить законное распределеніе, *какъ бы справедливо оно ни было*. Я, съ своей стороны, стремлюсь къ такому состоянію общества, при которомъ мнѣ не придется обременять себя кучей мѣдныхъ монетъ и

тратить время на то, чтобы производить запутанныя ариѳметическія вычисленія съ кондукторами омнибусовъ, капельдинерами, лавочниками и другими излишними лицами раньше, чѣмъ я смогу получить то, что мнѣ нужно. Я стремлюсь къ тому, чтобы жить въ такой общинѣ, которая, по крайней мѣрѣ, въ состояніи въ среднемъ опредѣлить, какое количество работы я долженъ совершать, чтобы имѣть право удовлетворять мои обычныя потребности и доставлять себѣ такія удовольствія въ жизни, которыя мнѣ необходимы. Сколько неудобства устраняется при посредствѣ такого соглашенія можно видѣть изъ того удивительнаго факта, что только спеціалисты по социологіи отдають себѣ отчетъ въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда мы, какъ разъ вслѣдствіе безсмыслицы другой альтернативы, принуждены усвоить себѣ подобное соглашеніе. Большинство людей скажетъ, что коммунизмъ въ этой странѣ извѣстенъ, какъ фактастическій проектъ, защищаемый кучкой идіотовъ. И если они поплетутся по общему мосту, вдоль по общей набережной, при свѣтѣ общихъ уличныхъ фонарей, которые свѣтятъ праведнымъ и неправеднымъ, вверхъ по общей улицѣ, къ общему Графалгаръ Сквэру и осмѣлятся тамъ только намекнуть, что коммунизмъ, хотя бы одно мгновение можетъ быть терпимъ въ цивилизо-

ванной странѣ, то ихъ сейчасъ же схватить полисменъ и потащить въ общую тюрьму.*)

Если такимъ людямъ дать понять, что распространеніе коммунизма на добываніе средствъ къ существованію не заключаетъ въ себѣ никакого новаго принципа противъ того коммунистическаго освѣщенія улицъ, которое они допускаютъ, то они будутъ очень поражены. вмѣсто того, чтобы представить себѣ, какъ коммунистъ стучитъ въ дверь общественнаго хлѣбника, и беретъ себѣ столько хлѣба, сколько ему нужно (сборщикъ податей представляетъ счетъ въ концѣ cadaго полугодія), они представляютъ себѣ, какъ онъ съ шумомъ влывается въ домъ своего сосѣда и тащитъ у него хлѣбъ со стола на основаніи того принципа: «Это также принадлежитъ мнѣ, какъ и тебѣ»,—хотя этотъ же принципъ въ той формѣ, что «это принадлежитъ такъ же тебѣ, какъ и мнѣ» является такимъ же острымъ орудіемъ противъ грабителя. / Фактически средній англичанинъ только тогда въ состояніи понять коммунизмъ, когда его толкуютъ, какъ такое положеніе вещей, при которомъ все уплачивается изъ налога, а налоги уплачиваются выполненіемъ работы. И даже и въ этомъ случаѣ онъ иногда

---

*) Написано въ періодъ 1887—92 г., когда Трафалгаръ охранялся отъ общественныхъ собраній при помощи насильственныхъ мѣръ.

спросить: «Ну, а какъ же будетъ обстоять дѣло съ умственной работой» и будетъ критиковать вообще социализмъ, какъ это дѣлаетъ новичекъ.

Но коммунистическій анархистъ можетъ задуматься надъ такимъ опредѣленіемъ анархизма, которое я далъ только что, такъ какъ ясно, что если должны при такомъ строѣ существовать налоги и подати, то должна существовать и власть, которая могла бы ихъ взимать. Я указываю на то, что если какойнибудь предметъ, напримѣръ хлѣбъ, коммунизируется, т. е. я подразумеваю подъ этимъ словомъ такое положеніе вещей, при которомъ происходитъ ежедневное общественное распредѣленіе хлѣба на каждый домъ, причемъ это распредѣленіе долженъ удовлетворять cadaго и каждый долженъ имѣть право принимать въ этомъ участіе, не прося объ этомъ и не платя за это, то тогда земля должна обрабатываться, мельницы должны работать и пекаръ долженъ трудиться для того, чтобы поддерживать доставку хлѣба. Такое распредѣленіе не встрѣчаетъ большихъ затрудненій, чѣмъ теперешнее положеніе вещей; но первое условіе для рѣшенія вопроса, какъ оплачивать это предпріятіе, заключается въ томъ, чтобы каждый потребитель хлѣба вносилъ такую часть, которая необходима для изготовленія потребляемаго имъ хлѣба.

Во всякомъ случаѣ необходимо платить или же заставлять платить за себя другого. Коммунизмъ удешевить хлѣбъ, сохранить издержки на измѣреніе и вѣсъ, на чеканку монетъ, на бухгалтерію, на приказчиковъ, полицейскихъ, нищихъ и устранить и другіе расходы частнаго владѣнія; но онъ не устранить совершенно издержекъ на хлѣбъ, на его сохраненіе и распредѣленіе. Предположимъ, что общество доросло до того, что оно добровольно работаетъ сообща и тщательно организуетъ земледѣльческую мукомольную и пекарную промышленности для изготовленія хлѣба; но какимъ образомъ въ этомъ случаѣ добровольные работники получаютъ отъ потребителей ту сумму, которую они затрачиваютъ на эту операцію? Если имъ будетъ дано право взимать свои расходы съ публики и при этомъ добиваться удовлетворенія своихъ требованій наказаніями или арестомъ неплательщиковъ, то ихъ организація превратится сейчасъ же въ государственный департаментъ, который повышаетъ налоги для общественныхъ цѣлей; и коммунизмъ доставки хлѣба будетъ имѣть такъ же мало общаго съ анархизмомъ, какъ и наше теперешнее коммунистическое освѣщеніе улицъ. Пока подати не будутъ уплачиваться добровольно, пока потребителю хлѣба не будетъ предоставлено право платить или не платить, не подвергаясь за это ни

какому другому наказанію, кромѣ упрековъ собственной совѣсти и упрековъ со стороны своихъ сосѣдей, анархическій идеалъ не будетъ достигнутъ. Но укоры совѣсти и общественнаго мнѣнія нельзя оцѣнивать низко. Милліоны мужчинъ и женщинъ, жертвуютъ безъ всякаго законнаго принужденія на поддержаніе всевозможныхъ учрежденій просто изъ потребности жить въ согласіи со своими сосѣдями. Но замѣтите себѣ, что принужденіе, которое оказываетъ общественное мнѣніе, пріобрѣтаетъ свою силу, главнымъ образомъ, благодаря тому, что весьма трудно добывать себѣ средство къ существованію, не пользуясь почетной репутаціей. При коммунизмѣ можно не считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и не умирать изъ-за этого съ голода. Кромѣ того ни одного мгновенія нельзя полагаться на общественное мнѣніе, какъ на равномѣрно дѣйствующее принужденіе, поступать справедливо. Его дѣйствіе въ практическомъ отношеніи безусловно произвольно и такъ же справедливо, какъ и несправедливо. Оно также враждебно относится къ реформатору, какъ и къ преступнику. Оно вѣшаетъ анархистовъ и почитаетъ динамитныхъ королей. Оно настаиваетъ на томъ, чтобы человѣкъ носилъ цилиндръ и ходилъ въ церковь, чтобы онъ вѣнчался съ той женщиной, съ которой онъ живетъ, чтобы онъ вѣрилъ въ то,

во что вѣрятъ другіе; и оно проводить эти предписанія въ достаточномъ количествѣ случаевъ безъ помощи закона; его тиранія фактически гораздо тяжелѣе тираніи закона. Но не существуетъ такого истиннаго общественнаго мнѣнія, что кто-нибудь долженъ зарабатывать свой хлѣбъ, если онъ можетъ получить его даромъ. И даже въ дѣйствительности бываетъ совершенно наоборотъ: общественное мнѣніе воспитано такимъ образомъ, что оно считаетъ выполнение ежедневной физической работы обязанностью презираемыхъ классовъ. Общее стремленіе направлено на то, чтобы скопить себѣ капиталъ и прекратить работать. И даже члены ученыхъ сословій по своему положенію стоятъ ниже независимаго средняго помѣстнаго дворянства, которое называется такъ, потому что онъ свободенъ отъ личнаго труда.

Эти предразсудки распространены не только въ высшихъ и среднихъ классахъ; они господствуютъ также и среди рабочихъ. Человѣкъ, работающій ежедневно девять часовъ, презираетъ человѣка, работающаго ежедневно шестнадцать часовъ. Землевладелецъ можетъ считать себя соціально стоящимъ выше своего управляющаго или своего врача, но онъ живетъ съ ними гораздо болѣе дружески, чѣмъ лавочникъ съ ломовымъ извозчикомъ, машинистъ съ носиль-

шикомъ и кельнерша со служанкой. Почти можно сказать, что въ этой странѣ, чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ слабъ; но когда мы спустимся еще ниже мы увидимъ, что люди до такой степени подавлены, что они уже не сохраняютъ достаточно самоуваженія для снобизма, и такимъ образомъ въ состояніи извлекать изъ своего ужаснаго положенія извѣстное чувство безотвѣтственности, назвать которое настоящей искренностью и свободой было бы насмѣшкой. Въ тотъ моментъ, когда вы вступаете въ высшую атмосферу дохода въ одинъ фунтъ стерлинговъ въ недѣлю, вы находите тамъ полный расцвѣтъ зависти, сплетни, болтовни, скучной и неискренней формальности, мелочного стремленія къ чинамъ, преимуществамъ и званію. Очевидно, представленіе о томъ, что въ бѣдности процвѣтаетъ добродѣтель было выдуманно для того, чтобы убѣдить бѣдныхъ въ томъ, что на томъ свѣтѣ они получаютъ то, что они потеряли здѣсь.

По моему мнѣнію, Крапоткинъ оцѣниваетъ средняго человѣка слишкомъ оптимистически, преписывая его антисоціализмъ давленію той негодной системы, отъ которой онъ страдаетъ. Устраните это давленіе и человѣкъ будетъ думать правильно, говорить Крапоткинъ. Но если человѣкъ по природѣ своей дѣйствительно такъ же со-

ціаленъ, какъ и общителенъ, то какъ могли вообще когда либо возникнуть то угнетеніе и тотъ развратъ, отъ которыхъ онъ страдаетъ? Могли ли бы когда либо образоваться тѣ учрежденія собственности, которыя намъ извѣстны въ настоящее время, если бы почти каждый человѣкъ не стремился и не жаждалъ открыть и безстыдно жить праздно за счетъ труда другихъ людей и властвовать надъ ними, когда законъ предоставлялъ имъ такую возможность? Допустимъ, что онъ морально не отвѣтственъ за несправедливость нашего современнаго распредѣленія благъ; что если бы онъ могъ понять и предвидѣть феноменъ хозяйственный прибыли онъ никогда не допустилъ бы частнаго присвоенія земли и промышленныхъ капиталовъ; что социалистическое движеніе является доказательствомъ того, что теперь, когда онъ видитъ всѣ ужасныя послѣдствія, онъ ищетъ средства для устраненія ихъ; что онъ добровольно платитъ массу подоходныхъ налоговъ, чего онъ могъ бы избѣжать, если бы хотѣлъ; допустимъ также, что четыре пятыхъ населенія дѣйствительно обыкновенно проявляютъ наибольшій эгоизмъ, чему способствуетъ существующій въ настоящее время строй, и мы увидимъ, что общество при такомъ положеніи вещей не выдержало бы и шести недѣль. Поэтому мы мо-

жемъ претендовать на то, что мы лучше нашихъ учреждений. Но тотъ фактъ, что для несоціального строя мы слишкомъ хороши, вовсе не доказываетъ, что мы достаточно хороши для совершеннаго добровольнаго коммунистическаго строя. Слѣдующій практическій вопросъ остается все еще нерѣшеннымъ: на какое количество людей, воспитанныхъ при нашемъ существующемъ строѣ, можно положиться, что они добросовѣстно будутъ платить за средства для своего существованія, если они смогутъ безнаказанно получать таковыя даромъ? Конечно, анархическій коммунизмъ долженъ обанкротиться, если бѣльшая часть не будетъ платить.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является то, что весь вредъ, противъ котораго направленъ анархизмъ, наносится людьми, которые пользуются учережденіемъ собственности, чтобы совершать тотъ же грѣхъ, т. е. пользоваться средствами для существованія, не зарабатывая ихъ. Почему же можно сомнѣваться въ томъ, что многіе изъ нихъ попытались бы злоупотреблять такимъ же образомъ анархическимъ коммунизмомъ. И на какомъ основаніи можно сомнѣваться въ томъ, что общество, исчерпавъ всѣ свои запасы хлѣба, не броситъ сейчасъ же на всѣ четыре стороны свой анархизмъ и не прибѣгнетъ къ сильной защитѣ закона,

чтобы заставить нарушителей порядка уплатить слѣдующія съ нихъ суммы, совершенно такъ же, какъ въ настоящее время ихъ самихъ заставляютъ платить подоходный налогъ? Итакъ я указываю моимъ коммунистическимъ-анархическимъ друзьямъ на то, что коммунизмъ требуетъ или принудительной работы или же социальной нравственности, достигнуть которой, какъ показываютъ недостатки существующаго общества, намъ пока не удалось. Я не отрицаю возможности, въ концѣ концовъ, достигнуть подобной или какой либо другой степени состоянія общественной совѣсти: но я утверждаю, что для этого нужно пройти черезъ переходную систему, которая, вмѣсто того, чтобы давать человѣку новыя возможности не трудясь цолучать средства къ существованію, совершенно уничтожить эти возможности и отучить насъ отъ привычки считать эту аномалію возможной, не говоря уже о томъ, чтобы считать ее почетной.

Не слѣдуетъ думать, что тѣ экономическія затрудненія, которыя я считалъ опасными для индивидуалистическаго анархизма, совершенно устраняются коммунизмомъ. Во всякомъ случаѣ, если бы весь хлѣбъ и весь уголь въ странѣ былъ бы собранъ въ одинъ общій запасъ, изъ котораго каждый могъ бы брать, не платя непосредствен-

но, столько, сколько ему понадобится и тогда, когда ему это захочется, тогда никто бы уже не могъ извлекать выгоды изъ того факта, что нѣкоторые земельные участки и нѣкоторыя угольные копи лучше другихъ. И если бы каждый имѣлъ право безъ билета войти въ вагонъ и ѣхать куда ему заблагоразсудится, то никто уже не могъ бы представить себѣ въ чемъ заключается разница между желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ отъ Charing Cross и до Mansion House и сообщеніемъ отъ Hatfield'a и до Dunstabl'a. Одно изъ большихъ преимуществъ расширения при социализмѣ нашего не—анархическаго коммунизма, будетъ безъ сомнѣнія заключаться въ томъ, что огромныя массы хозяйственной прибыли будутъ имъ автоматически социализированы. Всякій предметъ, который по степени потребности общества производится, потребляется и снова производится, можетъ быть путемъ коммунизировація освобожденъ отъ налога. Но изъ этого должны быть исключены, во первыхъ, всѣ тѣ предметы, которые не находятся въ достаточной мѣрѣ въ общемъ употребленіи, чтобы быть вообще коммунизированными; во-вторыхъ, тѣ предметы, неограниченное пользованіе которыми могло бы оказаться вреднымъ, какъ на примѣръ, водка; и въ третьихъ, тѣ предметы, спросъ на которые превышаетъ предложеніе.

Въ послѣднемъ случаѣ снова возвращается тягость налоговъ. Чтобы сдѣлать всякое жилище въ Лондонѣ такимъ же приятнымъ, какъ въ Park Lane или напротивъ Regents Park'a или же какъ домъ съ видомъ на Embankment Gardens нужно было бы произвести необыкновенныя разрушенія, новыя постройки и насажденія. А такъ какъ въ существующихъ хорошихъ жилищахъ не всѣмъ найдется мѣста, то, конечно, тѣ люди, которые находятся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ и пользуются этими жилищами, должны будутъ предложить остальнымъ какой-нибудь эквивалентъ за свое преимущество. Безъ этого невозможно была бы настоящая социализація жилищъ въ Лондонѣ. На практикѣ это, свелось бы къ тому, что общественныя учрежденія стали бы сдавать эти дома тѣмъ, кто предлагалъ бы за нихъ наибольшую плату. и собирали бы прибыль для общественныхъ цѣлей. Подобныя учрежденія, какъ бы демократичны они ни были, врядъ ли можно назвать анархическими. Я могъ бы еще очень многое сказать о возможности осуществленія коммунизма; но одно непреодолимое затрудненіе такъ же убѣдительно, какъ и двадцать.

Для нашей настоящей цѣли вполне достаточно того, что мы показали, что коммунизмъ не можетъ быть идеально анархи-

ческимъ, такъ какъ онъ нисколько не устраняетъ той необходимости, заставлятъ людей платить за то, что они потребляютъ; и даже тогда, когда социальная совѣсть возрастетъ настолько, что устранить это затрудненіе, вопросъ, какъ поступать съ продуктами, по отношенію къ которымъ простая коммунистическая метода такъ называемаго «свободнаго распредѣленія» непримѣнима, останется открытымъ.

Существуетъ еще одно практическое обстоятельство. Представьте себѣ то затрудненіе, которое возникаетъ при попыткѣ коммунизировать какую нибудь отрасль не обобществляя ее сначала. Такъ, на примѣръ, мы могли бы легко коммунизировать почту, просто на просто объявивъ, что впередъ письма безъ марокъ будутъ такъ же аккуратно доставляться по назначенію, какъ теперь доставляются письма съ марками: расходы ложились бы всецѣло на казну.

Но если бы почта, какъ и большинство нашихъ необобществленныхъ отраслей хозяйства, находилось въ рукахъ тысячи конкурирующихъ частныхъ лицъ, то подобное измѣненіе не могло бы произойти непосредственно. Коммунизмъ можетъ произойти изъ коллективизма, а не изъ анархическаго частнаго предпріятія. Это значитъ, что коммунизмъ не можетъ возникнуть непосредственно изъ существующей въ настоящее время системы,

ЛИЧНАЯ СВОБОДА.

Теперь возникаетъ вопросъ, должна ли переходная система быть деспотической принудительной системой? Если это такъ, то переходная система будетъ разрушена присутіемъ человѣческой природѣ анархическимъ элементомъ. Въ 1888 году одинъ русскій подданный, дававшій показанія при тягостномъ допросѣ въ англійской палатѣ лордовъ, заявилъ, что онъ оставилъ Россію, гдѣ онъ ежедневно работалъ по тринадцати часовъ, для того чтобы въ Англии работать по восемнадцати часовъ въ день, потому что «въ этой странѣ онъ свободнѣе». Разсудокъ умолкаетъ, сталкиваясь съ человѣкомъ, который предпочитаетъ послѣ тринадцатичасовой изнурительной работы работать еще пять часовъ только для того, чтобы при этомъ имѣть возможность свободно говорить, что лордъ Гладстонъ лучше, чѣмъ лордъ Сольсбѣри и для того, чтобы въ теченіе остающихся ему шести часовъ для сна читать Милля, Спенсера и Reynolds News paper. Это напоминаетъ мнѣ ту исторію, когда американскій судья пытался уговорить сбѣжавшаго раба возвратиться на плантацію, указывая на то, на-

сколько лучше съ нимъ обращаются тамъ, чѣмъ со свободнымъ наемнымъ работъ въ государствахъ, отрицающихъ рабство. «Да,» отвѣчалъ сбѣжавшій, «но вы возвратились бы, если бы вы были на моемъ мѣстѣ?» И судья съ тѣхъ поръ сдѣлался противникомъ рабства. О такихъ вещахъ невозможно разсуждать. Человѣкъ подчиняется судьбѣ, обстоятельствамъ, обществу, всѣму тому, что касается его безлично, но противъ личнаго угнетателя, будь то отецъ или мать, учитель, надзиратель, глава правительства или король, онъ возстаетъ постоянно. Какъ тотъ русскій, онъ предпочитаетъ, по необходимости работать восемнадцать часовъ, чѣмъ быть *принужденнымъ* какимъ-нибудь начальникомъ работать тринадцать часовъ. Никакая современная нація, лишенная личной свободы или національной автономіи, не будетъ продолжать заботиться о своемъ экономическомъ положеніи. Если провести такую форму социализма, которая лишитъ народъ личной свободы, то даже и въ томъ случаѣ, если она увеличитъ вдвое его доходъ и уменьшитъ количество рабочихъ часовъ, то всетаки не пройдетъ и одного года, какъ противъ нея начнутъ составляться заговоры. Монополистовъ мы только не одобряемъ, а повелителей мы *ненавидимъ*.

Итакъ разъ мы слишкомъ не честны для коммунизма безъ налоговъ и безъ прину-

дательной работы и слишкомъ строптивы для того, чтобы терпѣть навязанную намъ работу при личномъ принужденіи, то какимъ образомъ можно устранить переходъ такъ, чтобы ввести справедливое распредѣленіе безъ коммунизма и поддержать стремленіе къ работѣ безъ принудительной власти? Это возможно при посредствѣ демократіи. И теперь, такъ какъ я, наконецъ, занялъ позитивную точку зрѣнія, я могу прекратить критиковать анархистовъ и защищать демократію противъ анархической критики.

ДЕМОКРАТІЯ.

Согласно этому я возвращаюсь къ критикѣ Туккера государственнаго социализма, который ради точности было бы лучше называть социалдемократіей. Существуетъ одинъ государственный социализмъ,—социализмъ Бисмарка, социализмъ погибшей партіи молодой Англии, социализмъ защитниковъ морализованнаго капитализма и вообще социализмъ ненавистниковъ черни;—этотъ государственный социализмъ не является социалдемократіей, а есть социальный деспотизмъ и можетъ быть оставленъ, такъ какъ въ сущности онъ не обѣщаетъ болѣе, чѣмъ система «умѣреннаго обжорства» или «правдивой лживости». Туккеръ, какъ американецъ обходитъ это, какъ нѣчто, не стоящее и горсточки пороха. Онъ указываетъ на демократическое государство, какъ на учрежденіе, въ которомъ господствуетъ принципъ большинства, на что въ конституціи государственно-социалистической страны существуетъ только одинъ параграфъ: права большинства абсолютны. Загнавъ подобнымъ образомъ демократію въ ее крѣпость, онъ начинаетъ ее обстрѣливать:

«При той системѣ государственнаго со-

ціализма, которая дѣлаетъ общество отвѣтственнымъ за здоровье, благосостояніе и знанія индивидуума, общество будетъ стремиться къ тому, чтобы предписывать условія благосостоянія, здоровья и знаній и такимъ образомъ будетъ все болѣе и болѣе суживаться и, въ концѣ концовъ, совершенно пропадетъ чувство личной независимости и съ нимъ вмѣстѣ чувство личной отвѣтственности.»

И такъ чего бы ни требовали и отчего бы ни отказывались государственные социалисты, ихъ системы, или она будетъ проведена, осуждена на то; чтобы окончиться государственной религіей, которую всѣ должны признавать и передъ алтаремъ которой всѣ должны преклоняться, государственной школой медицины, врачи которой при всякихъ обстоятельствахъ должны пользоваться больныхъ, государственной системой гигиены, которая предписываетъ, что именно должны всѣ ѣсть, пить, носить, что дѣлать и чего не дѣлать, государственнымъ кодексомъ нравственности, который не удовлетворится только тѣмъ, что онъ будетъ наказывать преступленія, а будетъ еще запрещать то, что большинство признаетъ пороками; государственной системой преподаванія, которая уничтожитъ всѣ частныя школы, академіи и гимназіи; государственнымъ дѣтскимъ садомъ, въ которомъ всѣ дѣти

будутъ воспитываться сообща на общественныя средства; и, въ концѣ концовъ, государственной семьей, при чемъ будетъ сдѣлана попытка произвести рассовый отборъ на учномъ основаніи; и ни одинъ мужчина и ни одна женщина не смогутъ имѣть дѣтей, если имъ запретить это государство и они не смогутъ отказаться имѣть ихъ, если государство прикажетъ имъ это. Такимъ образомъ авторитетъ достигнетъ своей вершины, а монополія своей высшей власти.— Когда читаешь это, то вспоминаешь объ опасности того предположенія, что все что не бѣло должно быть чернымъ.

«Такъ какъ тенденціей власти было всегда самовозвышеніе, расширение сферы своей дѣятельности и нарушеніе положенныхъ законовъ», то Туккеръ для полного порабощенія индивидуума не видитъ другого исхода, кромѣ полного уничтоженія государства. Если бы до этого могло, дѣйствительно дойти и дошло бы, то я боюсь, что индивидууму пришлось бы во всякомъ случаѣ погибнуть; такъ какъ полное упраздненіе государства означаетъ въ этомъ смыслѣ полное упраздненіе коллективной силы общества; а чтобы упразднить ее было бы необходимо упразднить самое общество. Для того, чтобы сдѣлать это существуютъ два способа, Одинъ способъ—уничтоженіе составляющихъ общество индивидуумовъ—не

можетъ быть проведенъ безъ вмѣшательства въ ихъ личныя права (это вмѣшательство должно было бы быть гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ то, которое требовалось отъ социалдемократіи согласно личному представленію Туккера). Второй способъ разселеніе всего человѣческаго рода по всему земному шару въ независимыя поселки по двадцати пяти человѣкъ на квадратную милю, вызвалъ бы значительное неравенство положенія и возможностей, какое, на примѣръ, существуетъ, между жителями Terra del Fuego и жителями Ривьеры. Разрозненные единицы очень скоро соединились бы; и въ тотъ моментъ, когда бы это произошло: прощай господство индивидуума! Если бы большинство вѣрило въ злого и ревнивого Бога, оно не позволило бы индивидууму оскорблять этого Бога и возбуждать его злобу противъ нихъ; скорѣе оно въ знакъ примѣренія побилло бы этого индивидуума камнями и сожгло бы его. Оно не позволило бы человѣку ходить въ своей средѣ голымъ; и если бы онъ одѣлся какъ нибудь необыкновенно, что показалось бы ему смѣшнымъ или непристойнымъ, оно осмѣяло бы его запретило бы ему входъ на свои празднества, не жалало бы, чтобы его видѣли въ разговорѣ съ нимъ на улицѣ и, можетъ быть, заперло бы его, какъ сумасшедшаго. Оно не позволяло бы ему пренебрегать санитар-

ными мѣрами предосторожности, которыя оно считаетъ важными для своей отвѣтственной безопасности отъ заразительныхъ болѣзней. Если бы у него существовали такія же семейныя отношенія, то оно не позволило бы индивидууму вступать въ бракъ съ лицами, находящимися съ нимъ въ определенной степени родства. Спросъ большинства до такой степени господствовалъ на рынкѣ, что отдѣльный индивидуумъ нигдѣ не могъ бы найти другого товара въ лавкахъ, кромѣ того, который предпочитается большинствомъ покупателей, ни какихъ школъ, кромѣ тѣхъ, которыя управляются согласно желаніямъ большинства родителей, никакихъ испытанныхъ врачей, кромѣ тѣхъ, способности которыхъ внушаютъ довѣріе цѣлому кругу пациентовъ. Это не «грядущее рабство» социалдемократіи: это *существующее рабство*. И еще болѣе того; въ тщательно разработанной практической программѣ, которую до сихъ поръ выпустилъ анархизмъ нѣтъ ничего, что обѣщало бы хотя малѣйшаго смягченія этого рабства. Невозможно отрицать, что оно по сравненію съ идеальной, безотвѣтственной абсолютной свободой является настоящимъ рабствомъ. Но по сравненію съ рабствомъ Робинзона Крузо, которое является наибольшей анархической возможностью, представляемой намъ природой, его прощительно называть свободой. Робин-

зонъ Крузо фактически въ любой моментъ согласенъ промѣнять свою неограниченную свободу и свои незначительныя средства власти на ограниченную свободу и сравнительно колоссальныя средства власти «раба» большинства. Такъ какъ если индивидуумъ желаетъ вѣрить въ то и поклоняться тому, во что вѣрують и чему поклоняются другіе люди, то онъ находитъ готовые храмы и организованныя богослуженія, которыя требуютъ отъ него едва замѣтныхъ обязательствъ. Одежда, пища, мебель, которая по всей вѣроятности, понравятся ему, лежатъ для него готовыми въ лавкахъ; школы, въ которыхъ его дѣти учатся тому, что они должны знать по мнѣнію ихъ согражданъ, находятся въ пятнадцати минутъ ходьбы отъ его дома; и красная лампа образцоваго врача успокоительно свѣтитъ на углу улицы. Ему предоставляется право жить вмѣстѣ съ женщинами его семьи, не возбуждая этимъ подозрѣнія или неудовольствія; и если ему не позволяется жениться на нихъ, то это нисколько ему не мѣшаетъ, такъ какъ онъ и не желаетъ жениться на нихъ. И такимъ образомъ онъ преуспѣваетъ несмотря на свое рабство.

«Да», раздается возгласъ какого-нибудь экзальтированнаго индивидуума, но все это не относится ко мнѣ. Я хочу жениться на сестрѣ моей умершей жены. Я готовъ до-

казать, что ваша авторизированная медицинская система не что иное, как испорченный пережитокъ вѣры въ колдовство. Ваши школы это дѣтскія тюрьмы и исправительныя учрежденія для мальчиковъ, въ которыхъ наши будущіе граждане укрощаются и дрессируются, какъ звѣри которыя должны размножаться. Ваши университеты выдаютъ людей за образованныхъ, когда они теряютъ всякую способность самостоятельно мыслить. Тѣ цилиндры и крахмальные рубашки, которыя вы заставляете меня носить и безъ которыхъ я, какъ врачъ, какъ духовное лицо, какъ учитель, какъ адвокатъ или купецъ не могу успѣшно практиковать, не удобны, не здоровы, отвратительны, бросаются въ глаза и оскорбляютъ зрѣніе. Ваши храмы посвящены Богу, въ котораго я не вѣрю; и если бы я даже вѣрилъ въ Него, ваши общеупотребительныя формы почитанія Бога, по моему мнѣнію, отличаются отъ суевѣрія лишь ихъ очевидной неискренностью. Наука учитъ меня, что настоящей пищей является хлѣбъ и плоды; а вы предлагаете мнѣ вмѣсто этого быковъ и свиней. Ваши заботы о моемъ здоровьѣ заключаются въ томъ, что вы проводите общій отводный каналъ съ его смертельными тифозными бактеріями черезъ мой домъ и кромѣ того вы выливаете его содержимое въ рѣку, которая является для меня естествен-

нымъ купаньемъ и естественнымъ родникомъ. Подъ предлогомъ защиты моей личности и моей собственности вы берете у меня насильно мои деньги, идущія на содержание арміи солдатъ и полицейскихъ, приводящихъ въ исполненіе варварскіе и отвратительные законы; вы оплачиваете моими деньгами расходы по войнамъ, которыя я презираю; вы подчиняете мою личность законнымъ правамъ собственности, которыя заставляютъ меня продаваться за вознагражденіе классу тунеядцевъ, существованіе котораго я считаю наибольшимъ зломъ нашего времени. При вашей тираніи моя собственная индивидуальность дѣлается для меня политикой; надо мной берутъ перевѣсъ и вытѣсняють меня люди со средними способностями, покорные и льстивые. При такихъ обстоятельствахъ развитіе является вырожденіемъ; поэтому я требую уничтоженія всѣхъ этихъ тягостныхъ принудительныхъ учрежденій и объявляю себя «анархистомъ».

Это объясненіе при господствующихъ условіяхъ совершенно не удивительно; но оно не улучшаетъ дѣла и не улучшило бы его, если бы каждый повторялъ это объясненіе съ воодушевленіемъ и весь народъ взялся бы за оружіе, борясь за анархизмъ. Большинство не можетъ измѣнить своей тираніи, даже если бы оно этого не хотѣло.

Великану Винкельмейеру наши входные двери должны казаться неудобными такъ же, какъ лица ростомъ въ пять футовъ находятъ наклонъ пола въ театрѣ не достаточно покатымъ, чтобы имѣть возможность смотрѣть черезъ голову лицъ, сидящихъ передъ ними. Но до тѣхъ поръ, пока средній ростъ человѣка равняется пяти футамъ и восьми дюймамъ нѣтъ никакихъ средствъ для уничтоженія подобныхъ неудобствъ. Строители приспособляютъ двери и полы для большинства, а не для меньшинства. Такъ какъ разъ уже должно быть обижено или большинство, или меньшинство, то, очевидно, что большинству удастся выполнить свои желанія. Не существуетъ никакого неоспаримаго доказательства, почему оно должно это дѣлать, и каждый умный тори можетъ привести прекрасныя доказательства, почему оно не должно было бы этого дѣлать; но фактъ остается фактомъ: оно это дѣлаетъ, не считаясь съ тѣмъ должно оно это дѣлать или не должно.

И фактически это разрѣшаетъ спорный вопросъ между демократическимъ большинствомъ и меньшинствомъ. Гдѣ ихъ интересы сталкиваются, тамъ должна уступать болѣе слабая партія, такъ какъ, разъ вытекающее изъ этого зло не болѣе того зла, которое могло бы произойти, если бы уступили болѣе сильныя, то большинству въ ихъ от-

ношеніи къ менѣе слабымъ не препятствуютъ никакія соображенія. И даже это зло является гораздо болѣе ничтожнымъ, если расчетъ производить по общепринятому способу, согласно которому то, что претерпѣваютъ сто человѣкъ въ сто разъ болѣе того, что претерпѣваетъ одинъ человѣкъ. Конечно, это абсурдъ. Сто голодающихъ людей не въ сто разъ болѣе голодны, чѣмъ одинъ голодающій человѣкъ, совершенно тамъ же, какъ сто человѣкъ ростомъ въ пять футовъ восемь дюймовъ не имѣютъ роста въ 566 футовъ и 8 дюймовъ. Но какъ политическая сила они сильнѣе въ сто разъ.

Въ дѣйствительности въ этомъ не заключается ни абсолютной силы большинства, ни «непогрѣшимости отдѣльной личности», Бываютъ случаи, когда обстоятельства, предпочитаемая меньшинствомъ нисколько не мѣшаютъ обстоятельствамъ предпочитаемымъ большинствомъ. Бываютъ такія обстоятельства, когда легче переносить обструкцію, чѣмъ тратиться на подавленіе ея. Такъ какъ что нибудь да стоитъ подавить хотя бы меньшинство, состоящее только изъ одного человѣка. Самымъ обыкновеннымъ примѣромъ такого меньшинства является сумасшедшій съ его безумными представленіями; и все-таки, несмотря на власть большинства, можно безпрепятственно имѣть дюжины такихъ безумныхъ иллю-

зій и быть вообще чрезвычайно эгоистичнымъ и тягостнымъ идіотомъ; такъ какъ пока ты не дошелъ до того, что тебя выгоднѣе запереть, чѣмъ представить самому себѣ, большинство не станетъ трудиться, предпринимать что нибудь противъ тебя. Такимъ образомъ меньшинству при всякой системѣ гарантированъ извѣстный минимумъ личной свободы.

Во всякомъ случаѣ меньшинство соотвѣтственно тому, какъ оно возрастаетъ—иногда вслѣдствіе того, что оно лишается при этомъ защиты незначительности — теряетъ болѣе во льготахъ, чѣмъ выигрываетъ въ числѣ; такъ что, по всей вѣроятности, наиболѣе слабымъ является не наиболѣе незначительное меньшинство, а скорѣе такое меньшинство, которое все-таки велико, чтобы игнорировать его и слишкомъ слабо, чтобы его бояться; но до и послѣ этого опаснаго пункта меньшинство представляетъ собой значительную силу. Если люди думаютъ, что значеніе меньшинства равняется нулю, такъ большинство, при попыткѣ рѣшить, кто изъ нихъ сильнѣйшій, побѣждаетъ меньшинство, то они упускаютъ изъ вида тотъ вредъ, который меньшинство наноситъ побѣдителямъ во время борьбы. Обыкновенно безоружный человѣкъ съ опредѣленнымъ вѣсомъ тѣла можетъ побѣдить человѣка, который вѣситъ меньше, но очень рѣдко

бываютъ такіе крайніе случаи, когда стоитъ это дѣлать, такъ какъ побѣдитель, если болѣе слабый оказываетъ наибольшее сопротивление (что всегда возможно), *послѣ* борьбы находится въ гораздо болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ *до* борьбы. Въ 1861 году происходила борьба между сѣверными и южными штатами Америки; сѣверъ побѣдилъ, но долженъ былъ такъ дорого оплатить свою побѣду, что значеніе южныхъ штатовъ съ тѣхъ поръ ни въ коемъ случаѣ не свелось къ нулю; побѣдившее большинство съ тѣхъ поръ постоянно чувствуетъ, что гораздо лучше во всѣхъ, кромѣ наиболѣе важныхъ вопросовъ, уступить, чѣмъ еще разъ вызвать подобную войну. Но не часто случается, что окончательное разрѣшеніе вопроса возникаетъ между большинствомъ и меньшинствомъ цѣлой націи. Въ большинствѣ случаевъ только часть націи бываетъ заинтересована въ томъ или другомъ направленіи; и тотъ же самый чловѣкъ, который относительно одного вопроса принадлежитъ большинству, въ другомъ же вопросѣ присоединяется къ мнѣнію меньшинства и такимъ образомъ по личному опыту узнаетъ, что меньшинство имѣетъ права, съ которыми слѣдуетъ считаться. Меньшинство, какъ, напримѣръ, въ случаѣ ирландской партіи въ англійскомъ парламентѣ, поддерживааетъ равновѣсіе ме-

жду большинствомъ, признающимъ ея права и большинствомъ, отрицающимъ ихъ. Далѣе путемъ децентрализаціи можетъ быть сдѣлано многое для того, чтобы ограничить власть большинства націи тѣми вопросами, относительно которыхъ не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній.

Коротко говоря, демократія не даетъ большинству ни абсолютной власти, ни возможности сводить меньшинство къ нулю. Такая ограниченная власть принуждать меньшинство въ такой же незначительной степени предоставляется большинству демократіей, въ какой она можетъ быть отнята у него анархизмомъ. Два человѣка сильнѣе одного: и это все. Существуютъ только два способа сдѣлать этотъ естественный фактъ недѣйствительнымъ. Одинъ способъ заключается въ томъ, чтобы убѣдить людей въ безчестіи злоупотребленія властью большинства и до такой степени облагородить ихъ, чтобы они по этой причинѣ сами отказались отъ подобнаго злоупотребленія. Второй способъ заключается въ осуществленіи мечты Литтона, въ изобрѣтеніи такого средства, при помощи котораго каждый индивидуумъ будетъ въ состояніи уничтожать другихъ людей молніей своего собственнаго электричества, такъ что большинство будетъ имѣть столько же основанія бояться индивидуума, сколько этотъ послѣдній имѣ-

еть основанія бояться большинства. Ни одного изъ этихъ способовъ нельзя найти въ индивидуалистическомъ или коммунистическомъ анархизмѣ; слѣдовательно, эти системы, что касается зла деспотизма большинства, не лучше социалдемократической программы съ правомъ голоса совершеннолѣтнихъ, съ системой народныхъ представителей и т. п. средствами, безъ сомнѣнія довольно неудовлетворительными, но все же дающими возможность превратить государство въ представителя націи, сдѣлать государственное управленіе достойнымъ довѣрія и обезпечить каждому индивидууму и слѣдовательно меньшинству, по возможности, наибольшую власть. Что лучшее можемъ мы имѣть до тѣхъ поръ, пока неизбежна общая дѣятельность? Въ дѣйствительности слово анархизмъ въ устахъ истинныхъ анархистовъ означаетъ просто на просто наивысшее достижимое совершенство демократіи. Крапоткинъ, напримѣръ, говоритъ о свободномъ развитіи простаго въ сложное при посредствѣ «свободнаго соединенія свободныхъ группъ»; и его иллюстрирующими примѣрами являются «учебныя и торговые союзы, союзы для развлеченій и отдыха», которыя образовались для удовлетворенія многочисленныхъ требованій современнаго индивидуума. Но каждый изъ этихъ союзовъ управляется магистратомъ, выбираемымъ

ежегодно большинствомъ избирателей; такимъ образомъ Крапоткинъ совершенно не боится демократическаго механизма и большинства, Туккеръ говоритъ о «свободномъ союзѣ», но не даетъ никакихъ иллюстрирующихъ примѣровъ и фактически признаетъ, что «анархисты просто на просто безстрашные Джефферсоновскіе демократы». Правда онъ говоритъ, «что если индивидуумъ имѣетъ право, управлять самимъ собой, то всякое внѣшнее управленіе является деспотизмомъ», но «если управлять самимъ собой» означаетъ: дѣлать то, что нравится, не считаясь съ интересами сосѣдей, то индивидуумъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ такого права. А если онъ не имѣетъ такого права, то вмѣшательство его сосѣдей въ его социальное поведеніе, не смотря на то что эти сосѣди представляютъ собой «внѣшнее управленіе», не является деспотизмомъ; и если бы оно даже и было таковымъ, то все-таки изъ за этого они не отказались бы отъ подобнаго вмѣшательства. Если же, съ другой стороны, «управлять самимъ собой» означаетъ, заставлятъ себѣ дѣйствовать, обращая должное вниманіе на интересы своихъ сосѣдей, то тогда это является такимъ правомъ, которое индивидуумъ не въ состояніи провести безъ вмѣшательства внѣшняго управленія, такъ какъ въ такомъ случаѣ и сосѣди должны имѣть право го-

лоса. Такъ или иначе слова не имѣютъ значенія, такъ какъ каламбуромъ можно показать, что любовь къ ближнему является въ дѣйствительности внѣшнимъ управленіемъ, или же что демократическій государственный авторитетъ является въ дѣйствительности самоуправленіемъ.

Употребляемое Туккеромъ слово «свободный» въ его примѣненіе къ союзамъ для цѣлей защиты и управленія, не является словомъ, указывающимъ на то, что въ такихъ вещахъ существуетъ очень большой выборъ. Такой союзъ въ дѣйствительности является *принудительнымъ*; такъ какъ если пренебречь имъ, то дѣла будутъ не выполнены, а государство останется беззащитнымъ. Природа очень скоро справляется съ нашимъ стремленіемъ къ полной безнаказанности. Ни въ коемъ случаѣ не предоставляетъ она государствомъ права «свободнаго» выбора, хотятъ ли они работать и управляться. Это необходимо, такъ какъ иначе наступитъ голодная смерть и хаосъ! Законы природы строго установлены; наказанія ея неизбежны и расплата ея опредѣленна; «расплата результатами». Все что можетъ сдѣлать индивидуумъ это свалить свою работу на другого или украсть у другого что-нибудь изъ его «естественнаго вознагражденія» и присоединить къ своему. Если индивидуумы настолько глупы, чтобы терпѣть

это, то съ точки зрѣнія природы, это ихъ личное дѣло. Цѣль социалдемократіи заключается въ томъ, чтобы ввести правильное распредѣленіе въ неизбѣжную работу, накладываемую вѣчной тираніей природы, и такимъ образомъ обезпечить индивидууму приходящуюся на его долю часть общественнаго продукта, какъ вознагражденіе за часть совершенной имъ общественной работы. Это наилучшее соглашеніе, въ которое можетъ вступить человѣчество со своей мучительницей. Въ восемнадцатомъ столѣтіи философамъ и Адаму Смиту было легко смотрѣть на этотъ законъ природы, какъ на «естественную свободу» въ противоположность къ презираемому и глупому деспотизму кастъ, духовенства и королей, къ отвратительному «господству человѣка надъ человѣкомъ». Но мы—видя опрометчивость Адама Смита въ его довѣріи къ частной собственности и признавая рецептомъ для естественной свободы принципъ «laissez faire» начинаемъ понимать, что есть политическая свобода, но нѣтъ никакой естественной свободы, а существуетъ только немилосердно навязанный естественный законъ. И мы качаемъ головой, когда читаемъ въ заглавіи газеты Туккера слово «свобода» совершенно такъ же, какъ мы смѣемся, когда читаемъ о «Грядущемъ рабствѣ» въ сочиненіи

Герберта Спенсера «Человѣкъ и государство».

Теперь мы можемъ подвести итоги нашихъ разсужденій. Мы видѣли, что частное присвоеніе земли въ какой бы формѣ оно не производилось, — будетъ ли оно распространяться на трудовыя собственности, согласно положеніямъ индивидуалистическаго анархизма -- является несправедливымъ распределеніемъ значительнаго фонда социальнаго благосостоянія, на который отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на продуктъ труда какого-нибудь опредѣленнаго индивидуума или опредѣленнаго класса индивидуумовъ. Мы уже видѣли, что коммунистическій анархизмъ, несмотря на то, что онъ отчасти — и только отчасти — обходитъ тягость налоговъ, не можетъ быть проведенъ при разившейся при существующемъ несоціализмѣ морали. Мы видѣли, что представительство личной власти выражается въ выборахъ, въ созданіи уполномоченныхъ общественныхъ союзовъ, въ верховной власти большинства въ послѣдней инстанціи и или въ прямомъ и официальномъ, или же въ косвенномъ и безсознательномъ установленіи и даже поддержкѣ обычныхъ формъ въ религіи, бракѣ, медицинѣ, воспитаніи, пищѣ, одеждѣ, уголовномъ законѣ; все это можетъ быть хорошо или дурно, но оно заложено въ существѣ самого общества и всему этому

необходимо подчиняться, пользуясь защитой отъ злоупотребленій, какую даютъ намъ демократическія учрежденія. Если демократія окажется не на высотѣ своего призванія, то не найдется никакихъ средствъ противъ нетерпимости, кромѣ какъ распространенія болѣе здравыхъ понятій. Ни одинъ изъ предложенныхъ до сихъ поръ видовъ анархизма не создаетъ никакого выхода. Нетерпимость, какъ плохая погода зимой, производитъ много бѣдствій. Но такъ же, какъ мы должны переносить зиму, принимая всевозможныя мѣры въ видѣ теплой одежды, зонтовъ, печей, такъ же должны мы мириться съ государствомъ разъ мы сдѣлали все отъ насъ зависящее относительно демократизаціи.

Изложивъ такимъ образомъ несообразности анархизма, я раскинулъ сѣтъ, которая достаточно широка для того, чтобы уловить и покончить со всѣми общераспространенными заблужденіями. Такъ какъ я вмѣстѣ съ тѣмъ изложилъ и несообразность обычнаго консерватизма и либерализма. Эти послѣдніе также не умѣютъ оцѣнивать феномена хозяйственной прибыли и предполагаютъ, что прилежные и воздержанные люди будутъ преуспѣвать, а праздные и нерадивые должны будутъ умереть съ голода, если только полиція будетъ принуждать къ исполненію договоровъ на основѣ частной соб-

ственности и если будетъ поддерживаться миръ. Это заблужденіе, въ концѣ концовъ, погубить всякую цивилизацію независимо отъ того, будутъ ли существовать анархисты или нѣтъ.

АНАРХИЧЕСКІЙ ДУХЪ.

Мнѣ кажется, что я не долженъ закончить моей темы, не сказавъ нѣсколькихъ словъ о цѣнности того, что я, называю анархическимъ духомъ и что является элементомъ прогресса. Я не желаю этимъ обезоружить анархическаго оратора, дѣлая ему комплименты. Напротивъ, когда мнѣ приходится имѣть дѣло съ господами, которые ополчаются противъ національныхъ и коммунальныхъ проектовъ и требуютъ упраздненія парламентовъ и общиннаго управленія; которые требуютъ уничтоженія арендъ, налоговъ, цивильныхъ листовъ и требуютъ общаго выступленія при каждомъ случаѣ,—я всегда прошу ихъ смотрѣть на меня, какъ на своего противника, который считаетъ такое ученіе, какъ бы искренно оно ни было, въ лучшемъ случаѣ поощреніемъ рабочихъ, оставить то, что выполнимо человѣческими силами подъ предлогомъ ожиданія невозможнаго, а въ худшемъ случаѣ средствомъ для того, чтобы снабжать матеріаломъ реакціонныя газеты Англій и полицейскихъ агентовъ о грозящихъ какъ—утверждаютъ—со стороны социализма опасностяхъ и безумствахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ замѣ-

тять что я не защищаю государства въ томъ видѣ, въ какомъ оно извѣстно намъ. Настоятельное стремленіе Бакунина уничтожить всѣ государства и государственныя церкви съ ихъ религіозными, политическими, правовыми, финансовыми, школьными, государственно-экономическими и соціальными законами и учрежденіями, кажется мнѣ вполне справедливымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія обыкновеннаго «образованнаго чело-вѣка», который думаетъ, что учрежденія создаютъ людей, а не люди учрежденія. Я вполне допускаю и особенно отмѣчаю то обстоятельство, что государство въ настоящее время является мощной машиной, назначеніе которой заключается въ томъ, чтобы съ грубой силой обирать и грабить нищихъ. Человѣкъ пустой и живущій по разъ заведенному порядку можетъ думать, что полицейскій, стоящій на углу улицы является охранителемъ закона и порядка; что тюрьмы съ ихъ орудіями пытки; одиночнымъ заключеніемъ и висѣлицей являются мѣстомъ, гдѣ преступниковъ заставляютъ впредь не дѣлать ничего дурного и гдѣ ихъ учатъ хорошему. Но главная дѣятельность полицейскаго заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы не ложились спать, не заплативъ какому—нибудь тунеядцу подати, чтобы не ѣли хлѣба, не уплативъ за него какомунибудь лѣнтяю; чтобы не оказывали сопро-

тивленія какому нибудь нарушителю забастовки, который въ пользу праздныхъ людей сводитъ вознагражденіе на минимумъ, соглашаясь совершать работу другихъ за ничтожное вознагражденіе. Попробуйте сдѣлать что либо подобное и васъ схватятъ и будутъ мучить какъ бродягу, вора и крамольника во имя закона и порядка, честности, соціального равновѣсія, безопасности собственности и личности, общественнаго государственнаго долга, во имя христіанства, морали и всѣхъ другихъ возможныхъ добродѣтелей.

Нашъ солдатъ, который кажется героемъ и защитникомъ своей родины, въ дѣствительности несчастный человѣкъ, котораго нужда заставляетъ предлагать себя, какъ пушечное мясо, чтобы замѣнъ этого получать продовольствіе, пристанище и одѣжду; изъ страха быть посаженнымъ въ тюрьму, быть наказаннымъ, какъ непослушный ребенокъ, быть приговореннымъ стоять на часахъ въ полной амуниціи, быть избитымъ или разстрѣленнымъ, онъ долженъ всегда во имя «дисциплины» дѣлать все, что ему приказываютъ, начиная съ дежурства въ залѣ опернаго театра исключительно для декоративныхъ цѣлей, вплоть до избіенія своего же товарища и до убійства. И его главная дѣятельность заключается въ томъ,

чтобы помогать полицейскому, когда тотъ не можетъ справиться одинъ.

Члены парламента, единственными достоинствами которыхъ, дающими имъ право быть выбранными въ парламентъ, являются тысяча свободныхъ фунтовъ стерлинговъ, «независимый доходъ» и заурядныя, честолюбивыя наклонности; священники цитирующие священное писаніе для цѣлей помѣщиковъ; юристы, продающіе свои труды тому, кто дастъ больше и защищающіе на судѣ преимущества богатыхъ классовъ; профессора университетовъ, старательно занимающіеся тѣмъ, что принадлежитъ къ образованію джентельмена; художники, стремящіеся къ тому, чтобы угождать фантазіи аристократовъ или плутократовъ или льстить ихъ тщеславію; рабочіе, работающіе такъ медленно и плохо, какъ они только смѣютъ, чтобы извлечь при этомъ все, что только возможно; фабриканты которые эксплуатируютъ своихъ людей и наваливаютъ на нихъ слишкомъ много работы и которые поддѣлываютъ товары поскольку это безопасно: все это тотъ дѣйствительный живой матеріалъ тѣхъ импонирующихъ абстрактныхъ понятій, которыя намъ извѣстны, какъ государство, церковь, законодательство, конституція, образованіе, искусства и промышленность.

Всякое учережденіе, касается ли оно ре-

лиги, политики, финансовой или судебной части, искажено, какъ видѣлъ Бакунинъ, тѣмъ фактомъ, что люди въ этихъ учрежденіяхъ или сами принадлежатъ къ владѣтельнымъ классамъ, или же продаются имъ, чтобы имѣть возможность жить. Вся покупательная сила, необходимая для того, чтобы купить человѣческую душу послѣ того какъ удовлетворено его тѣло, сосредоточена въ рукахъ богатыхъ; и всюду, начиная съ парламента, владѣющаго непреодолимо принудительной силой дубины, штыка, машиннаго ружья, динамитной гранаты, тюремъ и эшафота, и до самаго маленькаго кружка паршиво-утонченнаго общества включительно. Конечно, они употребляютъ свою власть на то, чтобы красть все больше больше денегъ, чтобы имѣть постоянно возможность платить музыкантамъ; и такимъ образомъ всякое общество становится однимъ огромнымъ заговоромъ и лицемѣриемъ. Обыкновенный человѣкъ не чувствуетъ этого обмана такъ же какъ онъ не ощущаетъ вкуса воды, которая вообще кажется ему безвкусной, потому что она постоянно приходитъ въ соприкосновеніе съ его слизистой оболочкой. Низкія моральныя условія, на которыхъ основанъ нашъ социальный строй, по необходимости постоянно соприкасаются съ нашей моральной слизистой оболочкой и такимъ образомъ мы теря-

емъ ощущеніе вездѣсущей пошлости и безчестія. Но нечувствительность всетаки не полная; такъ какъ въ жизни бываетъ промежутокъ времени, который я называю періодомъ разочарованія: это тотъ возрастъ, когда человѣкъ открываетъ, что его благородныя и честныя побужденія несоединимы съ практическими послѣдствіями; что тѣ учрежденія, которыя онъ уважалъ являются сплошнымъ обманомъ; и когда онъ видитъ, что ему необходимо присоединиться къ заговору, несмотря на то, что онъ чувствуетъ, что заговоръ губителенъ какъ для него, такъ и для другихъ заговорщиковъ.

Тайна такихъ писателей какъ Рёскинъ, Моррисъ и Крапоткинъ заключается въ томъ, что они насквозь видятъ весь обманъ; несмотря на его обычность и несмотря на тѣ иллюзіи, которыя онъ вызываетъ благодаря своей мірской власти, своимъ богатствомъ, своему блеску, своему виду, своимъ неустаннымъ благочестіемъ и высокоморальными претензіями. Но Крапоткинъ, какъ я уже показалъ, является адвокатомъ свободной демократіи; и я осмѣливаюсь утверждать, что онъ выдаетъ себя за анархиста съ точки зрѣнія русскаго, который боится деспотизма, по сравненію съ которымъ демократія, повидимому, вообще не является правительствомъ, но не за анархиста съ точки зрѣнія

американца или англичанина, который достаточно свободенъ для того, чтобы уже ворчать на демократію, какъ на «деспотизмъ большинства» и какъ на «грядущее рабство». Я смѣло утверждаю это, такъ какъ возрѣнія Вилльяма Морриса во многихъ отношеніяхъ согласуются съ возрѣніями Крапоткина; но Моррисъ, послѣ терпѣливаго и основательнаго наблюденія анархизма коммунистовъ, выразившагося въ болѣе спокойной пропагандѣ въ Англіи, рѣшительно отказался отъ подобныхъ возрѣній и въ своемъ очеркѣ коммунистическаго собранія графства въ «News from Nowhere» онъ показалъ, какъ живо ощущаетъ онъ невозможность всякаго развитія независимаго элемента, котораго было бы достаточно для того, чтобы дать возможность отдѣльнымъ личностямъ или меньшинству взять на себя общественную дѣятельность, не добиваясь предварительно согласія большинства.

Поэтому въ общемъ я не считаю чрезвычайную враждебность по отношенію къ существующимъ учрежденіямъ, которую проявляетъ коммунистическій анархизмъ, ни на іоту опаснѣе для социалдемократіи, чѣмъ то же самое чувство, которое внушаетъ спеціальнѣйшій торизмъ Рѣскина. Въ гораздо болѣе сильномъ противорѣчьи съ нами находится тотъ пережитокъ ревности ко власти управленія индивидуумомъ, которая была

главной побудительной причиной прогресса восемнадцатаго столѣтія. Только тѣ, которые забываютъ уроки исторіи въ тотъ моментъ, когда эти уроки исполнили свое дѣло, будутъ чувствовать кое что другое, кромѣ чувства успокоенія вслѣдствіе существованія въ насъ жизненной силы этой ревности. Но это соображеніе не устраняетъ тѣхъ экономическихъ возраженій, на которыя я указалъ относительно практической программы индивидуалистическаго анархизма. И даже не считаясь съ этими противорѣчіями, социалдемократъ принужденъ, благодаря горькому опыту, оставить бесполезныя обвиненія государства. Легко сказать: уничтожь государство; а государство продастъ твое имущество, запретъ тебя въ темницу, доведетъ тебя до банкротства, унизитъ тебя, застрѣлитъ, задушитъ, повѣситъ—коротко говоря, уничтожитъ тебя, если ты поднимешь на него руку. Къ счастью въ груди полисмена и солдата живетъ прекрасная безпартійность. Они получаютъ вознагражденіе и повинуются приказаніямъ, не спрашивая ни о чемъ. Солдатъ повинуется, если ему приказываютъ разрушить домъ всякаго крестьянина, который отказывается вырвать кусокъ хлѣба изъ рта своего ребенка для того, чтобы помѣщикъ сдѣлался еще богаче и могъ бы какъ праздный джентельменъ проживать въ Лондонѣ. Но если

бы солдату приказали помогать полиціи при сборѣ подоходнаго налога (только по двадцати шиллинговъ съ фунта) съ каждаго не зарабатываемаго дохода, то онъ дѣлалъ бы это съ той же добросовѣстностью и, можетъ быть, даже съ извѣстнымъ скрытымъ удовольствіемъ, которое въ первомъ случаѣ могло отсутствовать. Эти приказанія исходятъ отъ государства — причемъ въ Англии подразумѣвается «House of Commons». «House of Commons», состоящій изъ 660 человѣкъ знати и 10 рабочихъ, прикажетъ солдату отобрать у народа деньги для помѣщиковъ. Но «House of Commons», состоящій изъ 660 рабочихъ и 10 человѣкъ знати, по всей вѣроятности, если эти 660 человѣкъ не дураки, прикажетъ солдату отнять у помѣщиковъ деньги и выкупить землю для народа. Этимъ я заканчиваю мою тему въ полной увѣренности, что классы, несмотря на анархизмъ, будутъ продолжать пользоваться государствомъ *противъ народа* до тѣхъ поръ, пока народъ съ той же ловкостью и съ той же рѣшимостью не начнетъ имъ пользоваться противъ классовъ.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Оскаръ Уайльдъ	5
Генри Ирвингъ	13
Элленъ Терри	23
Сарра Бернаръ и Дузэ	35
Церковь и сцена	47
Художникъ и драматургъ	61
Въ погонѣ за удовольствіемъ	73
Прощальное слово рецензента	84
Промыселъ госпожи Уорренъ	89
Религія рояля	97
Ибсенъ въ Англіи	129
Какъ Шоу уничтожилъ господина Нордау	145
Импрессионизмъ	161
Вагнеріанизмъ	168
Ибсенизмъ	182
Почему законъ необходимъ	189
Книга Макса Нордау	206
Эхолалія	216
Ужасы Деншавая	247
Соціализмъ для милліонеровъ	277
Заботы милліонера	279

Въ настоящее время миллионеры менѣ чѣмъ когда либо въ состояніи тра- тить деньги на себя самихъ	283
Почему миллионеры не должны слиш- комъ много оставлять своимъ семьямъ	286
Паразиты.	288
Достоинство труда	291
Почему подавать милостыню означаетъ бросать деньги на вѣтеръ.	294
Почтенные бѣдняки	296
Не жертвуйте ничего на больницы . .	302
Необходимо быть осторожнымъ при субсидированіи воспитательныхъ учре- жденій.	304
Субсидированіе благотворительныхъ об- ществъ.	307
Катящійся снѣжный комъ	313
Создавайте новыя потребности, старыя сумѣютъ сами о себѣ позаботиться. .	319
Совѣстныя деньги и денежныя штрафы	322
Иллюзіи социализма	324
Несообразности анархизма	378
Индивидуалистическій анархизмъ. . .	382
Коммунистическій анархизмъ.	402
Анархическій духъ.	443
Личная свобода.	420
Демократія.	423

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„Современныя Проблемы“.

Москва, Садовники, д. 16. Телеф. 177-14.

I. ОТДѢЛЪ НАУЧНЫЙ и НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. Цѣна 1 р.

Поразительные выводы автора открываютъ новые, въ настоящее время почти необозримые горизонты.

Mäz, № 14, 1909 (Dr. Bergmann).

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Ц. 1 р.

Проф. Максъ Ферворнъ. Общая фізіологія. Переводъ, разрѣшенный авторомъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Москов. У-та Г. Кожевникова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.; т. II (печат.).

Внимательно прочитавшій „Общую фізіологію“ читатель обогатитъ себя громаднымъ запасомъ фактическихъ знаній, которыя будутъ восприняты постепенно, безъ особаго труда, несмотря на то, что многіе затронутые вопросы весьма сложны. (Изъ предисл. проф. Г. А. Кожевникова).

Проф. Максъ Ферворнъ. Речи и статьи. Съ предисловіемъ проф. Моск. Университета Г. А. Кожевникова. Ц. 2 руб.

Статьи Ферворна всѣми прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою. Переведена и издана книга хорошо.

(Н.С-овъ Р. Вѣдомости).

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе. — Проблема жизни (Двѣ лекціи). Ц. 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Ц. 30 к.

Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія. (Р. Вѣд. 1909 г. №

Проф. Франц фонъ-Винкель. Общая гинекологія. Перев., разрѣш. автор. Съ предисловіемъ проф. Моск. У-та Н. И. Побѣдинскаго (печат.).

Д-ръ І. фонъ-Гейтлеръ. Проф. физики Пражскаго У-та. Электромагнитныя колебанія и волны. Перев., разрѣш. авторомъ, подъ редакц. и съ предисл. лаборанта Имп. Техн. Учил. Б. С. Швецова (печат.).

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія энергіи. Цѣна 30 к.

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозаннскаго У-та. Карманная рецептура и фармакопоя. Пособіе при прописываніи лекарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Переводъ съ 41-го дополненаго и исправленнаго нѣмецкаго изданія подъ редакціей магистра фармаціи И. И. Кальнинга съ предисловіемъ проф. Имп. Моск. У-та Н. Э. Голубова. 2 изд. Цѣна 1 руб.

Проф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервн. страданія дѣтей. Ц. 30 к.

Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей. (Д-ръ Капланъ).

Марія Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изд. Ц. 30 к.

Брошюра Маріи Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу. (Утро Россіи).

Элленъ Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 коп.

Небольшую работу Элленъ Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Переводъ слѣланъ хоросимъ, вполнѣ литературнымъ языкомъ.

(Рѣчь, 13 окт. 1908 г.).

Проф. Паоло Мантегацца. Современныя женщины. 2-е изд. Цѣна 1 руб.

І. П. Мюллеръ. Новѣйшая гигиена (распрод.).

Августъ Стриндбергъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

При ближ. уч. М. и Е. Благовѣщенскихъ, Зин. Венгеровой. Ю. А. Веселовскаго и В. М. Фриче.

Густавъ афъ-Гейерстамъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

При ближайшемъ участіи М. и Е. Благовѣщенскихъ и Ю. А. Веселовскаго.

Бьернстьерне-Бьернсонъ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

При ближайшемъ участіи М. и Е. Благовѣщенскихъ Ю. А. Веселовскаго и А. и П. Ганзень.

Бернаръ-Шоу.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Генрихъ Маннъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

При ближ. участіи Виктора Гофмана и В. М. Фриче.

Томасъ Маннъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Шоломъ Алейхемъ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Авторизованный переводъ.

Жоржъ Экоутъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Авторизованный переводъ.

Марія Конопницкая.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Авторизованный переводъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Авторизованный переводъ.

Германъ Бангъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томасъ Гарди.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Бласко Ибаньесъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

При ближайшемъ участіи З. Венгеровой, М. Ватсонъ, В. М. Шулятикова и др.